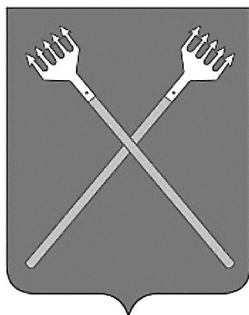

Чухломской ФОЛЬКЛОР

Изображение «града Чухломы» на старинной иконе

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ЧУХЛОМЁКОЙ ФОЛЬКЛОР

ТОМ 1

Фольклорно-этнографические
материалы

МОСКВА
2012

ББК 82. 3ф (12)
УДК 396+97 (82. 3ф)
Ч 97

*Печатается по решению Редакционно-экспертного совета
Государственного республиканского центра русского фольклора*

Автор проекта **А. С. Каргин**

Редколлегия:

**М. Д. Алексеевский, М. В. Ахметова, В. Е. Добровольская, Е. А. Зайцева,
А. Б. Ипполитова, Н. Е. Котельникова, В. В. Новожилов, И. Е. Посоха**

Составители:

**С. В. Алпатов, О. Е. Антонова, Е. В. Борисов, Ю. А. Давыдова, В. А. Ковпик,
А. В. Кулагина, А. П. Лаврентьева, Л. В. Фадеева, М. А. Чихачёва**

Под редакцией **А. В. Кулагиной**, **В. А. Ковпика**

**Чухломской фольклор: в 2 т. Т. 1. Фольклорно-этнографические мате-
риалы / под ред. А. В. Кулагиной, В. А. Ковпика. — М.: Государствен-
ный республиканский центр русского фольклора, 2012. — 440 с.
ISBN 978-5-86132-106-8**

В первый том издания вошли большей частью не публиковавшиеся ранее аутентичные тексты различных жанров устно-поэтического фольклора Чухломского района Костромской области; представлены описания традиционных обрядов и обрядовая поэзия; заговоры, обереги, молитвы; традиционные песни; городские песни и романсы; частушки и др.

Издание адресовано специалистам в области традиционной культуры и фольклора, а также широкому кругу читателей.

**ББК 82. 3ф (12)
УДК 396+97 (82. 3ф)
Ч 97**

ISBN 978-5-86132-106-8

© Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012

Содержание

А. С. Каргин. От автора проекта (7)

А. В. Кулагина, В. А. Ковпик. Фольклорные богатства Чухломского края (11)

В. А. Ковпик. Краткое описание чухломских говоров (17)

Раздел I

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

Составление **Ю. А. Давыдовой, Л. В. Фадеевой**, статья **Л. В. Фадеевой** (23)

Календарные обряды (34)

Семейные обряды (79)

Сведения о родинном и крестильном обрядах (79)

Чухломская свадьба (80)

Похоронный обряд (159)

Раздел II

ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, МОЛИТВЫ И МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Составление **Ю. А. Давыдовой, Л. В. Фадеевой**, статья **Л. В. Фадеевой** (165)

Тексты (167)

Раздел III

ТРАДИЦИОННЫЕ ПЕСНИ

Составление и статья **А. В. Кулагиной, А. П. Лаврентьевой** (175)

Баллады и духовные стихи (179)

Хороводные, игровые, плясовые и шуточные песни (183)

Лирические протяжные песни (212)

Раздел IV

ГОРОДСКИЕ ПЕСНИ, НОВЫЕ БАЛЛАДЫ, РОМАНСЫ

Составление и статья **А. В. Кулагиной, М. А. Чихачёвой** (223)

Тексты (226)

Раздел V

ЧАСТУШКИ

Составление и преамбула **В. А. Ковпика** (285)

Тексты (287)

Раздел VI ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Составление и преамбула **В. А. Ковпика** (359)
Тексты (360)

Раздел VII НАРОДНАЯ ПРОЗА

Составление и преамбула **С. В. Алпатова, О. Е. Антоновой** (371)
Тексты (373)

Раздел VIII ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Составление и преамбула **Е. В. Борисова** (391)
Колыбельные песни (394)
Песенка из сказки (400)
Пестушки и потешки (400)
Загадки (401)
Дразнилки (402)
Молчанка (404)
Считалки (404)
Игры спортивные (408)
Игры беседочные (411)

Словарь диалектных слов (420)

Алфавитный указатель песен, причитаний и приговоров (422)

Указатель мест записи и исполнителей (429)

*Светлой памяти Аллы Васильевны Кулагиной,
неутомимого собирателя и выдающегося исследователя
русского фольклора, вдохновенного учителя и наставника,
организатора экспедиций в Чухломской край,
давших материалы для этой книги*

От автора проекта

Государственный республиканский центр русского фольклора представляет очередное издание проекта региональных публикаций по русской традиционной культуре и фольклору, посвященное Чухломскому району Костромской области.

В сборник вошли большей частью не публиковавшиеся ранее тексты разных жанров устно-поэтического, музыкального, танцевального, инструментального фольклора. Записи были сделаны в последние десятилетия XX — начале XXI в. в деревнях и селах района участниками экспедиций кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (под руководством А. В. Кулагиной), лаборатории народной музыки РАМ имени Гнесиных (под руководством Т. В. Кирюшиной), сотрудником отдела музыкального и хореографического фольклора Государственного республиканского центра русского фольклора А. И. Шилиным. Экспедиционные материалы хранятся в фольклорных архивах названных организаций.

Серьезную помощь в подготовке экспедиций Центра и сборе материала оказал А. А. Дружинин — заведующий отделением хорового и сольного народного пения Костромского музыкального колледжа, художественный руководитель фольклорного ансамбля «Венец» г. Костромы, известный в области деятель народного искусства, — который предоставил и собранные им материалы по музыкально-певческому фольклору района.

Кроме того, хотелось бы поблагодарить сотрудников отдела культуры, туризма, молодежи и спорта Администрации Чухломского района, оказавших помощь в подборе фотографий для оформления книги.

Об истории собирания костромского фольклора, экспедициях, проводившихся в разные годы и разным составом исследователей, принципах отбора и включения текстов в данное издание необходимо сказать особо, ибо в целом, проект, реализуемый в настоящее время в Костромской области, отличается от аналогичных проектов, осуществленных Центром, по своим организационным и научным принципам.

Парадокс ситуации заключается в том, что Костромская область, сохранившая до настоящего времени богатейшее этнофольклорное традиционное наследие, оставалась вне поля зрения ученых вплоть до середины XX в. Ее можно признать одной из самых малоизученных в России в историко-фольклорном аспекте. А. В. Кулагина, отмечая этот факт в своей вступительной статье к сборнику «Ветлужская сторона», перечисляет экспедиции, начиная с 1959 г., опубликованные по их итогам отдельные материалы (статьи, обзоры, тексты). Основной задачей всех экспедиций была «запись наиболее древнего, стремительно уходящего в наши дни традиционного пласта народного творчества»¹. Инфраструктурная составляющая фольклорной деятельности, фольклорного процесса в целом исследователями не затрагивалась.

История фольклористического обследования Костромского края началась довольно поздно. В 70-х г. XIX в. первые записи народных песен были сделаны в Галичском и Буйском уездах и опубликованы Ф. Лаговским. Более ранних све-

¹ Кулагина А. В. Неиссякаемые родники народной поэзии Поветлужья // Ветлужская сторона. Вып. 2: Фольклорный сборник [Шарьинского района Костромской области] / под ред. А. В. Кулагиной. Кострома, 1996. С. 5.

дений обнаружить не удалось. В начале XX в. большую работу по краеведению и этнографии проводило Костромское научное общество по изучению местного края. Общество было организовано в 1912 г. и просуществовало до 1930 г. В изданиях, осуществлявшихся научным обществом с 1914 по 1929 гг., периодически публиковались материалы по фольклору и местной традиционной культуре. В 1914 г. в первом выпуске «Трудов Костромского научного общества» была опубликована статья А. Андроникова «Народные сказки Костромской губ., записанные в 90-х гг. XIX в.». Исследованию традиционной культуры черемисов были посвящены публикации П. Зорина. Отдельные аспекты местного фольклора были освещены в статьях В. Смирнова, Н. Виноградова. Позже обследование происходило от случая к случаю и носило довольно разрозненный характер с точки зрения комплексного научного изучения материала.

Более интенсивно и целенаправленно экспедиционная работа стала проводиться, как уже отмечено, в последнюю четверть XX в. силами, в основном, сторонних исследователей — представителей научных учреждений и вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга. По результатам экспедиций был опубликован ряд историко-краеведческих, репертуарных сборников, методических разработок и статей по народному творчеству².

Отсутствие в области квалифицированного ядра специалистов по фольклору — филологов, историков, музыковедов, искусствоведов и т. д. — обусловило как крайнюю неравномерность в исследованиях, так и отсутствие систематизированных серьезных фондов фольклора в соответствующих учреждениях Костромской области³. В результате область больше интересовали исследователи из других регионов, поэтому костромские фольклорные материалы хранятся в архивах филологических факультетов университетов Москвы, Екатеринбурга, в Фонограммархиве музыкального фольклора Российской академии музыки им. Гнесиных, в рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинского Дома), в архиве Государственного республиканского центра русского фольклора. Это обстоятельство снимает многие сложности, связанные с доступом к материалам, и позволяет интенсифицировать дальнейшую работу по подготовке региональных изданий по Костромской области.

Издание по фольклору Чухломского района имеет свою предысторию. В начале 1990-х гг. в Костромском областном управлении культуры было решено подготовить и опубликовать ряд сборников в помощь руководителям художественной самодеятельности. Замысел был воплощен только частично из-за отсутствия материала и средств на издание необходимого количества, тем не менее определенная часть работы была проделана силами московских ученых и методистов районных отделов культуры⁴.

² Костромские песни и наигрыши. Записи, нотации, составление, паспортизация, предисловия Т. В. Кирюшиной. Вып. 1—2. Кострома, 2001; Танцевальная культура Костромского края. Ярославль, 1990; Т. В. Кирюшина, В. А. Ковник, А. В. Кулагина. Святочные игры, гадания и подблюдные песни Поветлужья // Живая старина. М., 1997. № 1. С. 42—44; Ветлужская сторона. Вып. 5: Традиционный фольклор Пыщугского района Костромской области / под ред. А. В. Кулагиной. Пыщуг, 2001 и др.

³ К сожалению, нет соответствующего фонда и в Областном центре народного творчества, который не проявил интереса к данному проекту.

⁴ Методистами районных отделов культуры в рамках фестиваля «Дорогами народных традиций», который ежегодно с 1994 г. проводится в области, готовятся интересные фольклорные материалы, дополнительные аудио-, а позже — и видеозаписи. В качестве поощрения лучшие отчеты в виде рефератов частично изданы в областном журнале «Костромская старина». Кроме того, вышли в свет небольшим тиражом репертуарные сборники разных районов, в том числе и по инструментальной традиции Чухломского района (Наигрыши, напевы и частушки Чухломского края / составление, запись и нотация 24 наигрышей А. К. Корнаухова. Кострома, 2010).

Как и на большей части территории России, местные традиции на Костромской земле локализуются по рекам — Волге и ее левым притокам (Костроме, Унже и Ветлуге). Чухломской район располагается в Поунжье (бассейне реки Унжи и ее притоков). Устно-поэтическое, хореографическое и музыкальное фольклорное наследие района довольно обширно и имеет единую жанровую систему и общие стилевые черты.

Как показывают записи пяти экспедиций, осуществленных в 2011 г. сотрудниками Центра и студентами Московского государственного университета (Шарьинский, Боговаровский, Павинский, Пыщугский, Октябрьский районы, г. Галич), а также материалы названных экспедиций 1980—1990-х гг. МГУ им. М. В. Ломоносова и РАМ им. Гнесиных, в Костромской области, вплоть до середины XX в., сохранялась богатая традиционная культура, оставались в активном обиходе такие фольклорные жанры, как традиционная и городская лирика, хороводные песни (разнообразные по хореографии, приуроченности и обыгрыванию), частушки, рекрутские и любовные страдания, заговоры, духовные стихи, песни календарных и свадебного обрядов, разные виды причитаний (похоронные, поминальные, рекрутские, сольные и групповые свадебные), а также оригинальные местные пляски, танцы и сопровождающие их инструментальные наигрыши. В бытовании каждого жанра раньше важную роль играла календарная и сезонная приуроченность.

Для календарного цикла костромских обрядов характерна устойчивость древней традиции обхода дворов: зимние святочные колядки, в конце марта (при печении птичек), крестов в середине Великого Поста, обход домов на Егория, на Фоминки, на престольные праздники. Обходы сопровождались пением закличек и песен. Костромской свадебный обряд отличается единой северной основой: это «причётная» северная свадьба (по определению Б. Б. Ефименковой — «свадьба-похороны»), но не без влияния среднерусской традиции (наличие свадебного деревца).

Богата и разнообразна инструментальная культура Костромского края. С детства овладевая незатейливыми инструментами и звуковыми орудиями, наиболее талантливые ее носители играли на них и в будни и в праздники.

Южная (поволжская) часть Костромской области — территория бытования некогда широко распространенного пастушьего рожка, широко известного под названием «владимирский»⁵. В северных районах (в том числе и в Чухломском) пастухи до сих пор используют барабанки, с которыми раньше не только пасли, но и плясали и пели частушки. Так как Чухломский район был в дореволюционное время «отходническим» (почти все мужское население уходило на сезонные заработки в города и соседние районы), здесь из музыкальных досуговых инструментов преобладала гармонь, которую, как правило, привозили из города.

В последние годы традиционные фольклорные жанры ушли из активного обихода. Многие забыты. Даже среди пожилого населения деревень района бытуют в основном поздние жанры (частушки, городские и советские массовые песни), анекдоты и т. п.

В представленном сборнике не нашли отражения ни этнокультурные традиции других народов, проживающих на территории района, ни ареал их распространения, ни деятельность национальных структур (школ, коллективов) по сохранению своего фольклора. Чухломской район идентифицируется в данном контексте как часть русской области, русской территории, обладающей своими этнокультурными, ис-

⁵ В городах Нерехта и Кострома в последнее время проводится фестиваль рожечной музыки, где принимают участие ансамбли рожечников из разных городов. Нерехтский район ранее относился к Ярославской области. В настоящее время часть его находится в Костроме, а другая часть в Ивановской области.

торико-этнографическими характеристиками, связанными, прежде всего, с освоением края и его последующим развитием.

Ограничение свода аутентичными текстами с их комментированием позволило нам отразить одну сторону фольклорного процесса — повседневное бытовое творчество. Не получила должного внимания разноплановая деятельность районных учреждений культуры по включению фольклора в современную художественно-исполнительскую и культурно-образовательную практику. Именно эта практика, при всей неоднозначности ее восприятия и объективно существующих противоречиях, в последние десятилетия составляет важную часть фольклорного процесса, обращена к массовому зрителю, слушателю, исполнителю, осознается обществом как фольклорная.

Блок аутентичных текстов свода, безусловно, по значению доминирующий — это первичные или исходные тексты разных жанров фольклора, зафиксированные собирателями от непосредственных исполнителей и носителей.

Издание состоит из двух томов. В первом представлены фольклорно-этнографические материалы под редакцией А. В. Кулагиной и В. А. Ковпика.

Второй том сборника включает музыкально-хореографические записи, подготовленные музыковедом-фольклористом Т. В. Кирюшиной, ведущим научным сотрудником отдела координации региональных научных программ ГРЦРФ, и хореологом-фольклористом А. И. Шилиным, ведущим научным сотрудником отдела музыкального и хореографического фольклора ГРЦРФ. В томе представлены чухломские традиционные песни и танцы, нотные расшифровки, схемы, рисунки, примечания и комментарии к ним.

Научный аппарат издания состоит из вступительных статей и примечаний к разделам, алфавитного указателя текстов, указателя исполнителей, а также побочных сносок с пояснениями и словаря. Отбор текстов, их сюжетно-тематическая систематизация, вступительные статьи и примечания выполнены составителями разделов, их имена указаны в оглавлении.

Хочется надеяться, что публикация данного издания сыграет свою положительную роль в возрождении интереса современников к своей корневой культуре, а потомки сохранят и приумножат культуру предков. В этой надежде нас укрепило знакомство со многими жителями Чухломы, подвижниками, долгие годы собиравшими и хранившими пословицы, частушки, песни, описания танцев и др., щедро и безвозмездно поделившимися с нами своими богатствами.

А. С. КАРГИН

А. В. КУЛАГИНА, В. А. КОВПИК

Фольклорные богатства Чухломского края¹

Предлагаемое читателю издание — совместный труд коллектива фольклористов: филологов, музыковедов и хореографов, в течение нескольких лет работавших в Чухломском районе Костромской области. Основная часть вошедших в него текстов собрана во время летней экспедиции 1993 г. и зимней экспедиции 1994 г., организованных кафедрой русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством доцента А. В. Кулагиной. Для публикации отобраны самые полные и наиболее ценные материалы, дающие представление о жанровом многообразии фольклора и художественном мастерстве жителей этого удивительного уголка России.

Даже беглое знакомство с содержанием сборника позволит читателю увидеть, что в нем отражена почти вся система жанров русского фольклора. Но это отнюдь не свидетельство их активного бытования (сейчас во время праздников и застолий можно услышать лишь частушки и некоторые из городских песен), а результат кропотливого труда собирателей и необыкновенной отзывчивости представителей самого старшего поколения сельских жителей — мудрых, великодушных, талантливых хранителей традиционной русской культуры, знания о которой они трепетно и бережно передают потомкам.

Публикуемый материал сгруппирован в восьми разделах. Первый, самый большой по объему, посвящен обрядам и обрядовой поэзии. Так как почти все традиционные обряды: календарные, связанные с трудовым годом земледельца, и семейные, сопровождающие основные этапы жизни человека (рождение, создание семьи и смерть), — уже разрушились или исчезли, мы даем сведения или описания по воспоминаниям свидетелей или участников их проведения в далеком или не столь далеком прошлом. Память каждого человека избирательна, она хранит наиболее сильные и яркие именно для него переживания и впечатления и, собранные вместе, они создают многоголосый хор, где звуки причудливо переплетаются, иногда мощно сливаясь, иногда дополняя друг друга, а подчас (когда память дает сбой) и фальшивя.

Для одних исследователей фольклора бесспорными будут те эпизоды, которые подкреплены многими свидетельствами, для других бесценным будет единственное, но важное упоминание о факте, подтверждающем ту или иную гипотезу, для третьих — отсутствие информации о каком-то элементе обряда и т. д. Художественным руководителям хоровых коллективов при подготовке постановки «Свадьбы» или «Святок» на сцене, а может, для организации современной свадьбы или весеннего праздника также помогут разносторонние сведения о местных традициях, уходящих корнями в глубь веков. Процессы сохранения, с одной стороны, а с другой — разрушения и забвения обрядов и обрядовой поэзии различаются в своих деталях в разных регионах. Особенностью чухломского календарного цикла является полное отсутствие подблюдных песен и вместе с тем хорошая сохранность

¹ Первоначальный вариант статьи был написан А. В. Кулагиной в 1995 г., но планировавшееся издание сборника в Костроме в 1990-е гг. не состоялось; весной 2009 г., когда вновь возникла перспектива публикации, статья была доработана авторами.

других разнообразных святочных гаданий, а также егорьевских, вьюнишних и средокрестных песен, с которыми читатель сможет познакомиться в соответствующих разделах нашего сборника.

В семейном цикле наиболее разрушенными оказались родильные и похоронные обряды (информанты иногда сомневались и спорили, как выносят гроб с покойником: ногами или головой вперед...). Всё, что связано с рекрутчиной, было зафиксировано нами лишь в поздних песнях литературного типа или частушках (рекрутских причитаний или описаний старого обряда проводов в солдаты найти не удалось). Активно живут некоторые старые элементы в современной свадьбе. В районе есть знаменитые дружки (например, Владимир Николаевич Дружинин — в Серапихе, Николай Викторович Николаев² — в Чухломе), которые провели не один десяток великолепных, надолго запоминающихся свадеб, опираясь на опыт своих родителей и местные традиции (мать Н. В. Николаева, Мария Павловна Куликова (девичья фамилия), в течение многих лет приглашалась на свадьбы на роль поварушки).

Николай Викторович Николаев до 1994 г. работал главным инженером на мясокомбинате, позже занял высокий пост в администрации Чухломского района. Люди говорили, что он самый хороший дружка: «если он согласится — свадьба удачная». Первую свадьбу он провел в декабре 1978 г., с тех пор за его плечами более ста свадеб. По его словам, от многих приглашений он отказывается, в основном за неимением времени, особенно в летнюю пору, а также по причине малого знакомства с приглашающими его людьми.

Хотя Владимир Николаевич Дружинин провел множество свадеб, каждая свадьба под его руководством неповторима. Он великолепно рисует, шьет, мастерит из корней и сучьев деревьев оригинальные сувениры. К каждой свадьбе очень серьезно готовится, рисует (собственноручно) яркие красивые приглашения, сочиняет стихи. Постоянными в свадьбе у него остаются лишь некоторые элементы. Владимир Николаевич считает, что если повторять на свадьбах одно и то же, гостям будет скучно, ибо это одни и те же жители Серапихи и близлежащих деревень. В доме у Владимира Николаевича хранятся толстые папки с разнообразными материалами по свадьбе, множество стихотворных заготовок на все этапы празднества. Он широко использует и фольклор, например загадки, которые иногда берет и из сборников. Например, загаживают дорогу свадебному поезду. Чтобы проехать, надо загадать загадку: «Два хвоста, восемь ног, посередине гривенник. Что это?». Если отгадают (поросята целуются) — путь свободен.

До сих пор на некоторых свадьбах во время пира выносятся елочка — символ девичества — и исполняется необычайно поэтический приговор, сопровождающий все этапы этого действия. Нам удалось познакомиться с пожилыми «профессионалками» (запомнившими огромные тексты), которых приглашают на свадьбы специально ради «Елочки». Отмечены случаи, когда «Елочку» знают молодые девушки, хотя, как правило, они ленятся заучивать длинные тексты и норовят подглядывать в рукописный листочек, подложенный на поднос с «Елочкой».

Свадьба в г. Чухломе, на которой нам посчастливилось побывать во время экспедиции, была почти не связана с традиционной. Вели ее «свидетельница» (подруга невесты) и ее помощник «свидетель» (друг жениха) — современные свадебные чины, — которые в церкви во время венчания держали венцы над головами молодых. Основой застольных тостов и обращений служили раздобытые ими свадебные

² Подробнее рассказ дружки (Николая Викторовича Николаева) о современной свадьбе см. в книге: Русская свадьба / сост. А. В. Кулагина, А. Н. Иванов. Т. 2. М., 2001. С. 304—313.

*Участники фольклорной экспедиции МГУ на берегу Волги в Инатьевской слободе.
Первый ряд, слева направо: С. В. Алпатов, Л. В. Фадеева, Е. В. Борисов;
второй ряд, слева направо: О. Е. Антонова, М. А. Чихачёва, А. П. Лаврентьева,
А. В. Кулагина (руководитель). Лето 1993 г., г. Кострома. Фото В. А. Ковника*

*Участники фольклорной экспедиции МГУ с местными жителями.
Лето 1993 г., с. Судай Чухломского р-на. Фото Е. В. Борисова*

«указы» и стихи, исполнялись современные или поздние городские песни. Правда, когда гости узнали, что среди них «замаскировались» фольклористы, старшее поколение потеснило специально нанятого «диск-жокея» со светомузыкой (свадьба проходила в арендованном зале Дома культуры) и начались пляски с частушками.

Обряды, включавшие в себя магические действия и слова, многие из которых теперь труднообъяснимы и используются лишь потому, что «так принято», содержали и заговорно-заклинательные элементы, которые мы включили в описания обрядов. Вместе с тем заговоры использовались и вне обрядов, поэтому мы объединили их во второй раздел. Заметим, что в отличие, например, от некоторых районов соседней с Костромской Кировской области, где заговорная традиция необычайно сильна, в Чухломском районе заговоры мы отыскивали с большим трудом и в малом числе вариантов.

Заговоры Костромской области публиковались мало. Их нет в сборнике Л. Н. Майкова «Великорусские заклинания» (СПб., 1869) или в книге Г. Попова «Русская народно-бытовая медицина» (СПб., 1903). Единственным значительным исключением является собрание Н. Н. Виноградова, в первый и второй выпуски которого вошли 173 заговора из Костромской губернии³. В конце XX в. экспедиции МГУ на восток области, в Поветлужье, позволили собрать довольно много заговоров, часть которых была напечатана в сборниках серии «Ветлужская сторона»: вып. 2 (Кострома, 1996) — из Шарьинского района, вып. 5 (Пыщуг, 2001) — из Пыщугского. В настоящем сборнике мы представляем читателю подборку заговоров северо-западной части области, которые удалось обнаружить в Чухломском районе.

Заговоры очень часто использовались в быту, будучи универсальным по применению жанром. Их произносили сразу же, как только возникала такая необходимость: заболел ребенок, разладились отношения в семье, нет порядка в домашнем хозяйстве. Но далеко не каждая хозяйка умела поправить дело чудесным могущественным словом. Приходилось обращаться к человеку знающему. Есть такие люди среди чухломичей и сейчас, но их становится всё меньше. Да и не каждый из них захочет поделиться своим знанием, которое издавна считалось сокровенным, тайным. Поэтому так мало интересных заговоров и оберегов, описаний магических действий удалось записать собирателям. Тем не менее несколько десятков описаний заговорно-заклинательных актов с текстами заговоров представлены в нашем сборнике. В основном это — хозяйственные и лечебные заговоры, а также обережные молитвы; есть один любовный заговор.

Тексты чухломских заговоров, обнаруженных нами, невелики по объему; среди них преобладают заговоры императивной структуры («Вода ты, водица, дай мне сонницу, возьми бессонницу») или построенные на приеме развернутого сравнения (так называемая симильная магия: «Как камень лежит на земле плотно, так бы раба Божья Буренушка стояла на земле плотно»). Развернутых (условно иногда называемых «эпическими») заговорных текстов обнаружить не удалось. Более пространны тексты оберегов, в основном связанных с христианскими персонажами, как, например, «Сон Богородицы» (универсальный оберег, помогающий в любом деле и защищающий от всякого зла и болезни), два варианта которого мы публикуем.

Песенная эпическая традиция представлена в наших записях слабо. Нам удалось обнаружить лишь два сюжета балладных песен, причем баллада «Дети вдовы» исполняется как хороводная песня. Эпических, старших, духовных стихов мы не записали, поэтому включили в «лиро-эпическую» часть третьего раздела духов-

³ Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.: По старинным рукописям и современным записям. Вып. 1—3 // Живая старина: Периодическое издание Отделения этнографии ИРГО / под ред. В. И. Ламанского. СПб., 1907—1909.

ные стихи литературного склада, в том числе духовный стих с исторической тематикой — о патриархе Гермогене и помогающем ему Сергии Радонежском («Не погибнет Русь Святая!»). Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов⁴, собиравшие фольклор в Вологодской, Вятской и Костромской губерниях в 1893 г., опубликовали старшие духовные стихи (о Вознесении, Алексее человеке Божьем, Егории Храбром, Кирике и Улите и др.), записанные лишь в Вологодской и Вятской губерниях (видимо, в Костромской губернии им также не удалось их отыскать).

Украшением издания, безусловно, являются плясовые кадрили (по-местному — «козули»). Нам удалось записать несколько вариантов «пяти-», «шести-» и «семизарядной» (или «-коленной») кадрили, причем при смене каждой из пяти-семи фигур меняется и словесно-музыкальный материал (который зафиксирован филологами, музыковедами и хореографами и представлен во втором томе нашего издания).

К активно бытующим в настоящее время можно отнести городские песни литературного типа (четвертый раздел) и частушки (пятый раздел), опубликованные в первом томе.

Те и другие — результат освоения народом литературных принципов стихосложения и методов авторского творчества. В частушках, которые в значительной степени опираются на традиции народной лирики, этот процесс дал весьма положительные результаты. Городские песни, в которых народ стремится приобщиться к более «высокой» городской культуре, оторвавшись от деревенской, уступают по своим эстетическим качествам традиционной лирике. С одной стороны, это анонимные новые баллады о ледящих душу преступлениях, в том числе знаменитое, необычайно распространенное во многих уголках России «Кладбище Митрофаньевское» («Вот, товарищи, расскажу я вам») — о том, как «отец дочку зарезал свою», или душещипательная история о самоубийствах разлученных злой судьбой офицера и его возлюбленной («Как на главном Варшавском вокзале»), а с другой стороны, это авторские баллады («Тростник» М. Ю. Лермонтова, «Ванька-ключник» В. В. Крестовского, «За грибами в лес девицы» А. Е. Разоренова, «Васильки» А. Н. Апухтина) и включаемые в сборники баллад популярные песни «Морячка» («На берегу сидит девица»), «Маврина» («За морями, за горами»), «Окрасился месяц багрянцем», а также повсеместно любимые, известные каждому русскому человеку «Златые горы» (неизвестных авторов).

Кроме балладных песен в этом разделе публикуются «жестокие» романсы (о страданиях обманутых влюбленных, ведущих к самоубийствам, обычно воображаемым) и песни элегического характера. В городских песнях представлены те же темы, что и в традиционных лирических: любовные, семейные, рекрутские, солдатские, тюремные и др., но подавляющее большинство их повествует о несчастной любви.

Любовная тематика преобладает и в частушках. Записанные в летней экспедиции частушки готовятся к печати отдельным изданием, а зимние материалы включены в пятый раздел настоящего тома. Среди них особую ценность представляют рукописные сборники Александры Ивановны Харитоновой, которые собирательница вела с первых лет XX столетия, и Татьяны Павловны Лебедевой (записи 1935 г.), хранящиеся у жительницы Чухломы Зинаиды Николаевны Королёвой. Завершается раздел самыми «свежими» записями частушек, сделанными зимой 1994 г.

⁴ См.: Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. Издано Императорским Русским Географическим Обществом на средства, высочайше дарованные. СПб., 1899.

В шестом разделе публикуется собрание пословиц и поговорок Клавдии Александровны Сафоновой, жительницы Чухломы, умершей несколько лет назад. «Я не собирала их по миру, а записала те, которые сама знаю», — говорится в пояснении к коллекции, которую К. А. Сафонова расположила в алфавитном порядке. Здесь есть и общеизвестные пословицы, есть варианты знакомых паремий, а есть и оригинальные, и малоизвестные речения, которые дополняют наши представления об этом лаконичном, но удивительно емком жанре народного творчества.

Седьмой раздел даст возможность читателю познакомиться с разными жанрами так называемой «несказочной» прозы (бывальщинами, преданиями, быличками и легендами), а также с редким вариантом сказки о перемене пола «Васенька — Василиса».

Том завершается восьмым разделом — «Детский фольклор», в котором представлены колыбельные песни, пестушки, потешки (исполняемые взрослыми для детей), дразнилки, считалки, жеребьевки (продукт творчества самих детей), а также загадки и игры, часто переходящие из взрослого репертуара в детский, а иногда создаваемые детьми. Детский фольклор записывался и от взрослых (которые вспоминали считалки и дразнилки своего детства), и от детей.

Фольклорные произведения или сведения, полученные от информантов, публикуются под отдельными номерами, и обозначены арабскими цифрами внутри каждого раздела. Возраст исполнителей указан так, как он дан собирателями в экспедиционных тетрадах (число лет или год рождения). В указателе текстов приводятся первые строчки текстов в алфавитном порядке с указанием на раздел (римскими цифрами I—VIII) и порядковый номер в разделе (1... и т. д.).

Тексты были записаны участниками летней экспедиции 1993 г. (О. Е. Антоновой, С. В. Алпатовым, Е. В. Борисовым, Ю. А. Давыдовой, В. А. Ковпиком, А. В. Кулагиной, А. П. Лаврентьевой, Л. В. Фадеевой, М. А. Чихачёвой) и зимней экспедиции 1994 г. (Е. В. Борисовым, Н. В. Ермишкиной, В. А. Ковпиком, Е. А. Коныховой, А. В. Кулагиной, М. А. Чихачёвой).

Отбор текстов, их сюжетно-тематическая систематизация, вступительные статьи и примечания выполнены студентами и выпускниками филологического факультета МГУ, участниками экспедиций и семинара по методике публикации архивных фольклорных материалов (1993/94 учебного года) под руководством доцента А. В. Кулагиной. В подготовке рукописи к печати приняли участие студентки Н. Л. Барденкова и Н. В. Ермишкина. Все материалы публикуются без какой-либо обработки, за исключением тех случаев, когда были устранены явные ошибки и искажения, допущенные собирателями или исполнителями. При самом минимальном редактировании составители воздерживались от правки в тех случаях, когда в результате могла быть нарушена художественная структура, рифмовка, звукопись. Сохранены некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности чухломского говора, архаические формы склонения, диалектизмы.

В. А. КОВПИК

Краткое описание чухломских говоров

Чухломской район находится на северо-западе Костромской области, его земли принадлежат бассейнам верхнего течения реки Костромы и реки Виги, правого притока Унжи. Чухломские говоры относятся к ареалу крупнейшей диалектной аномалии России — так называемому «Чухломскому акающему острову» — анклаву среднерусского безударного вокализма (аканья и яканья), окруженному северновеликорусскими окающими говорами костромской и вологодской групп. В территорию акающего острова входят говоры большей части Чухломского и Солигаличского районов, значительной доли Парфеньевского района, а также говоры граничащих с ними небольших частей Буйского, Галичского и Кологривского районов Костромской области.

Происхождение этой диалектной аномалии историками языка до сих пор в полной мере не выяснено. Гипотеза костромского писателя и ученого Н. Н. Виноградова, выдвинутая еще в начале XX в. и более других подкреплённая данными исторических памятников, относит появление аканья в этих местах к 1619—1620-м гг., когда после Смутного времени черносозные земли на севере тогдашнего Галичского уезда начали раздаваться служилым людям — небольшим помещикам, перебивавшимся на новое место жительства вместе с семьями и дворовыми. «Вся эта масса новых людей принесла с собой и новый говор — говор местностей, расположенных около Москвы, к югу, юго-востоку и юго-западу от нея»¹. Это же время (20-е гг. XVII в.) возникновения аканья в окрестностях Чухломы подтвердили и архивные разыскания Л. П. Греховой².

Чухломские говоры представляют собой итог взаимодействия севернорусского и южнорусского наречий. Главное их отличие от соседних костромских и вологодских говоров — безударный вокализм, а именно качественная редукция гласных в безударных слогах, т. е. аканье (после твердых согласных) и яканье (после мягких) — произношение (для первого предударного слога) вроде *каро́вы, пра́шу, кан'ёшна, л'ахко́, д'аржу́* и т. д. В большинстве селений акающего острова отмечено простое (недиссимильное) аканье и яканье умеренного типа (в первом предударном слоге после мягких согласных на месте гласных фонем неверхнего подъема звучит *а* перед твердым согласным, а перед мягким — *е* или звук, средний между *е* и *и*: *насу́ — не́с'ош*). Однако на части территории (например, в с. Ножикино на северном берегу Чухломского озера и в окрестных деревнях) полевыми исследованиями обнаружено диссимильное аканье жидринского типа (в первом предударном слоге вместо *а* перед ударным *а́* звучит более закрытый гласный, по степени редукции характерный скорее для непервых предударных слогов и обозначаемый в транскрипции как *ъ* — *вадо́й, вад'ё́, но вьда́*) и, соответственно, диссимильно-умеренное яканье, близкое верхнеднепровскому типу (с той разницей, что в верхнеднепровских говорах перед ударным *а́* звучит *и*, тогда как в чухломских этот звук

¹ Виноградов Н. Н. Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае // ИОРЯС. 1917. Т. 22. Кн. 2. Пг., 1918. С. 16.

² Грехова Л. П. К истории аканья в костромских говорах // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. Русский язык. Т. 148. Вып. 10. М., 1964.

ближе к *е*: *гр'ашно́, гр'ашы́т', гр'ашу́*, но *гр'ешна́*). Этот тип яканья открывшие его диалектологи называли чухломским³.

По наблюдениям Г. В. Шайтановой, посвятившей исследованию говоров Чухломского акающего острова диссертацию, «в фонетике и морфологии изучаемых говоров, представляющих собою ответвление национального русского языка, проявляются остатки особенностей большей частью знакомых и окружающим (вологодским или костромским) диалектам. Старые севернорусские связи исследуемых говоров подтверждаются также наблюдениями их синтаксиса и лексики»⁴. Вплоть до 1960-х гг. среди диалектологов было распространено мнение, что аканье и яканье — единственное, что отличает чухломские и солигаличские говоры от окружающих севернорусских («по всем остальным чертам своего строя эти говоры <...> являются типично северновеликорусскими»⁵).

Однако более поздние экспедиции обнаружили в них следы других, несевернорусских, диалектных особенностей⁶. Тем не менее эти следы столь незначительны, что даже с их учетом нельзя не согласиться с общими выводами ведущего костромского диалектолога Н. С. Ганцовой о преобладании в чухломских говорах севернорусских диалектных черт (что видно и из нижеприведенного их списка): «Говоры КАО (Костромского акающего острова. — В. К.) лишь условно можно назвать говорами смешанного типа, так как в них господствуют нормы севернорусского наречия, а аканье, хотя и не сдает своих позиций и представляет собой сильный типологический признак, является единственной чертой, противопоставленной всей сумме севернорусских черт КАО»⁷.

Вот наиболее характерные прочие диалектные особенности чухломских говоров (при составлении этого перечня мы опирались на вышеупомянутую работу Г. В. Шайтановой, а также на собственные наблюдения):

- 1) долгие твердые шипящие: *ро́шиша, дажжы́*;
- 2) произношение твердых губных согласных вместо мягких на конце слова (*го́луп, с'ем, кроф* вместо *го́луп', с'ем', кроф'*);
- 3) окончания 1-го склонения в дательном, творительном и предложном падежах единственного числа 3-го склонения: *к осене, на ладоне, с матерей, кровью* (редко);
- 4) сохранение исконного подвижного ударения в форме винительного падежа единственного числа некоторых существительных 1-го склонения: *ко́зу, и́глу, зо́лу* — при этом: *реку́*;
- 5) употребление именительного падежа множественного числа вместо счетной формы: *две зы́мы, на́ две ко́сы, в обе ру́ки*;
- 6) склонение существительных с суффиксами *-ушк-, -ишк-* по типу слов мужского-среднего родов (*после дедушка, к дедушку, с мальчишком* и т. д.; так же склоняются и *де́дко, ба́тько*);
- 7) формы падежей единственного числа разносклоняемых существительных на *-мя* по 2-му склонению: *безо время, звать по имю* и т. д.;

³ Бурова Е. Г., Касаткин Л. Л. Чухломское аканье // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 76.

⁴ Шайтанова Г. В. Говоры по верхнему течению реки Костромы: Говоры по северной границе акающего острова в Костромской области. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1952. С. 14.

⁵ Орлова В. Г. Разработка исторической фонетики русского языка по данным диалектов // Славянская филология: Сборник статей, посвященный IV Международному съезду славистов: в 3 т. Т. 1. М., 1951. С. 167.

⁶ Подробнее см.: Бурова Е. Г., Касаткин Л. Л. Указ. соч. С. 78—85.

⁷ Ганцовская Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова: Проблемы типологии. СПб.; Кострома, 2007. С. 17.

8) формы именительного и винительного падежей множественного числа на *-а* некоторых существительных мужского и среднего родов с суффиксом *-к-*: *лужкá, рóжка, глázка*;

9) выравнивание основы множественного числа существительных на *-онок* по основе единственного числа: *ребёнки, двух телёнков*;

10) более широкое употребление окончания *-ов* в родительном падеже множественного числа существительных: *ножов, родителей, летов, маслов, вербов, гостей*;

11) наличие общей формы дательного и творительного падежей множественного числа (*за двум домам*);

12) форма инфинитива с суффиксом *-чи* глаголов с основой на задненебный согласный (*печí, стеречí — реже; пекчí, берегчí, стрíгчи — чаще*);

13) основа настоящего времени без чередования согласных у этих же глаголов: *пекú, пекóт, пекóм; лягу, лёгшишь, лёгим*;

14) стяженные окончания в глаголах первого спряжения после выпадения конечного *j* основы: *выкíдыват, накапáм*;

15) сохранение исконного ударения на окончании в личных формах глаголов *дарить, варить* и некоторых других (*дарíш, варíт, валíт, косíт* и т. д.);

16) сохранение гласного в частице *-ся* (*застоялася, мылися*);

17) ударение на втором слоге ударного окончания 2-го лица множественного числа настоящего времени глаголов: *живитё, спитё*;

18) будущее сложное время с глаголом *иму*: *имитё копать* (крайне редко);

19) стяженные формы прилагательных (*в'ошина óз'им*);

20) двусложное окончание родительного падежа единственного числа форм женского рода прилагательных и местоимений (*у тајó жанý, у ётыја у дóч'к'и*);

21) формы с ударным *ó* (вместо *é*) в косвенных падежах местоимений *она, вся, моя, твоя: ёй, всёй, моёй, твоёй*;

22) формы с ударным *é* (вместо *í*) во множественном числе местоимений *мой, твой, свой: моё, твоё, моёх, своёх*;

23) предлог *по-за*, управляющий дательным и винительным падежами: *по-за спине*;

24) предлог *возле* управляет винительным падежом: *возле невесту*;

25) наличие согласуемых постпозитивных частиц *-от, -та, -то, -ту, -ти* (*дом-от, жену-ту, двери-ти* и т. д.).

Необходимо отметить, что в речи современных жителей Чухломского района диалектные особенности, как правило, проявляются непоследовательно (носителей архаического слоя говора уже почти не встретить), что нашло отражение и в публикуемых нами материалах.

Тексты предлагаемого читателю фольклорного издания имеют также большую ценность и как источник сведений о чухломских говорах и в качестве такового уже на стадии рукописи оказались востребованы учеными-диалектологами. На материале рукописи профессор Н. С. Ганцовская провела исследование «Лексика народных развлечений в чухломских говорах Костромской области», по итогам которого ею был сделан доклад на Рябининских чтениях 2007 г. в Петрозаводске, где она высоко оценила качество записи диалектных текстов, вошедших в книгу: «В сборнике содержатся фольклорные и обрядовые тексты, которые точно воспроизводят речь носителей диалекта, по крайней мере, в отношении лексики, что делает настоящий сборник уникальным источником для лингвистических исследований этнографических особенностей края»⁸.

⁸ Ганцовская Н. С. Лексика народных развлечений в чухломских говорах Костромской области // Рябининские чтения — 2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 217—219.

Раздел I

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

Дом на Усольской улице Чухломы. Фото Е. А. Майоровой

С древнейших времен жизнь русского крестьянина-земледелца была неразрывно связана с обрядами, при помощи которых он стремился обеспечить себе и своей семье здоровье, силу и благополучие — хороший урожай и приплод скота. На всех этапах земного пути, будучи членом крестьянской общины, человек принимал участие в самых разных обрядовых действиях, выполняя в них строго определенные для его социального и возрастного статуса функции¹. Таким образом, обряды составляли неотъемлемую часть человеческого бытия.

Связанные с жизненной практикой, обряды явились той сферой, в которой быт и поэзия выступали в постоянном взаимодействии. Имея в своей основе магическое действие, сопровождающееся определенными словесными речениями (заговорами, приговорами и приговорками), песнями ритуального, заклинательного, гадательного, величального и корильного характера, причитаниями, они выражали и народную веру, и народную фантазию. Богатство жанровых форм, ставших органической частью традиционных обрядов, способствовало их превращению в целые комплексы, которые можно уподобить грандиозным спектаклям, включающим в себя обряды и ритуалы более частного характера.

Характеризуя современное состояние русского обрядового фольклора, исследователи вынуждены свидетельствовать о многих утратах. Однако обращение к местным традициям и по сей день дает немало интересных находок, как это произошло в начале 1990-х гг. во время экспедиции студентов филологического факультета Московского государственного университета в Чухломской район Костромской области. К сожалению, многие традиционные календарные песни этих мест уже не были зафиксированы собирателями. Тем ценнее казались многочисленные варианты песен, исполняемых во время весенних обходов дворов, а также рассказы о зимних и летних Святках (Троице), Масленице, встрече весны, постовых и пасхальных обрядах. Но особенное впечатление произвел богатейший обряд чухломской свадьбы.

Экспедиция дала возможность открытия произведений обрядового фольклора, несущих в себе элементы как языческих, так и христианских представлений, причем многие из них, уже утратив в сознании исполнителей свою религиозную сущность, воспринимались лишь как игра, развлечение. Не случайно наряду с обрядовыми песнями в обряды теперь включались и необрядовые лирические песни, частушки, игры, пляски. Некоторые из них позднее даже были приурочены к какому-либо празднику (у чухломичей наиболее ярким примером такого соотношения является исполнение на Масленицу лирической необрядовой песни «Прощай, жизнь, душа-радость моя...»).

Обряды, обеспечивающие хозяйственную и социальную жизнь крестьянской общины, подразделяются исследователями на две группы: **календарные** и **семейные**.

¹ См. об этом в работах: *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; *Бернштам Т. А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт церкви в народном христианстве. СПб., 2000.

Так как основными занятиями человека, живущего на земле, с давних пор считались земледелие и животноводство, а также некоторые промыслы — прежде всего охота и рыболовство, именно они обуславливали большинство регулярно отправляемых обрядов. Сельскохозяйственные обряды были приурочены к работам крестьянина в течение всего года, накладываясь на его природный цикл, поэтому их и называют календарными. Главные же этапы жизни человека в семье и в общине — рождение и крещение, вступление в брак, смерть — оформлялись с помощью семейных обрядов. Будучи определены циклом человеческой жизни, эти обряды являлись уникальными событиями в судьбе каждого конкретного человека. Нельзя не отметить при этом, что и некоторые семейные обряды, например свадьба, получали импульсы в календарных праздниках и обрядах, что указывает на взаимодействие и взаимопроникновение природного и жизненного обрядовых циклов.

Обычаи и традиции, вписанные в годичный круг народного календаря чухломичей, представляют значительный интерес. Яркие впечатления связаны с *зимними Святками*, в центре которых оказалось празднование как традиционных аграрных, так и церковных праздников: Рождества (25 декабря/7 января), Нового года (1/14 января) и Крещения (6/19 января)². С детства в памяти многих рассказчиков остались красочные картины рождественских хождений со звездой, новогодних шалостей молодежи, веселых бесед девушек с играми, плясками, кадрилими, ряжением и гаданиями, таинственный и неведомый мир которых часто разрушался из-за очередной шутиливой проделки парней.

Ворожба была важной составной частью обрядовой магии с древнейших времен: гадали и стар и млад о судьбе, богатстве, урожае. Со временем многие важные темы традиционных народных гаданий стали терять свою актуальность. Самым распространенным видом оказались девичьи гадания о предстоящем замужестве, хотя предсказание скорой смерти — своей или суженого — осталось в качестве одного из возможных страшных исходов ворожбы. Желая узнать будущее, девушки брачного возраста собирались на Святки небольшими группами, иногда в сопровождении знающей женщины, которой были известны все правила гадания — от их исполнения зависел не только успешный результат обряда, но и безопасность его участников. Заметим, что об опасности гаданий говорили многие наши собеседники, а вот о предосудительности никто — ведь «ворожить» не значит «привораживать».

Участвующим в гадании (кстати, иногда в обряде участвовали и парни, но такой смешанный состав группы гадающих вряд ли можно назвать традиционным — вероятно, это достаточно позднее явление) хотелось заранее провести, откуда ждать сватов, как будут звать жениха/невесту, богата ли семья суженого/суженой, хороший ли у него/нее характер... Интерес подогревали святочные беседы, организованные девушками. На них приходили парни из соседних деревень, и молодежь присматривалась друг к другу. Некоторые ребята, кто побойчее и уже заручился одобрением своих родителей, прямо объявляли избраннице: «Жди сватов!»

В чухломской традиции гадания являются одной из продуктивных обрядовых форм, не утратившей актуальности вплоть до конца XX в. Способы и формы святочных гаданий, к которым прибегали чухломские девушки, весьма разнообразны: они бегали «*по лоту снег*», «*слушать*» за деревню — «*на хрестовую дорогу*» (перекресток), «*в седьмую сторону*», «*за девятую вежу*»... Кроме разнообразных «выслушиваний» на перекрестках, у церкви, под окнами изб и у овинов, практиковались «высматривания» — в воде, в зеркале. Гадали также на встречного, на четное/нечетное

² Здесь и далее даты в скобках указываются соответственно по старому и новому стилю.

число взятых предметов, на направление брошенной вещи или выпущенной птицы (варианты гаданий с курицей и петухом). В процессе бытования некоторые виды гаданий причудливо соединялись, образуя новые формы ворожбы.

В последнее время наиболее востребованными оказались гадания на сон, которые существуют во множестве разнообразных вариантов: от старинных обсева-ний зерном, запираания колодцев/ведер, прятанья гребенки или обновы и т. п. до загадывания на специально сделанных обрядовых предметах (например, мостике или колодеце из лучинок). Любовь к подобным гаданиям обусловлена скорее всего тем, что большинство из них не приурочено к определенным календарным срокам. По утверждению многих наших собеседниц, на сон можно загадывать в любое время года в ночь на пятницу — день, наиболее благоприятный для получения известий о будущей семейной жизни (отметим здесь связь с культом святой Параскевы Пятницы как покровительницы брака). Но следует обратить внимание на то, что большего доверия у чухломичей заслуживают гадания, совершаемые на зимние и летние Святки или хотя бы после праздника Покрова Божьей Матери (1/14 октября), который считается здесь своеобразным открытием «сезона гаданий».

Магическая составляющая чухломских календарных праздников связана не только и не столько с гаданиями, сколько с весенними и осенними хлопотами по хозяйству, которые начинают и завершают период земледельческих работ. Пройдет **Масленица** с шумными катаниями с гор и на лошадях, с качелями и каруселями, с ряжением и купанием в снегу у *теплинок* (костров), и всё внимание чухломичей сосредоточивается на домашней работе. К дням, наиболее важным для хозяйственной жизни крестьянина и поэтому особенно отмеченным в народном календаре, — весенним Чистому понедельнику, Вербному воскресенью, Великому четвергу, Егорьеву дню — прикреплены многие приметы, заговоры и магические действия, обеспечивающие порядок и чистоту в избе, обильный урожай в поле и на огороде, здоровье скотины. Даже выкликания жаворонков, традиционно обозначавшие **встречу весны** и дошедшие до нас в форме веселой детской игры:

Жаворонок, жаворонок,
Улети с холодом,
Прилети с теплом, —

имели некогда именно хозяйственное значение. Обрядовое печенье в форме птички, доставлявшее столько радости детям, подспудно включало механизмы имитативной магии. За жаворонками из теста должны были вскоре появиться настоящие жаворонки и принести весну и тепло. К сожалению, до нас дошли лишь отдельные элементы обряда встречи весны, причем даже по поводу даты его совершения среди чухломичей имеются значительные разногласия: некоторые наши собеседники указывали на праздник Сретения (2/15 февраля), некоторые — на день преподобного Алексия Божьего человека (17/30 марта), а некоторые — на «*живоносную неделю*» (позволим себе предположить, что под этим названием в действительности подразумевается Светлая Седмица, поскольку именно в пятницу первой недели по Пасхе празднуется память иконы Божьей Матери Живоносный источник).

Особое место в магических обрядах чухломичей, имеющих календарную приуроченность, занимали праздничные обходы дворов, в которых принимала участие деревенская молодежь. Издавна обходы эти совершались с целью обеспечения достатка и благополучия дома, в который постучалась ватага обходчиков. Они исполняли закликательные песни — пожелания и величания, адресованные всей семье и хозяину дома, после чего требовали угощение в награду за свой труд. В случае отказа скупому хозяину пелась корильная песня, которая со временем стала приобретать всё более шуточный, комический характер.

Почти повсеместно на Севере и в средней полосе России наиболее разработанным среди подобных обрядов считается **колядование**, входящее в святочный цикл. Однако особенность чухломской календарной обрядности заключается в том, что обходы дворов смещены на весну и связаны с периодом пробуждения земли и ее природных сил. Наиболее ярким событием в жизни местных ребятишек были **средокрестные обходы**, а молодежи и взрослых — **кликуничные** (вьюнишные) и **его-рьевские**.

Средокрестье отмечалось в середине четвертой недели Великого поста, когда пост «переламывался пополам»:

Половина говина молится (вариант: ломится)

Хрен да капуста переводится...³

Этот поворот к Пасхе означал, что «*бочка с маслом перекатилась на другую сторону*» (вариант: «*кадка с творогом перекатилась*»)⁴, т. е. хозяйки должны были проверить, как накапливаются молочные продукты для приготовления ритуальных блюд к предстоящему великому празднику.

Однако хозяйственное значение Средокрестья было связано с подготовкой не столько к Пасхе, сколько к весенним полевым работам. Выпекая специальное обрядовое печенье в форме крестов, крестьяне обязательно оставляли его для того, чтобы накормить им скотину в день первого выгона или первой работы в поле (печенье давали лошади, на которой пахали), и для того, чтобы начать с ним сев.

Непременное присутствие гаданий в обрядовом комплексе того или иного праздника, свойственное чухломской традиции, здесь выразилось в загадывании на благополучие/смерть. Обычай определять по кресту с монетой, кому засеять весной в этом году, отмеченный Г. Г. Шаповаловой в Нейском районе Костромской области⁵, в наших материалах не прослеживается. Гадание давно стало здесь утехой детей, которые с нетерпением ждали возможности угоститься обрядовым печеньем и затеять с ним что-то вроде игры. Дети получали свои крестики дома, а потом еще бегали по соседям, песнями просили об угощении. Одна из таких песен, записанных нами, сохранила весьма примечательное упоминание об обливании водой:

...Поливайте по ковшу,

Подавайте по кресту —

с комментарием исполнительницы «*а кто и правда водой плеснет*»⁶. В. К. Соколова соотносила эти обливания с «магическим обрядом вызова весеннего дождя, необходимого для всходов и роста посевов», — на многих территориях обливания были важной частью весенних аграрных обрядов⁷.

Очередной этап обходов дворов был связан уже с Пасхой и следующими за ней праздничными неделями. Если заглянуть в историю этих обрядов, то окажется, что они воспринимались чухломичами как дело взрослое. Особенно показательно в этом плане **кликунично воскресенье**, как называли здесь Антипасху (Фомину неделю). В этот день или, по некоторым сведениям, накануне, в субботу, местные

³ См. № 133 в настоящем разделе. Ср. также № 1462—1465 в антологии: Обрядовая поэзия. Книга 1: Календарный фольклор / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. М., 1997. С. 219—220. («Б-ка русского фольклора», т. 3).

⁴ См. № 137 в настоящем разделе. Ср. № 1465 в антологии: Обрядовая поэзия. Книга 1: Календарный фольклор. Указ. изд. С. 220.

⁵ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. М., 1979. С. 95.

⁶ См. № 133 в настоящем разделе.

⁷ Соколова В. К. Указ. соч. С. 97.

жители обходили дома, где жили молодые семьи, — как правило, речь шла о супругах, вступивших в брак совсем недавно, в предыдущий мясоед (или, что точнее отражает позднее состояние традиции, менее года назад).

Распространенный в Костромской губернии практически повсеместно обряд окликанья молодых существовал в женской, мужской и смешанной (обобщенной) версии. В наших записях преобладают женские окликанья, центральной фигурой в которых является «*молодая молодница*». Именно ей адресованы просьбы об угощении пасхальными яйцами, а также насмешливые угрозы и укоры.

Окликание молодых хорошо сохранилось до нашего времени, поэтому в материалах лета 1993 — зимы 1994 гг. можно найти немало интересных свидетельств и текстов, которые исполнялись во время обходов дворов. Здесь же мы напомним описание обряда, сделанное Д. Ф. Прилуцким в 1853 г. для РГО. По его свидетельству, в Чухломском уезде Костромской губернии «в Фомино («*кликушино*» — sic!) воскресенье после обедни все женщины деревни собирались на улице и шли к дому, где была молодая. Одна из женщин ехала впереди верхом на помеле, привязанном к длинному шесту, в руках она держала палку. Молодوخа, увидев приближающуюся толпу, запирала дверь, а предводительница стучала палкой в дверь и трижды обращалась к «*молодой юнице*» с требованием яиц и пирогов:

Не дашь яйца, пирога конца —
Потеряешь молодца,
Будешь ветреница.
Мы тя в хлев запрем,
Помелом заткнем
И не выпустим»⁸.

Нельзя не согласиться с В. К. Соколовой, что сегодня в записях Д. Ф. Прилуцкого нам особенно интересны слова, которые произносила молодая, открывая дверь. Ведь в современных материалах мы ничего подобного не обнаруживаем:

Соседушки, голубушки,
Меня любите и жалуйте,
К себе примите в подруженьки.

Ответ молодой не означал окончания обряда. Напротив, этот обмен репликами был только началом ритуального застолья. Женщины входили в дом, где угощались и плясали. Затем молодая собирала со всей деревни девушек и угощала их⁹.

В. К. Соколова, подробно рассматривавшая этот обряд, обратила внимание на его значение как переходного в жизни молодых мужа и жены. В описаниях Д. Ф. Прилуцкого во время застолья молодая женщина окончательно прощалась со своими подругами-девушками и просила женщин принять ее в свой круг. Таким образом, кликунично воскресенье было одним из заключительных этапов свадьбы как обряда перехода. Современные записи не позволяют столь определенно почувствовать это социальное звучание окликаний молодых. Тем более что со временем состав участников обряда стал меняться, в него стали вмешиваться дети (по свидетельству одной из наших собеседниц, даже «*в восемь-девять лет ходили*»), что, безусловно, указывало на утрату первоначального ритуального содержания и развитие игрового начала. Детям-обходчикам важно было получить от молодой как можно больше крашенных яиц, которые они не только ели, но и катали во время уличных пасхальных игр и развлечений.

Однако даже в таком игровом варианте окликанья молодых на Фоминой неделе показывают очень важную особенность чухломской традиции, заключающуюся

⁸ Там же. С. 135.

⁹ Там же. С. 136.

в неразрывной связи календарного и свадебного обрядовых циклов, в и по сей день очевидной встроенности свадебного обряда в земледельческий год. Именно кликунично воскресенье завершает тот грандиозный спектакль, которой играют в деревне зимой. Он берет свое начало в период святочных бесед с непременно присматриванием будущей невесты и ухаживаниями, а также гаданиями девушек о суженом. Затем стремительно движется к своей кульминации — венчанию и свадебному столу в доме невесты и жениха. Пройдет некоторое время, подоспеет Масленица с отгашиваниями в доме тестя и тещи, с «купаниями» молодых в снегу. И вот, наконец, эпилог — окликивания молодых на Антипасху. Праздники заканчиваются, наступает время весенней работы.

Еще один обход дворов совершался неделю спустя, в неделю жен-мироносиц. Окликали «взрослых» женщин, которые точно так же должны были угостить обходчиков крашеными яйцами. Это довольно редкое свидетельство о некогда существовавшей в Чухломе традиции, в наших записях оно представлено единственным упоминанием.

Особое место в ряду обходов и окликаний занимает *окливание Егория*, поскольку в отличие от всех предыдущих, зависящих от Пасхи, оно имеет четкую дату — день великомученика Георгия Победоносца или, как его здесь называют, Егорьев день (23 апреля/6 мая). Практически повсеместно этот день отмечен первым выгоном скота в поле на подножный корм. Корову выпускали, благословив иконой, окропив святой водой, перекрестив освященной вербой, угостив пасхальными хлебом. Порой этот выгон был символическим, так как трава еще не успевала вырасти, но это не могло отменить совершения обряда, ведь повсеместно именно Егорий считался покровителем и защитником стада.

Характер праздника и составляющих его элементов позволяют проследить эволюцию текстов окликаний Егория от заговоров (оберегов), направленных на сохранение скота¹⁰. Одно из свидетельств, зафиксированных нами, прямо указывает на то, что скотину обходили со словами: «*Батюшка Егорий преподобный, спаси мою скотинку, сохрани в полюшке*», примерно так же, как делают это пастухи в соседних местностях. Если обратиться к истории обряда, то И. М. Снегирев, а вслед за ним А. В. Терещенко пишут, что в некоторых уездах Костромской губернии на Егорьев день в поле сгоняют стадо и окликают его песней:

Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорий ты наш храбрый!
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотину
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым месяцем,
Под красным солнышком,
От волка хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого¹¹.

¹⁰ Этой точки зрения придерживалась и В. К. Соколова (См.: Соколова В. К. Указ. соч. С. 170).

¹¹ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837—1839. Вып. 3. С. 74.

Итак, речь идет об оклипании стада, а не о хождении по домам. Однако более поздние свидетельства показывают, что чухломское окливание Егория представляет собой обычный обход дворов с песнями, обращенными к хозяевам и к членам их семьи, которым желали всякого благополучия. Так, Г. Г. Шаповалова в 1972 г. записала в Чухломе, что перед тем как выгнать скотину в поле, маленькие ребята и подростки ходили от дома к дому с барабанкой, трензелем, бубном и будили всех шумом и песней; им давали яйца и пряники¹².

Что касается участников егорьевских оклипаний, то здесь прослеживается обычная замена взрослых обходчиков детьми. Та же экспедиция Института этнографии начала 1970-х гг. зафиксировала, что некогда оклипания Егория в Чухломском районе исполняли парни. Они били палочками по барабанке. Возглавлял группу парней мехоноша¹³. Наши материалы 1990-х гг. дают весьма пеструю картину воспоминаний об участниках егорьевских обходов дворов. Кто-то вспоминает о том, что ходил с матерью, кто-то о том, что ходили *«девчонки молодые и ребята»*, кто-то о том, что ходили дети. Нет единства и описании внешнего вида обходчиков: *«не ряженные ходили, не наряжонки»* и *«собирались ряженные, кто во что, а некоторые посмешней»*. Очевидно, что наши рассказчики жили в разных уголках Чухломского района, а потому их воспоминания свидетельствуют об узколокальных особенностях отправления обряда.

Окликания открывали Егорьев день. Под окно дома, где хозяева держали скот и готовились с рассветом гнать его в поле, ватага приходила ночью или под утро. Путь обходчиков был долгим: *«А с вечера-то... мы, может, сорок раз споем песню-то, у каждого хозяина»*. В результате многие в эту ночь не спали, потому что по всей деревне раздавался шум, который создавали обходчики — проводили палками по бревнам дома, били в колотушку. Некоторые брали с собой даже балалайку и гармошку.

Песня, исполняемая обходчиками, представляла собой многочастную композицию, в эпической первой части которой присутствовало описание самого обряда:

Господин-сударь хозяин
С хозяйюшкою,
Встань, пробудися,
Умойся, утрися,
На нас потрудися.
Мы сегодняшнюю ноченьку не спали,
Не дремали,
Поутру рано вставали,
Белы лица умывали,
Полотенцем утирали.
Уж мы, красные девушки,
Круг поля ходили,
Егорья вопили,
Макарья кричали,
Егорья величали...

Упоминание хождения *«круг поля»* является еще одним доказательством того, что окливание стада действительно когда-то имело место.

Вторая часть песни заключала в себе молитвенное обращение к Егорию и Макарию (по мнению В. К. Соколовой, последний появился благодаря большому авторитету в этих местах Свято-Троицкого Макарьево-Унженского монастыря,

¹² Соколова В. К. Указ. соч. С. 170.

¹³ См. об этом там же.

основателем которого и был преподобный Макарий Желтоводский и Унженский¹⁴), а также формулу-просьбу о здоровье и безопасности скота во время выпаса:

Уж ты батюшка Егорий,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Спаси и сохрани
В по́ле и за́ полем,
В ле́се и за́ лесом,
За лесом-лесáми,
За крутыми берегами,
За быстрыми реками.
Пень да колода, белая береза.
Нашей матушке скотинке
Здоровьица молили.
Травка-муравка,
Зелененький лужок,
Шелко́вый поясок.
Телка в речке напьется,
Домой поплетется...¹⁵

Примечательно здесь упоминание шелкового пояса, иногда заменяемого в магических обрядах веревкой. Этот атрибут отсылает нас к действиям, которые совершают многие хозяева во время первого выгона скота. Корове дают перешагнуть через пояс/веревку, а затем подпоясываются им, чтобы скотина всегда держалась хозяина и дома¹⁶.

Иногда вторая часть расширялась за счет дополнительных негативных пожеланий в адрес лесного зверья, которое воспринималось в качестве потенциального антагониста стада и «конкурента» в добывании пищи:

Волку, медведю,
Хичному зверю —
Пень да колода,
Белая береза,
Заяцу с лисицей —
Горькая осина...¹⁷

Третья часть — традиционное требование яиц, пирогов и печений:

Троим-двоим, давно стоим,
Дожидаемся, опасаемся.
Подавайте нам яйцо
Через правое плечо,
Богу-то на свечку,
А нам по яичку,
Великому Ягорью
Три копейки серебром... —

после которого пелось величание щедрому хозяину с пожеланием здоровья и прироста скота и птицы:

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. № 195 в настоящем разделе.

¹⁶ См. № 22 в разделе «Заговоры, обереги, молитвы и магические действия».

¹⁷ См. № 195 в настоящем разделе.

Благодарим тебе, хозяин с хозяйшкою,
На честном слове,
На честном подаянии.
Дай тебе Господи
Подольше пожить,
Да побольше нажить:
Сто бы коров,
Девяносто быков,
Двадцать бы куриц,
Десять петухов¹⁸.

Не менее распространенное корение скупому хозяину строилось по противоположному сценарию. Его и без того убогий двор должен был совершенно разориться:

Была одна корова,
И та нездорова.
Был один бык —
Медведь заломал¹⁹.

Однако чаще в этой ситуации наши исполнители предпочитали насмешку, а потому в комической форме изображали «отрицательное» изобилие:

Дай тебе Господи
Поменьше пожить,
Да побольше нажить:
Вшей да мышей,
Таракан без ушей,
Мух без брюх,
Комаров без х...!²⁰

Егорьевские окликания остались одним из наиболее ярких воспоминаний многих чухломичей. Однако вполне естественно, что песни, которые исполняли участники обходов, постепенно утрачивали многие свои смысловые элементы, а потому зафиксированные нами варианты не всегда отличаются полнотой и композиционной целостностью.

К периодам календарного года, отличающимся в Чухломском районе некоторым разнообразием, безусловно, следует также отнести *Троицкую неделю* с традиционным украшением дома березкой, крашением яиц, поминанием родителей, гуляниями с утра до ночи («*три дня с улицы не сходили*»), хороводами и песнями, завиванием березки и гаданиями. Однако переход к лету означал, что праздники делались всё более скромными и менее шумными. Работа отнимала все силы, а потому летний календарь был связан с хозяйственными приметами, заготовкой трав, а позднее ягод и грибов.

Осень с урожаем и работой в поле тоже имела свои яркие события. Это и сельские ярмарки, это и последняя жнива с овсяным снопом, который дожинают в молчании, «*чтобы скотина не кричала*»; с катанием по соломе, чтобы вернуть силу и здоровье. Это и «прощание» с мухами на Сёмин день. И вот уже девушки готовятся к традиционной осенней работе — собираются по избам прясть.

Так же как и календарные обряды и праздники, семейные обряды дошли до нас со значительными потерями. Немногочисленны и очень скупы в записях экспедиции начала 1990-х гг. сведения о родильно-крестильном и похоронном обрядах.

¹⁸ См. там же.

¹⁹ См. № 196 в настоящем разделе.

²⁰ См. № 203 в настоящем разделе.

Однако, как и в случае с календарем, утраченное в немалой степени компенсируется крепкой памятью чухломичей на всё, что некогда производило сильное впечатление на них самих и в чем они с удовольствием принимали участие. Рассказы о свадьбе, которые нам удалось услышать здесь, содержат в себе яркие эпизоды *сватовства, богомолья (пропоев), сговора, девичника («дивишника») и бани, дня свадьбы* с переездами свадебного поезда от невесты в церковь, потом опять в дом невесты и, наконец, к жениху, с описаниями стола у жениха и у невесты, с величаниями молодых и гостей. Выразительны тексты свадебных песен и приговоров, которые вспоминали многие наши исполнители.

Со временем свадебный обряд претерпел значительные трансформации, подчиняясь требованиям меняющегося быта. Традиционная чухломская свадьба, некогда представлявшая собой грандиозный многодневный спектакль, стала сокращаться. Некоторые ее этапы, прежде всего продиктованные православной традицией и неразрывно связанные с обрядом венчания, исчезли в начале 1930-х гг. после закрытия храмов. Другие, утерав свой истинный смысл, также были забыты и ушли из праздничного обихода. Беседы с людьми разных поколений позволили нам зафиксировать разные периоды в исторической судьбе свадебного обряда (в основном, конца 1920-х — начала 1950-х гг.). Вот почему, знакомясь с главой, посвященной чухломской свадьбе, читатель встретит немало противоречивых суждений рассказчиков. Авторы сочли необходимым предоставить читателям возможность самим вслушаться в разноречивое повествование о жизни такого сложного организма, как свадебный обряд.

Было бы ошибкой смешивать представленный здесь материал с содержанием современных деревенских свадеб. Наблюдения участников экспедиции свидетельствуют о том, что у нынешней свадьбы не только сократились временные границы (тенденция провести праздник в один-два дня), но и несколько изменилось жанровое наполнение: на смену традиционным приговорам пришли свадебные указы, песни оказались почти вытеснены частушками, а причитания исчезли вовсе. И это не удивительно: ведь на современных свадьбах царит дух веселья и шутки, раньше более свойственный лишь второму дню этого семейного праздника.

Однако не вся старинная свадьба забыта: по сей день у чухломичей сохраняется почетная должность дружки. Ее с честью выполняют истинные знатоки своего дела. До сих пор на многих свадьбах звучит приговор подружки невесты, которая выносит елочку — символ девичества. Прощание с елочкой — «дивьей красотой» в представлении современных жителей деревни теперь связывается со свадебным днем. Здесь сказалось влияние традиции, сложившейся в конце 1920-х — 1930-х гг. Но старые жители помнят, что елочку выносили на подготовительном этапе свадьбы. Вот почему так противоречивы мнения рассказчиков, относящих вынос елочки то к сговорам, то к девичнику, то к свадебному пиру.

Нельзя не обратить внимания на игровые эпизоды *свадебного ужина и второго дня свадьбы*. Комическая роль дружки и его главной помощницы поварушки, которая готовит лапшу, чтобы накормить молодых перед брачной ночью, особенно выразительна в момент исполнения «Дубинушки» — песни эротического содержания. С этого момента действия участников свадьбы обретают совершенно иной характер. Здесь уже есть место ряжению и шуткам над молодыми. Всё, что происходило до этого, предается осмеянию и карнавализации: вместо нарядной елочки невесты несут сухую елку жениха, сопровождая ее появление пародийным приговором; вместо серьезных участников свадебного поезда появляется комическая группа персонажей-травести — пастуха, доярка, милиционера, которые разыскивают украденную телушку-невесту.

* * *

Подводя итог краткому обзору чухломской обрядовой традиции, хочется подчеркнуть, что этот материал до настоящего времени не получал целостного освещения. К сожалению, и в предлагаемом разделе читатели увидят картину далеко не полную, что объясняется многими причинами — и, в немалой степени, кратковременностью работы собирателей в Чухломском районе. Мы сознательно упоминаем об этом, чтобы стало понятно: речь идет о регионе, чрезвычайно богатом и интересном в фольклорно-этнографическом отношении.

В процессе подготовки раздела, посвященного традиционным обрядам и обрядовой поэзии, составители отказались от «отстраненного» комментария и собственных реконструкций, решив познакомить читателей с рассказами самих чухломичей. Предлагаем вам фрагменты полевых интервью, которые, надеемся, будут полезны всем истинным любителям русского фольклора и особенно тем, кто интересуется народной поэзией Костромской области.

Календарные обряды

ЗИМНИЕ СВЯТКИ (25 декабря — 6 января)¹

ХОЖДЕНИЕ СО ЗВЕЗДОЙ, РЯЖЕНИЕ, БЕСЕДЫ

1. Раньше каждый божественный праздник очень хорошо справляли. Если незнакомый человек пришел в этот день, значит, он гость. Хоть вот у нас у мамы двенадцать человек детей было, а каждый праздник разный стол делали.

2. Беседки, вот когда у нас Святки были, назывались — неделя... Вот от Рождества и до Нового года Святки называются. Так вот тут наряжонки часто ходили. Плясали, песни пели. К хозяевам поздравлять наряжонки не ходили, только в беседки и на свадьбу вот...

На Рождество-то звезду делали. Да, я помню, из Салова к нам ходили ребята, славил. Рождество пели. Какие там службы бывают в церкви, они такую пели, хозяев поздравляли.

3. Рождество большой праздник был. Съезжались вся родня, гуляли, за стол садились.

После Рождества, на второй день, назывались Святки. В каждой деревне нанимали избы, в них собирались девчата. И ребята приходили. У нас гармонь была с молоточками. В одной деревне погуляем, в другую пойдем...

Колядования у нас не было. Помню, был небольшим мальчишкой — собирались мы, Христа славить ходили. Лукошко без дна обклеивали бумагой, звезду наклеивали, свечку ставили туда и утром ходили Христа славить. Читали наизусть:

Рождество Твое, Христе Боже наш,
Воссия миром свет разума...

Я и сейчас это наизусть помню. Нам давали хозяева монетку. Потом все это ушло. Как в колхозы загнали, так и ходить не стали.

4. Христа славил. Фонарь делали, в нем свечку зажигали и пели:

Рождество Твое, Христе Боже наш,
Воссиянь ликуй мира всего...²

Нас угощали, потом и священники подаяние собирали. Им всегда давали. Священнику побольше, дьякону — поменьше, дьячку — еще поменьше. Просвирке — и той давали. И все на Святки гуляли до самого Крещения...

5. Мама моя рассказывала, как они со звездой на Рождество ходили. Звезду делали из палок, сверху игрушками украшали, золотой бумагой и шли с ней. Шли и хозяев славил. Хозяева их за это угощали.

¹ 7—19 января по новому стилю.

² Искаженные слова тропаря праздника.

6. В Рождество первый день молиться ходили, а на второй уж Святки начинались... Снаряжонком наряжались. Да кто как! Вот одна у нас нарядилась — быка ходит продает. Вроде она цыган. Торгуется:

— Купите бычка, купите бычка...

— А дорого ли?

— А мясо мое — кожа ваша.

Ну, сторговались. А тот, кто быком наряжен, выскочит из своей шкуры да бежать!

А кто-то лошадей нарядит. Накинет на себя что-нибудь сверху — голова такая — да идет, побрякивает.

7. На Святках мы рядились. Я любила парнем наряжаться. Кепку одевала, штаны. А другие — кто как. Цыганами и цыганками наряжались. Или бедными, плохо одетыми. Или ж, наоборот, богатыми.

8. Раньше всё веселей было. В войну приехала к нам из Ленинграда женщина. Хоть и война была, а мы веселились. Нарядили ее женихом, а одну девушку невестой. Уваль³ на нее надевали. Отца посаженного — всё как следует. Гостей позвали, всех посадили за стол. Потчевали. А все гости маски надели, лица закрыли, чтоб не знали, кто это. Угощение сделали. Вино... Ну, какое тогда вино — клюкву настояли. Молодая выть-то не умела. Девушка всё же, вот и стеснялась. Так старуху под стол посадили, старуха и выла, а будто девушка плачет. Так и гуляли.

9. ...Беседки были раньше. Делали вечеринки. На Святки по неделе гуляли. В мясоед беседки делали, а в пост, в Великий особенно, не давали родители делать.

На беседки приглашали друг к другу по очереди. Собирались только девушки молодые. И парни придут. Девушки сидели, пряли лен. Мать даст пряже куделю, и чтоб ей напрядь, а не так сидеть на беседке. Сидели с лучиной, пели песни старинные, красивые. А парни сидели около девушек, у той, которая нравится.

На беседках танцевали кадсель и русскую козулю. Гармошка была, балалайка, гитара, мандолина...

На Святки Христа славил ходили. К молодым хозяевам ходили, окликали молодых. На Святки еще наряжонки были. Еще на свадьбу, на Масленицу... В цыганку рядились, в поросенка, в корову, в медведя. В медведя и сейчас наряжаются...

10. На беседы ходили зимой. Пели, играли. Много интересного было. В «Гуль-гуль» играли.

На беседы ходили с пряжами. Парни подстерегут и все нитки растянут по улице, всю пряжу. Как матке показаться? Что наутро домой снесешь? <...>

На Новый год крыльцы заливали. Это было и на старый Новый год. Это мы в насмешку. Дак старики за нами с топором гнались... Ворожились.

11. После Рождества всю неделю Святки были, гулянье. Снимали девки избу, беседы устраивали, нанимали гармониста. Платили двадцать пять рублей за неделю, да всю неделю кормили по очереди.

И вот они едут в эту избу с сундуком нарядов. Утром женихи приезжали на тройках с шергунчиками: на шее у лошади — ремешок, а на нем — подзвончики — шергуны, а на дуге-то большой колокольчик...

³ Фата, вуаль.

И вот, значит, с утра погуляют, а в двенадцать часов переряд. Гармонисту надо поесть, да и гостей покормить. Потом до двух опять беседа. Была пляска такая — козуля, а в ней шесть разных номеров. И вот в последний вечер Святки жених-то возьмет с собой свою мать, привезет, посадит в кут и скажет: «Кого на все шесть возьму, та и невеста». После Святки и пойдут свататься.

12. Святки — праздник, который начинается сразу после Рождества Христова и продолжается целую неделю. Веселье на Святки устраивают только девушки. Парни тут ни при чём. Ни один парень об этом не позаботится, палец о палец не стукнет. В каждой деревне свои девчонки собираются, обсуждают, где найти избу для вечера (клубов-то раньше не давали, запрещали это всё), где найти керосин, лампы, ведь избу нанимали на целую неделю.

Каждый вечер начинался с восьми вечера и до часов трех продолжался. Весе-
лятся они так целых семь дней, да еще и восьмой прихватят. Не каждая хозяйка согласится отдать им свою избу. Еще одна забота девчонок — найти хорошего гар-
мониста. А парни считались гостями на святочных вечерах. Парни приедут вече-
ром в какую-нибудь деревню, час-два потанцуют в этой беседе и уезжают в другую
деревню. Девчонки сидят одни и ждут других парней. В это время они то песни
поют, то в карты играют. Женихи приезжали на беседу на лошадях, но лошади
были не у всех. Некоторые парни приходили в другие деревни пешком, хотя им
надо было пройти несколько километров.

Я про свои Святки расскажу. Изба, где мы собирались, была большая, несколь-
ко пар стояли. Танцевали козулю. Подруга моя меня пригласила. Она нас всех уго-
щала, кормила, на вечере угощали и приехавших ребят. На Святки готовили суп,
картошку, мясо, щи, кисели. Пища в основном простая была. Жили-то бедно. Пи-
роги пекли редко — дорого. Если с рисом испекут, то угощение считалось богатым.
Собирались мы в двухэтажном доме. На нижнем этаже девушки переодевались, а
на верхнем танцевали. Устанем мы танцевать, видим — ребята похуже остались, и
быстрее идем отдыхать. А как только появятся хорошие ребята, нас будили, и мы
опять танцевали...

В основном козулю танцевали. Гармонисту приходилось целый вечер только эту
одну кадрили играть. В козуле было семь колен. Пятая козуля — любовная. На нее
парни приглашали тех девушек, которых они любили. Самое длинное колено — пя-
тое и седьмое. А еще играли в игры накануне Нового года и накануне Воскресенья.
Эти вечера назывались игровыми. На Новый год было грех танцевать, и играли
только в игры. Играли в ручеек, глаза завязывали и ловили, парень вызывал де-
вушку или девушка парня...

СВЯТОЧНЫЕ ГАДАНИЯ

13. На Рождество и на Новый год были игровые вечера. Если девушке уже за-
муж пора, то она в Новый год гадала. А если еще молодая, ей еще погулять можно,
то она гадала на Крещение. А на Рождество не гадали. Гадали и на картах, и на
золотых кольцах — в стакан опускали и суженого смотрели. Девушка говорила:

— Я гадаю и загадываю,
А мальчик отгадывает.

А мальчик, если ему эта девушка не нравилась, говорил:

— Загадывай и ворожи,
Только меня не привораживай.
Я тебе не жених, ты мне не невеста.

Слушать на крестах

14. Это *хрестовая дорога* называется. На кресты ходили. И к нечистому, к чертям обращались:

— Покажите-ка мне
Суженого-ряженого!

И прислушивались: где собачка залает, где петух запоеет — туда выйдешь замуж.

15. Завораживаться бегали на перекресток. Одну [девушку. — *Сост.*] ставили в круг и ходили вокруг нее. Ходим и приговариваем:

— Суженый-ряженный, приходи!

И слушали, что почудится. Если пол заскрипит — сваты приедут. Стук — к покойнику. Но нам редко чудилось. Мы ведь боялись и повторяли: «Господи, спаси!» А этого нельзя говорить. Еще иногда говорили: «Покажись жених невесте».

А чтобы развораживаться, брали сковородник.

16. А еще вот как заворяживались: ходили ночью на кресты в деревне. Мы двое ходили молодых, третья старше была. Надо слова говорить:

— Тридцать три чертенка,
Тридцать три дьяволенка,
Сойдитесь, почудитесь
И нам покажитесь.

Мы поставим ее в середине и вокруг нее ходим. Тут вдруг словно как тес забрякал — мы и убежали. Она два года пожила — и муж ее умер.

17. На перекресток ходили заворяживаться. Возьмут помяло, на этом перекрестке крест так сделают. Девчонку поставят на крест на этот (у которой жених есть), а другая вокруг ходит с этим помялом не по солнцу, а в другую сторону:

— Черти лесные, болотные, собирайтесь, покажите, что где?..

А потом слушают, что покажется. Выслушают, а потом другую девку ставят. И нужно развораживать, как выслушает. Вокруг обходят в обратную сторону.

18. У нас Петровна заворяживалась. Так она чего-то сковородником вокруг обвела три раза на перекрестке, и всех тут чертей собирала. И все раньше ругались по-лесному, заворяживались. По-лесному, ну, там и чертей, и ведьм, и Бабу-Ягу, и всех тут. А потом надо было разворожить человека, значит, в обратную сторону эти три круга обвести, а то говорили, что нечистая сила задавит там или еще что.

19. Пошли мы с подружками заворяживаться. Меня поставили в круг, обошли, слова какие-то сказали. Я стою, слушаю. Вдруг слышим: едут, едут! С шаргунами. Мы стоим, а на другом поле едут. И замолкли. В нашу деревню приехали! «Ой, девки, развораживайте. Скорее!» Они в обратную сторону круг обежали, и мы скорее домой. Аккурат жених приехал в Крещение, посватался.

20. На Рождество ходили заворяживались. Вот, например, у меня сестра заворяживалась. Пошли они в двенадцать часов ночи на перекресток. Заворожились, она встала в круг. Что тогда говорят — я не знаю. Стоят все тихо и ждут. И вдруг — в лесу рубят. Во весь лес шум пошел — дерево упало.

Вышла сестра замуж — это точно. Старшая самая, Катей звали. У мамки нас девять было. Восемь девок, парень девятый. Муж умер. Взяли в военную службу.

Отслужил, ехал домой, тиф захватил. Дорогой умер. Не доехал до дому. Вот. По гаданию вышло. Дерево упало, срубили. Она в этот год замуж вышла, в этот год он отслужил и домой не пришел. Вот и ейная судьба.

21. Приходили свататься. Он с родителями. Я сказала: «Не пойду!» Подумать хотела. Мне и не дали думать. Привезли в сельсовет записывать.

А это, значит, зимой приходили [свататься. — *Сост.*], дак я с девками пошла завораживаться. Им все ничего — то шаргуны, то собачка. А мне всё из ружья стреляло. Мне говорят: «Значит, мужа убьет». А гадали так: из-под левой пяты беру снегу и кидаю через плечо назад, не глядя, кидаю. И мне в ответ стреляло из-за плеча. Говорю: «Ой, девки, у меня мужа убьет!» Сбылось — убили его потом.

22. Мужики молодые знали, что девки ворожат. А пошли ворожить мы к Мартянову в *седьмую сторону*. А мужики взяли кузов, накинули на кузов подстилу и шургунцы взяли. (Кузов — большая такая корзина, не прутяная. В ней сено носят, солому носят. А шургунцы на шею коню надеют, нашейник такой. Ремень, а на нем шургунцы. У каждого хозяина бывало, как в гости поедут, одевали шургунцы.) И с собой они шургунцы взяли. И сидят, дожидаются там... За овином или где.

Вот как тоже завораживаешься, где какой колокол будет? Слышат: «У-у-у!» Они нарочно: «У-у-у!» Дак, плетью по кузову и шаргунцам. А мы: «Ой, почудилось!».

Говорят, почудилось — скорее Богу молись, а то задавит черт тебя... Слышим, вроде, ближе, ближе. Вдруг видим — едут. Побежали. Ой, бежим, несемся. И они, слышим, за нами. И кузов, вроде, санцы. Как, это, настоящее, кузов вроде чернеется. Ой, спаси Господи! Лишь бы черт не задавил. Прибежишь, двери крестишь, где сидишь на беседках. Вот как шутили весело.

23. Завораживались девки — бегали за *девятую веку* (раньше дорогу вершили, веки ставили). Брали они сковородник, становились в круг и что-то говорили, я не знаю слов-то. Помню, подружки пошли, а парень был, знал, что они пошли. Он взял нашейник с шергунчиком и сумядом⁴ побегал их пугать. Мы сидим у евоной матери, а они прибежали, кричат ей: «Разворожи нас, там нечистый!» А он прибегает, смеется.

Полоть снег

24. Девчонку ставили на круг, очертим сковородник на снегу. Она повернется кругом на пятках и начинает приговаривать:

— Я полю, полю белый снег,
Ты возлай, возлай, собачка,
У свекра на печи,
У свекрови у шестка,
У добра молодца на постелюшке.

А потом слушаем. Однажды *пололи снег* и слышим: едут из деревни. Говорим: «Пойдемте, девки, за Миронову баню!» Ушли. Ждем, а никто не приехал. И скрип, и лошадь — всё показалось. А та, на которую гадали, вышла замуж в своей деревне.

25. Брали снег из-под левой пятки и пололи — в подол насыпали и кольцо туда бросали. Называлось это *золото полоть*. А потом в кольцо смотрели, суженого чтобы увидеть. Говорили:

— Суженый-ряженный, покажись.

⁴ По снегу, в обход дороги.

26. Ходили завораживаться. Кольцо наденешь на палец. И над снегом приговариваешь:

— Полю, полю белый снег,
Со золотом, со серебром,
Приснися мне моя судьба.

Потом смотришь, приснится ли тебе жених.

27. На Святки гадали — снег пололи. Брали у женщины кольцо обручальное, в снег его совали и приговаривали:

— Я полю, полю белый снег,
Злая⁵ собачка
У милого дружка на кроватишке!

Потом уже что во сне приснится.

28. Побежим и ребята и девки в поле за воротцы. Вот это, берешь этого снегу в подол, так трясешь:

— Белый снег...
Я полю, полю белый снег
На собачий след.
Ты возлай, возлай, собачка,
На чужой стороне —
У свекра на дворе,
У свекрови под шестком,
У младушки на кроватишке...

Вот и ждешь. И как тебе почудится, вроде собака залает. В той стороне и судьба моя. Ну, у меня кавалер был в другой стороне. Я его обожала, и он меня обожал. И жду в ту сторону, когда собака залает. Вдруг в нашей деревне сзади собака залаяла у соседа. Ну, это Павлова собака, не та, наверное.

Потом другая выслушивала.

29. Снег пололи. Вот на крестах. В фартук, в подол снег брали и говорили:

— Полю, полю снег
На батюшки белый след.
Где собачка взлает,
Туда и замуж отдадут.

30. Ворожили раньше. На Святки приезжали гулять из разных деревень. Бывало, насоберется целая изба народу. Решили идти завораживаться. И пошли на перекресток. Поставили парня, заворожили — нет ничего.

Ворожили его. Ходили вокруг него и приговаривали:

— Полю, полю белый снег,
Со золотом, со серебром.
У матушки на палатушке,
У батюшки на кроватишке,
Миленький, ау!

Громко так «ау!» кричали. И мерещится. То мерещится, как тройка едет. Это значит замуж выйти. То собака залает — это тоже к замужеству. Это меня когда поставили, собака залаяла. А то поставили Костю Васильева. Он слышит — доска упала. И отец его потом умер. Это к смерти чудится.

⁵ Искаженное «залай» или «взлай».

Слушать под окнами, овинами, на церковной паперти

31. Бегали ночью в Святки после двенадцати, садились там, где свет горел, под окнами и слушали. Кто что скажет, то и сбудется. Мы сели под окнами больницы. А там как раз выносили покойника. Мы испугались и убежали.

32. Еще под Рождество гадали — ходили девушки подслушивать к избе жениха. Слушали, какое слово первое о женихе скажут, узнавали, какой жених будет.

33. Девушка ложится на снег за три-четыре метра до церковной двери. Потом перекачивается до церковной двери и прижимается к ней: слушает. Если звон колоколов послышится — замуж выйдет, а если со святыми упокой запоют — умрет скоро.

34. Гадали на паперти. Придешь и слушаешь, что услышишь. Один слышал, доски брякали, — так и помер в тот год.

На встречного

35. На Святки ворожили. Ходили за ворота. Стукнем в дом и слушаем, кто выйдет: мужик или баба. Если мужик спросит: «Кто там?», — замуж скоро. Так мать, бывало, сидит дома, знает, что девки придут ворожить, так и говорит: «Дедуля, пойдя, сходи оклики девок-то». Дедушка встанет, еле ноги переставляет, а за жениха и скажет: «Кто там?» И девки завизжат да разбегутся.

36. У попа заворачивались. Стучались в крыльцо. А сами между собой договаривались: «Попадья выйдет — замуж не выйдешь, поп выйдет — выйдешь». Стучимся, выходит поп. Кричит: «Кто здесь?» А мы спрятались.

37. Еще гадали — просто стояли за воротами, у ворот. Когда кто-то шел по улице, мимо ворот, спрашивали имя идущего. Если имя было мужское, то это имя жениха. А если женщина проходила или женское называла, то не выйдешь замуж в этом году⁶.

38. Соцельник-от накануне Рожества, соцельник рожественской. Варили кашу, кутью называлась, она из пшаницы, и, значит вот, загадывали. Берешь ложку кутьи и бяжишь по дороге: кто встретится, мужик ли, девка. А кутья прямо в руке, с ложкой прямо в руке. Это заворачивались. Если замуж выйдешь, дак то мужик встретится, а не выйдешь, дак баба встретится.

Предсказание будущего по ощущению (осязанию)

39. Под овин руку пихали, и там рукавица покажется. Если рукавица — богатый жених, а если голая рука — то бедный.

40. Девки на Святки гадали. К овину надо было задом пятиться. Как тебя погладит — так и замуж выйдешь. Если с шерстью — за богатого, если голой рукой — за бедного. А мы в овине-то спрячемся, подкараулим девок, и лопатой!.. Визгу-то!

⁶ На этом же принципе основано следующее гадание: «Еще раньше девушки гадали — бегали в сарай и хватали в темноте петуха или курицу, кто попадется. Если схватишь петуха, то выйдешь в этом году замуж, если курицу, то нет». (Зап. от той же исполнительницы.)

41. К поленнице подходит девушка. Берет первое попавшееся полено. Если гладкое — муж будет с хорошим характером и достатком. Сучковатое — очень тяжелый характер, своенравный, жизнь будет с изъями. Недоколотое — овдовеешь. Много коры — муж будет старый.

Гадания типа чет-нечет

42. Обнимали прясло⁷ руками на полный размах и вели отсчет. Если четное число — в этот год выйдешь замуж. Если нечетное — значит нет.

43. Поленья вот так охапкой захватывать, будешь печку топить когда. Вот, парно принесешь, дак замуж выйдешь.

44. А потом к амбару побежишь. Там достанешь какое бревно — и до низу. И вот опять считаешь: мешок, сусек, мешок, сусек. Это сусек — богатый. А мешок — бедный.

45. Много разных было ворожбов. Пойдем клити⁸ мерить: «Мешок — анбар, мешок — анбар, мешок — анбар...» Если на мешке кончается — за бедного идти замуж, если на анбаре — за богатого.

46. Потом идем к тыну и смотрим, сколько этих тышников. Заметим: эта тышница, эта. И считаем: «Вдовец — молодец, вдовец — молодец...» Вдовец или молодец. «Ой, вдовец!..» А кто — молодец.

Гадание с колечком и водой

47. В старой нежилой избушке кольцо опустила в воду, и лила воду в стакан, и в нем его увидала в той рубашке, в которой он свататься приходил.

48. А еще наливают воды в стакане. Кольцо надевают на булавочку, на шпилечку и опускают. И вот в краешек смотрят. И в этот краешек человек покажется. А смотрят в любое колечко, только в круглое, без камушков.

49. Я сидела там. А собралось нас несколько девчонок. Это уж в Святки, на Новый год. А одна девчонка насобираала колец, чтоб глядеть, обручальных. И надо на скатерку белую стакан воды, а колечко туда опустить. И оттуда выходит. Она говорит: «Ты погляди, что вышло-то!» — «Ой, такая фотокарточка!» Всё правильно показало.

50. Чистый лист бумаги. Насыпать песку на эту бумагу. Кольцо. Налить в стакан воды, немножко не целый. Поставить этот стакан на песок. Опустить кольцо и сидеть так до двенадцати часов ночи. И сидеть, и сидеть... Вода мутится, мутится, мутится.

Подруга была. Ты, говорит, одна сиди. Я-то одна была. Что мне вышло: два мужика стоят и лошадь. У меня два жениха: один пешком пришел, другой на лошади приехал. Я подругу и крикнула: «Иди-ка сюда!» А она: «Что ты, замуж выйдешь, или что, а тебе вот что показало». Ну, в этом году я и вышла.

У меня было два жениха: Костя и Степан. Мы уже расписались со Степаном, но Костя заставил развестись и выйти замуж за него. Вот Степка приехал на лошади.

⁷ Прясло — часть забора, несколько дощечек, сколоченных вместе на одной доске.

⁸ Клити — амбар.

Расписаны уже были. За мной. В Понежском праздник, а мы записаны. И еще не жили. А этот Костя пришел.

Вот мне и вышло в стакане: сани, по эту сторону — мужик, и по ту сторону — мужик. И лошадь стоит. Так и вышло. Так и было, я Нюшку [подружку. — *Сост.*] позвала, и она видела! Оно долго показывало. Лошадь стоит, дуга. Мужик стоит тут, и тут мужик. <...> Ну, уж небольшие, в стакане больших не покажет, а всё явственно.

51. Все соберутся вечером девки. Достанут стакан, и колечко в стакан опускали. И смотрят, что выходит. Если золотишки повылезает, побегут — значит, замуж выйдешь. Любое колечко. Только чтобы без украшений.

Гадания с зеркалом

52. Собираются вечером несколько девушек, садятся около зеркала и смотрят в него. Той девушке, которой суждено выйти замуж в этом году, покажется в зеркале жених, а та, которая останется в девицах, ничего не увидит. Во время гадания на столе рядом с зеркалом девушки ставят стакан с водой и кладут обручальное кольцо.

53. Еще обручальное кольцо брала и сквозь него в зеркало смотрела. Не знаю, — кажется он, наверно.

54. Гадали с 7-го по 19-е января. Ставили два зеркала перед собой, одно против другого, чтобы одно в другом отражалось и ты бы видела свое отражение тоже. По краям ставили две свечки. В комнате остаешься одна. Смотришь очень долго и пристально, стараешься не мигать иногда до тридцати-сорока минут, до того, пока слезы не пойдут. У меня возникла пелена, потом дорога, и вдалеке идет парень. Он стал приближаться. Едва мне стали видны черты его лица, я крикнула, бросила зеркало, выбежала из комнаты. Бабуля ждала в соседней комнате за дверью. Она и ее подруга вновь заставили меня сесть и смотреть.

Появилась другая картина. Увидела голову в зимней шапке, и он медленно стал поворачивать голову. Я вновь не выдержала, бросила зеркало. Виден был профиль. Стало жутко. После этого лет через пять встретила своего мужа в Доме культуры на танцах. Гуляли по улице зимой, и он шел впереди и повернул голову так, как было в зеркале. Я рассказала маме (бабушка в то время уже умерла), и она сказала: «Да, это твой муж, от него не открутишься, не отвертишься».

55. Садятся в подпол на помело, одно зеркало к другому поставят, чтобы отразилось одно в другом. И смотрят. Я так сделала и тоже его увидела.

56. У нас раньше в Солигаличе двухэтажный дом был. Зимой внизу жили. На второй этаж, в нежилую часть бегали на Святки, заворачивались. Волосы-то раньше были не стрижены — косу расчешут и сядут на шесток перед печкой, задом к челу, к устью-то. Держат перед собой зеркало. Смотрят и говорят:

— Сужено-ряжено,
Покажись-появись!

При этом еще свечку зажигали, чтобы мерцалось и чудилось.

57. Бабушка рассказывала. Они заворачивались: распрягали лошадь, с потной лошади на себя надевали хомут. Садились перед зеркалом. Сзади должен был появиться-

ся суженый. Бабушка села с хомутом. Сзади подошел теленок, она забилась, закричала, никак не может выпутаться из хомута. А теленок забегал, не знает, где деться.

58. Еще смотрят зеркало. Смотрят зеркало на месяц. Когда на месяц смотришь, зеркало наставишь и смотришь, сколько месяцев в зеркале покажется. Вот и считаешь, сколько у тебя детей будет. Это тоже около Нового года гадаешь.

Гадание с курицей

59. Несколько девушек идут ночью в лес, каждая из них насыпает кучку земли и кладет в нее какую-нибудь вещь (кольцо, булавку и т. д.). Пускают курицу к этим кучкам: какую кучку она разгребает, та девушка выйдет замуж в этом году. Это гадание сбывалось.

Однажды на Святки пошли мы в лес гадать. Гляжу, курица разгребла кучку моей подружки и достала ее булавку. «Вот, — говорю я, — тебе в этом году замуж идти». Так и случилось: подружка вышла замуж.

60. Сыпали вот так зерен по столу. Курочку сажали, положат с руки колечко. Какое колечко курочка выгребет, та и замуж выйдет.

61. Чертили круг на полу, бросали туда горсточку овса, колечко. Приводили курочку, она начинала клевать овес, чье колечко выбросит за круг, та выйдет замуж в этом году.

62. На полу в избе насыпем овса и кольцо положим. Курица станет овес клевать, если кольцо обойдет, значит замуж не скоро, если поклюет, в том же году и посватают.

63. Девки воровали зерно у попа — чашку всего. Насыплют в избе кучкой и кольцо туда клали. Потом принесут петуха и смотрят: петух зерно клюет, куда кольцо выкинет — туда и замуж выйдет.

Гадание по направлению движения предмета

64. В Рождество девки в подвале ворожили: делали деревянный круг, насыпали овса, клали кольцо и пускали курицу. В какую сторону кольцо покатится, оттуда и жених будет.

65. А то еще выйдем из дому и кидали башмаки через крышу. Куда башмак смотрит, оттуда суженый. Гадали под Новый год, в двенадцать часов ночи.

66. На Рождество девки гадали. Через вереву, бывало, уйдем и валенок бросаем. Куда он носом — туда и замуж выйдешь. Обратно надо было босиком бежать.

67. В избе ставят девушку, завязывают глаза, раскручивают ее. Смотрят, куда пойдет. К двери — выйдет замуж. К печке — сидеть ей еще у родительской печки, на бабкиной шее.

68. Борону таскали: у меня так сестра старшая гадала, выйдет ли замуж. Старую борону таскали по деревне, а потом она ее разрубила на четыре части, и, пока рубила, зуб из бороны вылетел. Так уж примечали: если зуб из бороны вылетит, то замуж выйдешь. И точно, она в этот год и вышла замуж.

69. Наливали воды в таз. Каждая девушка пускала в воду деревянную ложку. Ложка плыла по кругу. И если ложка какой-нибудь девушки отойдет в сторону, она выйдет замуж.

Загадывание будущего по силуэту

70. Еще бумагу жгли и смотрели, на что похоже. На тень смотрели, и получалось: если крест — умрешь, если церковь — венчаться будешь, если птица какая (курица) — достаток будет.

71. Жгли бумагу на сковороде. Бумага бралась та, которая в ходу, которую брала в руки до гадания. Скомкав ее до состояния мягкости (она грелась руками), после этого — на сковороду. При свечах, без электрического света. Поджигаешь с трех сторон крестом: когда горит, смотришь на силуэт. У подруги вышел гроб — у нее мама умерла; другая увидела лес — уехала работать в лес, закончила лесотехнический; третья — машину с шарами — вышла замуж; я — собаку: встретила мужа (собака — верный друг).

72. Яйцо лили. В стакан воды нальешь. Разбиваешь яйцо. Надо разделить желток отдельно, белок отдельно. И льешь только белок. Вот сливают и смотрят, какая фигурка получится. Это делают в Святки. С Нового года аж до Крещения.

73. Еще точно так же гадали, но со свечкой. В студеную воду капали воском с горячей свечки и смотрели, какая фигура в воде из воска получится.

74. Сырое яйцо разобьем — и в воду (в стакане). И посмотрим, как всплывают купола: один или два, или три. Сразу ясно, какая церковь, в каком приходе. Туда и замуж возьмут.

75. А то еще случай был со мной. Гадание сбылось. А гадали так. Взяли стакан с водой, в него яйцо сырое, только белки. И смотрели, какую форму примет. У меня вышла церковь. И точно. Я в тот год в Нагорье переехала, как замуж вышла. Там церковь была — точь-в-точь.

Гадания на сон

76. Еще дома на Рождество заворачивались. Когда ложились спать, говорили:
— Сужено-ряжено,
Приходи ко мне будить меня.
Вот он придет и окликнет. Жениха так узнавали.

77. Вот еще на Новый год заворачивались. На сон. Попросишь подружку: «Ты меня обсей, я лягу спать». И вот зернышками с *последнего снопа* засеивали. И во сне покажется жених.

78. А потом были жнивы у нас — жали овес, последнее поле. Брала последний сноп, и мамонька теребила эти... веточку овса и клала в карман. Ну, мы не знали: «Ма, ты на что это?» А она: «А это надо». Ну, я была тоже в девчонках; она меня взяла и обсеяла овсом. Вот, я встала, и она меня спрашивает (наверно, нарочно спрашивает):

- Нюш, ты чего сегодня видала во сне? Что-то кричала?
- А что?

— Не знаю.

— А я, мам, что сегодня во сне видала. Ходила в Олешково по ягоды, нас целая деревня пошла. Идем-идем, за Олешково ушли. Идем, вдруг колушка какая-то, мне тоже знакомая: я бревна навалила. Вдруг стадо коров ходит, и в этом стаде бык красной, говорю! Большой красный бык. Я говорю: «Ой, девки, девки, бык какой! Господи, наверное, бодется».

А отец и говорит:

— Это, наверное, олешковский Сашка Молчанов, другой парень. Не забодал бы тебя.

А я говорю:

— Ну да, мало ли!

— Да, да. Ну что, забодал тебя?

Я говорю:

— Народ-то весь ушел, а я вдруг осталась. Я пряталась от него туда, сюда. Господи, теперь я народ потеряла и голосу не слышу. Всё, осталась одна. А лес большой, одни мы не ходили, страшно было.

И вот так увидела, посмеялась. А потом я встала и смотрю: что такое? — овес... На моей постели овес? Не знаю, что такое? Разве у меня в кармане овес был? Нет, не знаю, что такое. А это мамонька меня обсеяла. Ну, я, наверное, не кричала. Это она вызывала меня, чтобы я рассказала сон.

79. В ночь с шестого на седьмое января снимаешь пояс или ремень (что ближе к телу), переплываешь через левое плечо три раза и ремнем начинаешь хлестать по правой, а потом по левой верее⁹, при этом приговариваешь:

— Веря ты, веря,
Сколько лет стояла,
Сужена видала,
Сама посмотри и мне покажи!

Так произносишь три раза, потом идешь, ни с кем не разговариваешь и ложишься спать. Под подушку кладешь ремень (или пояс), на утро разгадываешь сон. Мне приснился лес и дорога — сказали, что никуда не уедешь, а я хотела уехать из деревни. Но судьба вернула сюда.

80. Верю хлестали [поясом. — *Сост.*] и говорили:

— Веря, веря,
Покажи жениха!
Пояс ты, пояс,
Покажи свадебный поезд!

А потом ждет, что увидит во сне. К одной во сне подошел парень и хлестнул проволочкой по носу. Утром проснулась — на носу — красная полоса. Так и осталась. А замуж никогда не вышла.

81. Замок под подушку клали. Примечают, кто отпирать придет во сне, тот и жених.

82. Еще, бывало, запирали дверь на замок. И ложились спать, приговаривая:

— Суженый-ряженный,
Приходи за ключом.

⁹ «Веря — два столба в воротах, где вешается калитка» (прим. исп.).

Он и снился. Может, и никто не снился. Это значит, что не выйдешь в этом году замуж.

83. Ведра запирают, а ключ под подушку кладут:

— Суженый-ряженный,
Приходи ко мне коня поить,
Ведра просить.

84. На ночь наливали в два ведра воды и ручки запирали. Ложась спать, приговаривали:

— Суженый-ряженный,
Приходи коня поить,
Ведра просить.

Если ночью приснится, надо вставать, идти отпирать. А если лошадь фыркнет, опрыснет водой — болячки пойдут.

85. Иногда ставили рядом два ведра с водой. И замком их запирали. И ложились, приговаривая:

— Суженый-ряженный,
Приди ко мне,
Дай из ведра попить.

Он и приходит ночью.

86. Ведро замком запирают, а ключ под подушку клали. И говорили:

— Суженый-ряженный,
Приходи за водой,
Ключ приноси с собой.

Коли придет за водой — будет спрашивать ключи.

87. Мы спать ложились когда, тоже заворачивались. Вот, сделаешь из спичек, как колодец такой. Потом, вроде, попьешь. Вот к этому подойдешь:

— Вдовец, молодец,
Напой девицу из ключевого колодца.

Ну вот что во сне ты увидишь. Ну, и смотришь, вроде этот парень. Так думается. Я-то думала, свой деревенский. В такой точно тужурке. Ну, когда уж он женился, то была тужурка-то моего мужа. А его и дома-то тогда не было еще.

88. На Рождество ложились спать и ложили спички под подушку. Спички складывали колодчиком, а одну надламывали, чтобы как крюк выглядело или журавлик. И говорили:

— Сужено-ряжено,
Приходи воду таскать,
Крюка просить.

Я видела во сне. И сбылось.

89. Сестра загадала. Взяла тарелочку, налила водички, сделала мостик из спичек от края до края тарелочки. Ставит ее под кровать и перед сном говорит:

— Кто через мостик пройдет, тот мой суженый!

Утром просыпается вся в слезах:

— Мама, мне баран приснился!

90. Крошки хлеба (свои, не чужие) от ужина кладешь под подушку, завернув в тряпочку. Приговариваешь:

— Суженый-ряженный,
Приходи докушивать!

91. Надевали на ногу носок или чулок и на ночь говорили, на сон:

— Суженый-ряженный,
Приходи меня разувать.

И приснится.

92. Под Новый год обновку под подушку клали:

— Суженый-ряженный,
Приходи обнову смотреть.

93. Берут карту игральную и под подушку кладут, если на жениха загадываешь, то короля.

94. Еще на Святки кладут под подушку карту — вальта. Чтобы жених показался. Если белой жених — то бубнового али червоного, и если черный — то темную карту. Ну и скажешь:

— Суженый-ряженный, приходи!

Коли придет — выйдешь замуж. Но я никого не видала.

95. Сложенные брюки под подушку клали. Я во сне три гребенки видела: первую — рыжую, вторую — коричневую, а последнюю — черную. И сбылось. Последнее сбывается: за чернявого замуж вышла.

96. Говорили:

— Сужено-ряжено,
Приходи ко мне
Голову расчесывать.

Перед сном гребенку положишь под постелю. Он и придет волосы-то чесать.

97. Еще гребень под подушку клали. На нем волосы будут утром. А у одной девки брат пошутил — лошадь начесал и положил ей. Дак она утром встала, испугалась. Ну, а ей рассказали всё.

СВЯТОЧНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

98. Пойдем к девушке, парни пятнадцати-шестнадцати лет. Возьмем ведро воды. Снегу под дверь накладем, водой польем. Примерзнет дверь — нельзя отворить.

99. Под дверь подставим рогатку, бревна — дверь нельзя открыть.

100. Полено привязывали веревочкой к дверям, отбегали за забор. Дергали. Бревно стук-стук. Она выскочит — никого нет. Только в дом войдет, мы опять стук-стук. Пока не догадается, что к ней пришли.

101. Пугали «горохом». Палкой по бревнам стены проведем. Девушки пугались и выскакивали, старухи говорили: «Идите, женихи пришли!»

102. Залезем на крышу. Возьмем стекло и закроем трубу. Дым идет в избу. Родители говорят дочери: «Иди, Манька, женихи пришли!»

103. Трубу закроют, дыма напустят в дом. Иногда куриное перо спустят в трубу, так как потом прочистить-то?

104. Или, например, парень с какой девушкой гуляет, так от его крыльца к ее крыльцу золой посыпали — а ведь тогда было строго, чтобы родители не узнали. А тут — вот как указывали.

МАСЛЕНИЦА

(восьмая неделя до Пасхи, Сырная, заговенье на Великий пост)¹⁰

КАТАНИЯ НА ЛОШАДЯХ, НА КАЧЕЛЯХ И С ГОР

105. На Масленку все праздновали. Свой день был в каждой деревне. Со всех деревень съезжались на лошадях кататься. Устраивали ледяные горки. Качели были *круговые* и *маховые*. Круговые — это когда через голову летишь, а маховые — это когда доску привязывают широкую и длинную. На такую доску человек по десять садились. Все визжат, орут. И раскачивались сильно очень. Еще *вертушку* делали: столб вкапывали и водой обливали, чтобы вмерз. Наверх толстую жердь прибавляли и подвешивали *зыбку* — прутьяную такую корзину. И туда садишься. А они снизу крутить начинают. Так раскрутят, что в голове все вверх дном. И кого выкинет в снег, того и купают. Все смеются, все вымокнут, потом пойдут чай пить.

А с ледяных горок на коньках, на саночках, на подсанках катались.

106. На Масленицу тоже целую неделю гуляли. Катали с горы на дровнях, оглобли снимут и катаются. Еще кто на коньках, кто на корышинках катались. Гору водой поливали, снег в лед превращался. Основное гуляние было на воскресение. На лошадях катались, нарядят их. Еще костер жгли. Набросают в костер дрова, колеса и вечером жгут. В снег валяли друг друга.

Еще на Масленицу пели на доске. Доску поставят под подбородок и поют — далеко слышно, резонанс как бы делается.

Еще ставили качели большие, *круговые* и *маховые*. Круговые делали так: зарывали два столба, на них клали бревно так, чтобы оно могло крутиться, а в бревне дыры проделывали и в них вставляли четыре пожилыны — жерди. К пожилинам с разных концов люльки привязывали. И снизу два человека крутили бревно с люльками. Получалось как чертово колесо в парке. Одна люлька наверху, вторая внизу. Интересные были качели.

107. На Масленой качели устраивали: *круговые*, *маховые*, *вертушки* тоже. С гор катались.

Однажды дедка старый пришел к горе, а одна вдова веселая повалила его на рагузку¹¹ и покатила. Все хохочут, кричат: «Уронишь! Убьешь! Да сама-то не убейся!» А она как запоем: «Я пойду, да пойду на чужую сторону...» Свадебную-то песню.

¹⁰ Обычно конец февраля — начало марта.

¹¹ «Рагузка — плетенка из соломы» (Прим. исп.).

108. На Масленицу гуляли — с гор катались: лодку намажем навозом и с горы в ней катаемся. Парни девок в снегу купали.

Помню, Масленку жгли — в поле привезут дров да соломы, костер сделают. Жгут да песни поют. В Куливертове костры жгут и до сих пор.

РЯЖЕНИЕ

109. На Масленой большое веселье было, гулянки. Парни веревку перетягивали. Делали ледяные горы, катались с гор-то. Наряжонки, конечно, на Масленой были.

Вот, помню, наряжались. Сама-то пастухом, барабанку себе повешала, а у меня шкура телячья была, соседку быком нарядила, и пошли мы на гору. Я ее на веревочке веду, в барабанку стучаю, а шкура-то с хвостом, ей конторские девки и заступили на хвост! Веду ее, барабаню, а она орет: «Му-у-у!» Привела ее на гору — на горе качались, качели были, там гармонь была, и мой бык-то и пошел плясать! Весело было!

110. А у нас ребята были затейные. Нарядятся, шубы вывернут, выворотят и наденут. Придут, бывало, песни поют:

Ванька Таньку полюбил,
Сарафанчик ей купил...

Или другие какие-нибудь. В бубен бьют и в *треньдель* — это железная такая колотушка, с ней песни выпевали.

Еще, бывало, ребята наряженные с шашкой придут и махаются. Так вот махались, одному переносье-то и повредили, с рубцом ходил.

111. Мальчишки-школьники, и я в их числе, рядились под медведя, барана, козла, быка, надевали перевернутые шубы, ходили по деревне, около домов плясали. Потом за деревней (чтобы не устроить пожар) на видном месте, по возможности на высоком, укладывали дрова, в них втыкали шест, наверху — снопы соломы и поджигали. Здесь мы боролись в снегу, бегали, веселились вокруг огня.

МАСЛЕНИЧНЫЕ ОТГАЩИВАНИЯ МОЛОДЫХ. КОСТРЫ И КУПАНИЕ В СНЕГУ

112. На Масленицу с гор катались. Санки у нас были. Блины пекли. *Качулю* делали — три жерди вбивали, веревку привязывали и доску. На доске катались. А если у кого зять молодой, то за ним едут в среду, он у тещи всю Масленицу гостит. А если молодые уже два-три года как поженились, то они только в субботу к теще приезжали.

113. Лепешки и блины пекли. Молодые ездили к родственникам на блины. За деревней костер жгли из старья всякого. Чучело сделают. Веники вместо рук, и фуфайку наденут, горшок на голову треснутый. У *теплинки* всех купали. Молодых из снега не выпускали. На беседки ходили. У нас на беседах не плясали, только играли.

114. Праздник очень весел, как мы на Масленой гуляли. У нас деревень много было, и с каждой съезжаются. Лошадей!.. Мы сбруи чистим, все готовимся, и у нас, бывает, на лошадях молодежь катается. Все деревни объезжали, одеемся в

самое хорошее: пальто, шали... У меня был капор розовый... И вот едешь по деревням. Качель круговая, ледяная гора.

Вот приедешь — я качаться боялась, не качалась, но ездить — ездила. Вот садишься. Дечонки на места, а они на козлах, а которые женихи вот, желают, чтобы солнце впереди, а мы за ими. Это всё видать, что кто-то кого-то обожает.

А потом в Масленицу бывает, в последнее воскресенье свозят ребятишки дрова, ходят по деревне. Вот приходят: «Бабка, дай нам дров». Вот ты выходишь — дров даешь, поленья да разные тут палки.

«Нате, ребята, вот это везите». Вот и повезут на Масленицу большую кучу дров. У нас деревня там, Вотча называется. По эту сторону вся деревня, всё видать. А наша — низко место, болотисто.

Масленицу-то больше десяти зажигают. Вот, как стемнеется, вот и пойдешь, смотришь: там начало, на той стороне. Вот и идешь всё. Все к Масленице: старый и малый... Вот и давай на Масленицу: снегу много, кидают, валяются в снегу. Все мокрехоньки... Подойдешь к теплинке, оно растает всё. Вот весело так. Как какое-то вроде драки, так посмотреть бы. Да оно для веселья, не обижались, кто кого ударил... Возьмут за ноги, а другой толкнет и... в хорошего человека он полетит. Весело было!

Как костер навожен, все на Масленицу. И вот всё он горит. И до тех пор, пока уж все прогорит, головешки.

А потом, когда кончается, небольшая тепlinka, ребята перескакивают. Говорят, ежели тепlinkу перескочить, то замуж выйдешь. Вот и бегают, носятся как сумасшедшие.

Молодые все у тещи гостили, чуть не целую неделю.

115. Масленицу справляли весело. Все, бывало, на улицу выходили. А костры-то какие жгли! До вечера разжечь не могли. Масленку наряжали. Берут дров и соломь. Жердь большую-большую ставят в снег. Ну, на ней, значит, сперва вешают бочку из-под дегтя, чтобы весело горело. Сверху соломь оденут рубашку, всунут вместо рук палки, шляпу наденут, а она горит-горит. Дрова еще со всей деревни соберут. А мы, маленькие, сами себе Масленку делали. Большие-то дрова везут в санях, мы тоже дров просили, а если не дают — воровали. Да нет, все давали. Только, если уж совсем бедные, но мы там и не просили.

116. В четверг я пеку блины, готовлю угощение, и Игоря, зятя с дочкой ко мне — всё, сегодня теща угощает. Это уж обязательно, вечёрки тещины. А в пятницу уже: «Мам, к нам приходи!» Я им подсказываю, они теперь-то знают. «Мам, завтра к нам с папкой приходите». Они пекут всё, готовят угощение... Они в квартире живут. У нас идет всё поэтапно: мы молодые жили в той квартире, теперь они молодые, в той квартире живут. Мы дом построили, теперь им дом строим рядом, только не можем всё построить. Как Исáковский собор всё строим, долго...

А в субботу общее гулянье идет, последнее масленичное. А уж в воскресенье жгут Масленицу. И сейчас мы жгем, мы постоянно жгем Масленицу. Вот у реки, купание...

Во-первых, с утра у нас трактор едет. Раньше на лошадях — теперь на тракторе возим, всё собираем: дрова, эти всякие бревнышки, кто чего — баллоны, чтобы дымил лучше. Все в саже ведь, все черные, страшные, купаются там.купают вечером, а вот днем всё собирают. Масленицу всю соберут, а внутрь кидают всё, что кто-то дает. Вот такой сруб прямо делают, и вот такая вот Масленица горит — дак это вообще! И чучело жгем, это днем жгем. Такую бабу из соломь, всё увязы-

ваем, харю красим, она у нас такая... Мы пряху вот так обвязываем, потом платок, а тут уж намалевываем ее, она у нас такая стоит, еще гитару дали ей нынче, она с гитарой горела у нас, по-современному. Вот здесь горела, подожгли...

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МАСЛЕНИЦЫ. ПРОЩЕНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

117. На Масленой играли: за подарком лазили. Столб поставят высоченный, вверху — перекладина, на ней — подарки. А то столб водой обольют — по льду-то никто не залезет.

118. В Прощальное-то воскресенье столб поставят, на столб — бутылку, и вот парни залезают доставать.

119. В Масленку жгли. Где-нибудь на опушке складывали высокий костер, зажигали. И как искры полетят, все и заорем, все в один голос: «Лепешки полетели! А и ты лети вместе с лепешками!» Все толкали друг друга в снег. Бывало, промокнем до нитки.

120. Всякие игры: на столбе там, дерутся мешками. На столб залезают. Прошлый год один у нас, физрук, забрал все призы, так его все краснониевские догоняли. Догнали, отобрали; один ему дали, остальные забрали. С Введенского физрук наш, Михаил Павлович, забрал и, главное, как дунул бежать, а все за ним! Это в воскресенье гулянье такое, и песни поют, и блины кидают в костер, чтоб урожайный год был. И катанья, и гулянья, и купанья — в снегу. Оно же всё порастает от костра вокруг, и тут чернота-то, и все-то черные, замызганные, и борются, и валяются. Прямо колом замораживает!

121. Раньше на Масленицу такие костры жгли, до неба. Уже к двенадцати часам как возьмут мужики жердь, как дадут искры и кричат... Детей же много было. Раньше был пост, а маслено пусть у тебя останется, а завтра тебе уже не дадут. Поют и кричат детям: «Глядите! Вон ваши лепешки полетели!» Искры-то летят. И тако внушение было, и все знали, что лепешки улетели, не просили и никто не ел. Придут от костра и всё.

Прощеное воскресенье было. Говорили:

— Прости меня Христа ради!

— Бог простит!

Уже после двенадцати часов как от костра идут — уже просят, но не дети, а взрослые, и прощаются и целуются.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

122. Великий пост настанет, принимаемся за дела. На беседки, посиделки приходили все с пряжами, ребята с лаптями. Все в одной избе собирались, веселились. Дак, бывают... так разойдутся, что кудель сожгут. С лучиной-то сидели.

123. Раньше девушки на беседках пряли. Когда уходила девушка гулять, спрашивала: «Мама, можно мне гулять?» — «Можно. Только тебе задание: два клубка за вечер напрядь». Лен пряли, для кросен, для ткани. И вот они пряли, все пряли, лавки-то были от стены до стены, девчонок-то собиралось много. А кто не пряд, тому пели песню шутивную:

Вы, пряделицы, прядите
И на Анну не глядите,
У нас Анна самоволька,
Самоволька, самозванка,
Она замуж захотела
За невежу за детину,
За проклятого тетерю.

Она не пряла. Все прядут, а она лодырь какая-нибудь была. Жениха приглядела себе и... заигрывала с ним. А им, видно, завидно, и они пели ей злую песенку. И девки и парни могли петь.

124. Это пели, когда все девушки на беседке пряли, а одна не пряла, с кем-нибудь из парней заигрывала:

Вы, прядеюшки, прядите,
Вы на Анну не глядите,
У нас Анна самоволька, Самоволька, самодранка,
Она замуж захотела
За детину, за невежу,
Что в кабак идет невежей — тужит, плачет,
Из кабака идет невежей — скачет, пляшет:
— Открывай, жена, воробы поскорее.
Я скорешенько с постелюшки вставала,
На босую ножку башмачки одевала,
Я с невежем резко говорила:
— Тебе мягкая постеля — бѣлы снѣги,
Одеяло тебе — буйны ветры.

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

125. На Масленицу костер жгли. Купали-то как в снегу!.. В Чистый понедельник всех купали. Все с гармошкой, песни пели. На лошади катались.

126. Чистый понедельник в баню ходили. Тут уж Великий пост — нельзя кататься. Воскресенье последнее отгуливают. Зимой я со скотиной работала — за овцами ходила.

127. Чистый понедельник настанет — бани топили, полы мыли.

128. Если в Чистый понедельник ясная погода, то ни грибов, ни ягод не будет, а если снег — будут.

СРЕДОКРЕСТИЕ — ПРЕПОЛОВЕНИЕ

129. Перед Пасхой говели семь недель. Как половина срока пройдет — *Крестопоклонная неделя*. В среду кресты пекли. Чтоб совсем уж в середине — эта неделя *Средокрестная* называлась. А детки бегали тогда по избе и приговаривали:

Крестики-жавороночки,
Прилетите к нам в котомочке,
Сегодня крестики пекут,
Нам по кресту дадут.

Этими крестиками скотину кормили. Чтоб здоровая была...

130. Кресты-пророки,
Бегите по дороге,
На той дороге
Часовня стоит,
В этой-то часовне
Воробьи поют,
Нам крестов не дают.
Хозяин с хозяйюшкой,
Пеките кресты,
Загибайте хвосты.
Нам, молодцам,
Под окошечком,
Всем по кресту,
По зеленому дубцу.

131. Я и то бегал. Пели:
Кресты-пророки
Бежали по дороге.
Кто не даст креста,
У того корова без хвоста!

132. Бегали с жаворонками под окошки, что-то пели, чтобы дали пирогов, жаворонков. Еще за кресты пели:

Хозяюшка с хозяйюшкой,
Дайте нам по кресту,
Кресту хочется.

Им давали крестики. Если монетка внутри — счастье. А если крест — то умрешь или горе будет.

133. На Крестопоклонной неделе детишки ходили по дворам, просили кресты и пели:

Половина говина молится,
Хрен да капуста переводится,
Поливайте по ковшу,
Подавайте по кресту.
А кто и правда водой плеснет.

134. На Крестопоклонной неделе пекли кресты, в них иногда монетки запекали. Кто монетку найдет в своем кресте — тому счастье. А чтоб ребятишек порадовать, бывало, сначала ткнешь иголкой, она упрется в монетку. Тогда этим крестом и угостишь. Он разломит, а ты ему: «Ой, какой ты счастливый!»

135. Раньше кресты пекли. Это делали на Средокрестную неделю. Три недели Великого поста проходит и на четвертой неделе, посередине недели, пекли кресты. Из теста. В один крест запекали копейку. И делали их на один больше, чем было человек в семье. Например, если пять человек в семье, то пекли шесть крестов. Кому попадет крест с копейкой — тому, считалось, в году счастье будет.

А последний крест, лишний который, дедушка брал с собой, когда шел в августе засеивать рожь. Когда первую рожь бросал в поле, то и этот крест бросал. Это

на первый Спас, 19-го августа¹². В этот день святили рожь. Все ходили в церковь молиться, там посвятят рожь, а потом сеют...

136. Крест один оставят, его хранят до весны. А потом поедут пахать — лошадь кормят. Такое старое заведение до колхоза было. А в колхозе кони, кресты — все смешалось.

137. Раньше мы говели, а масло копили. Ну, говорили в середине поста: «Бочка с маслом перекатилась на другую сторону». Раз пост пополам, и еда пополам, и масло пополам.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

138. На Вербное воскресенье несут в дом вербу освященную, из церкви несут...

139. Маленьких деток легонечко хлестнут [вербой. — *Сост.*] и приговаривают:

Верба, хлест,
Бьет до слез,
Верба бела
Бьет за дело.

140. Раньше ходили в церкву, верьбу святили. Из церквы приходишь и, значит, ребят этими верьбами хлещешь:

Верьба, хлест,
Дуй до слез,
Верьба бела,
Дуй за дело,
Верьба красна,
Дуй напрасно.

А вербочку ставишь к тяблу. Когда скотину спускаешь, и с этой веточкой идешь скотину сгоняешь, и веточкой по скотинке. А потом — теперь уж нет мёж-то, раньше-то были мёжи — на *девятую мёжу* поставишь, чтобы скотинка ходила домой.

141. В Вербное воскресенье барашков пекли.

142. Вербочку с Вербного воскресенья сохраняли и ею выгоняли скот на Егорьев день: «С Богом подите!»

СТРАСТНАЯ НЕДЕЛЯ. ПОДГОТОВКА К ПАСХЕ

143. Всё мыли, чтобы чисто-чисто было на Христов день. Еще говорили: «На Христов день каждое местечко моешь, оно радуется праздникам».

144. В Великий четверг ходили мыться. Потом уж нельзя было до Пасхи. А так ведь мылись всегда только в субботу. В печках мы мылись, бани у нас не было...

Страшная Пятница и Суббота ничего уже не делали.

¹² 19 августа — второй Спас.

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

145. В *Великодённый четверг* у нас ходили по воду, как и в Крещенье. В эти дни вся вода святая.

На заре бегают по насту за вересом. Натыкают над воротами, где скотина, чтобы никто не испортил. Это вроде оберега такого.

Подковы к дверям приколачивали, чтобы никакая хворь не пришла.

146. По насту бегали. Просто по насту. Это перед Пасхой на Великодён четверг на Страстной неделе. По снегу прямо подымат. Снег твердой, бегали все. Хоть бы что бегали! Это для счастья.

147. А вот в Великодённый-то четверг (на Страстной неделе) в лес за помелом ходили. Ломали только сосну на помело. Соль пережигали.

148. В Великодённый четверг соль пережигали и до сих пор пережигают. А потом едят. Она вкусная больно. Ее пережгешь — она черная становится, не такая соленая. Я беру пачку соли, перемешаю с овсяной крупой, в мешок. Зашиваю. Затопляю русскую печку, она растопится, и кидаю. Она сгорит, как комочек и будет. Потом разбиваю, она будет черная, так яичком пахнет...

В эту неделю, начиная с понедельника, мыли всё, был такой обычай. Избы мыли... стены, потолки — всё чистили.

149. А в Великодённый четверг вставай до солнышка... Тоже в трубу кричи, как корову:

Батюшка Егорий, спаси и сохрани,
Напой и накорми и домой приведи.

150. В Великий четверг на ручей бегали до солнышка умываться, чтобы веснушек не было. У меня брата бабушка научила.

151. Еще в Великодён четверг бегали — щепки с дровотни брали, таскали. И это все ведь раньше яицы катали, так это — чтобы больше выигрывать.

152. Надо в лес идти. Бегали в лес за шишкой. Где дятел шишку в пенек воткнет. Из пенька надо тащить зубами. И в зубах надо до дома нести. А кладут ее за пазуху, чтобы счастье на катание яиц было.

153. А вот в Великодённый четверг было — варили кутью. Сварят кутью из пшеницы, посолят... Кто ел, кто не ел, а кутью варили. И вот мамонька поддевает ложку, поешь и идешь там... Ну, она задумает на кого что... Спрашивает, кто встретился первый? А мы: «Мам, на кого хоть что [загадывала. — *Сост.*]?» Нет, не скажет.

Она говорила потом, что на меня. Кто встретился, значит... Двое, Николай Васильевич с женой шли. Она и говорит, они встретились двое, пожалуй, не выдать бы. А сказать в то время не сказала. Уж когда вышла я замуж, тогда сказала.

154. В Великодённый четверг если утро заморозит, так сорок утренников будет морозить.

ПАСХА И ПОСЛЕПАСХАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

155. К Пасхе всю избу мыли, вымывали всё до капли, чистили всё — по дорожкам, по огородам. Печки белили. Старые люди говорили, что в воскресенье (Пасха всегда в воскресенье была) какая ни погода, а хоть на минуту солнце должно выглянуть. Вот, значит, всё мыли: половички, подстилы. Спали-то как¹³: подстилка была соломенная, потом матрас клали, матрас сеном или осокой набит, а сверху уж подстила такая. Вот их мыли. Самовары, самовары были желтые, медные — до блеска чистили.

Часов в двенадцать в субботу отец отправлялся в церковь, шел часа полтора до церкви-то. Брал лукошко (не корзину, а лукошко), ложил десятка полтора-два крашенных яиц, гнетёный сыр. Мама неделю гнела. Было ведро такое, снизу узкое, там дырка, ее рядом прикрывали, сверху ведро было широкое, крышкой закрывалось. Вот туда творог клала, сметану, изюм. Наверху клала камень... Каравашек ложил с буквами «Х» и «В» («Христос Воскресе», значит). Мама готовила нас ночью, папа приходил часа в четыре, садили всех за стол. Всё ставилось на стол, еда всякая. Он всех целовал, говорил: «Христос Воскресе!»

156. На Пасху мы ходили молиться. Пекли мы белый кулич сдобный, всего там насдобись... И потом Пасха настоящая с творогом зачиналася, такая пасочница. Написано: «Христос Воскрес». И вот, пойдешь молиться, после обедни станут святить, и всё, что принесла святить, священник всё освятит. Стоишь в церкви в два ряда: по эту сторону и по эту. Много всех, каждый идет на Пасху молиться.

Вечером в Пасху гуляли, все христосовались с каждым. Хоть старый, хоть молодой, хоть и нищий другой раз идет, и с ним: «Христос Воскрес!» — «Воистину Воскрес!» Домой приходишь к родителям, всех обойдешь: «Христос Воскрес!» Всё как-то молитвенно было.

157. На Пасху в церкву ходили. Стряпали большой кулич, носили святить. В гости не ходили, только дома праздновали. Пасха — это всем праздникам праздник. И Святая неделя — все праздники. Но тут и в праздник нельзя плясать, тут моление.

158. Пасху раньше-то праздновали не так, как сейчас. Заранее всё готовили, потом шли в церкву. Батюшка у нас был хороший, он служил быстро, хорошо. Бывало, мы уж из церкви идем, а слышно, в соседней деревне только еще звонят. А мы уже разговляемся. Придем, дома уже стол готов. Посидим, потом пойдем по деревне христосоваться... И яички катали в Пасху.

КАТАНИЕ ЯИЦ

159. После Пасхи каждое воскресенье яйца катают. Делали такой желобочек. По нему яйца и скатывали. Сначала тянут жребий. В фартуке перемешают и вынимают. Встают по очереди, кому как вынулось яйцо из фартука. И скатывают, у кого дальше укатится. Если мое яичко собьет твое, я его заберу себе.

160. Мы раньше яйца катали. Весна была — всю весну яйца катали. Красных яиц наваришь, и катали. Ну, что прокатаешь, а что и выкатаешь. Так вот, жело-

¹³ Так спали только летом на повити.

бок длинный, узенький. И вот это с желобка катишь... Сперва помешают в подоле. Одна всё фартук портяной [приносила. — *Сост.*] специально — яйца мешать. Вот, кладешь ей, помешает и кричит: «Первой...» Смотришь — первой мне катать. «Второй...» Ну, она все яйца спустила, да и всё. А потом станут все катать. Много напускают. Иной не попадет, а другая и совсем яиц мало попадала. Нужно, чтобы яйцо докатилось до другого, яйцо прямо в яйцо. Вот я выкатала, кладу и должна еще я опять катить. Иной раз три попадется...

А то партия бывает в мяч. Эти... старухи мяч катали тоже так же. Сначала мяч кладут самой первой, а другая кидает мяч, и он катится. Тоже если попадет...

У нас деревня веселая была. У нас и старый и малый на улицу выходили... Как праздник — торопятся.

161. Какая я счастливая была — целый платок навывкатала. Желобок длинный крашеной голубой. Желобок у моего дома стоял. И далеко катются. Яйцы красненькие, желтенькие, коричневые, всякие. И целенькие и битенькие.

162. Яйцы катали по желобку. На кон ставили яйцо и играли парой. И еще кон будет, яйцо покатишь — в твое я угадалась, то в твоём яйце — половинка моя. Если еще твоя очередь, ты покатишь, в чье-то яйцо попадешь, мы с тобой уже с кона свое яйцо убираем. Еще я раз должна попасть в чье-то, попаду, она мне отдаст яйцо, а я ей показываю — ты будешь в следующем яйце с другой. И так играем. Много выкатывали. Пять выкаташь, а то бывает — прокаташь. И свои прокаташь, и к матке придешь — прокаташь все.

КЛИКОВИЧНО ВОСКРЕСЕНИЕ (ОКЛИКАНИЕ МОЛОДЫХ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ПОСЛЕ ПАСХИ)

163. Молодых окликали в субботу, в отдание¹⁴ Пасхи, в святую субботу. Молодые мясоедом если поженятся, а в отдание Пасхи года не было, вот окликали. И ребята ходили раньше-то, и взрослые ходили и пели:

Молодая молодница,
Подавай наши яйца,
Не подашь яйца,
Потеряешь молодца,
Будешь ветреница,
Голубетница,
Тебя в хлев запрем,
Помелом припрем,
И не выпустим,
Титьки высмотрим...

И вот эту песню кричат, пока не вынесут. Что-что ничего, а вынесут.

164. После Паски отдание Паски бывает, уже в субботу, а воскресенье называется *Клюканичное*, это молодых раньше окликали:

Ты позволь-ка нам, хозяин,
Ты позволь-ка нам, богатый,
Ко крылечку подойти,
За колечко побречать,

¹⁴ Отдание совершается обычно через неделю после праздника.

Молодую окличать¹⁵.
 Молодая молодница,
 Подавай-ка нам яйца,
 Не подашь яйца,
 Потеряешь молодца.
 Будешь ветреница,
 Мы в клев запрем,
 Помелом припрем
 И не выпустим.

Если долго возится:

Молодая молодница,
 Что ты долго не выходишь,
 Или яиц не находишь?
 Яйца-то на полнице в коробице,
 В печке в кашничке,
 В голбце в ящичке.

И ждешь, когда вынесут или нет.

165. Мы по улице прошли,
 Молодого дом нашли,
 Молодая, ты выюная.
 Ты позволь, позволь, хозяин,
 Ты позволь-ка господин,
 Молодая, ты выюная.
 На ступенечку ступить,
 На другую приступить,
 Молодая, ты выюная.
 За колечко побренчать,
 Молодую величать,
 Молодая, ты выюная.

Тут выходит молодой и говорит, как ее зовут. Повторяют то же про молодого, невеста выходит и говорит [как его зовут. — *Сост.*].

166. Мы по улице прошли,
 Молодого дом нашли,
 Молодая, ты выюная.
 Уж и наша молодая
 В зеленом саду гуляла,
 Сладки яблочки сшибала,
 На белое блюдо клала,
 На серебряный поднос,
 На высок терем отнес.
 И что наш-то молодой
 Будто яблочка налитой,
 А что наша молодая
 Будто ягод налитая...

¹⁵ Вар.: взвеличать.

167. Весной на Кликуничное воскресенье (первое воскресенье пасхальной недели) ребята окликали новобрачных, тех, кто недавно обвенчался. Подходили к окошку рано утром и кричали:

Молодая молодница,
Подавай наши яйца,
Не подашь яйца,
Потеряешь молодца,
Будешь ветреница,
Полуветреница,
Тебя в хлев запрем,
Помелом припрем,
Сарафан разорвем,
По народу разделим:
Кому клин, кому стан,
Кому весь сарафан,
Кому пуговики литые,
Кому серьги золотые.

В это время молодые должны выносить ребятам гостинцы. Если не вынесут, ребята поют песню:

Молодая гагара
По сараю скакала,
Стружку строгала,
В ж... запихала.

168. Молодая молодница,
Подавай наши яйца,
Не подашь яйца,
Не получишь молодца.
Будет путаница,
Перепутаница,
Во хлев запрем,
Помелом припрем,
И не выпустим.

Если долго не шла, говорили:

Что ты долго не выходишь,
Или яйца не находишь,
Наши яйца на по́лице
В долгом ящичке лежат.

169. Молодая молодница,
Подавай наши яйца,
Не подашь яйца,
Потеряешь молодца.
Будешь ветреница,
Тебя в хлев запрем,
Помелом припрем,
Двери выставим,
Титьки высмотрим.

Потом не идет она, не идет, они и поют:

Что ты долго не выходишь,
Или яйца не находишь,
А что наши-то яйца
На полнице в коробице,
В новом ящичке,
В печке, в кашицке.

170. Молодых обходили в Кликунично воскресенье. Обутенка была худая, а всё равно пойдем. В восемь-девять лет ходили. Подойдем к дому и кричим:

Молодая молодница,
Подавай наши яйца,
Не подашь яйца,
Не получишь молодца!
Будешь путаница,
Перепутаница,
Во хлев запрем,
Помялом припрем,
И не выпустим.
Сами на улицы пойдем,
А тебя не поймем¹⁶.

Она выйдет и дает нам пряничков, конфет, а большим девкам-невестам — по яичку.

171. Молодая молодница,
Подавай наши яйца,
Не подашь яйца,
Не получишь молодца!
Будешь путаница,
Перепутаница,
Во хлев запрем,
Помялом припрем,
И не выпустим.

Если она долго ходит, не хочет давать, то запоют нехорошее:

Молодая гагара
По повити скакала,
Стружки строгала,
В ж... пихала.

Но обычно оделяли яйцами, каждому по яйцу давали. А у кого нет, то пряники давали. А потом молодая часов в десять пойдет в дом. В деревне обычно есть дом, где летом в карты играли, весной яйца катали, там желобочек хранился. Вот она туда пойдет, там уже собирались взрослые, и она там всех оделяет. Корзину большую принесет, там яйца. Оделяет всех. Это было первое воскресенье весны — Кликунично.

172. Молодая молодница,
Подавай наши яйца,
Не подашь яйца,
Потеряешь молодца.

¹⁶ Не возьмем с собой.

Будешь ветреница,
Молодца во хлев запрем,
Помелом сметем,
Курочку зарежем
Да яйца унесем.

Молодая, значит, кидает им яйцо.

173. Весной после Пасхи молодых маленькие окликать ходили:

Молодая молодца,
Подавай наши яйца,
Не подашь яйца —
Запрем молодца,
И не выпустим.

174. Молодую окликали. Приставали:

Молодая благая,
Благая хорошая,
Не подашь яйца,
Потеряешь молодца,
Во хлев запрем,
Помялом припррем...

Малым конфеты надо давать, а большим — яицы. А то засмеют, запоют.

ПРАЗДНИК СВЯТЫХ ЖЕН-МИРОНОСИЦ (ТРЕТЬЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ПОСЛЕ ПАСХИ)

175. У нас еще в праздник жены-мироносицы окликали женщин. Это в честь Марии Магдалины, как там, ну это в честь этой святой. Ну, это грешница, ее потом Христос святой сделал. И они тогда были названы жены-мироносицы. И вот праздник есть такой. И есть окликание. Так же ходила молодежь, это просто чествование самых добрых женщин в семьях, как мироносиц. А как окликали, не могу я сказать. Это я слышала от Исаковской Зинаиды Николаевны в деревне Балавино...

Но несколько слов мне запомнилось. Говорили так:

Жены-мироносицы,
Не будьте кривоносицы,
Выходите на крыльцо,
Выносите красное яйцо.

РАННЕВЕСЕННИЕ ОБРЯДЫ

ВСТРЕЧА ВЕСНЫ. ЖАВОРОНОЧНЫЙ ДЕНЬ

176. Жаворонки у нас пекут Великим постом. Пекут и на палочке выносят, весну зовут. Это, наверное, на Сретенье делают. Из теста делают птичку и на конёк сажают. Про то и в старинной книжке написано...

177. А на *живоносной неделе* жаворонков пекли, белых, раскрашивали потом крылышки разноцветные. Детям носили гостинцы. Уж мы всегда обрадуемся: «Жаворонки скоро прилетят!»

178. Жаворонков пекли. Туда запекали крестики. Кому достанется — к счастью.

179. Жаворонок, жаворонок,
Улети с холодом,
Прилети с теплом.
Это на улицу бегали, кричали.

180. Жаворонок, жаворонок,
Прилетай к окну,
Говори к теплу.

181. Жаворонок, жаворонок,
Прилети с теплом,
С приталиночкой,
С луговиночкой...

182. Пекут журавушки, это птички. Выходят на гору и что-то говорят. Мама мне рассказывала, девчонки маленькие по тропке бегут и кричат, что «Солнышко, приходи, дай нам хороший урожай...» Там это всё надо складно, а я не записала.

ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ (23 АПРЕЛЯ)

183. Скот в первый раз выгоняли в поле на Егорьев день. В этот день гуляли, ярмарка была, торговали печеньем, закусками.

А когда скот в поле выгоняли, то давали скотине по кусочку хлеб, который в Пасху Христову пекли. Провожали ее, так и еще ветками вербными выгоняли, ветки в Вербное воскресенье в церкви освящали. Корове шаркунец повесят, это колокольчик такой из железа.

184. В Егорьев день у нас у Егория гулянья были. Вот почему-то было: родители в поле, а молодежь всё больше гулять отпускали, не задерживали.

Обряды, связанные с Первым выгоном скота

185. Весной, когда скотину выпускают, — провожают с вербой. На ночь ставят в хлев, а утром раненько провожают. Похлещут вербой по ногам и говорят:
— Поди, моя хорошая, с Богом!

186. Вербу святили и хранили до Егорьева дня, до выгона скотины. Потом этой вербой скотину выгоняли и водичкой святой побрызгивали. Скотина и идет.

187. С Вербного воскресенья приносили прутьиков свяченных. С ними в поле провожали скотинку. Сначала во дворе обойдут с иконкой да и погонят в поле.

Молитву говорили: «Господи, спаси, сохрани!» А вербу потом в межу втыкали, когда скотину стерегли, чтоб не убегала. В поле чтоб была святая верба!

188. С Егорьева дня в деревне выпускали скотину. Провожали ее с вербой. За вербой ходили в Вербное воскресенье. Сломают вербу, потом идут в церковь ее святить, а потом принесут домой и положат за икону. Там она хранится до Егорье-

ва дня. Этой вербой перекрещивали скотину и выгоняли ее в Егорьев день, а потом втыкали вербу в верхний косяк хлева. А когда сажают огород, втыкают эту вербу в землю, чтобы лучше росло. В Егорьев день ребяташки ходили по домам и кричали в окна: «Батюшка Егорий...», а хозяева выносили булки и конфеты.

189. На Вербное воскресенье святили вербу в церкви. На Егорьев день этой вербой скотину обходили. На дворе обойдут скотину с иконкой и с вербушкой. Чтобы в поле Бог спасал. Говорят: «Батюшка Егорий преподобный, спаси мою скотинку, сохрани во полюшке». Три раза обойдут и скажут.

190. Скотину из хлева выгоняли не просто, а вербочкой с Вербного воскресенья. Еще специально каравашек пекут, в него воткнут свечку и так обойдут коровушек и овец и вербочкой похлещут.

191. На Егория скотину выгоняли с вербой. А еще хвост подрезали и затыкали. И у курочки хвостик подрезали и в гнездушко клали, чтоб курочка не терялась, в свое гнездушко ходила. А хвост коровы затыкают где двери, над дверями.

Егорьевские обходы дворов

192. Егорьев день 6-го мая был, а уже 5-го мая, с вечера, накануне Егорьева дня, начинали ходить по домам. Пели егорьевскую песню, хозяев величали. Не ряженые ходили, не наряжонки. А вот уж 6-го мая, на сам Егорьев день когда гуляют, тут уж всякие были. Как пляска пойдет, ой!

А скот выводили каждый хозяин сам на пастбище, да еще постоит постережет. Каждый свою скотинку: теленочка, корову, овец. Скотину-то рано утром проводят, а уж гуляли-то после обеда.

А с вечера-то, 5-го, мы, может, сорок раз споем песню-то, у каждого хозяина. А они выносят яйца, пироги, кто что может. И не подадут одно, а всё разное.

А 6-го вся деревня гуляла, в центре деревни. Все ташили, у кого что — у кого пироги, у кого капуста, у кого огурцы, у кого что жареное, все ташили.

193. Это 6-го мая, праздник в числе. Это считается, святой Егорий охраняет скот, и мы вот обращаемся, как бы призываем святого Егория: помоги в этом доме сохранить скотину.

Окликают в двенадцать часов ночи. А сам праздник, суть его, — выгон скота в этот день, 6-го мая. Вербушкой, освященной в церкви. Если в этот день выгонишь скот, то он благополучно сохранится.

В первый дом в двенадцать часов приходим, а потом уж придем на рассвете, усталые, таскаем большую корзину. Ходим, у кого скот есть, а если не держат, то мы не заходим.

Под окном или у дверей поем, или у крылечка. С улицы пропели, а они ожидают, поджидают, приготовились, чем подарить-то. Мы слышим, что шаги-то... повторяем, может они спали, не все слышали. И еще повторим, и еще повторим, потому что они каждое слово стараются услышать. Они выходят, одаривают. Яичко есть — яичком. И деньги дают, чтобы потом пошли в церковь, свечку наказывают поставить. Конфет дают, печенье, пекушек всяких. Пекут сдобнушки какие-нибудь на сметане.

Это любимый у нас обряд. Если кто держит скотину, то и ждет нас 6-го мая.

А злую песню мы не знаем, не поем, если не подадут когда.

194. Раньше 5-го мая (накануне Егорьева дня) ходили окликали. Собирались ряженые, кто во что, а некоторые посмешней. Делали колотушки, возили по стене дома хозяев, к которым пришли и говорили:

Батюшка Егорий,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Спаси и сохрани.

Если хозяева выйдут и одарят (кто яйца, печенье, конфеты, пироги специально пекли, кто что):

Дай тебе Господи
Серебра и злата,
Чтоб хатка была
Тепла и богата,
Чтоб деньги водились,
Чтоб дети родились!

Кто не выходит или не дает, тому кричали:

Дай тебе Господи
Вшей да мышей,
Тараканов без ушей,
Мух без брюх,
Комаров без х...!

195. В Егорьев день при выгоне вся деревня пела. С гармошкой, балалайкой шли к домам и славили хозяев:

Господин-сударь хозяин
С хозяйюшкою,
Встань, пробудися,
Умойся, утрися,
На нас потрудися.
Мы сегодняшнюю ноченьку не спали,
Не дремали,
Поутру рано вставали,
Белы лица умывали,
Полотенцем утирали.
Уж мы, красные девушки,
Круг поля ходили,
Егорья вопили,
Макарья кричали,
Егорья величали¹⁷.
Уж ты батюшка Егорий,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Спаси и сохрани,
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
За лесом-лесами,
За крутыми берегами,
За быстрыми реками.

¹⁷ Одна из исполнительниц уточнила: «Макарья встречали, Николу величали».

Пень да колода, белая береза,
Нашей матушке скотинке
Здоровьица молили.
Травка-муравка,
Зелененький лужок,
Шелко́вый поясок.
Телка в речке напьется,
Домой поплетется,
Троим-двоим, давно стоим,
Дожидаемся, опасаемся.
Подавайте нам яйцо
Через правое плечо,
Богу-то на свечку,
А нам по яичку,
Великому Ягорью
Три копейки серебром.

А это пелось после того, как хозяева угостят:

Благодарим тебе, хозяин с хозяйушкою,
На честном слове,
На честном подаянии.
Дай тебе Господи
Подольше пожить,
Да побольше нажить:
Сто бы коров,
Девяносто быков,
Двадцать бы куриц,
Десять петухов.

196. На Егорьев день накануне мы с мамой две брали корзины и шли поздненько вечером, часов в девять-десять. Подходили к дому и поем:

К дому подходили,
Хозяина будили,
Хозяин с хозяйушкой,
Встаньте, проснись,
Полотенчиком утрись,
Егорью поклонись:
Батюшка Егорий,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
За лесом, за лесами,
За крутыми горами,
Волку, медведю —
Пень да колода,
Нашей скотинке —
Травка-муравка,
Зелененький лужочек,

Край, бережочек.
Петушок — топчися,
Куточка — несися,
Хозяюшка — добрися,
Дайте яичко
Егорию на свички,
Дайте другое
За наши труды,
За егорьевские.
Мы Егория кричали,
Трое лаптез изорвали.
Дают яичко. Поёшь:
Дай тебе Бог,
Надели Христос,
Двести коров,
Полтораза быков.
Не дают, так поёшь:
Была одна корова,
И та нездорова.
Был один бык —
Медведь заломал.

197. В нашей деревне пели, в Слуде:

Встань, хозяйка, пробудись,
С мылом вымойся, утрись,
Частым гребнем причешишь
Да Ягорью помолишь.
Батюшка Ягорья,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Спаси, сохрани —
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
В луге и за лугом.
Волку, медведю,
Хичному зверю —
Пень да колода,
Белая береза,
Заяцу с лисицей —
Горькая осина,
Батюшку Ягорью —
Три копейки серебром.

Когда подадут — ну, там яйцо или деньги дадут:

Благодарим тебя, хозяйюшка,
На добрым подаянице.
Дай тебе Бог
Двести быков,
Сто тебе куриц,
Девяносто петухов!

А если не дадут:
Дай тебе Бог
Мух без брюх,
Комаров без х...!

И к другому дому пошли. У нас яйца, деньги давали — а потом попу посылали деньги. А яйца — собираемся в кучу да гулять, где-нибудь дома. Это мы были девчонки молодые и ребята — все ходили.

198. Хозяин с хозяйшкой,
Встаньте, проснитесь,
Богу помолитесь.
Батюшка Егорий,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
Лесиком, лесочком,
Крутым бережочком.
Нашим-то телонькам —
Травка-муравка,
Зелененький лужочек,
Оне в речке напьются,
Домой поплетутся.
Курочка несися,
Хозяйшка — добрился,
Давай по яичку,
Давно стоим,
Дожидаемся.
Богу на свечки,
И нам за труды,
За егорьевские.

Если хозяйка даст, то поют:

Спасибо, хозяйшка,
На добром слове,
На добром подаении.
Дай тебе Господи,
Надели Христос,
Двести коров,
Полтора ста быков.

А если не даст, тут тоже что-то пели, я вот не помню. Как-то «дом кверху дном...» и еще что-то.

199. Егорий бывает по-новому 6-го мая, а по-старому 23-го апреля. Ходили по домам:

Круг поля ходили,
Егорья носили.
Батюшка Егорий,
Макарий преподобный,

Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В по́ле и за́ полем,
В ле́се и за́ лесом,
Под солнышком под красным,
Под месяцем под ясным,
Волку-медведю
Пень да корёга¹⁸,
Заяцу-лисице
Горькую осину,
А матушке скотинке,
Всёй животинке,
Травка-муравка,
Зелененький лужок.
Телка, телися,
Лошадка, жеребися,
Свинка, поросися,
Овечка, ягнися.
Хозяюшка, проснися,
Хозяин, пробудися,
Хозяюшка, умойся,
Дай нам по яичку.
Первое яичко —
Егорью на свечки,
А второе яичко —
Нам за труды,
За егорьевские,
За макарьевские.

200. Батюшка Егорий,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В по́ле и за́ полем,
В ле́се и за́ лесом,
За́ лесом, лесом,
За крутым берегам.
Волку с медведем —
Пень да колода,
Заяцу с лисицей —
Горькая осина,
Нашим-то телонькам —
Травку-муравку,
Зелёнененький лужок.
Пастух выйдет на лужок,
Заиграет во рожок,
Хорошо пастух играет,
Выговаривает:

¹⁸ Вывороченный старый пень.

«Телонька, телися,
Овеченька, ягнися,
Свинка, поросися!»
Хозяюшка, добрися,
Хозяин, не скупися,
Нам, троим-двоим,
Давно стоим,
Дожидаемся:
Богу на свечки,
Нам по яичку,
По копеечке!

Если подадут, то кричат:

Благодарим тебя,
Хозяин с хозяйюшкой,
На добрым слове,
На добрым подаянии.
Дай вам Бог
Двести быков,
Семьдесят телушек,
И всех — годовушек!

Ну, а если не подадут:

Дай вам Бог
Вшей да мышей,
И таракан без ушей...

201. На Егорьев день ходили с крестом, со звездой. У ней в середине — икона Егория. Пели:

Батюшка Егорий,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
Наша-то скотинка
В поле пойдет,
Ее Бог спасет,
Нашей-то скотинке
— Травка-муравка,
Зелененький лужочек,
Быстрый ручеечек.
В речке пить,
Домой ходить.
По полю ходили,
Всю скотину обходили,
Егорию носили.
Егорию на свечку,
А нам по яичку.

202. Батюшка Ягорий,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,

У до́ма и за́ домом,
В по́ле и за́ полем,
В ле́се и за́ лесом,
Под солнышком под красным,
Под месяцем под ясным,
Волку да медведю —
Пень да корегу,
Зайцу да лисице —
Горькую осину,
Нашей-то скотинке —
Зелененький лужок.
Хозяин, проснися,
Хозяйка, пробудися,
Умойся, утрися,
Богу помолися,
Вынеси яичко.
Первое яичко —
Ягорью на свечку,
Второе яичко —
Нам за труды,
За ягорьевские.

203. Ты, батюшка Егорий,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Спаси-сохрани.
В поле и за́ полем,
За полем-полями,
За быстрыми реками,
За крутыми берегами.

Под окнами ходили, палками стучали. Кто подаст, того благодарят, а просят так:

Господин-сударь хозяин
Со хозяйюшкой,
Встань-пробудися,
Умойся-утрися,
Для нас потрудися.
Мы, красные девушки,
Круг поля ходили,
Егория вопили.

А если ничего не дают, то поют:

Дай тебе Господи
Поменьше пожить,
Да побольше нажить:
Вшей да мышей,
Таракан без ушей,
Мух без брюх,
Комаров без х...!

204. На Егорьев день ребята небольшие ходили по дворам:

Уж ты батюшка Егорий,
Макарий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку.
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
За высокими горами,
За широкими реками,
За зелеными лесами.
Хозяин, не скупися,
Хозяюшка, добрися:
Богу на свечку,
Нам по яичку.

Если нам подадут угощение, то поблагодарим:

Спасибо этому дому,
Дай ему Господи
Доброго здоровья...
Телочка — телися,
Овечка — ягнися.

Так всю скотину и переберем.

А если не угостят, то наоборот скажем:

Чтоб телочка не растелилась,
Чтоб овечка не разъягнилась.

205. Батюшка Егорий,
Помоги нашему горю,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В море и за морем,
В лесе и за лесом,
За реками за крутыми,
За лесами за густыми,
Волку, медведю —
Пень да колода,
А нам певцам
По яичку дай!

206. Батюшка Егорий,
Абрамий преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку.
В лесе, за лесами,
В поле, за полями.
Куточка — несися,
Петушок — топчися.
А нам — дитям — по яичку.

ТРОИЦА (воскресенье, 50-й день после Пасхи)

207. На Троицу — Троицкая родительская суббота. Обязательно на могиле надо было выпить, закусить. Издалека приезжали на родные-то могилки.

208. В Троицу по приходам бывали базары. Съезжались торговцы и люди специально. Хоть далеко, и мы тоже в девчонках гуляли в Троицу...

А в Троицу березу носили и вокруг окон березки ставили. И в избу всё поставишь, березу такую кудрявую, она долго в доме была, под иконы ставили... Выметешь все чисто, настояще...

Были хороводы. А тогда в хороводы идешь, партия большая девиц... Тут смотришь, и эти кавалеры тут все...

Пышечницы были, которые пышки пекли. Так вот, каждый парень хочет свою попотчевать. Мы у митинского моего жениха припрашивали лепешки эти, пышки.

209. Вот еще Троицу помню. Всё мыли и чистили: сусеки, повити (спали-то на повити); накануне ходили, вырубали березки, приносили их, ставили часто-часто.

На Троицу тоже яйца красили. И вот мы, бывало, через всю улицу яиц штук тридцать поставим — улица широкая была — и мяч катаем, их выкатываем. Кто сколько выкатит, тот столько и берет.

А вот на березки мы платки носовые закидывали, а потом трясли, чтоб свалились; по тому, как слетит, гадали как-то, уж и не помню как. Хороводы водили, с песнями ходили.

210. На Троицу яицы катали. Вырывали в земле ямку и катили яицы. Кто больше выкатает. Круговые качели были.

211. До Троицы навоз в поле вывозили, а когда Троицу гуляли, так три дня с улицы не сходили. Сидели на завалинках, плясали под гармошку. Березку завивали. Нарубим и принесем больших березок. Ставили под окно и у крыльца. Украшали. Это и называлось «завивать».

212. В Троицу березку приносили. У нас семь окошек в доме, дак под каждое ставили по березке. И у дверей две березки, и у входа во двор — две, чтобы скотину загонять. Березу освятят и в дом берут. Вечером поставят, дак она еще к утру не повянет. Утром встанешь — такая радость.

Яйца катали, собирались петь...

213. На Троицу выходили на гулянье. Пели: «Выходили красны девушки из ворот гулять на улицу...». И все девушки становились в круг, а молодая в середину, кланялась на все четыре стороны и приговаривала: «Спасибо, красны девушки». Вроде они ее песнями уважили.

Березку из леса приносили, много веточек. Две целые березки с двух сторон крыльца поставишь и верхушки им свяжешь, для красоты.

214. В Троицу все собирались к приходу. Там круг делают большой. Так по кругу хозяин. Там девушки и молодухи, бабы перволетки-то. Так двое по кругу ходят. А в середине одна девушка или парень. Сначала кланяется на четыре стороны. Потом пойдет к паре и в землю поклонится.

Березу ломали. В дверях ставили, под окошечками, перед воротами ставили.

215. На Троицу сходилась вся молодежь. Хороводы водили, песни пели, играли. Березки с двух сторон у крыльца ставили. А там, где хороводы водили, так это место *гулянье* называется. Его со всех сторон березками обставляли. В землю втыкали. Козулю танцевали. В козуле восемь кадрилией было.

Если дождя нет, берут иконы и со священником обходят круг деревни, потом по полям идут. И служат прямо на поле с иконам.

ТРОИЦКИЕ ГАДАНИЯ

216. На Троицу венки плели. Плели из чего угодно. Сплетем и в воду спускаем. Коли затонет — то к смерти, а поплывет — замуж выйдешь.

217. На Троицу березками дома украшали. Венки плели и по реке пускали. Поплывет — значит замуж выйдешь, жених придет к тебе свататься. А если на месте стоит — всё уже. Не выйдешь замуж, или заболеешь. Так, иной раз,пустишь венок, он поплывет, поплывет — а другой на месте крутится и ни с места. Это на своем опыте я испытала.

218. В четверг к березе привязывали ленточкой тоненькой, это и не венки, а вроде прутиков. В Духов день расплетают и кидают в воду, чей утонет...

Зоренки были. Гулянки — днем, беседки — вечером, а зоренки — это на всю ночь.

219. Перед Троицей в четверг девушки завивали венки и привязывали их тряпочками к березам. На третий день срывали веночки и бросали их в реку. При этом девушки пели:

Вспомни, вздумай, подруженька,
Как ходили, веночки завивали,
И эти веночки брали,
И в речку кидали
Все венки сверх воды,
А один венок вниз пошел
Нашей милой подружки.

По венкам гадали: если венок вниз пойдет на дно — к свадьбе, если останется наверху — девушка не выйдет замуж в этом году.

220. За неделю до Духова дня девушки завивали венки на березах. Согнут веточку и ленточкой привяжут. Разные ленты были: голубые, красные, синие... А в Духов день эти веночки ломали и шли на реку, где опускали венки. Если венок далеко уплывет — уедет девушка из родных мест. Если потонет — к смерти. А те девушки, чьи венки рядом плыть будут, — замуж выйдут.

221. В Вознесенье, на шестой неделе после Паски, в четверг, ходили мы на Слободу. Такая была пустошь, Слобода, тамоди в Сандалове, и мы ходили туда, сохотило нас много, не одна деревня. Лапино, и мелёховские, тут много сохотило нас. Там и яишенки варили, и песни пели, и венки завивали, а потом ходили развивать. Вот завьешь его так вот на березке, ленточку или тряпочку приделаешь и завяжешь вот это место. А потом, значит, прутышком прямо ломаешь. А развивали так же: придем, прутычков наломаем и в пруд кидаем. У нас пруд, реки не было. Чей вьюнок потонет, значит, умрешь или что...

ЛЕТНИЕ ПРАЗДНИКИ

222. Иванов день, Ильин, Петров — все ходят друг ко дружке в гости, беседы устраивают. Разные деревни празднуют. Где праздник, туда и едут. У нас престол был Фролов день, девятая пятница да Никола Зимний. Делали круг посреди деревни и плясали, танцевали. С Иванова дня ходят по травы.

223. Все большие праздники не работали. В *Иванов день*¹⁹ шибко не праздновали. Круг собирали, плясали, пели. Все работы начинались.

224. Старики говорили: в Иванов день Иван-чай цветет²⁰. Один раз в год ночью. Если его найти, то все невзгоды отпадут.

225. В Иванов день у нас был крестный ход. С иконам шли по полям, с плащаницей. В деревню приходили. Служили водосвятные молитвы, об урожай. А в другие дни ходили с молебном и уже начинали косить. Гумны подкашивали.

226. На Иванов день ходили травы собирать. Но это колдуньи всё ходили. Ночью. Для скотины эти травы были. Иванов день еще *Купальницей* называли. Священники приезжали, гости.

227. Травы на Иванов день собирали. 22-го июня здесь приглашали попа. Молились, ходили по полям. И стал престольный праздник.

228. Вот, говорят, травы надо собирать с Иванова дня.

229. На Иванов день ночью в двенадцать часов идешь на ключ. Обязательно надо, чтоб ключевая вода была. Берешь бидончик или горшочек и наберешь воды — несешь домой. Этой водой надо утром умываться. И пьешь ее натошшак.

230. Если на Ивана Купала большая роса, то будут огурцы.

231. Здесь большой праздник был *Петров день*²¹. Со всех деревень молодежь сходилась, круг был, песни пели, козулю танцевали, весело гуляли.

Петров день — здесь престольный был праздник. И еще Введеньев день — 5 декабря.

На Фролов день у нас мало гуляли, здесь самая горячка — 31 августа — уборка и сев озимой заканчивают.

А на Петров день по полям ходили с крестом, на каждом перекрестке молились. После полей — во дворе, не в избах, а во дворе. Почистят всё. Молились, чтоб скотина не болела, водилась.

Из Савватово в Судай ходили за хоругвями, крест возьмут, за попом ездили. Церковный староста был в деревне, вот он ездил за попом, за дьяконом. Поп покоропит во дворе. Служить по дворам начинали от края деревни и шли по порядку. И вся деревня за попом идет. Красиво, весело было.

¹⁹ Иван Купала — 24 июня (7 июля н. ст.).

²⁰ Вероятно, речь идет о папоротнике.

²¹ Петров день — 29 июня (12 июля н. ст.).

232. На Петров день ходили в церковь, потом девушки собирались в круг, пели, танцевали.

*Фролов день*²² в Савватове считался престольным праздником. Сюда из других деревень приезжали. Фролов день — посытнее праздник — всё поспело. Это уж в конце августа, числа 30-го. Богатый праздник.

Петры и Павлы, Фролы и Лавры — наши праздники. Так говорили. На Петров день гуляли всего один или два дня, точно не помню, но не больше. После Петрова дня, на второй день вся деревня собиралась, молодежь, и шли сено косить.

233. Праздники у нас хорошо справляли. Беседы были. Все ходили глядеть на беседки. Девки нарядные пляшут, гармониста нанимали. Но беседки-то зимой были. А летом по полям ходили молиться. Это на Петров день, перед сенокосом. Шли по полям со священниками.

А потом и пойдут сенокосы. С двух часов ночи мама меня будила: «Вставай, уж все за лошадьми пошли». Вот так-то работали. А домой только к вечеру возвращались.

234. В Петровки за ягодам ходили, за грибам...

235. С Петрова дня начинается сенокос. Говорят:
— Петр и Павел час убавил.

236. До *Тихвинской иконы*²³ за ягодами-то еще не ходили. Только после уже можно было брать. Это девятого июля.

237. Так вот, еще *Спасов день*, 14-го августа²⁴. Жеребят ходили купать. Все говорили, что «ребячий и жеребячий»...

ПРАЗДНИКИ КОНЦА ЛЕТА И ОСЕНИ

ДОЖИНКИ

238. Первый снопок — три горсточки. Это идет к колдуну, чтобы у него урожай был хороший, чтобы благодать была у него.

239. На Петров день уже косили, не праздновали.

Самый последний осенью овес жали. *Последний сноп* домой несли. Сначала под окно ставили, на лавку. Потом под икону. Потом уж на гумно уносишь.

Еще у нас праздновали праздник. *Спожин день*. Торговля была очень. Очень много было в Торманове. Морковь, яблоки продавали. Торговали все лукошками (это мера — лукошко).

240. Выжинальный сноп сохраняли, домой приносили, он под иконой сколько стоял! Его потом лошадям закармливали. Это уже когда на дворе замораживает. И коров им тоже кормили. Давали и говорили: «Вот, матушка, овса...»

²² День мучеников Флора и Лавра — 18 августа (31 августа н. ст.).

²³ Праздник Тихвинской иконы Божьей Матери — 26 июня (9 июля по н. ст.).

²⁴ Праздник Происхождения (изнесения) честных древ Животворящего Креста Господня — 1 августа (14 августа по н. ст.).

241. Жать кончали на овсе. Оставляли последнюю полоску и ее молча сожнут. Вот, всю полоску сжали, тогда свяжут сноп, принесут домой и поставят под образа. Этим снопом потом кормили скотину, когда ее запирали с воли на зиму. Дескать, мы молча этот овес жали, так пусть наша скотинка в лесу не кричит.

242. Последний сноп — это борода. Дак когда его дожинают, надо, чтоб было тихо. Чтобы скотина не кричала. Вот его берут, приносят в дом и ставят под икону. И вот он долго стоит. А на *Покров* его скотине скармливают.

243. Когда молотили, так последний сноп хранили. Его наряжали и держали отдельно от других. И так до Егорьева дня, перед выгоном скотины. А на Егорьев день давали скотине из него поесть.

244. Жали последний сноп, мать говорит: «Вы молчите, и чтобы скотина во дворе не мычала, не просила...» Брали последний сноп. И оставляли пучок так... И потом аржаной сноп разрезали и набирали цветов разных, всех цветов. И делали ему шляпу из соломы и руки делали в бок. И стоял такой гордый... И еще подстиляли солому и катались:

Жнива ты, жнива,
Отдай мою силу,
На голодную зиму,
На прямое веретено ...

Много тут говорили. Чтобы прясть еще.

Эту куклу прямо на поле оставляли, а в дом последний сноп несли и ставили под икону в уголок.

А потом осенью как станут корову заставить²⁵, так каждой корове дадут, и лошадке дадут, и овечке дадут... Это задают от этого снопика.

245. Овес завьют на полосе прямо, обложат соломой и тут и катаются, чтобы спина не болела.

246. Когда жнешь последний овес яровой, дожинаешь, вот тут бороду вертишь. Нажнешь сноп последний, это уж несешь домой сноп. А бороду — оставляешь овса сколько тамоди веточек, завяжешь его тут и сажаешь куклу, из соломы делаешь, из аржаной соломы, на овсяную бороду. И возле куклы постелешь постельку ей, соломы аржаной. И коску заплетешь, ее как сделаешь куклой, и руки в бок воткнешь... Такой уж обряд был. И называлось *овсяна борода*.

Тут тоже завораживались: кто во сне приснится, как и что. Это на овсяной-то бороде.

СЁМИН ДЕНЬ (1 СЕНТЯБРЯ)²⁶

247. Вперед рожь жнут, потом овес, потом пшеничку. И все снопы, как будет последний, несут домой. А потом они постоят и их курочкам отдавали. Они долго-то не стоят.

14 сентября — *Сёмин день*. В этот день приносим овсяный сноп и гоняем веточками мух. К двери гоним и говорим:

²⁵ Ставить на зиму.

²⁶ 14 сентября по новому стилю.

Кшите, мухи, вон,
Хозяин пришел в дом! (3 раза)

Потом наловим несколько мух, в коробок их посадим и захороним. Когда в землю захороним, ревом:

Мухи вы горюхи,
Жили — мы по вам не тужили,
А умерли — нам вас не жаль.

Это в основном маленькие ребетёнки ходили. А уж если детей нет в семье, то уж взрослые сами делали.

248. А сноп приносишь этот, овсяный, двери откроешь и до дверей последним снопом гонишь:

Шил²⁷, мухи, вон,
Пришел хозяин в дом!

И ставишь его под тябло, под иконы, и он стоит до Покрова. Его в Покров скотине скормишь. Это называлось закормка скота. И делят всёй скотине, всем, кто есть у тебя на дворе, и всем разделят.

249. Последний сноп овсяной был. Вытянешь его, понесешь в дом, ставишь его в угол и говоришь:

Выходите, мухи, вон,
Идет хозяин в дом.

И ставишь его в угол к Богу.

250. Вот, когда идешь в избу со снопом. Так под потолок машешь по углам и говоришь:

Кшити, мухи, вон!
Хозяин пришел в дом.
Вы лето летовали,
А нас пустите зиму зимовать²⁸.

251. Пришел праздник!

Идите, мухи, вон!

Открывали окна-двери, брали тряпки и выганивали мух. В Сёмин день.

252. В осеннее время, после уборки ходили девчата, собирались в одну хату по очереди, в каждой деревне. Или найдут избушку такую, в ней убирают, помогают хозяйке, вроде как на осень-то откупят избушку. Ну, и собираются туда с рукоделием — кто прядет, кто вяжет, кто что делает.

Ну, а где девчата, там и ребята. А ребята — кто с гармошкой, кто с чем. И влюбляются и целуются. Ну, и пойдет тут кутерьма. Игры тут, танцы всякие...

253. Всю осень молотили, снопы в овины носили. Лен мяли, трепали. А потом на беседы с пряхом шли. Если жених сожжет кудели, то мать дома потом убьет, как котенка худова. На простень надо было за вечер напрядь.

Пели. Сначала все долгие песни, а потом частушки. «Меж крутых бережков», «Шумел камыш»... Да всё теперь упомнишь ли?

²⁷ Шил — типа «кыш» или «кша» (Прим. соб.).

²⁸ Вар.: «А мы будем зиму зимовать».

ПОКРОВ (1 ОКТЯБРЯ)²⁹

254. На *Покров* говорят:

Батюшка Покров,
Покрой девушке голову.

255. Покров Пресвятой Богородицы Матушки,
Покрой своим покровом.

Гадания на сон

256. Первый раз заворачиваются на Покров. Ложатся спать и говорят:

Батюшка Покров,
Покажи мою свекровь,
И покрой, мой Покров,
Теплом, и добром,
И богатым женихом.

Это тоже, чтобы приснился жених.

257. Гадали всегда на пятницу, перед сном приговаривали:

Ты, пятница, одна,
Скажи мне всю правду.

И во сне привидится.

258. На сон можно в любое время заворачиваться — не только в Святки. Я всю правду видела. Легла спать и говорю:

Приснися во сне,
Где будет судьба мне.

И я увидела: идет боком с папирской. Гляжу — незнакомый человек.

²⁹ 14 октября по новому стилю.

Семейные обряды

СВЕДЕНИЯ О РОДИЛЬНОМ И КРЕСТИЛЬНОМ ОБРЯДАХ

1. А моя свекровь была повиушкой. Она как была акушеркой, вот ее и возили по деревням. Я с ней родила пять ребенков, когда молодая была, я с ней рожала. А то двоих я прямо в поле родила. Раньше нам не давали этих биллютней: месяц до родов, месяц после родов, и денег не платили. В колхозе вот...

Очень ее почитали. Вот приезжают, мы к вечеру спать ложимся, запираем, а люди стучат, кто... Уж мы не выходим. Как потайное такое дело. Говорят, тяжело рожать. Ежели узнаешь, это вроде тайну такую...

Вот приедут за ней. Она одет шубейку, шаль и уезжает. Куды уезжает? Иной раз сутки, двое нет ее. Вот как. Как акушерка она славилась. Ее по большим, иной раз километров десять увозили ее ...

Вот сейчас-то вроде не разрешают, есть акушерки в больнице, а эта славилась, говорят, с ней больно легко...

Вот она ребеночка приняла, его обмыла, спеленала. Ну, когда ходишь последнее время, всё приданое припасает для ребенка, свертывает. И вот она завернит. Потом маленько погода, тоже было: я с ней рожу, после родов хлеба насолит солью солено, не нравится, а этот кусочек съешь. Это не знаю, вроде для крепости...

В баню с ребеночком не ходили, его в печке мыли, а печки у нас большие раньше были. В печке мы всё сушили: вот хлеб, когда намолотишь, на мельницу собираешь — в печке сушишь. И это овсяное толокно не мочишь — тоже...

Маленького тоже: надо погреть, надо проверить бабке, так ли всё. Родит ребеночка — на второй день пойдет его в печку проверит, ручки ли, ножки ли, правильно ли. Она ручку правую, ножку левую, так чтоб оно сходилоя все...

Вот я первый раз родила, у них давно не было ребят-то... Мамаша моет в печке, а сестричка-золовка сидит, в печке смотрит, а я так из-за ее тоже выглядываю. Вот сегодня вымыла ребенка, а на второй день везут крестить его, в церковь. Приедут в церковь, там купель, тепленькая водичка, и священник его носит и ушки ему закрывает и прямо в воду его. Раза три... И берешь с собой крестного и крестную. А потом, когда он вырастет, крестный и крестная первыми бывают: крестная к невесте садится первая, а к жениху — крестный. И вот первый почет был. И они тоже благословляют, как родители...

Ребеночку ничего не дарили. А вот бабушке-повиушке дарили. Она ребенка примет — ей на платье подарят, иной раз хорошее принесет.

Угощение делали — *крезвины*³⁰. Не сказать, что пиво, что гостей много: крестный, крестная и родители. Вот угощаются. Они не дожидаются, а приехали из церкви, крестили, — они прямо к нам приезжают, ну, у кого родильница, у кого крещали. Они приезжают как уж настоящие гости. Тут уж обедаем и чай пьем. Угощения большого не было. Бывало только кашку сварят и пирожок. Кашка бывает ячневая и пшеничная. Маслом хорошо намазанная каша.

³⁰ *Крезвины* — от крестить (коммент. дочери исполнительницы).

...А молитву брали через шесть недель. Потому что как родит она, у нее вроде шесть недель бывает всё вроде нечестного. Едешь с ребеночком, ребеночка в то время причащаешь, как matka молитву берет. Поедут вот хоть зимой, тебя закроют глухо. С ребенком сидишь под одеялом и едешь. А крестить мать не ездила. Мать дома. А это бабушка-повиушка едет крестить и крестный, крестная. А крестная бывает и небольшая. Вот Катю я когда родила, у меня Валя небольшая была крестная. Дак она ездила крестить ее, уж эти церкви стали нарушаться, она далеко возила ее. Ну, не одна она, две бабки ездили.

2. Были бабушки-повивушки. Которые молодые одни рожали, так другим людям нельзя показываться, только им. Как родит, бабушка ребеночка сразу в печку, помыть и чтоб тепло. А через две недели крестить носили. Бабушка ходила и мама крестная. Потом еще через две недели уже и мать ходила. Священник специальную молитву читает и ребеночка окрестит.

А все несут домой ему еды — *на зубок* называется. Пирожок испекут, маслица родильце несут.

3. Всех младенцев-то крестили непременно. С крестин приедут да чаю попьют, крестная и крестный. Потом уже каждый год справляли день ангела. Больше никак не праздновали.

ЧУХЛОМСКАЯ СВАДЬБА

СВАТОВСТВО. СМОТРИНЫ

1. Родилась я в деревне Подболотново, а замуж вышла в Олешково — Грибаново. Это два километра от нас было. А сюда мы после войны приехали. Женихов у меня много было. Я была девчонка в почете. Один раз четыре жениха за чаем были, а я молоденька — плакала. Не хочу замуж... Женихи все намного меня старше. Я только еще наряжаться стала, на беседы ходить. А гулять мы ходили строго, не говорили даже с женихами лишнего слова. Кадрили танцевали, да и садились сразу на место.

Первый жених пришел свататься, когда мне только шестнадцать лет было. Он с сестрой пришел. А я была с девчонками. Моя сестра младшая прибежала, зовут: «Пойдем, приехали к тебе. Мама звала». Я говорю: «Нет, не пойду. Не хочу я замуж». Папаша думал, что я с охотой пойду, а я упиралась: нет, ни за что! Он, говорю, только на беседке пляшет. Так распляшется передо мной, что я бы его ударила. Вот как!

Ну, папаша говорит ему, что если на завтра не придем дом смотреть, то значит нет. Раньше-то всегда ходили смотреть, какое хозяйство.

А через день мы с папашей в поле были. Собрались пообедать. Вдруг, смотрю — Ванюха бежит с угорчика: «Что ж вы не пришли, мы вас ждали». «Нет, Иван Александрович. Молоды вы еще. Годочек погуляйте, посмотрите». Вот, папа ему не совсем отказал.

Потом Святки были, в январе-то... Девушки все с женихами гуляли. Беседы были большие. А на беседах всё по чину. Отдельно на лавке девушки сидят, а напротив на лавке — парни. А садились девушки по старшинству: сначала старшие, а потом первоогодные. Плясали по очереди. Попляшем, поцелуемся...

На Святках я с другим женихом гуляла, но за него тоже не пошла.

Михаил Андреевич в плену был, без вести пропадал. Потом из плена пришел. Святки гулял, а потом решил в город ехать опять. Мамаша говорит ему, свекровь-то: «Нет, сначала лес отправь. А лучше бы тебе жениться на деревенской. Деревенская и к городу если что привыкнет, а городская в деревне не сможет. Я тебе тут пригласела в Подболотново, дочь Ивана Спиридоновича».

Ну, беседа была. Я пришла, а он не знал никого. Вот друга своего он и спросил: мол, кто тут есть кто? Он и меня показал. Я ему сразу понравилась.

Отец уехал варить соль на сольцы. А он с сестрой тоже ездил соль варить. Отец матери сказал: «Пришли Нюшку за мной». Я приехала. А ему сестра дала знать. Я-то была тоже там не без дела. Сразу работать стала. Он смотрит — вот, мать ему про эту говорила. Посватался, а ему: не пойду! Больно старый. Да я с ним и не плясала ни разу. Мы от него и отказались.

А через неделю еще парень приехал. С сестрой стучатся: «Погреться пустите, чайку попить». А я думаю: «Они ведь не греться пришли-то». А сама сижу лен пряду. Мама ко мне подошла:

— Кому, Нюша, постелю стелешь?

— Да и не знаю кому.

А сама рукой лен глажу, да знаю, что они уже тут сидят. Чаю попили. Папаша говорит: «Я тебя больше не слушаю». Я заревела. «Я лучше за Ляшковского пойду. А за Сашку не хочу!»

Соседка пришла, говорит: «Кум, пиши записочку, что невеста передумала, а вечером сбегая, отнесу».

Побежала, а жених в беседу ушел. Ну, она оставила ему записку. На второе утро ранехонько прибегает к нам, к себе позвал.

— Ну что, госпожа Анна Ивановна, надумались замуж? А не неволят вас? Мы ведь не на неделю, а в жизнь собираемся.

2. Сначала были Святки, на них приезжали из многих деревень. Приезжали и свахи, и парни показывали им на девушек, которые нравятся парням... На Святки устраивали игровые вечера и танцевали. Девушки надевали свои лучшие наряды. А те, кто были побогаче, каждый день меняли платья. На Святках были *славёны* — девушки, которые понравились парням: парни, не приехавшие на Святки, давали своим друзьям бантики, и друзья должны были приколоть их девушкам. Девушка, которой парень прислал бантик, — *славёна*. Бантики делали заранее из красной ленты.

На Святках еще танцевали кадрили. Парень приглашает понравившуюся девушку на кадрили и танцует с ней семь колен подряд. Такие кадрили назывались *семизарядные*.

После Святков к девушке приходят свататься. Сперва приходят отец и мать жениха, без свах. Они приглашают девушку в гости...

3. После Святков свахи поедут свататься. Родители жениха ехали и сваха-сводня. Как сватаются, тут прибауток много говорят: «Приехали, у нас сокол есть, а вас молодка курочка. Как бы нам и сосватать их».

Обязательно тут вино, и пиво, и закуску ставили, уговаривались...

4. Сперва сваху засылали. Она садилась только вдоль полу на лавку. Лавка, которая по стене вдоль досок пола, а не поперек. Тогда родители догадываются, что это сваха пришла. Она говорила, что такие-то к вам придут свататься.

Раньше-то молодые не гуляли, жених скажет: вот такая-то мне нравится.

Вот дедушка Николай Яковлевич рассказывал. Возил я, говорит, весь день дрова, приехал домой и говорю: тятка, я поеду в Салово. Туда приехал, как глянул, говорит, и думаю: ну, эта будет моя.

А у нас раньше танцевали козуль. Стали танцевать, а он ее и пригласил. И еще тогда было принято во время танца у девицы брать носовой платок. Вот я взял, говорит, и положил в нагрудный карман.

Вот когда уже поехал домой, стал одеваться, она подошла ко мне и говорит: отдай платок. Нет, говорю, не отдам. Так и не отдал и сказал: ты будешь моя. А она говорит: посмотрим еще.

Ее Аксиньей звали. Бедно жили, у нее много сестер было, а братья в городе работали. Вот она не хотела за него идти, а братьевья сказали: не пойдешь за него, мы тебя снова наряжать не будем. Так и вышла. А не любила.

А они, у дедушки Николая Яковлевича, семья, свою землю, два дома имели, лес у них был, туда никого не пускали, даже дрова заготовить. А у этой Аксиньи все сестры за богатых тоже вышли, потом их кулачили.

Дак вот. Сначала сваху засылали раньше. А потом приезжали родители с женихом. И тут уже договор был, когда свадьбу справлять. Это сватались, *сватанье* называлось. Отец и мать приезжали, а ежели отца нет, брали крестного, раньше ведь крестные были. А ежели матери нет, то брали крестную. А так, родители есть, то только мать и отец приезжали и жених.

Говорили: приехали свататься вот, отдадите ли дочку за нашего сынка? Ежели невеста не соглашалась, он ей не нравится, тогда не отдавали, все говорили, что, ну, *с шестом* приехал, всё, отказ значит: шест привез жених.

5. Обычно, бывало, сперва с девушкой сговорятся, на вечерке или на гулянье, а потом едут к родителям в дом. Дружку с собой берут. Полагалось богато ехать, сбрую дорогую купить, колокольчики. А отец мой бедный был, и для смеху навязал на дугу веников березовых и поехал к кулакам свататься.

6. Из чужой деревни приехал жених с отцом и матерью. Приехал к знакомым и послал сваху спросить: примут ли за чай? Если примут, скажет сваха, что за жених. Они невесту наряжат в хороший наряд, а эти уж идут. Назывались они *просватки*. Гостей сажают за стол вместе с родителями. Посадят, а сноха выводит невесту (она одна не ходит). Сноха идет вперед, а невеста сзади, не за руку. Поздороваются со всеми. Этой же снохи муж несет чаю, а тут и конфетки, и пряники на тарелку насобирают. Весь стол уставят, но пирога не носили. Выпьют по чашке, по другой. Невеста уже пойдет за чаем с подносом, еще гостей угощает. Жених глядит, не хромает ли.

На просватки народ бегал смотреть, как узнает, что приехали. Иногда жених не понравится невесте. Дак она обязательно как-нибудь покажет. У нас одна понесла поднос с чаем, а сама нам так (показывает язык)... Не понравился жених, некрасивый. Переговарят между собой за столом, а невеста со своими за перегородкой говорит. А гляженики уж уходят, чтобы не мешать. И отказать жениху могли. Выйдут да и откажут:

— Девица у нас еще молодая, замуж не пойдет.

А если согласятся, то родители сговариваются... Сваха только уговаривается и уходит, а на просватках не сидит. Тут приходят жених с родителями, а если отца у него нет, дак крестного прихватывали...

7. Самая старшая сестра выходила замуж. В Святки приходили свататься жених и его мать и крестная. Мы на беседах были — нас позвали с сестрой.

Договаривались о приданом. Выговаривали, выговаривали полотенец, сколько родни. На всех чтоб были полотенца. Полотенца все вышитые, хорошие. Денег выговаривали, посуду, белье. Назначили богомолье...

8. Свататься-то ездили жених и сваха-сводница — родня или чужая; нанимали, бывало. Сперва ехали в чужой дом, а не сразу к невесте; приедут к соседям, лошадей на повить поставят. Соседка приедет и скажет: «Катерина Ивановна, прими жениха за чай».

Вот, значит, в доме готовятся, а вскоре и жених придет. Садись в красный угол, жених со свахой садятся на поодольную лавку, невестины родители — на поперечную; невеста выходит нарядная, садится напротив жениха. Она всем чаю подает, вина не ставили, тогда не больно вино-то пили. Чаю попьют и начнут сговариваться, решать — выдадут ее за него или нет.

А девки-то уж стерегут: если отказ — бегут к жениховым саням шест привязывать. «Шест привез» — значит отказ, не пошла замуж; обида, конечно.

9. Сначала отец с матерью и с женихом приходили к невесте свататься. Говорили: наш жених хочет жениться, а ваша невеста может замуж выйти.

Это уж как за стол сядут, за чаем. А невеста раньше скажет родителям, что придут за ней.

Приходили только родители с женихом, тут чаю попьют и договорятся насчет свадьбы. Вот когда у меня сестра выходила замуж, жених с невестой были не против. А было так, что и отказ жених получал. А ребята под окном всё выслушают и такую елку, как жердь, да сучковатую, привяжут к саням сзади, шест. И жених уезжал с шестом. Они так привяжут, что он отвязать не может. Долго уговаривает-то, может невеста согласится.

На сватанье не договаривались о дне свадьбы, согласие только получали. А приданого уж у нас не было.

10. Еще интересно было. Когда девушки узнавали, что к их подруге свататься едут, то бежали на дорогу, где жених поедет. Да и перебегут дорогу ему перед лошадью — чтобы пути не было. И было так. Как сбудется, так девчонки вытаскивали шест из ограды и бежали к его дому. Клади перед крыльцам. В насмешку делали, говорили:

— Вот парень не невесту в дом привез, а шест привез.

11. Ездили *смотреть дом* у жениха на следующий день, если не понравится, то могли и отказать. Тут уже тоже на стол собирают, попируют да едут домой.

12. Если договаривались, на второй день родители девочки едут к жениху *смотреть дом*. Там уже договариваются, когда свадьба...

БОГОМОЛЬЕ. ПРОПО́И

13. А через неделю приезжали на пропо́и. Родители, кто-то из родных, человека два, и жених.

Тут договариваются, на какое число и как свадьбу справить, по скольку там собирать, сколько гостей звать, какой расход. У жениха товарищ мог быть на пропоях или от родителей брат. Жених с невестой вместе сидели.

Во время пропоев и *богомолье* раньше было. Давайте, говорят, Богу помолимся. В наше-то время этого уж не было. Посидят, договариваются и откладывают свадьбу на месяц.

14. Через несколько дней — богомолье-*пропоишио*. Жених опять с родителями приезжает. Богу помолятся, стол собирают, угощают их.

15. Дня через четыре — богомолье. Невестины родители припасутся. Жених с отцом и матерью приезжают. Собирают закуску, чай на стол. Народ поглядит, как они за столом сидят, а потом уходят. А они станут Богу молиться. Потом договариваются о свадьбе и приданом.

Мамонька наша навывговаривала семь пудов хлеба, один пуд солоду на квас да пуд мяса, когда брат женился. Дорого им жених-то стал. Да мы бедные очень были, невесту-то нам тоже кормить надо было. А она очень хорошая была.

16. Теперя потом богомолье было еще после сговоров... Вот тут уж евонна родня приезжала и наша родня. Это было богомолье. До свадьбы еще все. Богу молились в доме. Я не знаю, священник вроде приезжал. Богу молились еще до свадьбы, чтобы всё хорошо было, чтобы всё благополучно. Родные приезжали и крестные, вот такие только были. Гостей не было. Это у девушки в доме.

И потом, после, богомолье-то прошло — уж невеста вроде как засватана, замолена.

17. Богу молились. Богомолье. Собирались. Если уже помолились Богу, то невеста не может отказать жениху, а так, бывало, отказывали, если после, как посватаются... Если старый жених или еще что... А как Богу помолятся, так уже не отказывали. Уже верна.

18. А на богомолье жених с матерью и родственниками к нам приехали. Мы уже припаслись. Родители Богу помолились. Ну а потом и благословеньице было от них с иконами, всё чином. Назначили сговоры...

19. На другой день — Богу молиться собрались. Мать и сестра его приехали. Помолились, потом благословляли нас. Мы на колени со свечками встали, землю поцеловали, нас родители иконами благословили.

Девочки пришли, песню пели:

Промолили, промолили подружку-голубушку,
Не плачь, не плачь, твоя сужена хорошая...

Ну, на богомолье назначают, когда сговоры, а через неделю уж свадьба.

20. Если договариваются, то потом будет богомолье. Опять жених приезжает, уже с родителями, в избу к невесте, там все Богу молятся. Жених с невестой кольцами обручаются; жениха и родителей угощают, уже начинают и свадьбу готовить, припасают всё.

ПРИЕЗД ЖЕНИХА НА ПОЦЕЛУЙ. БЕСЕДКИ У НЕВЕСТЫ. ШИТЬЕ ПРИДАНОГО

21. Невеста после богомолья сидела низко повязанная, как на похоронах, в куте сидела-то.

После богомолья начинал жених к невесте *на поцелуй* ездить. Вот приезжает жених с сестрой или товарищем, угощают его. Посидит, с невестой в карты поиграет и уезжает домой. Целовать не целовались, нельзя было.

22. На второй день родители девчонки приезжают домой, едет жених на поцелуй. С девочкой. Сестра есть — так с сестрой, а нет — берет с собой какую-нибудь девчонку. <...>

На поцелуй приезжали только в карты играть, танцевать, веселиться с невестой. А договаривались-то родители.

23. На поцелуй ездил жених с сестрой, а то берет еще какую родню свою, приедет, посидит, с невестой в карты поиграет. Не целовали, конечно, — это одно название только, что поцелуй.

24. Когда оне усватаются, жених ездит на поцелуй к невесте. До свадьбы раза три ездит. Просто попьет чаю, посидит, обратно уедет.

25. Потом до самых сговор он [жених. — *Сост.*] ездит на поцелуй... Вот приедет, там жениха угощают, сойдется молодежь, играют в карты там, танцуют. Это он до самых сговор ездит, каждый вечер... Наверно, с товарищем ездил, не один, конечно. А уж целовались ли — этого я не знаю, что они там делали.

26. А потом жених еще ездил на поцелуй. Чай пили, в карты играли. Гостинцы дарили. А перед отъездом, как пойдешь провожать, знамо — поцелуй.

У меня выговоров-то не было. Ни полотенцев, ни ткани, ни упряжи дарить не надо было.

Ну, жених перед свадьбой навещал, а родители готовились. Придано собирали. Как-то... с золотом³¹, с нитками... одеялы шили, постелю стирали, чинили, одежду собирали, посуду, сапоги. Да и на стол припасали: квас, пиво ставили, пироги пекли с грибами, с мясом, еще с чем. Еды много готовили.

27. Ездили на поцелуй. Он приезжал, двух братовей и сестер приводил. Подарками мы обменяемся с ним да поцелуемся. Я к нему с сестрой ездила. Двадцать пять полотенец приготовила, всё родне его дарить. Он сладкое дарил, гостинцы разные. Я ему полотенце — он меня поцелует, он мне гостинец — я его поцелую.

Приданое-то собирали, что есть. Время трудное было. Одеяло из хлопчиков шили, стегали. Мамонька красивое собрала одеяло. Ну, постель готовили в приданое. А покрывалов-то не было.

28. Жених приезжал на поцелуй между сговорками и свадьбой. Закусочку собирали, чайком попоют. Если есть гармонист, то собирались кадрили танцевать. Жених привозил денег или гостинцев, одаривал невесту.

Собирались подружки и шили невесте приданое, помогали. За это их родители невесты кормили обедом. Невеста вместе с ними шила.

29. Жених-то приезжает к невесте ненадолго в воскресенье. А родители готовятся. Наряды собирают. Раньше-то много дарили полотна, свекру рубашку, свекрови — платье или платок. Невеста сама себе готовила постелю, кружева вяжет, вышивает, чтобы красиво убраться постели. Девушки ходили к невесте на беседки, может, что пошить помочь.

³¹ С золотым шитьем, золотыми нитками.

СГОВОРЫ

30. После богомолья *сговорки* бывали. Тут уж к невесте больше народу приезжает. Невеста сидит плачет, а подружки поют:

Задушевная подруженька,
Что Любовь-то Степановна,
Лютая ты изменщица.
Говорила, не пойду замуж,
Не пойду, не подумаю,
А теперича вздумала.
Не за князя, не за барина,
За простого крестьянина,
За Александра Ивановича...

31. Ты подруженька-голубушка,
Ты о чем вечер плакала,
Горючи слезы ронила?
Говорила, что «Не пойду замуж,
Ни за князя, ни за барина,
Ни за простого крестьянина».
— Уж вы глупые девушки,
Не сама я замуж пошла,
Не своею охотою,
Да с большою неволею.
Поневолил сударь-батюшка,
Поизволила маменька,
Собирала мила сестра,
Выводил братец-батюшка,
Он сдавал гостям на руки,
Одному гостю навеки.
Ты владей, милой зять,
Материнской моей милой сестрой.

32. На *сговорах* раньше сговорёнку выть заставляли:

Дорогие подруженьки,
Вы спите — не пробудитесь,
А мне молодёшеньке,
Что не спится, не лежится.
Мне приснился престрашный сон:
Приходила девья красота,
По головшке погладила,
На меня рассердилася,
Со мной не простилася,
Посредь пола топнула,
Широким дверям хлопнула.

33. В *сговорки* невеста всех одаривала полотенцами. Жених приводил крестных, так их дарили.

Посреди *сговоров* невеста всё в кути сидела и выла. Как кто идет в дверь, она причитает:

Извини, моя соседушка,
Александра Ивановна,
Что не вышла, не встретила,
На тесовое крылечушко,
На широкую улицу...

Так она каждому всё ревит...

34. Сговорёнка сидела, приходили девчонки... У меня всего одна неделя была только, когда посватался жених. Приходит какая подружка ко мне, я начинаю выть:

Что не сам ли высок терем
На пята раскрывается —
Что идет ко мне, жалует
Что подружка голубушка.
Извини-ка, подруженька,
Что не вышла, не встретила
Я тебя, молодёшеньку,
Я тебя, зеленёшеньку.

А когда уходят оне, я опять вою:

Посидите, подруженьки,
Посидите, голубушки,
В остальные-последние
Во душах красных девушках.

35. Как и не сам-то высок терем
На пята растворяется,
Что идет ко мне, жаловат
Дорогая подруженька,
В остальные-последния.
Иди, дорогая соседушка,
Посиди, моя милая,
В остальные-последния,
Пока я в красных девушках
В остальные-последния.

36. Через неделю-полторы после богомолья были сговоры, опять у невесты. Собирали всю невестину родню, подруг и тут уж выносили елочку — дивью красоту. Выносили елочку наемные люди, которые стих знали. Выносили, ставили ее на стол, клали денег, серебра кидали, рубли — кто сколько положит. И потом, кто выносила, обратно елочку уносит... Раньше елочку выносили на сговорах, на свадьбе только теперь уж.

После сговоров невеста неделю в куте выла — причитала, повязана низко была. А как же! Горе-то какое: со всей родней, с подружками расстаётся, вольная жизнь кончается. Выли-то как!

37. Ну, сговоры были. Родители невесты, значить, припасаются. И приезжают жаних, да сродственники, да парни на трех лошадях. Столованье было, угощение. Много народу! Перед тем как сесть за стол, невеста воет. Я-то не выла, моего брата жена выла. А девушки причитывали. Жаних выходит к невесте в кут, берет за руку и ведет за стол. Невеста со всеми здоровается, низко кланяется.

А еще ряжают елочку. Небольшую такую приносили и в другой комнате ставили. Девушки ее наряжали. Конфетки вешали, ленточки завязывали, прянички вешали крашоны, свеццы ставили.

Потом елочку выносили в комнату, уже другая девушка выносит ее. А все станут так по сторонам и слушают.

38. Ежли у меня — была... сговоры, а у жениха — свадьба. У меня выносили елочку мне... Говорили много... Бывает, выносит девушка наряжена. Кругом ленты, конфетки, свечки зажигают. Но вот, и начинает. Она берет ее, эту елочку, на кухне, выходит к гостям за стол. Еще не начинают ничего кушать. Вот она начинает:

Господи, благослови, Христос!
Беру я елочку в нежные руки...
Здравствуйте, полк часной,
Князь со княгиней,
Большой барин, меньшей барин,
Друженька с полудруженькой,
Гости приезжие, соседи любезные,
Здравствуйте...

Все встают.

Прошу встать,
Елочке честь отдать.

Встают: «Здравствуйте». Ну, не говорят уж.
Беру в белы руки нежные...
Долго мы вас дожидали,
Елочку снаряжали,
По перчаточкам изорвали...

Много тут, не могу всего сказать. Потом она говорит:

Друженька, попрошу Вас
Местечко свободить,
Елочку постановить.
На елочку подарить. ...
Елочку мы постановим,
Нам, девушкам, подарить...
Меди-то не кидайте,
У тарелочки края не обломайте,
Кладите по бумажкам.

И вот начинают:

У кого шёлкова рубашка —
Кладите бумажку.

У меня сестра всё выносила младшая. Много она и по деревням ходила, говорила. А я этого не делала.

Поставили елочку, невеста встает. На самом верху две конфетки прилеплены. Она эти две конфетки срывает, две свечки гасит. Себе берет и жениху дает. Все рассчитано: сколько гостей, столько и конфет. Каждому гостю по конфетке. Потом она приходит и говорит:

Я пошла, на тебя рассердилася,
Дверями захлопала,
Ногами затопала,
И пошла в чисто полюшко.
Привилась дивья красота

Ко сухому ко дереву.
Не бывать этой елочке больше зелёной,
А Анне Ивановне
Не бывать больше красной девушке,
А доброму молодцу
Не бывать добрым молодцем.

Елочку уносят. Я держуся за елочку, плачу, вою. Ее выносят, разряжают, а потом к крыльцу приколачивают. Она висит целый год, эта елочка, пока посохнет³².

39. Потом *сговоры* у невесты. Вся родня приезжала женихова, кого они там позовут. И от невесты. Невеста дарила полотенцы жениховой родне. Раньше полотенцы свои, полотно-то ткали. Невеста всё кружева, с кружевами, всё вяжет, навяжет. Как научиться вязать, с каких годов, и всё себе приданое вяжет, эти кружева к полотенцам. Дарили полотенцы жениховой родне. Молодежь не гуляла, только эти гуляли, средних годов, женатые, старики. Молодежь — спаси Бог, никого.

А когда уж гости уедут, жених уедет домой, тогда невеста приглашала своих всех, молодежь, но только не ребят, конечно, одних девушек приглашала. ...

Я не помню, еще я была небольшая, подростком, вот этого дедушки Николая дочка выходила, Маруська. Помню, я спать легла, она пришла меня разбудила, увела. Много девок было, стол большой. Угощали, за столом сидели, вином угощали, ну я, конечно, не пила, еще я была небольшая. И такая же вся стряпня наставлена, как и этим гостям. Песни не пели...

40. Елочку выносили все в сговоры раньше, сговоры были. В сговоры выносили, не на свадьбе. Свадьба у жениха была, а сговоры у невесты были, раньше-то. Сговоры за сколько были? — Может, за неделю там, может, поменьше, кто как. Шафер и шаферица были: у жениха шафер, а невеста шафериц брала. Шафера уже заранее выбирались. И на сговорах за столом сидели. На сговоры также гости приходили все, кого звали.

А уж потом стали делать всё вместе: и сговоры, и свадьба. Уж стали в один день делать. Это уже давненько делали, сговоры-то. А вешали елочку к девушке на крыльцо, приколачивали. Так нарядную и приколачивали.

А как мы пропоем, все и домой расходятся, и гости расходятся. Мы же и поем до конца все песни тут. Да, пока идет стол, все и поем, много же их сидят, всем надо спеть. А потом уже и домой пойдем.

А потом уж как-то стали вместе делать, сговоры отменили уж тут...

КАНУН СВАДЬБЫ. ПОЕЗДКА К ЖЕНИХУ С ПОСТЕЛЬЮ. РАСПЛЕТЕНИЕ КОСЫ. БАНЯ. ДЕВИШНИК И ПАРНИШНИК

41. К жениху с постелей ездили, за день или два до свадьбы возили, а сговорёнка выла:

Благословите, родители,
Вы меня молодёшеньку,
Вы меня красну девицу;

³² Позднее, в связи с разрушением некоторых элементов свадебного действия, елочку стали выносить не в сговоры, а за свадебным столом. Так как большинство наших рассказчиков в своих описаниях указали на эту позднюю традицию, авторы решили поместить подробный рассказ об этом обряде и варианты приговора подружки невесты в подразделе «Приезд в дом жениха. Свадебный стол».

Как моя-то постелюшка
По синю морю плавает...

42. Ну а дальше девишник был. Родители мои повезли постелю мою к жаниху и сундук там, с одежой, с посудой, с обутком, с портяном всяком. А как от жаниха-то приехали, за постелей-то, так девушки на постелю мою сели и не дают. Приговаривают:

Наша постель дорога,
Просит серебра,
Постелю посеребрите,
Тогда и берите.

Ну и те-то платят. А как же! Обязательно. Накидают монеток и едут. А меня девушки с вечеру в баню повели. Сначала ко мне пришли, а потом уж в баню ходили.

В бане косу расплетали. Что-то пели. Что уж не упомяну:

Ты прощай, коса-коса,
Прощай, девичья краса...

Ленточку не помню, кто у меня забирал; а потом домой ко мне возвращались и чай пили, песни пели. И девушки у меня последнюю ночь ночевали.

43. Девишник был в канун свадьбы. Жених приезжал за постелью к невесте. Всё в узлы свяжут: у кого перина, подушки да простыни... И подзоры были или просто простыни с кружевом. У богатых девки и ребята сами к жениху возили постель, а невеста дома оставалась.

В девишник мы постель привозили, поставили ее, тут же и устилаем. Сколько приданого дадут, столько и стелим. Да так надо положить, чтобы все узоры простыней были видны — один под одним... Там тоже жениховы родители за стол их собирали. Кадрели там потанцуют, а если нет гармошки, то в карты поиграют.

Девчонки баню топят, невесту в баню поведут. Утром придем, она воет:

Задушевные подруженьки,
Сослужите службу верную,
Истопите баню жаркую
Для меня-то молодёшеньки,
Для меня-то зеленёшеньки
В остальные-последние
Во душах красной девушки...

Невеста идет в баню, воет, и подружка воет. Одна девчонка — березка — веточки вдоль дороги втыкает. Вот как веники вяжут, она распустит веник, ленточками его украсит, лоскуточками. Идет эта девчонка впереди и вершит дорогу, в разные стороны прутьики втыкает.

Утром невесте косу заплетали, а вечером расплетали перед баней. Расплетала косу подружка. Невеста как в баню пойдет, будет причитать:

Зарастай, моя дороженька,
Частым ельничком-березничком
На родимую сторонущу,
Ко родимым-то родителям...

После бани пируем, пьем, а потом почиваем.

Перед баней подружки елочку наряжают, а брат над крыльцом прибывает. Тряпочками красивыми наряжали, красивая она получалась.

44. Вы мои подружки,
Вы послушайте, голубушки,
Я об чем буду пла́кати,
Я об чем буду про́сители.

Я сегодня молоденькая,
Я больна да больнёшенька.
Вы сходите, подруженьки, голубушки,
Истопите для меня
Баню жаркую, баню паркую.
Что и я, молодёшенька,
Я больна да больнёшенька.
Ты кормилица мамонька,
Ты послушай, голубушка,
Я об чем буду плакати,
Я об чем буду просители.
Ты сходи, моя кормилица,
К Пресвятой Богородице.
Ты ударь, моя кормилица,
В заунывный большой колокол.
Не раздастся ли сыра земля,
Не расколется ли гробова доска,
Не услышит ли кормилец мой,
Что родной-то папенька.
Не придет ли кормилец ко мне молоденьке.
Нарядить меня есть кому,
Благословить меня некому.

45. Она [невеста. — *Сост.*] просит в первый раз:
Как мои да подруженьки,
Истопите, подруженьки,
Вы мне баньку и паренку.

А они ей отвечают:

Истопили, подруженька,
Мы тебе баньку-паренку,
В этой банюшке
Три окошка кленовые;
Как на первом окошечке
Матушка девья красота,
На втором-то окошечке
Стоит банка с румянами,
На третьем окошечке
Стоит банка с белилами.

46. Ах, подруженька моя милая,
На кого ты меня покинула.
Ой!
Солнце ясное, птичка-пташечка,
Не придешь ко мне в мою горницу.
Ой!

В мою горницу к красной девице,
Не разбудишь меня, красну девицу.
Ой!
Не поведаешь тайны тайные,
Тайны тайные, задушевные.
Ой!
Приходи ко мне с горем, радостью,
С бабьей долею.
Ой!
Я утешу тебя, мою пташечку,
Мою пташечку, канареечку.
Ой!
Мою подруженьку ненаглядную,
Саму верную да красивую
Зою Николаевну
Свет Гагарину.
Ой!

Эта песня поется, когда девушку невесту ведут в баню.

47. На девишник водили в баню париться. Невесту звали:

Пойдем мыться счас
(имя-отчество)
Как во баньке — во паренке
Три тесовых окошечка.
На первом окошечке
Лежит мыло с мочалкою,
А на втором окошечке
Красота, девья красота...
А на третьем ...

Вот она придет в баню и завоет, опять запричитает:

Обманули, подруженьки,
Вы меня молодёшеньку,
Вы во баньке, во паренке
Нет трех окошечек тесовых ...

А перед баней косу расплетали. А если у ей сестра есть, то она приговаривает:

Подойди-ка, мила сестра,
Ты ко мне молодёшеньке,
Расплети-ка, мила сестра,
Мою русую косыньку,
И возьми-ка, мила сестра,
Из косы алу ленточку...

А сестры нет, значит подружка берет.

48. Невесту соберут в баню, она садится и воет:

Ты послушай, мила сестра,
Ты Варвара Николаевна,
Подойди-ка, мила сестра,
Ты ко мне молодёхоньке,
Ты ко мне зеленёхоньке,
Ты возмись-ка, мила сестра,

За мою русу косыньку,
Расплети-ка, мила сестра,
Из косы алу ленточку
В остальные-последние
Во душах красных девушках.

Подружки баню топят. Если, примерно, зимой невеста пойдет в баню, подружки идут вперед, вершат дорогу. Венички ставят, а невеста сзади идет. В баню. Там подружки невесту вымоют. А если летом, то, у меня в июне была свадьба, — веточки кидают. Идут вперед подружки и кидают по сторонам веточки, а я по тореной дорожке иду. Так уж невесту в последний раз в баню ведут девушкою.

49. Неделю после сватания невеста в дальнем углу выла, по-нашему, это причитала, значит. Приходили к вечеру, ей одевали на голову кокошник. А кокошник был такой: на самом кокошнике бисеринки, и с него свисали такие, как слезки, а вверх два рожка маленьких, из чего уже рожки, не знаю. Девчонки таких кокошников не носили. Поверх кокошника платок повязывали, ну, как обычно, концы под подбородком связывали, и она потом этими концами всё глаза вытирала. А я маленькая была, мне всё интересно было, взаправду она плачет или нет; я всё эти концы-то шупала: мокрые или нет. Мокрые! Ну, она и выла, дескать, милый тятенька, мила мамонька, видимо, я вам надоела, что вы выдаете меня замуж за любимого (или за нелюбимого, это уж как выходила). Девчонки ей пели: «Ты, подруженька, расстаемся мы с тобой, да оставляешь нас, уходишь из нашего круга...» Это у девушек общество кружком называлось, собирались вместе.

Между сватовством и свадьбой был *девишник*, или *девичник*, как уж вам лучше написать, на который приглашались все девушки. Ставили угощение, пиво или сусло (очень вкусное), но выпивки не было. Да, а перед этим невесту водили в баню, все девчата там были, мыли невесту. Ну, вы знаете, в бане-то четыре доски, потом скамейка, на нее и садили; она опять причитала: «Дорогие подруженьки, расстаюсь я с вами...» и дальше я уж не помню. А голову невесты мыли не водой, а квасом, парили, хлестали друмя-тремя вениками, не одним. Ведут, значит, и в баню, а из бани ее девушки под руки по всей улице, с песней. После бани она опять выла: «Последний раз, тятенька да мамонька, я мылася в вашей баньке; спасибо за то, что кормили, воспитали». Причитала она опять в дальнем углу, а потом садили из угла ее за стол, был пир.

50. А как сговоры пройдут, так невеста воет (а если голосу нет, нанимали выть-то). Невеста низко повязывалась, как после похорон. У меня старшая сестра была Кристина, вот я и помню, как она замуж выходила. Я ей косу заплетаю, а она воет:

Заплети-ка, мила сестра,
Ты мою русу косыньку,
Как моей русой косыньке
Не бывать больше...

Уже забыла, что дальше. Ведь замужем косы не плели, замужем уж волосы в куфтырь завивали.

Как со сговоров неделя проходит, был девишник, прямо накануне свадьбы. Поведут невесту в баню, по сторонам-то девки с вениками стоят, а она всё воет.

51. Заплетали плетень: волосы связывают ленточкой и поют:

Ой, расплети-ко,
Моя желанная мамонька,

Мой плетешок,
Выплети,
Моя желанная мамонька,
Мои алые ленточки,
Раздай,
Моя желанная мамонька,
Моим любимым подруженькам,
Может,
Подруженьки меня вспомнят когда.

52. Косу-то до бани расплетали. Подружка расплела да ленточку себе взяла. Я тоже причитаю:

Не тронь ты мою русу косу.
Во моей во буйной голове,
Во моей русой косе
Две иглы колючие,
Две булавки...

Вечером в баню шли. Девки сами ходят и ведут невесту мыться. А невеста идет и воет:

Ты посветь-ка, светел месяц,
Во путь во дороженьку,
Мне молодёшеньке,
Мне зеленёшеньке,
Во душах красной девушке
В остальные-последние...

После бани угощались. Да не танцевали, а всё горевали... Девишник — последний день перед свадьбой, а у парней — парнишник...

53. Уже после бани, после девишника, невеста, бывало, ушьет себе косу. Нарочно иголкой прошьет несколько раз, всё нитками спутает. Потом говорит: «Дорогой братец, расплети мне косу». А косу-то ни за что не расплеть. Вроде невесте замуж неохота.

54. Накануне свадьбы девишник был. Невесте девушки баню топят. Как истопили баню, так от невесты из дома шли все вместе в баню и частушки всякие пели, длинных песен не было. Когда вымоются, идут из бани, все веники растеряют по дороге. Тут уж видно, что молодую мыли. И тоже частушки поют.

Домой придут, тут уж такое веселье пойдет, как в свадьбу. И танцуют, и пляшут. Одни девушки. А невеста печальная сидит, плачет, воет. Еще, бывает, такие частушки запоют, про маму, как в чужой дом придешь жить. Она и заревет. Гуляли всю ночь почти что, пока не надоест.

А жениху ребята тоже баню топят. И у жениха ребята тоже сами там гуляли, может еще даже громче.

55. Невеста подружек угощала, они веселились, невеста пела:

Веселитесь вы,
Подруженьки мои,
Последний день вы у меня.
Встала раньше матери,
Что вы мои да родители,

Что вам спится да ложится,
И во сне-то не видится,
Что как мне-то,
Красной девушке,
Не спится и не ложится,
И во сне-то много видится.
Первый-то сон я вижу во сне:
Моя постелюшка
По синю морю плавает,
Второй сон я во сне вижу:
Мать Божью Богородицу,
Мать Божья Богородица,
Несет мне платице да подвенечное...

56. На девишнике пели:

Покрасуйся, покрасуйся,
Матушка, девья красота,
В остальные в последние
Во душах красна девушка.
Мне не долго в гостях гостить
У своих у родителей,
У кормильца — тятеньки,
У красивой у маменьки.

57. Раньше-то, отец рассказывал, еще мальчишник и девишник были. Баню топили, жених ходил мыться туда, собирал друзей и угощал их. И невеста тоже так девишник делала, собирала подруг. Баня была и вечер. У меня-то этого уже не было.

**УТРО СВАДЕБНОГО ДНЯ.
ПРИЕЗД СВАДЕБНОГО ПОЕЗДА В ДОМ НЕВЕСТЫ**

58. Все подружки ночью ушли, невеста легла, а как первые петухи запоют, и она воет:

Петухи́ мои, пѣтухи,
Что вы рано так поите,
Вы меня, молодѣшеньку,
Что вы рано так будите.

Три раза в ночь она поет этот стих про петухов.

59. Накануне свадьбы спали мы все на полу. Ночью невеста встала посреди подруг и завывала:

Задюшевные подруженьки!
Мне приснился пристрашный сон,
Что на моей-то на правой руке
Распаялся золотой перстень...

60. А утром она сестре причитает:

Ты слетай-ка, мила сестра, в город,
Ты ударь-ка, мила сестра,
Во большой во колокол,

Разбуди-ка, мила сестра,
Ты кормильца папоньку,
Снарядить меня есть кому,
Благословить меня некому.

61. Я охала:

Что нет кормильца-тятеньки,
Хоть бы пришел кормилец-тятенька,
Хоть на сегодняшний Божий день,
Да на сегодняшний да скорый час!

Подвывалка сидит. Она знает, как причитать. Потом к венцу благословляют невесту.

62. Приехала бабонька, отца моего мать. И вот я ей выла тут:

Ты родная-то бабонька,
Ты сходи-ка к новой Троице,
Ты возмись-ка за веревочку
И ударь в большой колокол.
Не раздастся ли сыра земля,
Не расколется ли гробова доска,
Не восстанет ли мой родной папонька,
Не придет ли ко мне на горячий час,
А к вам на веселый пир
Благословить свою дочку.

Отец погиб в девятнадцатом году на фронте под Царицыным. Ведь раньше отцы благословляли. Приезжал у нас дружка, и благословлял меня священник, повезли к венцу когда. Ну, одели и повезли, и всё... Я венчалась в Бушневе, двенадцать километров от нас, а жених [жил] там еще километр туда, за Бушнево. Он там тоже священника «на подъем» привозил, благословлял его священник тот. У нас-то священник от нашей-то церкви, он нас не венчал здесь, нам не хотелось здесь, потому что перегон лошадам был большой ехать двенадцать-то километров туда и сюда... Всё, уже стол отошел, поехали к жениху, повезли — это ночью было, часов в двенадцать ночи. С лестницы — у нас дом-то двухэтажный был, большой, лестница большая была — спускались. Когда благословлять мама стала, я выла:

Благослови меня, мамонька,
На чужую дальну сторону...

И тут больше ничего не могла, только всё вою, вою, вою. Повели когда меня, сзади шли, да говорит сноха, евонного брата жена: «Да что ты, Шура, тебя ведь не резать повели, да что ты хоть уж...» Я до чего плакала, до чего плакала — ну, незнакомый парень-то был. Я не хотела и выходить. Сватались — меня не отдавали. И в один вечер приехали свататься два парня. Одному отказали (потом после этого еще три раз парень приезжал), а за этого выдали, с кем я прожила всю жизнь свою. Вот как выдавали-то, милые мои. И прожила я тридцать пять лет... С инвалидом двадцать пять лет прожила, никуда не ушла. Ему на фронте вот сюда пуля взошла и сюда вышла. Он был взят в сорок первом году, еще до войны, двадцать второго марта, а привезли ко мне двенадцатого апреля сорок четвертого года. Всё говорили: «Ты, Шура, такая хорошая, а живешь с инвалидом». Я не могла бросить...

Я выходила — восемнадцать только мне исполнилось. Мужу было двадцать три. У меня слез было — ой! Вся возмущена была деревня, соседние были даже возмущены, что не за того парня выдают. Я не гуляла с ним, а с которым гуляла, не

выдали. А который три раз парень приезжал [свататься. — *Сост.*] из Коконьгина, деревня тут недалёко, он погиб в войну. Женился, после меня женился. Он три раз приезжал. Тот погиб.

А вот этот Петька фиминский³³, вот здесь Шигорин-то Петька, он сказал... Я велела ему: «Не приезжай!» Он пришел, говорит: «Я приеду в четверг с матерью». А я сказала: «Не приезжай, я не пойду, я уйду гулять в Луковцыно». Он говорит: «Дак ты мне хочешь шест навязать?» А раньше всё говорили, как не идет девчонка, «шест». Не пошла — значит, «шест». Вот что такое за «шест», я не знаю, такое слово... А потом он мне говорил: «Шура, может, вернешься обратно?» (Он женился, не посчастливилось ему.) Я говорю: «Нет, нет». А потом уж вот здесь оне жили, и он мне всё говорил: «Шурка, я тебя буду до смерти всё равно вспоминать и жалеть». И у его была любимая песня, слова были в песне, он пел: «В одну я влюбился — и та неверна, вчера обманула, гулять не пришла». Песня начиналась:

Леса, не шумите,
Здесь пташечка спит,
Ее не будите,
Она улетит.

Летит, не боится,
В чужие края,
Где солнце не светит,
Луна — никогда.
Там ходит-гуляет
Красотка моя.

Несчастный я мальчик
На свете возрос,
Отца я лишился,
А мать умерла.

В одну я влюбился —
И та неверна,
Вчера обманула,
Гулять не пришла.

Он любил эту песню, вот всё время пел.

63. Невеста до свадьбы охает, воет:

Охи-охи, мамонька ты моя родимая,
Зачем ты меня на горе родила,
Да в чужи люди жить отпустила.
В чужих людях скучненько,
Да работать было тяжеленько.
Воленька ты моя, воля,
Куда воля девалась?
На родимой сторонке
Воля осталась.

Придем к подружке, она охает. Даже посторонние ходят слушать и ревут.

³³ Вероятно, из д. Анфимова между Чухломой и Серапихой (*Прим. сост.*).

64. За лесом з́аря занималась,
Ой, люли́-лю́ли, занималась.
Ко мне сватушки засылались,
Ой, люли-люли, засылались.
Уж вы цветики, вы цветочки,
Ой, люли-люли, цветочки,
Вы лазоревые листочки,
Ой, люли-люли, листочки,
Как бы вам, цветы, не морозы,
Ой, люли-люли, не морозы,
А мне, девушке, не кручина,
Ой, люли-люли, не кручина,
Ни об чем бы я не тужила,
Ой, люли-люли, не тужила.
Я родителям говорила,
Ой, люли-люли, говорила:
Вы родители-батюшки,
Ой, люли-люли, батюшки,
Не выдавайте-ко меня взамуж,
Ой, люли-люли, меня взамуж.
Не кидайтесь на богатство,
Ой, люли-люли, на богатство,
На высокие на хоромы,
Ой, люли-люли, на хоромы,
На согласное на семейство,
Ой, люли-люли, на семейство,
У их богатство по амбарам,
Ой, люли-люли, по амбарам,
Золота казна по карманам,
Ой, люли-люли, по карманам.

Ее пели и не на свадьбе, и так.

65. В день свадьбы приезжают дружка с полудружьем — холостым парнем. Приедут не с утра — к обеду. Хозяйка встречает с кружкой пива, а невеста уж в кути сидит. Он заходит, а девки провоют:

Что не снежки ли белые
На полях забелилися —
Забелился-то друженька,
Друженька с полудружьем...

А дружка им в ответ свое говорит:

Скок через порог,
Насилу ноги переволок.
Здравствуйте, хозяин с хозяйюшкой,
Варили ли вы большой горшок щей:
Мы приехали хлебаки́
Из-за Волги-реки,
От князя посланники.
Да есть ли у вас полки да полицы,
Поло́жить нам шапки да рукавицы?

Хозяйка усадит их за стол. Они посидят, выпьют, а девчонки им опять:

Друженька, не засиживайся,
С полудружницей, не засматривайся,
Друженька, поторапливайся...

Станут выходить, невесте надо полушубок. Их спрашивают:

— А есть ли у вас в чем невесту привезти?

— А вот мы привезли.

У самих-то всякая рвань. Дак родители дают от себя полушубок...

66. На другой день [после девичника. — *Сост.*] от жениха за мной приезжал дружка с полудружкой. У дружки на правой руке лента с бантом, а у полудружки на левой. А я сижу у дверей, вою:

Никто не испугался,
Одна я испугалась...
Вы помолитесь, люди добрые,
О моем о святом часу,
Об евангельским...

67. Сперва, как дружка за невестой приезжает, тут надо выкуп за него взять. Не пускаем дружку, а он рвется, ему надо на регистрацию невесту везти. А мы говорим: «Давай выкуп!» А если он упрямится, не дает, тогда я невестой наряжаюсь и выхожу — вези, дескать. А дружка говорит: «Таких невест по пятьдесят копеек много». Тогда он уж вынужден платить. Мы ему выводим настоящую невесту.

68. Жениху должны подготовить ребята, его друзья, на чем приедет за невестой. Раньше ездили на лошадях — теперь всё на машинах ездят. Ну, нарядить надо красиво, чтоб машину было видно, что она свадебная, что едет жених.

Ему делают различные препятствия, чтоб он не попал к невесте, всякие там козни: и загораживают, и заваливают, он откупается, проезжает. А бывает, обхитряет: знает, что тут загородили, другой стороной там где-то [проедет. — *Сост.*]. Летом можно объехать, а зимой никуда не выедешь — и завалят, и хоть бы что.

И вот когда он приезжает за невестой, девчата ни в какую невесту не выдают, а придумывают всё, чтобы только больше выманить с жениха вот всяких калымов каких-то. Они у нас чудят от и до, девчонки. Они сначала выводят ему такую невесту — вот, например, мы наряжаем даже бабушку мою. И фату ей, и всё... «Задаром отдаем!» Раз он не дает, жмот такой, мы выводим невесту: «Забирай, езжай!» — «Нет, — он говорит, мне не надо». А она говорит: «Я хочу, бери меня!» Ревит — надо и ей еще откуп дать, чтоб она не ревела, откупиться, а потом уже, если она довольна — ну, там дают и пирога, или там конфет на закусочку. Откупится. Эта невеста: «Ладно, подожду до следующего раза». И она уходит. И тогда девчонки говорят: «Хорошо, вот следующий тебе этап». Столик выносят, платок расстилают горошком: «Вот накладывай нам рублями, чтоб все горошки были заложены». А если [ребята. — *Сост.*] знают, уже готовятся: приходили и прямо копейками! А мы: «Ой, какой жадный, медяков набрал!» И вот всё его хулят, хулят, жениха — а всё равно откупился. Ну, в общем, обряд за обрядом придумывают, пока он из коридора пройдет на веранду, с веранды в прихожую, пока в дом к невесте — а ее всё не выдают ему, и он много проходит вот этих вот всяких, пока он скажет: «Девчата, давайте по-хорошему! Я вам накрываю хороший стол, вы только отдайте мне мою невесту, а то время поджигает». Он кладет и конфеты, и шампанское — мы говорим: «Ну, что одну? Это нам мало». Ну, он еще бутылочку нам — красного или

коньячку. Накроет хороший стол — вот мы выводим его невесту, после того, как он всё это пройдет. И они уезжают уже расписываться.

А там тоже свои стараются внедрить какие-то обряды: учатся они там и кроить, и шить, и танцевать на одной ноге, и как он ее понесет, и сколько у него сил хватит, и вот узнавать по рукам (там глаза завязывают) — в общем, тоже [много] всяких обрядов и в сельсовете.

69. Отец мой всё время дружкой был. И так он много слов старинных знал! Ведь дружка всю свадьбу вел. И за невесту торговался. Тут надо было на язык бойким быть. Вот как к венцу ехать, он запрягает лошадь, колокольцы, шаргунцы надевает и едет с женихом к невесте. Жених к невесте не идет. Остается в санках сидеть, а дружка идет невесту ему выкупать. Девушки его к невесте не пускают, выкуп требуют, а он с ними препирается:

А вы, девицы,
Криношные блудницы,
Горшечные пагубницы:
Как батя с маткой на торжок,
Так вы за кринку, за горшок,
Ваше дело — ребят привести.
А вы, старушки,
Бываете все побрякушки,
Ваше дело — на печке лечь,
Да изюмчик есть,
Тот, который по стенкам бегаёт...

А как они с него выкуп требуют, он говорит: «У меня в одном кармане ключи, а в другом деньги. Из какого кармана берете?» И сам по карманам похлопает, а у него ведь в обоих карманах ключи. Они скажут в каком. Ну, он ключи достанет, им бросит и за ключи невесту заберет. Сколько-то, конечно, он им платил, но мало — им бы больше хотелось. Невесту он заберет и из дому выводит, жених у крыльца ее встречает.

70. Утром, на день свадьбы, хозяева растопляют печки, пироги готовить. В нескольких домах к свадьбе готовились. Невеста сидит, когда и повоет, в платочке повязанная, на лавочке. А подружки с ней рядом сидят. Тут грустно ждут, что ее увезут. Невеста одета по-простому, не наряжена.

А тут и дружка после обеда подкатит с женихом и со всеми гостями. Целый обоз, иногда лошадей пять. У дома все выскочат из изб, не пропускают его. Дружка им гостинцы дает, одаряет. Больше вино давал.

В доме дружка говорит присказки, девушки невесту не отдают, чтобы выкуп получить. А жених сидит в сторонке на лавке.

71. Утром, в день свадьбы, ко мне зять приехал на паре лошадей, посадил меня, поехали за невестой. Зять <...> хотел всё по-новому делать, поэтому мы никого не брали.

А невеста ждала с подружками. Сидела, может, плакала или чего, я не знаю... Приехали мы прямо к крыльцу. Тут народу собралось со всей деревни.

Зятя угощали за столом, он выпил, закусил. А я сидел возле стола, ждал — не пил. А в то время невесту готовили. По старому обычаю ее одевать должны, когда жених приедет. Ее увели за переборку, там одели. Пальто, платок...

Невесту одели, мы пошли на улицу, сели в кошовку — это такие сани, — мы с ней сели рядом, а кучер — зять, на козлы.

72. Жених приезжал невесту выкупать. Невесту выкупали, не отдавали без выкупа. Выкупать на лошадях поедут. Раньше на лошадях всё время ездили за невестой. Выкуп подаст, тогда и невесту отдадут. Просили кто конфет, кто водку, кто деньги... Сидят за столом на передней лавке: невеста, подружки по краям... Задарма не отдавали невесту...

73. Ну, и на другой день приезжает жених за невестой, везти к церкви ее к венцу. Тогда тут сходятся подружки опять эти. Ну, а жених приезжает невесту выкупать. Вот сундук стоит. Всё приданое еёное сложено в сундуке. И постель тут лежит рядом, всё.

Какая-нибудь подружка ближняя садится на сундук, и жених выкупает всё это приданое. И невесту. Денег дает.

Жених приезжал один, дружка — это там потом, в церкви встречались. Да, я хорошо запомнила, один. С ним кучер... лошадь, пару запрягали, тройку. Кучер только, и всё, а саночки же маленькие, только вот невеста с женихом сядут. Лошади все упряженные, на других колокольцы свадебные. И подгарки еще, подгарки такие мелкие, они нашиты на ремне, они тоже такие звонкие-звонкие, приятный такой звон.

А что жених говорит-то, всё забыла. Я же маленькая была еще. Это я всё видела.

Ну, невеста сперва воет. Вот садится она за стол, одет черный платок, во всё черное облачится и такие всякие песни, так она жалобно воет. Бабы все заходятся и плачут. Здорово которая плачет, которым ежели жизнь плохая замужем.

Ну, он ее уговаривает тут, когда она воет. Потом она одевается, и увозит он ее. В церковь. Там венчаются. А в церковь родители не ездили, прямо к жениху на свадьбу. И сундук с собой берут.

74. Ты моя-то родильщица,
Вы к чему припасаетесь,
Вы к чему прибираетесь,
Уж вы мне-то не скажете?
Я сама догадалась,
Я своим худым разумом...

А жених унимает:

Не плачь, дам калач,
Не вой, дам другой.

ОТЪЕЗД К ВЕНЦУ. ВЕНЧАНИЕ. ДОРОГА ОТ ВЕНЦА

75. Благословляли, когда повезут к венцу, дак невеста воет:

Благословите, родители,
Вы меня, молодёшеньку,
В остальные, в последние
Во душах красну девушку,
Преображению молитесь...

76. Это как благословят, поведут невесту, она и воет:

Благословите, родители,
Вы меня, молодёшеньку,
Вы меня, зеленёшеньку,
На сегодняшний Божий день...

Идет, подходит к лошади и просит брата, а если брата нет, всё равно:

Не сажай ты меня, милый брат,
Ко чужому повозничку,
Что чужой-то повозничек
Не умеет повозничать...

77. Мать невесты выходит с иконкою и благословляет их. Одна мать, без отца. «С Богом» — скажет. После этого девочки одевают пальто на невесту. Тут уж подъехали и другие гости, со стороны невесты. Садятся все в сани, и все поехали в церковь. Жених едет впереди с дружкой, с родными, евонный поезд. И невеста со своими. Едут тут без песен. Лошади наряженные, колокольцы на дугах.

В церкви венчание. Невесту сразу в келью, в домике у церкви, уводят и там ее наряжают. Там все уже подготовлено: платье, фата.

Обвенчают когда, жених берет невесту за руку и они садятся к жениху в сани, едут вместе в дом невесты. Здесь свадьба.

78. Как свадебный поезд поедет, песню поют:

Отставала белá лебедь
От стада лебединого,
Приставала белá лебедь
Ко серым гусям.
— Что, серы гуси, кёрките,
Что белу лебедь щиплете?
Бела лебедь кернет:
— Не щиплите, серы гуси,
Не щиплите, серы гуси,
Не сама к вам прилётала,
Не сама к вам залётала,
Не своею охотою.

79. Отставала белá лебедь
От стаду́ лебединого,
Приставала лебедушка
Ко стаду́ ко серым гусям.
Начали гуси щипати,
А лебедушка кёркати:
— Не щиплите, серы́ гуси,
Не сама я к вам залётала,
Не своею охотою,
А большою неволею,
Что завез меня бодрый конь,
Заманил добрый молодец.

80. А потом уже к венцу повезли. Я да весь род, все сродственники, а родители впереди едут. На разных лошадях ехали к венцу, в церковь-то. Жаних с одного конца деревни, я с другого. Привезли меня к попадьё-матушке. Тама и одевалася. Платье у меня шелковое, розовое. Еще у меня уваль был. Круг головы наборили, краснó так, с цветочки, с листочки. С подругой да крестной пошли в церкву.

Мы в Чертове венчались, привели в церкву: я с одной стороны стою, а жаних с другой. Я налево, он направо. Вот пришел батюшка и идет к жаниху. Ну, и служит. Всё говорит, да поют так хорошо. Свечки горят, дух такой ладановый. Ну, перед наложом поставят. Круг налож три раза обведут. Вот и венчают...

А потом посадят на лошадей. Уже вместе. И поедем. Здорово так — с шаргунами, с колокольцами, с большими и малыми, сбруя вся бела-светла. Начистят, чтобы блестела, на паре к жаниху едем.

81. Я только слышала. Говорят, надо чтоб было девять горошин. Но надо тут что-то говорить. Кидать стручок лошади под ноги и сказать:

Восемь горошин,
Девятая невеста.
Добрый конь ни с места!

И лошадь останавливалась. А чтобы она опять пошла, надо вожжи перекрестно накинуть (крестом), и лошадь пойдет. Видишь, всё связано было с божеством.

82. Вот когда горох растет. Ищут горошины, чтобы девять горошин было в этом стручке. Я точно сказать не могу, куда кладут. Куда кладут-то? В сани кинут, чи под ноги:

Девять горошин,
Десята невеста.
Кони ни с места!

83. Свадьба была у меня в Афанасьев день, 31 января. Плакала я, больно плакала. Приехали за мной жених, священник (это называется «с подъемом»: взять невесту с места, посадить в карету и — к венцу). Приехали мы в церковь, в Торманово. Павел Петрович Иорданский священником был, поставил нас на полотенецко и стал служить; шафера стояли сзади: кольца нам дал, мы обреклися, повели нас круг налож. Моя-то свечка мало погорела, а женихова вполовину больше сгорела: вот его и убили в сороковом году, а я живу.

84. На второй день была свадьба. К церкви ехали на разных лошадях; впереди в санках ехал жених, а после — невеста. У церкви жениха подводили к невесте, бывало, и девчонку не знали, у церкви первый раз и видели. За женихом и за невестой шли два мальчика лет двенадцати, впоследствии они венцы держали. Когда жениха с невестой сводили, запевали песню — запевание унылое такое: «Князь такой-то берет княгиню такую-то». Протяжно пели.

Как из церкви выходили, молодых садили в кошевку — санки такие — у кошевки спинка была вся разрисованная. И вот, когда их садили, вот что было, это даже священник советовал: и невесту, и жениха в кошевку сажали на подушки, и вот надо было эту подушку схватить, перевернуть, положить на место и быстро сесть на нее. И вот, кто первый это успеет, тот и будет в семье главным. Если муж сядет — муж и будет главным, а если жена, то жена. Девка-то бывало робкая, застенчивая, стоит; муж, конечно, первым сядет и ей помогает, руку подает.

85. К венчанью утром ехали: жених едет отдельно, невесту отдельно везут. В санях ехали — свадьбы обычно зимой были, это теперь хоть в Великий пост свадьбы. Как к венчанью приедут, невесту там наряжали: фату, платье белое наденут. Распоряжался-то свадьбой дружка, шафера венцы держали.

От венца везли молодых уже в одних санях. Бывало, далеко везли, через много деревень, так в каждой поезд останавливался и песню пели:

Не сокол-от соколович —
 Удалой добрый молодец,
 (Имя, отчество жениха)
 Поимал себе соколинку,
 Не соколинку — девушку
 (Имя, отчество невесты)...

86. Да залетал сокол в зелёной сад,
 Залетал сокол в зелёной сад,
 Да удалой добрый молодец,
 Удалой добрый молодец —
 Да Николай Николаевич,
 Николай Николаевич,
 Да поимал в саду соколинку,
 Поимал в саду соколинку —
 Да душу красную девицу,
 Душу красную девицу —
 Да Катерину Александровну,
 Катерину Александровну,
 Да поймавши, стал он спрашивать ее,
 Поймавши, стал он спрашивать ее,
 Да из ума ее выведывать,
 Из ума ее выведывать,
 Да из ума ее, из разуму,
 Из ума ее, из разуму,
 Да из черёзвой крепкой памяти,
 Из черёзвой крепкой памяти.
 Да растворяйтесь-ка, воротечки,
 Растворяйтесь-ка, воротечки,
 Да расшатитесь-ка, вереюшки,
 Расшатитесь, вереюшки —
 Да что на двор-от сокол летит,
 Что на двор-от сокол летит,
 Да удалой добрый молодец.

87. Когда ехали к жениху мимо деревень, то пели эту песню. Лошадей много с колокольцами:

Не сокол сударь соколович —
 Удалой добрый молодец.
 — Далеко ли ты, сокол, летал?
 А летал сокол во зелён сад,
 Поимал в саду соколинку,
 Не соколинку — девушку.
 Поймавши стал и спрашивать ее
 Из ума ее из разуму:
 — Ты скажи, скажи, Марья-душа,
 Ты скажи, дочь Ивановна,
 Ты об чем вechор плакала?

— Как же мне не плакати:
Три потери потеряла:
Первую потерюшку —
Я родимую сторонушку,
А вторую потерюшку —
Я свою дивью красоту,
Остальные-последние —
Я свою дивью красоту,
Из косы алу ленточку.

88. Не соко́л-от соко́лович —
Удалой добрый молодец,
Что Федор Васильевич,
Что Федор Васильевич,
Да залетал соко́л во зе́лен сад,
Да залетал соко́л во зе́лен сад,
Поймал себе соко́линка,
Поймал себе соко́линка,
Не соко́линка — девушку,
Что и Марию Евтихьевну,
Да стал он ее спрашивать
Из ума ее, из разуму:
«Ты с охоты ли с неволи идешь?»

89. Не соко́л-от соко́лович,
Не соко́л, соко́л сударович
Поимал себе соко́линка,
(какой жених, называют его),
Не соко́линка — девушку,
Поймавши, стал выпрашивать ее,
Дома ль тесть и дома ли хозяйка,
Дома ли шу́рин со шу́рьяночкой?³⁴

90. Рассоко́л-соко́л-соко́линка,
Рассоко́л-соко́л-соко́линка,
Да далеко ли вы наездились,
Далеко ли вы наездились,
Да мы вас долго дожидались,
Мы вас долго дожидались.
Да все дорожки для вас разгребли...

91. Рассоко́л-соко́л-соко́лович,
Рассоко́л-соко́л-соко́лович,
Разудалый добрый молодец,
Да Николай-ат Иванович,
Николай-ат Иванович,
Да со своею со княгинею,
Со своею со княгинею,

³⁴ «Это деверьи» (Прим. исп.).

Да солетал, сударь, в зеленый сад,
Солетал, сударь, в зеленый сад,
Да и поймал в саду соко́лилку,
Поймал в саду соко́лилку,
Да што Марию Ивановну,
Што Марию Ивановну,
Да сидите вы очень вежливо,
Сидите вы очень вежливо,
Да хорошо и благочестиво...

Пели, когда встречали молодых. Вот когда молодых в церкви обвенчали и везут их, и все тут на улице стоят, все дожидаются. И весь народ тут поет... И молодые останавливаются, и подают большой каравай.

92. А как подъезжали к селу его, а у жениха в поле перед деревней его теплинку жгут. Ну, нанесут старых корзин, дров, соломы, ломаной посуды и жгут. Теплинку жгут, девки песню поют — молодых, значит, встречают. Подъедем к дому — первым дружка идет с лентой у плеча — веселый такой, потом жених с невестой.

Родители их благословят иконкой да хлебом-солью. И все за стол садятся. Поначалу пьют-закусывают. Квас ядят со студенем. Выпивают. Песни поют. Дружка-то ходит со стаканом пива, а ему на тарелке денежки ложут. А то он и с плясом пойдет. Опять песни поют.

93. Когда к жениху привозили, молодых-то встречали, зажигают лиманацию. Как ведь невесту привезут — так не раздевши с женихом за стол сажают. Ведь невеста-то опять в косынке была, косынку низко повязывали, когда сразу снимали после венчания.

Вот молодых накормят, посидят они, и ведут их одеваться. Тут же невеста и наряжается снова. Тогда уж их и опять за стол. Тут уж и гостей звали, сажали, дружка против молодых садился и пировали. Пока пир шел — величали всех.

94. Раньше свадьба проедет, колоколец большой гудит, женщины уже ждали в деревнях на обратном пути. Жгли бересто на палке. Встречали молодых. И пели песню «Сокóл».

Встречали от венца дома родители. Проведут их в пятистенок. Поесть дадут. Они же стесняются за столом. Постелят тут, и жених уже ведет за стол невесту. Лавку застилали. Кто чем. Раньше шали были. Подстилали. Посадят их за стол. И девчонки запоют песню «Изменщицу»...

95. А встречают их так. Выходит мать с хлебом и солью. И на полотенце хлеб. И делают так: который больше откусит, на той стороне будет, значит, и, как сказать, подчиняться он будет. И они старались. Этот кусает, а тот еще больше. Но как-то так получалось, все девки больше откусывали почему-то, чем парень. Ну, а тут стопочки были. Стопочки эти надо разбить, что они выпили. Не водка, специально для них было вино. И вот они оба по стопочке разобьют, чтоб жизнь была хорошая.

А потом уж идет невеста с женихом и садятся за стол. Тут уж врывается народ, и поют «Молодая, набелённая»... Песни поют.

96. Встречали опять с образом. Благословляли родители. Приводят прямо на повить: там встречают — хлеб, соль, свечка да полотенце. Благословляют, с законным браком поздравляют. Сажают за стол. Сначала одетые садятся, как приехали. А потом ведут их переодеваться. Столы-то все уже наставлены, полотенцами накрыты. Потом откроют, пиво пьют.

97. Тут уже по-старинному нас встретили мать с отцом, с иконой, благословили нас на крыльце. Мы встали оба на колени, а они нас благословили, иконы мы поцеловали и пошли в избу.

Разделись мы в отдельных помещениях. Невесту нарядили в другое платье, фату на голову. Потом нас двоих покормили, мы с утра почти целый день не ели.

Когда мы из ЗАГСа приехали, гости все за стол расселись. Дружка рассаживал всех по чину, по родству. А стол уже собратый, полотенцами закрытый. Потом нас за стол посадили.

98. Встречают их родители. Молодых сажают за стол. Друженька усаживает всех гостей по чину, по ряду. Жениховых родных — к жениху, а невестиных — к невесте. Тысяцкий — это брат отца. Отец решал, кто им будет. Большой барин (это так называлось) — это кто-то из родных хороших. Меньшой барин — тоже кто-то из родных. Они веселили всех в свадьбу, руководили. Сели за стол — и начинается веселье. Тут уж смешат, господа, у кого как получится.

99. После едут к невесте. Сидят, пьют да едят, а уже утром едут ночевать к жениху. Невестина родня дома остается, поедут жених с невестой, дружка с полудружкой, родители жениха. Выйдут там их встречать с хлебом-солью, с иконой, свечкой, поздравляют:

Хлеб да соль,
Да с законным браком...

Дружка читает молитву «Верую». Идут за стол. Жених с невестой в одежде садятся, в пальтах. Она укутана платком. Над ними икона, перед ними каравай хлеба со свечкой. Командует всем дружка. Сначала подадут закуску. Потом в горницу ведут молодых, там их разденут, нарядят. На невесту платье оденут, уваль и выведут за чай.

Столы все были полотенцами закрыты, никакую закуску не видно. После закуски подают хладовое, квасок пьют.

СВАДЕБНЫЙ СТОЛ. ВЫНОС ЕЛОЧКИ ПОДРУЖКОЙ НЕВЕСТЫ. ВЕЛИЧАНИЕ ГОСТЕЙ

100. Дружка свадебный стол ведет. Как хозяин свадьбы. Сейчас свидетели, а раньше дружка с полудружкой. Им ленту повяжут. Дружка приезжает за невестой. Сразу его встречают. Ему подают хозяева целый пирог и не режут его. Должен дружка сам привезти свой нож. А пирог этот подают целым на стол, пекут специально для дружки. Вот он, если не привез ножа, кусай, говорят, зубами, а тебе ножа хозяева не дадут. Должен сам привозить.

Полудружка помогал по порядку. У самого дружки лента красная, а у полудружки голубая...

А шаферы венцы держали. Над невестой — шаферица-девушка, соседка. А жениху — шафер, парень. С его стороны друг какой-нибудь.

Большой барин — это батька сидит с сыном, а меньшей — это брат евонный. И этот же тоже тысяцкий. Самый главный, отец жениха. А сидели друг напротив друга: сторона жениха и сторона невесты. Сторона невесты пониже сидит. Матка невестина сидит рядом [с невестой. — *Сост.*]. А с женихом — батька.

А еще стоял стол у переборки, это косой стол. Это уж где свадьба есть, так жениха родные сидели за косым столом. Так считали раньше, что за косой стол своих сажать. Дальняя, малая родня жениха — их-то уж за косой стол, которые не больно-то родные. А для соседев в кути был стол. Куть, где сама изба кончается. Там кутовой стол.

101. А потом самый обряд такой серьезный, когда встречают невесту с женихом с иконой, караваем хлеба. Сваты — мать с отцом — там выходят их встречать, в чей дом они, где гуляют, там выходят те хозяева. Если у жениха в доме гуляют, то его мать с отцом выходят, встречают молодых, и они откусывают [от каравая. — *Сост.*] — кто больше откусит, тот хозяин будет в доме. Первая, конечно, невеста должна откусить. Она всегда больше выхватывает, вот сколько мы делали [свадеб. — *Сост.*], всегда она больше старается выхватить. А жених там скромничает — а мы: «Смотри, сам же пожалеешь, хватай больше!» Вот тогда их пропускают уже за стол, посадят. По сторону жениха садится женихова родня, по сторону невесты невестиная родня садится, и начинается гулянье.

Гуляют — теперь свидетели продолжают, там что-то свое берут современное, это молодые. И дружка обязательно — он невесту ведет. Он с женихом приезжает, дружка, невесту выводят свидетели и подружки... Когда тут, в деревне, пешком идут они за невестой: дружка, свидетель и жених. Дружка обязательно, он ведет свадьбу, веселит, поддает тут огонька, задору...

Дружка предлагает всем налить полные чарки, как обычно, уже чтобы — и он говорит тост: «Надо за молодых [выпить. — *Сост.*]!» Первый — за молодых, потом, когда молодые бывают стеснительные, там ломаются вроде, целоваться не хотят, так еще родители показывают, как надо целоваться: встают на лавку и как голубки целуются. Вот мы вставляли с Борисом и целовались, как голубки, показывали, как надо уметь правильно поцеловаться, ласково чтобы. Это дружка нас заставил. Затем, значит, предлагают тост за родителей, и перед этим должен встать молодой и сказать: «Дорогие мои Любовь Васильевна и Борис Иванович! Спасибо вам за вашу дочь, и с этого дня я называю вас папой и мамой». И подарок преподносит своим тестю и теще. Потом встает невеста и в таком же порядке она благодарит уже [свекра и свекровь. — *Сост.*] за своего суженого, что воспитали ей такого жениха, вырастили, и тоже также она будет звать их папой и мамой с этого дня, и дарит уже своему свекру и свекрови подарки.

А потом дружка и говорит: «А знаете что, у нас родные сидят у жениха здесь, невестины здесь, вроде все ровные, а кто как будет молодым помогать? Как нужду делить вы будете?» Режет буханку или каравай пополам и дает. Жених отламывает, и дальше пошло: кто скорее съест эти полбуханки, родня невесты или родня жениха? Черный такой хлеб должен быть, пускай он такой кислый — другой раз смотришь и усмеешься, как они его ломают, и скорей, скорей. Кто скорее — то самая дружная родня и будут больше помогать жениху и невесте.

Ну, теперь это забывается, чай-то не больно носят, а обычно надо после того, как чарки три выпили, чай должны выносить. Выносят чай — и вот перед чаем выносятся эта красивая сладкая елочка, на ней конфеты, прянички там, вся она увешана алыми ленточками, там шоколадные конфеточки. Мы свет выключаем, свечи везде зажигаем, очень красиво — елочка вся в свечах венчальных вот в этих,

все свечечки горят — очень красиво! Девушка красивая выносит, она ее держит на подносе в руках. А елочку устанавливают в баночку, чтобы она не упала, и укрепляют (чем-нибудь набить, чтоб она не свалилась). А можно даже маленький крестик подготовить — просто как обычную елку вставляют в крестик, только на подносе. Она же небольшая, и прикрывают, чтоб красиво было. А поднос побольше: туда потом деньги складывают, собирают на елочку... И на елочке свечи, и на столах зажигают свечи. Ну, на столах большие свечи горят, а на елочке эти, их так и называют — венчальные, церковные. Наверху куколка на елочке, маленькая куколка нарядная на макушке. И с такой елочкой стоит девушка — ну, она сначала не выходит, она начинает свой разговор издалека. У меня [дочь. — *Сост.*] Наташа всё выносит:

Свечечки зажигаются,
Дева-красота появляется
Со печи кирпичной,
Со столба горемычного.
Хозяин с хозяйшкой,
Разрешите повыйти-повыступить
Из тесной каморочки,
Из-за тесовой переборочки.
Сапоги скрипят,
Половички говорят,
Платьице алеется,
Платочек голубеется,
Лицо белое горит,
С вами дева-красота говорит.
Я не с тем народом говорю,
Что в куте стоят³⁵,
А с тем, что за столом сидят.
Попойду, остановлюся,
С честным толком поклонюся.
Здравствуй, толк честной,
Князь с княгиней молодой,
Тысяцкий, большой барин, меньшой барин,
Друженька с полудруженькой,
Шафер молодой, озорной,
Погляди на меня разок,
Черненький глазок.
Сапоги скрипят,
Половички говорят.
Не упасть бы мне на бочок,
Не подвернулся бы каблучок,
Не разгневать бы мне мою дева-красоту,
Не уронить бы мне мою елочку.

Ну, в общем, она выходит и начинает напевать, всем подряд: и хозяевам, и всем... Очень слова хорошие!

Уж вы гости приезжие,
Соседи любезные,
Где ж вы были-побывали?

³⁵ «А там народ — смотрящие» (*Прим. исп.*).

Мы вас долго поджидали,
А мы за елочкой ходили,
Много время проводили.
Уж как на нашей елочке
Зеленые иголочки,
Алые ленточки,
Шоколадные конфеточки.
Вы по конфеточке сорвите,
А меня, деву-красоту, озолотите:
У кого плешь —
Кладите рублей шесть,
У кого нейлоновые рубашки —
Кладите пятирублевые бумажки,
А у кого седина —
Кладите больше серебра,
Пятаки медные не кидайте,
Народ в куте не напугайте,
Края у тарелочки не обломайте
Да хозяйюшку в изъян не вводите,
Меня, деву-красоту, не подведите.

И она набирала, девушка, и после свадьбы отмечали — пропивали свою подруженьку.

Потом обращается она к жениху и говорит:

Князь молодой,
Встань на резвые ножки,
На сафьяновые сапожки,
Дай знать,
Как твою новобрачную звать.

Он встает и говорит: «Мою новобрачную зовут вот так-то». А потом:

Подруженька милая,
Встань на острый каблучок,
На тонкий гвоздочок,
Дай знать,
Как твоего новобрачного звать.

Так и невеста встала и сказала, как зовут.

Ой ты, князь молодой
(называют, кто там есть)!
Уж Вы берете нашу подруженьку,
Уж Вы ее не обижайте,
Вы нежьте и тешьте,
Послаще кормите,
Почаще гулять водите,
Ведь она жила у папеньки с маменькой,
Горюшка не знала,
У окошечка сидела,
В окошечко глядела,
Рукодельем занималась,
Ею люди любовались.
В лес одну не отпускайте,
А то там есть волок —

Восемь елок,
Она заблудится и не докричитесь.
Вы ее лучше гулять пешком не водите,
А на машине прокатите.

А уж вот когда подружке-то она напевает, тут уже слезы текут:

Подруженька милая,
Я была у тебя вчера поздно вечером,
Но ты спала крепким сном, не разбудилась
И со мной, девой-красотой, не простилась.
Я твои белые рученьки расправила,
Волосы твои светлые разгладила,
А ты спала, не пробудилась,
Так со мной и не простилась.
Я на тебя рассердилась,
Ножкой топнула,
Дверями хлопнула,
Я ушла в чисто полюшко,
Привилась я там ко сухому дереву.
Как не быть тому деревцу больше зелено,
Так не быть тебе, милая подруженька,
В красных девицах.

Потом спрашивает:

Хозяин с хозяйшкой,
Мне что, елочку на стол становить
Или вон выносить?

Ну, все просят на стол становить. А раз ее на стол становить, понравилась, ставится, и она обходит с подносом, и кладут — кто сколько может, кладут деньги. А тут запевают песню:

Залетал сокол да во зеленый сад,
Созывал свою соколинку...

И они, бабушки, так ее поют — с душой! И пока она ходит с подносом, собирает деньги, эта песня поется. Потом песню там они пели еще, когда каждому гостю, каждой паре. «Величальная» называется. Они напевают каждому одно и то же, а те должны благодарить их: подавать деньги. А они величают, какая вы хорошая пара, да сколько вы уже прожили...

102. Свечи зажигаются,
Дева-красота подымается
Со печи кирпичной,
Со столба горемычного.
Хозяин с хозяйшкой,
Разрешите повыйти-повыступить
Из тесной каморочки,
Из-за тесовой переборочки.
Сапоги скрипят,
Половицы говорят,
Платице алеется,
Платочек голубеется.
Попойду, остановлюся,
С честным толком поклонюся:

Здравствуй, толк честной,
Князь с княгиней молодой,
Тысяцкий, меньшей барин,
Большой барин,
Друженька с полудруженькой,
Шафер молодой
С кудрявой головой,
Черненький глазок,
Ну-ка, глянь сюда разок.
Я не с тем народом говорю,
Что в кути стоят,
А с тем, что за столом сидят.
Ой, вы, гости приезжие,
Соседи любезные,
Где ж вы были, пропадали?
Мы вас долго поджидали,
Мы за елочкой ходили,
Все подметочки износили,
Все перчаточки изорвали.
Зато на нашей елочке
Зеленые иголочки,
Алые ленточки,
Шоколадные конфеточки.
Вы по конфеточке сорвите —
Меня, деву-красоту, озолотите:
У кого плешь —
Кладите рублей шесть,
У кого седина —
Кладите больше серебра,
Пятаки медные не кидайте,
Края у тарелочки не обломайте,
Тарелочки дороги,
Куплены в городе,
Хозяюшку в изъян не вводите,
Меня, деву-красоту, не подводите.
Не подвернулся бы мой каблучок,
Не упасть бы мне на бочок,
Не уронить бы мне деву-красоту,
Не разгневать бы мне милую подруженьку.
Милая подруженька,
Встань на острый каблучок,
На звонкий гвоздочок,
Дай знать,
Как твоего новобрачного звать?

Тут она встает и называет имя своего жениха, мужа.

Князь молодой,
Встань на резвые ножки,
На сафьяновы сапожки,
Дай знать,
Как твою новобрачную звать?

И он то же самое, встает и называет.

Дорогой князь
(там имя, отчество),
Вы берете в жены нашу милую подруженьку,
Вы ее тешьте и нежьте,
Послаще кормите,
Почаще гулять водите,
Ведь жила она у папеньки с маменькой,
Горя не ведала,
Нужды не знала,
У окошечка сидела
Да в окошечко глядела,
Рукодельем занималась,
Народ ею любовался.
В лес одну не отпускайте:
В лесу есть волок —
Восемь елок,
Уйдет одна да заблудится.
Милая подруженька
Мария Ивановна,
Вот пришла к тебе твоя дева-красота проститься,
Приходила она к тебе вчера поздно вечером,
Но ты спала, не проснулася,
Со своей девой-красотой не простилася.
Она на тебя рассердилася,
Ножкою топнула,
Дверями хлопнула,
Ушла она во чистое полюшко,
Привилась она ко сухому дереву.
Как не быть тому дереву зеленому,
Так не быть тебе, милая подруженька,
В красных девицах.

103. Как усядутся, выносили елочку. Молодые сидели в центре, на тех же подушках, что и в кошевке, те же и подкладывали. И, значит, красивая девушка из подружек или из родни выносила елочку. Елочка — это верхушка ели из лесу, и вся разряжена была: цветы делали бумажные, но не большие, а такие маленькие; вся была в свечах, как в церкви, восковые. Их зажигали, я помню, предупреждали все, чтоб ничего не зажечь; елку ставили на цветной поднос и выносили:

Вы гости мои, гости,
Собрались сюда на свадьбу,
К вам идет елочка,
Не сама она идет —
Ее девица несет,
Раскрасавица несет,
В красных сапожках...

Что ж дальше-то говорили? «А несет ее для князя (такого-то) и княгини (такой-то)», которые в брак вступили. Ну, значит, девушка эта обращается к родителям, гостям, просит денежек на поднос («с богатых — по рублику, с бедных — по копейке»). Так много набирали. Потом благодарили, уносили елочку домой.

104. Тут сразу девушки елочку выносят из другой комнаты. Елочка небольшая, сантиметров тридцать-сорок. Рубили обыкновенную елочку, разнарядят ее ленточками, свечечками, свечечки зажгут. Конфетки вешали.

Вот гости и молодые сидят когда за столом, подружка невесты с прибаутками елочку выносила, ставила елочку на стол и слова пела молодым. Потом девушка ко всем гостям обращалась, чтобы деньги под елочку клали. Складно говорила, слова я не помню, там много. Как-то: «У кого седая борода, тому и десять рублей — не беда» положить. Гости клали деньги на тарелку под елочку, кто сколько. Кто положит деньги — свечечку гасили на елочке.

Потом девушка берет елочку и говорит невесте: «Елочка на тебя рассердилась, ножкой топнула, дверями хлопнула». И уносит елочку с деньгами со стола. Невесту тут уже называли *сговорённой*.

105. Елочку девушка выносит. И слова специальные говорит. Елочку на стол поставит и уходит. Когда она уйдет, тут поют из кута: «Красотá, дивья красота». Когда они поют, деньги гости кладут под елочку. Потом девушка елочку уносит и тоже слова говорит. После этого девушка и все другие подружки невесты уходят, идут в другой дом, свою пирушку там делают. Им еще угощения дадут. Потом они могут опять на свадьбу заглянуть набегом.

106. Тысяцкий стол вел тоже, невесту выводил. Он невесту к жениху за стол сажает...

А елочка была, когда уж всех посадили за стол, поздравили с законным браком невесту с женихом. И потом елочку выносили за чаем. Сперва закуска была. Елочку выносила женщина уже, а не девушка. С елочки конфетки сорвут, деньги бросят. Потом елочку уносили. Ее потом приколачивали невесте над крыльцом.

107. А уж во свадьбу елочку выносили, елочку-то и сейчас выносят. На елочку деньги кидают; кто выносил, тот и заработает... Ну, во сговоры-то елочку совсем давно носили, потом — только во свадьбу...

108. Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй нас!
Дверечки отворяются,
Свечечки зажигаются,
Идет девья краса из новой коморочки,
Из тесовой переборочки.
Раздайся, народ,
Разойдися, народ,
Девья краса идет.
Не сама она идет,
Ее девица несет,
В шелковых чулках,
В сафьяновых башмачках,
На высоких каблучках.
На ней платье алеет,
Платочек голубеется³⁶,
Лицо белое горит,
С поезжанам говорит.

³⁶ Вар.: розовеется.

Идет девья краса по столу по дубовому,
Ко скатертям браным,
Ко всем гостям званым.
Еще гости все званые,
Как в саду малина браная.
Князь со княгинею,
Тысяцкой, большой барин, малый барин,
Шафер молодой
С кудреватой головой,
Друженька с полудружьцем,

Свахонька со повозничком.
Друженька, честной человек,
Дай мне, красной девице, ответ.

Друженька говорит: «Аминь».

На «амине» мы вас благодарим,
Теперь мы с вам поговорим.
Где вы были-побывали,
Мы вас долго дожидали,
В лес ходили, по сапожкам истоптали,
По чулочкам изорвали,
По топорiku иступили,
Девью красоту срубили.
У нас девья красота зелена,
У нас Фаина Алексеевна молода.
Дорогой князь, Борис Михайлович, дайте знать,
Как вашу новобрачную княгиню называть?
(Жених ее называет.)
Фаина Алексеевна, дайте знать,
Как вашего новобрачного князя звать?
(Она называет.)
У нас Фаина Алексеевна жила-красовалася,
Над ней люди любовались,
В горенке сидела, кружевцы вязала,
Шитьицы вышивала, вам дары припасала,
Дорогой друженька, прошу на столе
Местечко распространить,
Дивью красоту постановить.
Дорогие гости, по свечечке потушите,
По конфеточке сорвите,
Девью красоту осеребрите.
Кто в красной рубашке —
Ложите бумажки,
У кого черные манишки —
Ложите рублишки,
У кого седая борода —
Ложите больше серебра,
А медь аккуратнее ложите,
У тарелочки края не обломите,
Меня, девушку, в изъян не введите,

Потом пели девушки:

Красотá, девья красота,
Да красота что Фаинина,
Красота что Фаинина,
Да нам куда красоту девать,
Нам куда красоту девать,
Да унесем девью красоту,
Унесем девью красоту,
Да мы во поле во чистое,
Мы во поле во чистое,
Да во луга во зеленые,
Во луга во зеленые,
Да и поставим девью красоту,
И поставим девью красоту,
Да на шелкóвую трáвинку,
На шелкóвую трáвинку,
Да тут и шел добрый молодец,
Тут и шел добрый молодец,
Да что Борис-то Михайлович,
Что Борис-то Михайлович,
Да со косою со вострою,
Со косою со вострою,
Да подкосил эту трáвинку,
Подкосил эту трáвинку,
Да уронил девью красоту,
Уронил девью красоту.
Да расквилил³⁷ нашу подруженьку,
Что Фаину Алексеевну.

Полина Ивановна Зарубина добавила:

И взвилась девья красота
На сухое на дерево,
Как уж этому дереву
Не бывать ему зéлену,
Так и нашей подруженьке...

«Нет, уж это когда выносят девью красоту. Тут уж всё, я больше не знаю ничего», — возразила Екатерина Александровна Орлова.

Когда елочку уносили, то девушка говорила:

Фаина Алексеевна,
Пошла девья красота,
Ножкой топнула,
Дверечкой хлопнула,
С вами не простилась,
На вас рассердилась,
Пошла девья красота
Во поля во широкие,
Во леса во дремучие,
Привилась девья красота
Ко сухому ко дереву,

³⁷ Растревожил (*Прим. соб.*).

Как этому дереву
Не бывать больше зелено,
Так и вам, Фаина Алексеевна,
Не бывать в красных девушках.

109. Беру я, девица,
Беру я, красная,
На свои руки белые,
На перстни золоченые
Матушку дивью красоту.
Позвольте, хозяин с хозяйшккой,
Мне повыйти, повиступить
Из вашей каморочки,
Из тесовой переборочки.
На порог я встаю, речь говорю.
Раздайся, народ,
Расшатися, народ,
Дивья красота идет,
Не сама она идет,
Ее девица несет.
Платьице алеется,
Платочек голубеется,
Белое личико горит,
Девица говорит:
Иду я, девица,
Иду я, красная,
По полу иду,
По тесовому иду,
Половицы скрипят,
Люди добрые глядят.
Люди добрые глядите,
Да меня, красную девицу,
Не пристыдите.
Не подвихнулся бы каблучок,
Не упасть бы мне, красной девице, на бочок.
Дивью красоту не уронить,
Да милую подруженьку не рассердить.
Иду я, девица,
Иду я, красная,
От печи печичной,
От столба горемычного,
Ко столам ко дубовым,
Ко скамейкам тесовым,
Ко скатертям браным,
Ко всем гостям званым.
Среди пола становлюсь,
Всем гостям кланяюсь.
Здравствуйте, весь полк честной:
Князь с княгиней молодой,
Большой барин, меньшой барин,

Друженька с полудружкой,
Гости приезжие, соседи любезные.
Я не тем гостям кланяюсь,
Которые в кути стоят,
А тем, которые за столом сидят.
Моя милая подруженька,
Задушевная голубушка,
Услыхали мы твои слова:
«Вы сходите, подруженьки,
В батюшко поле чистое,
Во большой во зеленый лес,
За зеленой за елочкой».
Исполнили мы твою просьбу, голубушка,
Срубили мы елочку,
Принесли ее во горенку,
Наряжали мы елочку
Свечечками восковыми,
Конфетками золотыми.
Пташечка прилетала,
Конфеточку срывала,
Нашу милую подруженьку восхваляла.
Как мы с милой подруженькой
Жили не ругались,
В одно платье наряжались,
На нас люди любовались.
Дорогая подруженька,
Моя милая голубушка,
Разреши один вопрос задать:
— Как твоего новобрачного звать?

Невеста говорит: «Владимир Борисович».

— Знать-то я знала,
Только твою совесть попытала.
Новобрачный князь Владимир Борисович,
Скажи, пожалуйста, почему елочка зелена?

Жених отвечает: «Потому что Татьяна Александровна молода».

— Да, молода и красива,
Отдаем мы вам ее за одно спасибо.
У нас милая подруженька жила красовалась,
Люди на нее любовались,
Дрова не рубила,
У окошечка сидела,
Шитья шила,
К ней пташечка прилетала,
Да песенки распевала.
Так и вы, новобрачный князь,
Берегите нашу милую подруженьку.
Почище водите,
Послаще кормите,
В лапти не одевайте,
В лес не посылайте,

Почаще домой к родителям отпускайте.
А у нашего хозяина,
У нашего богатого
Полон двор вороных коней
И полон стол дорогих гостей.
Пол хрустальный,
Потолок зеркальный,
Каждая потолочина рублем приколочена.
А мы, девушки, за елочкой ходили,
По сапожкам износили,
Пока елочку ломали —
По перчаткам изорвали.
Дорогие гости,
Хоть вам будет беспокойно,
Но мы вас просим покорно:
По свечечке погасите,
По конфеточке сорвите,
Да нас, красных девушек, одарите.
У кого на голове плешь,
Кладите рублей шесть.
У кого нос горбиной,
Кладите три с полтиной.
У кого рубашка горошком,
Кладите по трешке.
У кого седая борода,
Кладите больше серебра.
Новобрачный князь, скажу вам словечко,
Подарите мне на золотое колечко.
Скажу еще словечек пяток,
Подарите на шелковый платок.
Денежки тише кладите,
У тарелочки край не отломите.
Друженька, честной человек,
Позволь местечко освободить,
Чтобы дивью красоту постановить.
Постановить да не уронить,
Чтобы милую подруженьку не рассердить.

Когда соберут деньги:

Скажи мне, новобрачный князь,
Елочку со стола уносить
Или невесту из-за стола выводить?
Моя милая подруженька,
Задушевная голубушка,
Ты смотри-насматривайся
На свою дивью красоту.
Она пошла не простилая,
На тебя рассердилась,
Шибко ноженькой топнула,
Шибко дверью хлопнула,

И пошла дивья красота
В батюшко поле чистое,
Привилась дивья красота
Ко сухому ко дереву.
И как этому дереву
Не бывать больше зелено,
И тебе, милая подруженька,
Не бывать в красных девушках,
И тебе, новобрачный князь,
Не бывать в добрых молодцах.
Извините меня, полк честной, —
Конь на четырех ногах
И тот спотыкается.
У меня, у девушки,
Язык заплетается.
Аминь!

110. Хозяин с хозяйюшкой,
Позвольте повыйти-повыступить
Из новенькой горенки,
Из тесовой переборочки.
От печи кирпичные,
От столба горемычного.
Дверечки открываются,
Свечечки зажигаются,
Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй нас!
Раздайся, народ,
Расшатися, народ,
Дивья красота идет,
Не сама она идет,
Ее девица несет.
На резвых ногах,
На медных гвоздках,
На высоких каблучках,
С ноги на ногу вступаю,
Из речей народ пытаю.
Лицо белое горит,
И девица говорит:
— Вы, народ, не очень глядите,
Меня, красну девицу, в стыд не введите:
Красна девица застыдится —
Лицо белое разгорится.
Не подвихнулся бы каблучок,
Не упасть бы мне, красной девице, на бочок.
Не уронить бы дивью красоту,
Не пристыдить бы мою милую подруженьку
(Имя, отчество невесты).
Здравствуйте, весь полк честной,
Князь со княгиней,

Тысяцкий, большой барин, меньшей барин,
Друженька с полудруженькой,
Шафер молодой
С кудрявой головой,
Усики витые, щечки налитые,
Веселенький глазок,
Взгляни-ка на меня разок.
Свахоньки-сударыни,
Свахоньки-сударыни,
Гости приезжие, соседи любезные,
Я не тем гостям кланяюсь,
Которые в кути сидят,
А тем гостям кланяюсь,
Которые за столом сидят.
А вы, народ, что разинули рот,
Или меня не видали,
Или речей моих не слышали?
Я иду, не качаюсь
И в словах не ошибаюсь.
Только в одном слове ошиблась:
Милая подруженька,
(Имя, отчество невесты)
Дай знать, как вашего новобрачного князя звать.

Невеста говорит имя, отчество жениха.

Спасибо, милая подруженька,
(Имя, отчество невесты),
Скоро сказала,
Меня, красну девицу, в словах не задержала.
Я знать-то знала,
Да вашу совесть попытала.
Ты послушай, наш нареченный зять,
(Имя, отчество жениха),
Нашу милую подруженьку,
Понаряднее водите,
Получше кормите,
Почаще в гости отпускайте,
Мою просьбу выполняйте.
Да так-то не живите —
По две жены не заводите,
Нашу милую подруженьку не загубите.
Наша милая подруженька
В девушках жила — красовалась,
Над ней люди любовались,
Отец с матерью забавлялись,
В горенке сидела,
Шила да вышивала,
Кружева вязала,
Дары припасала.
Мы сегодняшнюю ночь
У подружки ночевали,

Поутру рано вставали,
Белы лица умывали,
Русы волосы чесали,
Алу ленточку вплетали,
Нашу милую подруженьку
За стол снаряжали,
Беспокойство принимали
Мы за елочкой ходили —
По сапожкам износили,
А елочку рубили —
По топорiku изрубили,
А елочку снаряжали —
По перчаточкам изорвали,
А я выношу —
Целое платье изношу.
Говорю я вам последнее словечко,
Положите мне на золотое колечко,
А то вдруг жених случится
И нечем мне будет обручиться.
Встань, друженька, на ноги,
Прими дивью красоту на руки.
Стой, друженька, не торопись,
На скамеечку не садись,
Давай на ножках постоим
И друг на друга поглядим.
Друженька, говори «Аминь».

Дружка отвечает: «Аминь».

На амине благодарим,
Давай со мной, красной девушкой,
Еще поговорим,
Друженька, у нас на елочке
Есть кукла-плут,
Скажи-ка, друженька,
Все ли гости тут?
Как на нашей-то елочке
Золотые иголочки,
Алые ленточки,
Сладкие конфеточки.
Как у нас елочка зелена,
Так и красна девица молода;
Как елочка снаряжена,
Так и милая подруженька
(Имя, отчество невесты) собрана.
Как на нашей-то елочке
Сладкие конфеточки.
По конфеточке закусите,
По свечечке загасите,
Нас, красных девушек, одарите,
Хотя б деньгами небольшими
И карманами не пустыми.

Вы, свахоньки-сударыни,
Медь аккуратнее кладите,
У тарелочки края не отколите,
Нас, красных девушек, в изъян не введите.
У кого голова плешивая
Не кладите деньги фальшивые,
У кого красная рубашка,
Кладите десятирублевые бумажки,
А ты (имя, отчество жениха)
Не клади деньгу красную,
А то женишься напрасно,
А клади белую,
Чтобы жена от тебя не бегала.
У нашего хозяина
У (имя, отчество хозяина),
Из стены в стену шест,
Кладите рублей шесть,
Не шесть дак пять,
Не пять дак четыре,
Не четыре дак три,
Не три дак два,
Не два дак руб,
Не руб дак четвертак,
Не уезжайте, гости, так.
Милая подруженька
(Имя, отчество невесты),
Смотри-насматривайся,
Гляди-наглядывайся,
На свою дивью красоту.
Она сегодняшнюю ноченьку
У постелюшки стояла,
По головушке гладила.
Ушла дивья красота
Во леса во дремучие,
Во болота топучие,
Привилась дивья красота
Ко сухому ко деревцу,
Что и этому деревцу
Не бывать больше зелену,
Так и милой подруженьке
(Имя, отчество невесты)
Не бывать больше в девушках,
Не плести своих косынек,
Не носить алых ленточек.
Она пошла, не простилась,
На милую подруженьку рассердилась,
Правой ножкою топнула,
Дверцами хлопнула.
Аминь.

111. Выхожу я, девица, из каморочки,
Из тесовой переборочки,
В сафьяновых башмачках,
На высоких каблучках,
Не подломился бы каблучок,
Не упасть бы мне, девушке, на бочок.
Раздайся, народ,
Разойдися, народ,
Девья красаота идет,
Не сама она идет,
Ее девица несет,
На ней платьице алеется,
Платочек голубеется,
Лицо белое горит,
С поезжанам говорит:
Здравствуйте, весь полк честной,
Князь со княгинею,
Тысяцкой, барин старшой, барин меньшей,

И ты, шафер молодой
С кудреватой головой,
Черненький глазок,
Взгляни на наших девушек разок.
Где вы были-побывали,
Мы вас долго поджидали,
Мы по садику гуляли,
По башмачкам изорвали,
Девью красоту срубали.
Дорогой князь, дайте знать,
Как вашу княгиню назвать.
(Называют.)
Дорогая княгиня, дайте знать,
Как вашего князя назвать.
(Называют.)
Наша-то княгиня
Сидела во горенке,
Черного хлеба не едала,
Белого не переедала,
Воды с квасом не пивала.
Друженька и дружица,
Прошу местечка освободить,
Девью красоту постановить.

Уходит и говорит на прощанье:

Как у нашего хозяина
Николая-то Михайловича
Из стены-то в стену шест,
Положьте рубликов по шесть.
Как у нашей-то хозяйюшки
И каждая потолошница
Рублем приколочена,

На ком приманишки³⁸,
Кладите рублишки,
На ком беленький платок,
Положите рубликов пяток,
Кто в белой рубашке,
Кладите бумажки,
Меди много не кладите,
У тарелочки крайка не обломите,
Нас, девушек, в изъян не введите.

112. Господи Иисусе,
Иду я девица,
Иду я красная,
По полу по тесовому,
Ко столам ко дубовым,
Ко скамеечкам кленовым,
К скатертям браным,
К вилочкам точеным,
К ложечкам злаченым,
К ножечкам булатным,
Ко всем гостям приятным.
Не тем гостям я кланяюсь,
Которые под полатям стоят,
А тем гостям кланяюсь,
Которые за столом сидят:
— Здравствуй, весь полк честной,
Тысяцкой, большой барин, меньшей барин,
Друженька с полудружецей,
Шафер молодой со кудрявой головой,
Волосы витые, щечки налитые,
Нежный голосок,
Шелковый волосок,
Свахоньки приезжие,
Соседи любезные,
Извольте все на елочку глядеть,
Как на нашу подруженьку.

У нас елочка зеленешенька,
Нина Ивановна молодёшенька.
Мы за елочкой ходили, —
По сапожкам износили,
Елочку ломали, —
По перчаткам изорвали,
А елочку выношу —
Платьице изношу.
На нашей на елочке
Золотые маковочки,
Сторублевые веточки,

³⁸ Вар.: «Кто при манишке».

Атласные ленточки,
Нашу елочку озолотите,
Не озолотите —
Дак осеребрите,
Не осеребрите —
Дак хоть больше меди накладите.
Медь-то потише кладите,
У тарелочки края не отшибите,
Нас, красных девушек,
В изъян не введите.
Кто в красной рубашке —
Кладите бумажки,
У кого седая борода —
Клади больше серебра,
У кого рубашка с горошиной —
Клади по трёшинке,
У нашей хозяйюшки есть полати,
Подарите нам на фаевые платья,
Есть и окошки, —
Подарите нам на полусапожки,
Есть и лавки, —
Подарите нам на булавки.
Наша середка³⁹ любит серебра,
Наша горница тем и кормится,
А наши девушки любят денежки.
Я шла — не шаталася,
Говорила — не мешалася,
Довелось слово сказать:
— Милая подружка, Нина Ивановна,
Не знаю как Вашего новобрачного князя звать?

Она встает и называет.

Спасибо, милая подружка,
Сказала — не задержала!
Хоть я и знать-то знала,
Но Вашу совесть попытала.
Слушайте, Николай Иванович,
Что я Вам буду наказывать:
Тешьте-нежьте нашу милую подружку,
Почище водите, послаще кормите,
В лес не посылайте,
Работать не заставляйте,
Да к нам в гости почаще отпускайте.
Пешком-то не посылайте, —
Кучера нанимайте.
Она у нас жила — красовалася,
Мы с ней жили — не ругались,
В одно платье наряжались,
Я шла — не шаталася,
Говорила — не мешалася,

³⁹ Середина избы.

Встань, друженька, на резвы ножки,
На сафьяновы сапожки,
Скажи друженька «Аминь».

Друженька встает, говорит «Аминь».

На аминь-то благодарим,
Да еще с Вам поговорим.
Позволь, друженька,
Про девью красоту местечка,
Поставь, друженька, девью красоту,
Да руками-то не бери,
Платочком подхвати.
Говорю я тебе, друженька,
Последнее словечко,
Подари мне на золотое колечко.

И вот елочку ставят. А потом, когда елочка стоит, и запеваем песню «Красота, девья красота»... А когда весь стол обнесут, сколько столов есть, тут денег накладывают, свечи, конфетки берут, на елочке висят, а потом елочку надо уносить.

113. Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй нас.
Друженька, дай ответ.

А друженька отвечает: «Аминь».

На ответе благодарим.
Давай мы теперь с тобой поговорим.
А вы, молодчики, из кута не глядите,
Меня, девицу, не пристыдите:
Не подвихнуть бы каблучок,
Не упасть бы мне на бочок,
Не уронить бы дивью красоту,
Не обломать бы у нее лапочки,
Не растерять бы алые ленты,
Не загасить бы яркие свечи.
Раздайся, народ,
Разойдися, народ,
Дивья красота идет,
Не сама она идет —
Ее девица несет
По полу тесовому
Ко столу ко дубовому;
На ей платице алеет,
Платочек голубеет
Лицо белое горит,
Сама с дружкой говорит:
— Здравствуйте, все гости приезжие,
И соседи любезные,
Где вы были-спобывали?
Мы вас долго дожидали,
Мы по садику гуляли,
Да дивью красоту наряжали:
Да к ней свечи прилипали,
Да конфеты пришивали.

По свечечке гасите,
По конфеточке сорвите,
А нашу дивью красоту озолотите,
А не озолотите —
Так осеребрите,
А меди не кладите,
У тарелочки крайка не обломите,
Наших девушек в изъян не введите.
А у кого широка борода,
Тот кладите больше серебра,
А у кого красна рубашка,
Тот кладите по пятирублевой бумажке,
А у кого старинный пятак,
Тот не кладите —
Берегите себе на табак,
Дорогой князь, дайте знать,
Как вашу молодую назвать.
(Он говорит.)
Молодая княгиня, дайте знать,
Как вашего молодого назвать.
(Она говорит.)
Дорогой друженька, позволь
На столике местечко распространить,
Да дивью красоту постановить.
Дорогая княгиня,
На нонешнее право не гляди,
От молодого князя не беги.

114. Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй нас.
Друженька, дай ответ —
Аминь! —
Я по полу иду по тесовому,
Ко столу ко дубовому,
Ко скатерти браной,
К вам, гостям званым.
Здравствуйте, гости приезжие,
Соседи любезные,
Князь со княгиней,
Большой барин, меньшей барин,
Друженька с полудружницей,
Свахонька с повозничком,
Здравствуй, кучер молодой,
Со кучерявой головой.
Где вы побывали,
Мы вас долго ждали.
По свечечке гасите,
Алы ленты не жгите,
Дивью красоту осеребрите.

У друженьки спрашиваю, как его молодых зовут. Вот он и отвечает, как жену зовут у молодого, как его самого...

115. Раздайся, народ,
Расшатися, народ,
Не бела лебедь плывет,
Девица красная идет.
Не одна она идет,
Девью красоту несет,
Во сафьяновых башмачках,
На высоких каблучках,
По полу по тесовому,
Ко столу ко дубовому,
Ко скатерти браной,
Ко есьем сахарным.
Шла я, красна девица,
Темными лесами,
Крутыми берегами,
Лазоревыми цветами,
Дошла я, красна девица,
До обширного садика,
До зеленой елочки,
До золотой верховочки.
Сломила я эту зеленую елочку,
Золотую верховочку.
Пошла я, девица,
По торной по дороженьке,
Пошла девица до новой горницы,
До светлой светлицы,
До нашего хозяина Михаила Ивановича.
Как у нашего хозяина,
Как у нашего у богатого,
Все углы позолочены
И пазы посеребрены,
А дубовые столы
Все бумажкам устланы.
Здравствуйте, весь честной поезд,
Нареченный жених с нареченной невестой,
Тысяцкий, большой барин и меньшей барин,
Друженька с полудружьем,
Свахоньки с поводничком.
Уж вы свахоньки, бояре,
Где вы были-побывали?
Мы вас долго ожидали.
Разные ленточки сносили,
Да девью красоту срядили,
Мне, девице, подавали.
Я, девица, выходила
И на столик становила.
У меня, у девушки,
В ручках елочка зеленая,
У нас Полина Ивановна молодая,
Она жила во душах красных девушек красовалася,

И родители с нею сокрушались,
И мы, подруженьки, с ней забавлялись.
Друженька, нельзя ли на столике
Местечка распространить,
Да девью красоту постановить,
Да с вами еще речь поговорить?
Не будьте настолько бедны,
Не кладите деньги медны,
По помощи, по силе,
Кладите рубля по четыре,
А кому свадьбка в честь,
Кладите рубликов по шесть.
Кто в крахмальных рубашках,
Кладите десятирублевые бумажки.
У кого бороды седые,
Кладите деньги золотые.
А кто принес медный пятак,
Поберегите себе на табак.
Еще скажу вам последнее словечко:
Подарите мне, девушке,
На золотое колечко.

116. Господи Иисусе Христе,
Сыне Божий, помилуй нас.
Раздайся, народ,
Расшатися, народ,
Девья красота идет.
Ее девица несет
На резвых ножках,
В сафьяновых сапожках,
В вязаных чулочках,
На высоких каблучках,
На медных подковочках.
По полу иду,
По тесовому иду,
Со всеми говорю,
Со всеми кланяюсь:
Здравствуйте, полк честной,
Князь со княгиней,
Тысяцкий большой,
Барин меньшей,
Друженька с полудружьем,
Свахоньки с повозничком.
Где вы были-спобывали?
Мы вас долго дожидали,
По садику гуляли,
По башмачкам истоптали,
По чулочкам изорвали,
Алых ленточек собирали,
Девью красоту наряжали.

Вот нарядили,
Да к вам на стол приносили.
Сколько елочка зелена,
Столько невеста Анна Михайловна молода.
Она шила, красовалась,
На ней люди любовались,
Родители забавлялись.
Серебра-то кладите,
Да у тарелочки край не отшибите,
Нас, девушек, в изъян не введите.
Друженька, честный человек,
Позволь с вами речь поговорить,
На столике местечко распространить,
Девью красоту поставить.

117. Раздайся, народ,
Расшатися, народ!
Девья красота идет.
Не сама она идет,
Ее девушка несет,
Во сафьянных башмачках,
На высоких каблучках,
Она по полу идет,
По тесовому идет.
На ней платице алеется,
Платочек голубеется,
Бело лице горит —
Честь приезжим говорит:
Здравствуйте, гости приезжие,
Весь полк честной,
Князь со княгинею,
Тысяцкой, большой барин, меньшей барин,
Друженька с полудружицами,
Свахоньки с повозничком,
Здравствуй, шафер молодой
С кудреватой головой.
Здравствуйте, гостюшки
Да соседюшки.
Где ж вы были, побывали?
Мы вас долго пожидали,
Мы по садикам гуляли,
По башмачкам истоптали,
По чулочкам изорвали,
Алы ленточки свивали —
Девью красоту сряжали.
Как у нас елочка зелена,
Так у нас невеста молода,
Она у нас жила во славе,
На ей люди любовались
И подружки забавлялись.

Друженька хорошенькой,
Друженька пригоженькой,
Распространи мѣстечко
Девью кр́асоту распространить.
По свечке гасите,
По конфеточке берите,
Да по пряничку грызите,
По ленточке вяжите.
Нашу тарелочку осеребрите,
Побольше денежек кладите.
Да у тарелочки крайка не отшибите.
У нас тарелочки тонки —
Крайка звонки.

118. Идет елочка из переборочки,
Она идет, подымается,
У девушки ноженьки подгибаются.
Раздайся, народ,
Расшатися, народ,
Девья кр́асота идет,
Не сама она идет,
Ее девушка несет.
Она по полу идет,
По тесовому идет,
В новых башмачках
На тесовых каблучках.
На ней платьице алеет,
Платочек голубеет,
Лицо белое горит,
Со приезжими гостями говорит.
— Здравствуй, полк честной,
Князь со княгинею,
Тысяцкий, большой барин, меньшей барин,
Шафер молодой
С кудреватой головой,
Щечки налитые, брови выводные.
Черненький глазок,
Взгляни сюда разок.
Свахи дорогие,
Словно ягодки налитые,
По свечечке погасите,
По конфеточке сорвите,
Нас, девушек, озолотите.
Кто в красной рубашке,
Кладите по бумажке.
На ком шелковый платок,
Кладите рублей пяток.
Денег медных не дарите,
У тарелочки края не отшибите,
Нас, девушек, в изъян не введите.

А то тарелочки нынче дороги,
Покупали в городе.
Дорогая подруженька,
Дайте знать, как вашего суженого звать?
— Иван Андреевич.
Иван Андреевич,
Дайте знать, как вашу суженую звать?
— Марья Алексеевна.
Иван Андреевич и Марья Алексеевна!
Где вы были-побывали?
Мы вас долго не видали,
По садику гуляли,
По башмачкам истоптали,
По чулочкам изорвали,
Алы ленты собирали,
Девью красоту наряжали.
Снарядили, нарядили,
На стол становили.
Как у нас елочка зелена,
Так у нас Марья Алексеевна молода.
Как у нас елочка наряжена,
Так у нас Марья Алексеевна наряжена.
Она в девушках жила — красовалась,
Над ней люди любовались,
Родители забавлялись,
Подружки радовались.
Как у нас Марья Алексеевна
В лесу не бывала,
Топора в руки не бирала,
Хлеба черного не употребляла,
Белого не проедала,
Всё у окошечка сидела,
Кружева вязала,
Песенки распевала,
Ивану Андреевичу дары припасала.

119. Когда елочку вынесут, поставят на стол и поют эту песенку. Девушка ставит елочку и наговаривает. Красота, елочка, стоит на столе, все деньги кладут на елочку, а мы стоим и поем:

Красота, девья красота,
Красота, девья красота,
Да красота милѳй подруженьки,
Красота милой подруженьки,
Да что и Нины Ивановны,
Что и Нины Ивановны,
Да нам куда будет красу девать,
Нам куда будет красу девать?
Да унесем девью красоту,
Унесем девью красоту,
Да в батюшка поле чистое,

В батюшка поле чистое,
Во луга во зеленые.
Да тут и шел-прошел прохожий след,
Тут и шел-прошел прохожий след,
Да удалой добрый молодец,
Удалой добрый молодец.
Да подкосил он эту травину,
Подкосил он эту травину,
Да уронил девью красоту.

120. Красота, дивья красота,
Да красота всё Настасьиная,
Красота всё Ивановне,
Да нам куда будет красу девать,
Нам куда будет красу девать?
Да унесем мы дивью красоту,
Унесем мы дивью красоту,
Да в батюшка во поле чистое,
В батюшка во поле чистое,
Да во лужка мы во зеленые,
Во лужка мы во зеленые,
Да мы поставим дивью красоту,
Мы поставим дивью красоту,
Да на шелковую травинку,
На шелковую травинку.
Да тут и шли-прошли прохожие,
Тут и шли-прошли прохожие —
Да удалой добрый молодец,
Удалой добрый молодец
Да со косою он со вострою,
Со косою-то он и со вострою,
Да подкосил эту травинку,
Подкосил он эту травинку
Да подсушил дивью красоту,
Подсушил он дивью красоту.
Да еще этому-то деревцу,
Еще этому-то деревцу
Да не бывать-то больше зелену,
Не бывать-то больше зелену.
Да нашей милой подруженьке,
Нашей милой подруженьке
Да не бывать в красных девушках,
Не бывать в красных девушках
Да не вплетать ей алу ленточку,
Не вплетать ей алу ленточку
Да не гулять ей на гуляньице.

121. Красота моя, красота,
Красота, девья красота!
Подружка-голубушка,

Ты куды красу деть будешь?
— Унесу девью красоту
Во чистое во полюшко,
На кусточек ракитовый,
На цветочек лазоревый.
Тут и шел добрый молодец,
Подкосил эту красоту,
Матушку девью красоту.
Тут пошла девья красота
Во леса во дремучие,
Прививалася красота
Ко сухому ко деревцу.
То сухое-то деревце
Не бывает оно зелено —
Нашей подруженьке
Не бывать в красных девицах.

122. Красота, дивья красота,
Да красота что и Полина,
Красота что и Полина.
Нам куды красоту девать,
Нам куды красоту девать?
Да унесем мы во полюшко,
Унесем мы во полюшко,
Да во кусты во лазоревы,
Во кусты во лазоревы.
Да тут и шел-прошел прохожий,
Тут и шел-прошел прохожий,
Да подкосил нашу елочку,
Подкосил нашу елочку,
Да расквилил нашу подруженьку,
Расквилил нашу подруженьку,
Да что и Полю Ивановну,
Что и Полю Ивановну.
Да ты не плачь-ка, Полинушка,
Ты не плачь-ка, Полинушка,
Да твоя сужена хорошая,
Твоя сужена хорошая,
Да не румянам нарумянена,
Не пудрам напудрена...

123. Эти слова подружка невесты произносила, когда уносила елочку со стола:

Благодарствуйте, весь честной поезд,
Нареченный жених с нареченной невестой,
Тысяцкий, большой барин, меньшой барин,
Друженька с полудружьцем,
Свахоньки со повозником.
Распрощайся, дорогая подруженька,
Со своей дивьей красотой.
Что твоя дивья красота

На тебя рассердилася,
И с тобой не простилася,
Посреди полу топнула,
Широким дверям шибко хлопнула.
Пошла твоя дивья краса
Ко сухому ко дереву,
Что сухое-то дерево
Не бывает два раза зелено,
И тебе, дорогая подруженька,
Не бывать больше в девушках.
Кто плохо живет, не глядите,
Два раза замуж не выходите.

124. Потом девушка приходит брать елочку и говорит:

Пошла девья краса,
На тебя рассердилась,
С тобой не простилась,
Посреди полу топнула,
Дверями хлопнула,
Пошла девья краса
Во леса во дремучие,
Привилась девья краса
Ко зеленому дереву,
Этому дереву не бывать больше зелено,
А вам, дорогая княгиня,
Не бывать больше в девушках.

125. Вот елочку понесут взад и скажут:

Пошла дивья краса
Во поля да во чистые,
Во луга во зеленые,
В болота топные,
В реки быстрые,
В елки колючие,
В осины тончавые,
Привилась дивья краса
Ко сухому-то дереву,
То сухое-то дерево
Не бывает два раз зелено,
То и Марье Павловне
Не бывать два раз девушкой.

126. А когда елочку уносят, то говорит девушка такие слова:

Милая подружка, Нина Ивановна,
Гляди — нагляжуся на свою девью красоту,
Пошла девья краса,
На тебя рассердилася,
Ты с нею не простилася.
Пошла девья краса
В зеленые лужка,

Привилась к сухому деревцу.
Уж как этому деревцу
Не бывать больше зелено,
А тебе, милая подружка,
Не бывать красной девушке.

И все. Елочку уносят. Елочку — на крыльцо, крыльца... были. И приколачивали на доме невесты.

127. Берут елочку обратно со стола и говорят:

Пошла Ваша дивья красота,
Она пошла, не простилась,
Она на Вас рассердилась —
Ноженькой топнула,
И дверям шибко хлопнула.
Пошла Ваша дивья красота
Во поля да во чистые,
Во леса во дремучие,
Привилась дивья красота
Ко сухому-то дереву,
Что сухое-то дерево
Не бывает два раз зелено,
Так же и тебе,
Мария Евтифьевна,
Не бывать два раза в девушках.
А на нынешни разговоры не гляди,
Обратно домой не беги.

128. Тут мать невесты всех родственников обходит и дарит полотенца. Все гулять начинают. Ставят пиво. Все и угощаются. Свое пиво было, деревенское. Для невесты с женихом и родственников — одно, для гостей уважаемых — другое, а для гостей незваных, непрошенных — третье.

129. Дружка ведет свадьбу с поварушкой. Вот я всё время поварушкой была. Я и сейчас всё хожу. Сколько свадеб-то сыграла — ой-ей-ей — и не сосчитать! Потому что я баба-то веселая.

Да повяжут дружку полотенцем, и он ведет свадьбу. Дружка всех усаживает за стол, всех угощает, всех поздравляет... И он ходит, уж за стол не садится. А я была поварушкой. Там если чего подносить. Дружка с поварушкой вместе ходят. Свадьбу так и ведут.

130. Свадьбу дружка красил. Он всё время говорил короткие приговорки, а начинал с такой:

Подой мной скамеечка шевелится,
Мне, друженьке, не сидится.
Вы, ребятки, косые заплатки,
Залезайте на палатки.

Застолье дружка начинал. Он выпьет, поцелует стакан, донышко. И говорит: — Последуйте моему примеру.

Тогда только все начинали пить. Дружке подчинялись. Он умел и пьяными руководить, но сам никогда не напивался. Если дружка напился, то уже не свадьба.

131. Тогда дружка скомандует: давайте приниматься за трапезу. Выносят поднос, на нем рюмочки налитые, и всех обносят, каждого. У меня брат гостей на свадьбе обносил. Потом выпивают, закусывают. Молодым кричат: «Горько!» Сперва молодых только поднимают, а потом и другие пары поднимают, кричат им: «Горько!» — и целоваться велят.

Молодые на свадьбе не пили. Закуска пройдет — чаем поили. После чая — ужином кормили. В промежутках плясали, песни пели. Всю ночь гуляли. Прибауток много было разных. Дружку специально такого выбирали, который мог пошутить и прибаутку сказать.

132. А свадебный пир... молодых посадят тут, потом вина подносят на подносах, на подносе, кто какую возьмет. Вот на поднос наставят, маленькие там рюмочки нальют, стопки нальют и вот обносят. Кому какая — нужно взять. Женщины маленькие рюмочки берут, мужчины берут побольше — стопки. Пиво свое варили. Хорошее пиво. Конечно, вы не знаете такое пиво, я вот сама варила на праздники. Пиво это ставят в ендове.

133. Девушки каждому поют песню, всех перебирают. Жениху тоже поют... А жених возьмет тарелку, поставит на нее пива стакан, а под него деньги положит. Тарелку эту он отдает парню, тот выносит ее, а девушки должны тарелку выкупить, поцеловать парня. Потом этими деньгами, которые жених давал, девушки за беседки расплачивались.

134. Уж мы встанемте, девушки, в ряд,
Уж мы встанемте, девушки, в ряд,
Да уж мы спросимся хозяина,
Уж мы спросимся хозяина,
Да мы хозяина с хозяйюшкой,
Мы хозяина с хозяйюшкой,
А не дозволят ли нам песенок попеть,
А не дозволят ли нам песенок попеть?
Да как у нашего хозяина,
Как у нашего хозяина,
Да полной двор вороных коней,
Полной двор вороных коней,
Да как у нашей у хозяйюшки,
Как у нашей у хозяйюшки,
Да полное зало дорогих гостей,
Полное зало дорогих гостей.
Да эти гости были званые,
Эти гости были званые,
Да как в саду малина браная,
Как в саду малина браная.
Да мы пойдемте ряд по ряду,
Мы пойдемте ряд по ряду,
Да разберемся чин по чину,
Разберемся чин по чину,
Да мы дойдемте до умного,
Мы дойдемте до умного,
Да мы до умного-разумного,

Мы до умного-разумного,
Да мы до князя новобрачного,
Мы до князя новобрачного,
Да до княгини новобрачною,
До княгини новобрачною,
Да хорошо сидят, умнёшенько,
Хорошо сидят, умнёшенько,
Да говорят речь потихошеньку,
Говорят речь потихошеньку.
Да голова ваша приглаженная,
Голова ваша приглаженная,
Да и русы кудри приза́вились,
И русы кудри приза́вились,
Да на вас девушки призарились,
На вас девушки призарились,
Да как бы на эту на головушку,
Как бы на эту на головушку
Да сторублевую шапочку,
Сторублевую шапочку,
Да как бы во эту-то во шапочку,
Как бы во эту-то во шапочку
Да пятьдесят бы рублей шелковый платок.

135. Уж мы, девушки, встанемте в ряд,
Уж мы, девушки, встанемте в ряд,
Да уж мы спросимте хозяина,
Да мы хозяина с хозяйюшкой,
Да мы хозяина с хозяйюшкой,
Что Бориса-то Михайловича,
Что Бориса-то Михайловича
Да с Фаиной Алексеевной,
Да с Фаиной Алексеевной,
Нам дозволят ли песенок попеть,
Нам дозволят ли песенок попеть,
Да нам дозволят ли молодых величать,
Нам дозволят ли молодых величать,
Да мы пойдемте ряд по́ ряду,
Мы пойдемте ряд по ряду,
Да разберемте чин по́ чину,
Разберемте чин по чину,
Да мы дойдемте до умного,
Мы дойдемте до умного,
Да мы до умного-разумного,
Мы до умного-разумного,
Да мы до князя новобрачного,
Мы до князя новобрачного,
Да до Бориса Михайловича,
До Бориса Михайловича
Да со своею со княгиней молодой,
Со своею со княгиней молодой,

Да что с Фаиной Алексеевной,
Что с Фаиной Алексеевной,
Да сидите умны-умнёшенько,
Сидите умны-умнёшенько,
Говорите речь потихошеньку,
Говорите речь потихошеньку.
Да точно красные девушки,
Точно красные девушки,
Да голова ваша учесанная,
Голова ваша учесанная,
Да и русы́-то кудри́ приглаженные,
И русы́ кудри́ приглаженные,
Да и помадою намазанные,
И помадою намазанные,
Да как бы на вашу на головушку,
Как бы на вашу на головушку,
Да сторублевую шапочку,
Сторублевую шапочку...

136. Уж мы встанемте, девушки, в ряд,
Уж мы спросимте хозяйюшку,
Повеличаем ее:
«Разреши-ка ты, хозяйюшка,
Песенок попеть да молодых повеличать...»
Что хорош-пригож князь молодой
Александр Иванович
Со своею со княгиней молодой,
С Анастасией Степановной.
Сидите во честном месте,
В подокошечке, на дубовой лавочке.
Голова ваша учесанная
И русы́ кудри́ разглаженные
И помадою намазанные.
Как бы на эту на головушку
Да сторублевую шапочку,
А во эту во шапочку
Сто рублей монеточку...

137. И кто у нас во полку-то пригож?
У нас во полку хорош-пригож?
У нас князь молодой пригож
Со своею со княгиней молодой хорош-пригож...

138. После венца молодые сидели под иконой, а подружки приходили деньги выменивать:

Как у нашего хозяина,
Как у нашего богатого,
У Михаила Ивановича
Полон двор вороных коней.
Как у нашей-то хозяйюшки,

Как у нашей у богатой,
У Дины Николаевны
Полный двор дорогих гостей.
Еще все ли гости званые,
Все ли почитанные?
Здравствуйте, князь молодой
Со своею со княгиней молодой,
Вы сидите во честном месте под окошечком,
На дубовой на лавочке,
За кленовыми столиками.

Им поднесут стопочку и подарят деньги. Потом опять благодарят:

Вот спасибо, молодой князь
Со своею княжной молодой,
Подарили нас, изжаловали,
Сотенки — пятьдесят серебром
Вам спасибо, вам спасибо,
На злате, на серебре,
На честве на величанье.

139. Уж ты здравствуй ли, молодой,
Со княгинею-боярыней своей.
Сидите во честном месте,
Во честном месте под окошечком,
На дубовой на лавочке,
За кленовым за столом...

140. Что и дружка у нас Николай Иванович,
Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.

Как у дружки сюртук самолучшего сукна,
Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.

Самолучшего сукна, ленинградского шитья,
Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.

Как на дружке сапоги с медными искорками,
Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.

С медными искорками, все повыскакали,
Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.

Как и дружка у нас раскрасивого лица,
Друженька, ты хорошенький
Друженька, ты пригоженький.

Раскрасивого лица, при уборе голова⁴⁰,
Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.

Друженька, передайся к нам,
Как и у нас для тебя есть бутылка вина,
Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.

Есть бутылка вина и конец пирога⁴¹,
Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.

141. Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Как на дружке рубашка шелковая,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Как на дружке костюм из немецкого сукна,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Из немецкого сукна, ленинградского шитья,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Как на дружке сапоги с медным искорками,
Друженька, ты пригоженькой,
Друженька, ты хорошенькой.

С медным искорками — все повыскакали,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Все повыскакали, все повыплясали,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Как на дружке тулуп — девяносто один руб,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Как на дружке кушак шелковбй, парчевбй,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

⁴⁰ Вар.: «при расческе».

⁴¹ Вар.: кусок пирога.

Шелковой, парчевой, с золотой бахромой,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Уж ты, друженька, передайся к нам,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Передайся к нам, к милым барошням,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

У нас для тебя есть бутылка вина,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

Есть бутылка вина и конец пирога,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.

142. Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.
Друженька, передайся к нам,
Друженька, красным девушкам.
На дружке кафтан голубой с бахромой,
Друженька, ты хорошенькой,
Друженька, ты пригоженькой.
На дружке сапожки на медных гвоздочках,
Друженька, ты хорошенький.

Ему подпевают это. Охота вызвать, чтоб он поплясать пошел с нами вместе. А он и увивается, а уж он и форсит, и сапоги скрипят на ём. Это пели, чтоб его вызвать, чтоб он поплясал.

143. Уж кончается свадьба-то. Поют всем песни, обходят, а потом к дружке подойдут. Он к ним с тарелкой да с пивом: поднесет и денег даст.

Уж друженька, ты хорошенький,
Уж друженька, ты пригоженький.
Уж, друженька, передайся к нам,
Передайся к нам с золотой казной,
С золотой казной да к милым девушкам.

144. Друженька, ты хорошенький,
Передайся к нам, друженька,
Красивым девушкам.
Да как у нас про тебя
Есть бутылка вина.
Друженька, ты хорошенький,
Друженька, ты пригоженький.
Как у дружки рубашка
Нова аглицкая,

Как на дружке шаровары
 Нова плисовые,
 Как у дружки жена,
 Точно пава плывет,
 Она речь говорит,
 Что бела лебедь кричит.

Вот это дружке. Он ломается, первому денег кладет. Раньше денег-то клали. Со стаканом пива, клали, опускали в этот стакан деньги-то. Вот он и ломается, друженька-то. Все ему и поют, поют, поют.

145. Друженька, ты хорошенький,
 Друженька, ты пригоженький.
 Как у нашего у друженьки
 Рубашечка новá,
 Как рубашечка новá,
 Ленточка шелковá,
 Как ленточка шелковá,
 Дак головушка буйнá...

146. Друженька, ты хорошенькой,
 Друженька, ты пригоженькой,
 А на дружке сапоги
 После дяди-сатаны.

147. Эта песня шаферам пелась. Раньше ша́фера были, они венец молодым держали. Вот все сидят за столом на свадьбе, а мы так же стоим в уголочке, после песни. Если по порядку, то сперва, когда сидят за столом, поем девушке песню, подруге своей. Вот ей поем так:

Уж ты девица-девица,
 Уж ты наша изменщица...

Потом дружке поем. Потом и шаферам поем. Когда все сидят, пёрва чай пьют, а потом, это раньше было, — хлебово было. Подавали студень и всё. И вот мы поем, всем гостям поем. И они все кладут нам денег. Вот сидят там муж с женой, — и мы им поем песню. И другим — опять же ее споем. И они нам тоже положат деньги, там по сколько, кто сколько положит. И так несколько раз.

Кто же у нас ўмен, кто очень разумен,
 Розан мой алый, виноград — зеленый сад,
 Николай-от ўмен, сын Иванович разумен,
 Розан мой алый, виноград — зеленый сад,
 По горнице ходит, кудрицы наводит,
 Розан мой алый, виноград — зеленый сад,
 В зеркало глядится, сам себе дивится,
 Розан мой алый, виноград — зеленый сад:
 «Экой я детина, экой молодчина,
 Розан мой алый, виноград — зеленый сад,
 Хорош уродился, пригож нарядился,
 Розан мой алый, виноград — зеленый сад».
 Вышел на крылечко, промолвил словечко,
 Розан мой алый, виноград — зеленый сад:

«Ребята-ребята, подайте мне ко́ня,
Ко́ня вороного, седло золотое,
Розан мой алый, виноград — зеленый сад».
Он коня седлает, конь-от с ним играет,
Розан мой алый, виноград — зеленый сад,
По дорожке гонит, дороженька стонет,
Розан мой алый, виноград — зеленый сад,
Розан мой алый, виноград — зеленый сад.

148. Кто у нас у́мен, кто очень разумен,
Розан мой алый, виноград зеленый?
Василий у́мен, Лександрович разумен,
Розан мой алый, виноград зеленый,
Хорош уродился, пригож нарядился,
Розан мой алый, виноград зеленый,
По горенке ходит, кудрицы наводит,
Розан мой алый, виноград зеленый,
В зеркало глядится — сам себе дивится,
Розан мой алый, виноград зеленый:
«Экой я детина, экой молодчина,
Розан мой алый, виноград зеленый!»
Вышел на крылечко, промолвил словечко,
Розан мой алый, виноград зеленый:
«Слуги мое, слуги, слуги дорогия,
Розан мой алый, виноград зеленый,
Подайте мне ко́ня, ко́ня вороного,
Розан мой алый, виноград зеленый,
Ко́ня вороного, узду жемчужную,
[Розан мой алый, виноград зеленый,
Узду жемчужную,] плетку шелковую,
Розан мой алый, виноград зеленый».
Он коня имаёт — конь-от с ним играет,
Розан мой алый, виноград зеленый,
Он коня седлаёт — конь-от приседает,
Розан мой алый, виноград зеленый,
Дороженькой гонит — дороженька стонет,
Розан мой алый, виноград зеленый,
К лесу подъезжает — лесик зеленеет,
Розан мой алый, виноград зеленый,
К речке подъезжает — речка разлилася,
Розан мой алый, виноград зеленый,
К саду подъезжает — садик расцветает,
Розан мой алый, виноград зеленый,
Садик расцветает, девушка гуляет,
Розан мой алый, виноград зеленый,
Девушка гуляет, молодца встречает,
Розан мой алый, виноград зеленый,
За столик сажает, вином угощает,
Розан мой алый, виноград зеленый.

149. Это шаферу поют, кто венцы держал:
Кто у нас у́мен, кто у нас разумен?

Розан мой алой, виноград зелёной,
Иван-от-от у́мен, Лександрович разумен.

Розан мой алой, виноград зелёной,
Хорош уродился, пригож нарядился.

Розан мой алой, виноград зелёной,
Сапужок козлёвой, чулочек шелко́вой.

Розан мой алой, виноград зелёной,
В зеркало смотрится — сам себе дивится,

Розан мой алой, виноград зелёной,
Хорош уродился, пригож нарядился...

Розан мой алой, виноград зелёной,
«Подайте, ребята, коня вороного».

Розан мой алой, виноград зелёной,
Он седло седлает, конь-от с им играет.

Розан мой алой, виноград зелёной,
«Поеду я к девице, к девице-красавице».

Розан мой алой, виноград зелёной,
На коня садится — конь-от веселится.

150. Величание свахе:

Уж ты здравствуй-ка, свахонька,
Ты Мария Ивановна.

Ты откуда приехала,

Ты откуда родилася?

Во деревне училася,

Не за князя замуж шла,

За простого за крестьянина.

151. Не залетная пташечка —

Хороша приезжа свахонька.

Хорошо ты нарядилася,

Всё во свахи торопилася,

Не пилося тебе, не елося,

Да все во свахоньки хотелось...

152. Еще здравствуйте, свахонька,

Мы не сами тебя видели,

Стороною про вас слышали,

Что вы люди-то не бедные,

Не кладите деньги медные,

А вы люди-то богатые,

Все кладите деньги златые.

153. Летал голубь над двором,

Летал голубь над двором,

Лелю, лелю, да над двором,

Лелю, лелю, да над двором,

Что Михайло со женой,

Что Михайло со женой,

Лелю, лелю, да со женой,
Лелю, лелю, да со женой,
Что и с Марьей-красотой,
Что и с Марьей-красотой,
Лелю, лелю, да с красотой,
Лелю, Лелю, да с красотой.
«Уж ты, Машенька-душа,
Уж ты, Машенька-душа,
Лелю, лелю, да вот душа,
Лелю, лелю, да вот душа,
Роди сына-сокола,
Роди сына-сокола,
Лелю, лелю, да сокола,
Лелю, лелю, да сокола,
Умом-разумом в меня,
Умом-разумом в меня,
Лелю, лелю, да вот в меня,
Лелю, лелю, да вот в меня,
Белолицего в себя,
Белолицего в себя,
Лелю, лелю, да во себя,
Лелю, лелю, да во себя,
Роди дочку-кралечку,
Роди дочку-кралечку,
Лелю, лелю, кралечку,
Лелю, лелю, кралечку,
Посажу я в лавочку,
Посажу я в лавочку,
Лелю, лелю, в лавочку,
Лелю, лелю, в лавочку,
Пусть торгует пряничкам,
Пусть торгует пряничкам,
Лелю, лелю, пряничкам,
Лелю, лелю, пряничкам».

154. Вдоль по бережку конюшка ведут,
Вдоль по крутому вороненького,
В саде розы, розы алы расцвели,
Вдоль по крутому вороненького.
Сивой гривой помахивает,
Золотой уздой побрякивает,
Розы, розы, розы алы расцвели,
Золотой уздой побрякивает.
Тут ходила, погуливала
Молодая боярня,
В саде алы, алы розы расцвели,
Молодая боярня.
Она ходила, побуживала,
Своего супруга милого,

Розы, розы, розы алы расцвели,
 Своего супруга милого:
 «Уж проснись, пробудись, господин,
 Ты очкнися, отеческий сын,
 Розы, розы, розы алы расцвели,
 Пробудися, отеческий сын.
 Отвязался ворон конь от столба,
 От столба, столба точённого,
 Розы, розы, розы алы расцвели,
 От столба, столба точённого,
 От столба, столба точённого,
 От колечушка злачённого,
 Розы, розы, розы алы расцвели,
 От колечушка злачённого.
 Он попал во зеленый сад,
 Наломал он много вишения.
 Розы, розы, розы алы расцвели,
 Наломал он много вишения.
 В саде калину и малину,
 В саде спелую смородину.
 Розы, розы, розы алы расцвели,
 В саде спелую смородину».

155. Эту песню девушки пели, ну и женщины пели молодые. Это специально такой хорик собирался: и женщины, и девушки. Молодые за столом сидели, а им девушки пели, хор. Им потом деньги давали, ну, там сколько дадут, трешку, али сколько. Вот все сидят за столом, а мы им всем песни поем: и сватьям, и дружке. А эту песню молодым пели:

Вдоль по бережку кóнюшко идет,
 Вдоль по крутому ворóненькой,
 Алы розы, розы, розы расцвели,
 Вдоль по крутому вороненькой.
 Сивой гривой помахивают,
 Золотой уздой побрякивают,
 Алы розы, розы, розы расцвели,
 Золотой уздой побрякивают.
 Тут ходила и гуляла
 Молодая боярыня,
 Алы розы, розы, розы расцвели,
 Молодая боярыня.
 Молодая боярыня
 Что и Анна Ивановна,
 Алы розы, розы, розы расцвели,
 Что и Анна Ивановна.
 Она б́удила-поб́уживала
 Своего супруга милого,
 Алы розы, розы, розы расцвели,
 Своего супруга милого:
 «Уж ты встань, проснись, пробудись,
 Пробудись, купеческий сын,

Алы розы, розы, розы расцвели,
Пробудися, купеческий сын.
Оторвался наш воробий конь
От столба-столба точёного,
От столба-столба точёного,
От колечушка злачёного,
Алы розы, розы, розы расцвели,
От колечушка злачёного».

156. У нас во свадьбу сперва завтрак бывает. Закуска всегда припасена. А потом выходят под окна. Гармошка если есть, попляшут, танцевать, конечно, не танцевали. Или песен споют какую там эти, которые горадицы...

Потом суп дают. Перво-наперво холодное хлебают, квас у нас. В этот квас кладут студени и забеливают сметаной. Это квас, это блюдо... И по ложечке они все разделят. Потом суп тоже, само собой. Потом вот черевник выносят. Черевник из яичной крупы. Кладется браховица, кишки, сушеное... это как сморчки туда, с мясом. Это как каша, только в ее мясо вложено. Ну вот, у черевника дружка начинает всякую похабщину говорить. А уж ты, невеста, сидишь, как курица ощипанная. Уж и глаза не подымаешь к столу, а дружка чего хочет, то и мелет, городит.

157. За столом всё разное подают: шесть раз меняют шесть блюд. Сначала закуска, потом чай. Тут всякие песни поют. Потом уж хладовое едят: холодец с квасом. Попоют опять, пойдут отдохнут. Приходят, садятся за стол. Теперь им подают горячий суп, черевник несут (это каша такая: туда легкое, кишки, потроха ложат да чуть крупы). А в Кологриве я была, дак там крупы не кладут. Вот черевник в печке вскипит, его яйцом заливают и несут на стол. А потом уж очередь лапши.

УЖИН. ЛАПША

158. Начинается столованье: раз пивом, а раз вином. Потом опять пиво, потом — вино. Хороша была свадьба.

Дружка начнет поварушку кричать (которая готовит на столы):

Поварушенька,
Бела рученька,
Стань на лыжи,
Пододвинься поближе.

Поварушка отвечает дружке, который шутит по поводу того, чего нет на столе: «Друженька, у нас печка заперлася. Надо бы лапшичкой угостить».

Приносят вожжи. Привязывают к заслонке, а поварушка держит заслон, не отпускает. Второй конец дают дружке. Он поет:

Ох, дубинушка, ухнем,
Ох, зеленая, сама пойдет,
Идет, идет!

Мужики помогают, поют шуточные песни. Поварушка кидает заслон, теперь будут лапшу подавать к столу со свиной...

159. Варят лапшу — горячее хлебово. Тут выходит поварушка и еще женщины и говорят:

Друженька хорошенький,
Лапша-то заперлася,
Надо бы отпереть.

Тогда начинают лапшу тянуть. Берут веревку. Один конец кидают через балку и тянут. Один конец — невеста, другой — жених. Так и тянут. А бабы да мужики похабные куплеты поют. Так и сидишь, глаза вниз потом. А еще тянут за полотенце.

Одним концом держал, а другим привязывали к заслонке у печи, где лапша заперлася.

160. Девчонки со свадьбы из кута убегали. Тут уж охальничать всяко пойдут. Лапшу тянут: «Дубинушка, ухнем»...

Молодой подают конец полотенца, чтоб держалась. Жених возьмется за другой и тянут. А невеста-то боится. Уйдут все на кухню и поют:

Дубинушка, ухнем!
Зеленая пошла, пошла,
Зеленая подернем,
Еще раз подернем, подернем,
Да ухнем!

И за заслонку тянут, всякую похабщину припевают. Уж если дубинушку поют, то все мы, девчонки, уходим. Вдруг заслонка хлоп по шестку — и открылась лапша. Откроют ее и несут.

161. Потом начинают лапшу. Лапшу станут, берут полотенце или веревку, будут лапшу тянуть, вытаскивать из печки. Вот и начинают:

Уж ты батюшка Егорий,
Помоги моему горю...
Поварушка...
Потонула в кружке ...

Много и похабщины:

Вот как у нашего управа
Повернулось у него направо ...

Так веревку держат: у-у-у. И поют вовсю. Тянули только жених и невеста. У нас девчонок нет, они сразу уходят, как песни спели. Знают, что пойдет такая катавасия.

162. А как ужин начнется, печка закрывается. Тянут лапшу. Лапшу-то не достать из печки-то...

Как у нашей поварушки
Утонула кунка в кружке.
Ой, дубинушка, ухнем,
Ой, зеленая, сама идет, идет, идет.
Поглядите в рукомойник —
П... лезет всё разбойник.
Ой, дубинушка, ухнем,
Ой, зеленая, сама идет, идет, идет.

И за веревку-то и тянут. Конец дают молодой. Она в комнате, а мы, поварушки, в кухне или через перегородку. И до того допоят, что они веревку и перевяжут. Тогда и кончат. Тогда и открывается печка. Я тогда садилась на саночки, посреди ног-то ставила кастрюлю с половником. И дружка меня везет к столу. Тогда кастрюлю берешь, накладываешь. Как ужин подходит, так и накладываешь. Как заслужили лапшу, так и даешь. Это вот было на ужин. А на ужин похабщину всю и споют...

163. На свадьбу и девушек не звали, будь хоть сестра родная, а только замужних. Ведь там похабщина была всякая. Вот лапшу-то как тянули: сготовит поварушка лапшу, запрет заслоном-то в печи; заслон-то вытаскивали; поварушка шубу выворотит снизу мехом, оденет и на санках везут поварушку из кухни в комнату, к столу, дружка везет. Лапша-то в коленях у ней, между ног, а мужики по сторонам стоят да похабные песни орут...

164. Жениху подали веревку, завязанную петелькой, а невесте кончик такой от нее, значит, и вот поют: «Эх, дубинушка, ухнем, ах, зеленая, сама пойдет...» И, так, конечно, сейчас не сделаешь, нарядили ухват, голову на него, верней женщина-то идет сзади, а тут и ухвату ноги приделали. Тут... у первого ноги торчат в лаптях, а она вот там сзади идет и голову запрокинула, как будто человека несут. Вытащили заслон и в корыте поварушку потом везут и поют:

Как у нашей поварушки
Утонула м... в кружке.
Из-под печки ветер веет,
Поварушка кунку греет.

Вытащили кастрюлю тут, выставили. Тут чего-то лохматое из этой кастрюли. Ой, вообще, смех. Интересно было, конечно.

Лапти торчат, идут, а сзади поварушку в корыте везут. Всё, вытащили лапшу. А то в печке заперлась, не вытащишь. Вот тут уже поют похабные песни про поварушку, что она виновата, что печка заперлась у нее и лапшу не вытащишь.

165. Эти приговорки дружка говорит, когда тянут лапшу:

Вы, девицы,
Криношные блудницы,
Вы смотрите, не уроните,
Да нас, дружку с поварушкой,
Не зашибите.

Девиц дружка называет «криношными блудницами» потому, что молодые девушки всегда лакомки и никогда не прочь «по крынкам заблудить».

Поварушку мы уважим,
По губам х... намажем.
Поварушка сидит в яме,
Вся обставлена х... .

Поварушку сажают на санки, к санкам привязывают веревку, другой конец веревки прикреплен к печной заслонке, и тянут, стараясь открыть ее. Когда откроют, тогда дружка и говорит:

Ташим-тащим лапшу,
А вытащили мошну.
Поварушка мыла-колотила,
А м... мыло проглотила.

166. И лапшу тянули у нас, говорили: «Лапша заперлась, надо замок покупать». И повара идут по столам с черпаком — деньги собирают <...>. А еще говорят: «Чумичка сломалась, надо нову покупать». Запоют песни озорные: «У нас лапша заперлась», «Поварушка». Все плохие песни, озорные. Перетягивают и веревку со стороны невесты и жениха. Кто перетянет, тот будет в доме хозяин...

167. Когда ужинать стали, тут лапшу тянуть надо. Уж это после двенадцати часов, ночью. Дружка говорил: «Повар, не пора ли покормить гостей лапшой?» А повар протягивал из кухни веревку и давал ее дружке. И говорил: «Вот тебе веревка, лапша заперлася, если сумеешь открыть — тяни». Он тянул и песни тут пел, иногда похабные:

Эх, дедушка, ухнем,
Эх, еще раз давай,
Давай потянем-потянем,
Да ухнем!

Не хочется говорить, слова похабные, но для тебя уж скажу, как дружка пел, когда лапшу, тянул:

Эй ты, бабушка Настасья,
Раскачай-ка х... на счастье,
Эй, дубинушка, ухнем,
Эй, зеленая, сама пойдет,
Эй, подернем, подернем,
Да ухнем.

И другие прибаутки пел. Вербку повар привязывал за заслонку печи. Дружка когда тянет, заслонка брякнет. Значит печь открылась. После этого выходит повар и говорит: «Лапша открылась, черпак худой, наливать нечем, собирайте на новый. Как я вам, — говорит, — могу наливать лапши-то? У меня, видите, черпак-то худой, давайте денег на новый». Специально брал худой черпак.

Тут дружка деньги собирал и отдавал их поварихе. Она тогда приносит лапшу, это уже последний этап угощения. Это как процедура, есть-то никому не хотелось уже. После лапши пиршество заканчивают.

168. А лапшу тянули в ужин. Сперва закуска была, потом чай, а потом ужин, это уже часа в два ночи.

Вот идет поварушка, их две было, и жених с невестой подают ей, дарят полотенце, на котором они оба прихватывают чугуны. Потом дружка выходит, поет «Дубинушку». Потом поют песни приезжанам, гостям. Из кута им деньги дают, дружка собирал деньги. Это уж под конец.

169. Вот первый стол собирали, закуски, и вот тогда тянули лапшу, со стола всю посуду убирали и ставили ужин. Черевник варили. Это из потрохов из бараньих с ячневой крупой, лапшу обязательно ставили, а потом чай. В деревне называли «суп — не трожь». «Сегодня, — говорят, — не трожь, а завтра, сколь хошь». И тоже раньше пели-то люди, а потом я не слыхивала. Вот эту пели малинушку старухи, а как — это уж я не знаю. Тоже на стол ставили такими вот маленькими с дырочками.

170. Потом малинушку подавали (шарики съедобные, из опары, они рассыпаются). Девушки пели:

Радость Машенька
Малинушку в саду брала,
Малешенько набрала,
Простояла с молодым молодцом,
Добрым молодцем, Александром Ивановичем.
Она стояла, речь говорила:
Хочут Ванюшу

Во солдатушки отдать,
Во приемную записать.

Потом малинушку ставят на стол. Поварушка несет пирожок: «Друженька, покушай, пожалуйста, чтобы пирожок был цел!» Он из серединки вырезает кусок, а потом края складывает. Кто умеет вести свадьбу, а кто и не умеет. Свадьба и так проходит... Женишок пойдет танцевать, платочком носовым девушку подхватывал, чтобы платье не замарать.

171. Потом выносят малинушку. Это из теста катали маленькие шарички. И их в малиновый, ягодный рассол клали и пекли. Несут тарелку и поют песню:

Радость Валенька
Малинушку в саду брала,
Ни с кем, ни с кем не сто́яла,
Только стояла с милым дружкой,
Речь гово́рила:
— Ох ты, милый мой, возлюбленный
Валя-дружок...

Все пели, подпевали...

172. После красного-то стола все пели:

Погостите, гости приезжие,
Как у нашей у хозяйюшки,
Надежды Ляксандровны,
Не припить вам пива пьяного,
Не приесть вам яства сахарного.

ВТОРОЙ ДЕНЬ СВАДЬБЫ ДРЯНЕНИЕ

173. Утром... пойдут к месту, где они спят и бьют большую глиняную корчагу⁴². Это то, что невеста уже... [не девушка. — *Сост.*].

А потом садятся за стол, попьют и начинают избу сорить. Сено, солому, что что можно. Деньги кидают. И заставляют невесту подметать, как она будет подметать и деньги брать.

174. На второй день снова собираются. Сначала гости будят молодых с плясками. Только они выходят из спальни — перед ними бьют горшок с трухой и с мелочью. Невеста и жених должны собрать и подмести. Когда они собирают мелочь, все пляшут, им мешают.

Еще когда закуску ставят на стол, то не дают вилки. Гости требуют вилки. А кто-то из родни, всё равно кто, кого назначут, продает вилки, каждому гостю. Это для молодых собирают.

Еще стараются украсть невесту. Ее, если схватят, уносят куда, хоть в баню, во двор. И у жениха требуют выкуп — выпивку. Потом невесту возвращают. А свидетели должны сторожить, чтоб не украли.

Еще перед свадьбой заранее выбирают кряж, чтоб нельзя расколоть было, да еще монеты вбивают в этот кряж. А жених должен расколоть кряж и монеты все вынуть. Это обычно после, как горшок разобьют. Когда бьют горшок и кряж

⁴² «В чем раньше пиво ставили» (*Прим. исп.*).

колют — это называется у нас *дрянение*. Это когда молодых будят, на голодный желудок.

Или еще туфлю у невесты стараются украсть и тоже выкуп требуют.

Раньше на второй день лапшу тянули. Тут всякую похабщину пели, чтоб молодые привыкали к семейной жизни. Раньше из кута женщины пели, красиво очень. Сейчас просто смотрят, а их угощают.

175. Невесте красивую елочку выносили, а на второй день свадьбы носят елочку парню. Да это только для шуток. Сухую елку тряпками нарядят и несут с приговором:

Хозяин с хозяйшкой,
Александр Иванович
С Катериной Ивановной,
Позвольте повыйти, повыступить,
Из вашей каморочки,
Из тесовой переборочки,
От печи кирпичной,
От столба горемычного;
Дверечки отворяются,
Свечечки зажигаются.
Бело личико горит,
Лизавета говорит:
А что в кути за народ,
Все разинули рот?
Или меня не видали,
Или речей моих не слышали?
Так вот послушайте:
Начинается, сказывается,
Зарубается, скаловается,
Родится, плодится
Человек от человека,
Поросенок от поросенка.
У богатого мужика
Была хворая свинья.
Три года не сходила со двора.
И задумала она на улочку погулять,
С ребятишками поиграть.
Вышла на улицу,
Ребятишек на улице нет.
Пошла свинья в поле, в овес,
Хватала с овса одни дырки.
У свиньи были зубы редки,
Хватала с овса одни ветки.
В полосе-то была межа,
За межей лежал волк —
Толк ее в бок,
Свинья упала,
Тяжело вздохнула,
На небо взглянула,
Всех родных помянула:

Сидора и Карпа,
Сидорова парня,
Трех Матрён,
Лукию с Петром
И нас с вами всех вообще.
Потом она встала,
Подумала, подумала,
Куда пойти?
Кругом поглядела:
Вправо стоит Бураково,
А влево Микола.
Подумала свинья, куда ей идти,
И пошла она в церковь помолиться.
Пришла она в церкву,
В церкви всё не по-нашему:
Паникадила репные,
Свечи морковные,
Иконы прянишные;
Заглянула она в елтарь:
В елтаре стоял плешивый поп Ефрем.
У попа Ефрема была жена Арина,
Для причастья горький хрен варила,
Да попу плешь обварила.
Не откуда взялася муха,
Схватила попа за волоса
И утащила под небеса.
Он с неба-то упал
И в омут попал.
И там не пропал —
Три года одну грядку копал.

176. Второй день собирают гулять у жениха. Гости сами приходили, знали когда. На второй день и ряженки были. Цыганами наряжались, нищими, чудами какими-нибудь, а то невестой и женихом. А животными не рядились.

177. На другой день свои опять гуляют. Наряжонки наряются. Пастух с ба-рабанкой, доярки идут, говорят, что пропала телушка. Идем искать телушку. И милиционер тут, и председатель колхоза. Пастух плачет, что телушка потерялась. Милиционер с председателем колхоза составляют акт на жениха <...>. Потом найдут телушку, гармошка заиграет, тут чудят уж. Потом снова в доме гуляют.

Ввозят саночки, салазки в избу и невесту крадут. Увезут ее, запрут в баню и требуют выкуп с жениха. Жениха отведут куда-нибудь в танце, а невесту уведут. Тут уж молодежь это делает.

Еще, когда подвыпьют, разобьют горшок об пол, деньги кидают, а невеста метет. Это всё на второй день.

178. [Первый] день заканчивается, молодых провожают спать, все гости порасходятся, кто как может, а утром идут горшки бить да молодых будить. Там это уж набивают всякой соломой, кто чего, корчажку возьмут — и в дверь им бухают, будят. Разобьют — потом это невеста должна всё убрать чисто да [показать,] какая

она хозяйственная. Тут и наговаривают еще чего-то, и песни поют, но тут уж идет похабщина, там они всё тут... Ну, вот невеста с женихом приходят — ну, они уж муж и жена считаются — им можно уже всё валить, они уж и спали вроде как.

У нас, если жених с невестой проспят долго, за столом занимают их место другие, подсадные уже. И кто прозевает — пусть тоже откупает свое место, свидетели там за них откуп дают. Но это когда, как и где. Тут у нас жених сидел, невесту мы ему живо нарядили... Люда Воронцова выходила. Брюзжала, брюзжала — ничего не дала, Кольку своего прогнала, брата (он сел за невесту), и уселась. А он сидит с фатой, такой интересный. Не подчинилась нашему обряду. А мы говорим: «Невеста должна молчать и слушать, за нее должны другие работать».

У нас вот ходят ищут телушку или быка. Наряжается пастух — с барабанкой, барабанку вот нынче мы делали даже на ходу, быстренько: давно не было свадеб-то. Можно и милиционера нарядить, порядок наводить там. И идет пастух с пастушкой, ревут: они прогуляли свою телушку-то, увели у них. И вот ревут и идут оне со своим участковым, с барабанкой, барабанят по всей деревне. Идут искать телушку. Эти в рев... Ну, как обычно, у нас пастухом наряжается всегда женщина, а пастушкой — мужчина. Подвешивают все причиндалы, прикрывают фартуком — мочалку навешивают, фартуком прикроют, чтобы сразу-то не видно всё это хозяйство. Пастух — это женщина переодетая, у ее морковка и две луковицы большущие, самые здоровые выбираем, можно колокольчик под низ, там у нас приделывают еще эту, спрынцовку: еще прыщут, если они не больно соглашаются, этот колхоз, отдавать телушку. Там чего только ни выделывают, там смеху до упаду, пока это вытребуют выкуп, чтобы заплатить за телушку. А колокольчик — чтобы обратили внимание, он побрякивает идет. А морковку на веревочку, луковицы привяжут, морковку просверливают, морковка дрыгается... А пастушка — мужчина, переодет в женщину. Ну, женщина должна быть женщиной: пузо приделывают, груди, а потом под низ мочалку, чтобы самая лохматая, нехорошая такая, размочаленная — с такой мочалкой и прогуляли они, в общем, всё на свете. У него трусы женские одеты, и прямо на трусах [мочалка] пришивается, чтобы не терял (могут и оторвать, там придет — и рвут). Трусы — панталоны длинные одеваются, и ноги у него голые, на ногах лапти одевают. Мол, колхоз «Рванный лапоть» у них. А сверху юбку, широкая у нас юбка, ее и одеваем ему, и фартук, как уж пастушка. А сверху — что порваннее да почуднее одеваем, лифчик повесим, а в него тряпки какие-нибудь, или вату, или паклю — что под руку попадет. Чем интересней, тем лучше. А на голову — мужчине[-пастушке] платок, а женщине[-пастуху] треух.

Идут, барабанят. И ревут, и воют, и барабанят. Приходят они, милиционер кричит: «Что тут за беспорядок и что тут за сбор народу? Что за колхоз, давайте, кто председатель», — начинает. Это надо уже дружку, чтобы он вышел. Дружка выходит и говорит: «Что вам надо? У нас тут идет гулянье, что вы тут пришли нам мешаться, вы не из нашего колхоза. У нас вот такой колхоз, а вы откуда?» — «А у нас дело, — участковый говорит. — Я при исполнении, давай мне всё докладывай, по какому поводу гулянье. Вот поступило заявление, что пропала телушка, и подозрение, что ваш Буян увел. У вас бык есть здоровый, Буян с большим м..ям, примета очень такая приметливая». Вот он всё обсказывает. А тот поддерживает игру и говорит: «Какую телушку, приметы говорите, главное, нам нужны приметы». Милиционер говорит: «Мы будем сначала про хохол составлять». Вот начинают писать «про хохол» — от такого числа там... «Приметы очень, — говорит, — приметливые: телушка хорошая, породистая такая она у нас, мы на нее все виды имели, молока должно быть много, и така стельность хорошая у нее должна быть, всё. Ну, а приметы, какие приметы? Известные: во лбу звезда и внизу п...а, вот тебе приметы».

А они ревут, а потом уж начинает чихать этот пастух с барабанкой, а она задирает подол и вытирает ему нос. Она ему нос вытирает, все хохочут, а он: «Опчху!» И у него, у пастуха-то, это подымается всё, а она, пастушка, подымает подол и ему нос-то вытирает, этой своей мочалкой и трясет. Задирает [подол], вот так и показывает. А кто спрашивает: «Чего вы тут развесили? У нас таких и нет». — «Да у вас вообще ничего нету, вы только воруете да прячете, а у нас всё на виду, мы ничем не загордимся, не зазаримся. Всё показано у нас, всё на виду. А вы что свое поупрятали, не знаем, какое у вас хозяйство». — «А у нас хорошее хозяйство!» Всё так и разговор за разговор, шутейно так заходит, только для смеху тут намелешь цельный короб. Если они зацепят, так и мы не удаем.

И начинают сначала Буяна выявлять. Кусок хлеба достают и к каждому мужику подходят: какой на нюх падкий или что. А жених должен прятаться, не должен выдавать себя. Всё ходят: «Вот!» — говорят. «Нет, не я!» Все бегают тут, не знают, куда деваться. Дружка говорит: «Погодите, пишите про хохол». Потом найдут все-таки этого Буяна, выведут: «Вот покажи, если сойдутся приметы? А то давай, откупайся. Мы поняли, что ты увел нашу телушку, только ты». И он: «Ради Бога, отдайте, что просят». Это им выкуп — он не отдает свою невесту-то, жену теперь уже. «А телушка, — говорят, — у вас она еще и лучше стала, вы ей, видно, витамины хорошие давали». — «Ей — витамин “це”, чтобы не было морщин на лице, а ему — витамин “ю”, чтобы не было морщин на х.ю». Вот такие витамины всё, хорошие. Или «витамин “е”, чтобы не было морщин на п...е». В общем, оставляют телушку эту им, и тут начинается целый каскад частушек, напеваем и друженьке всяких похабных, и сватам, и свахе, и теще, и жениху еще того больше. Пока не упляшутся.

Рукава, рукава,
Рукава на ватке,
Сегодня милка поспала
С милым на кровати.

Ох, сват, ты мой сват,
Да не хватай ее за зад,
А хватай ты за перёд,
Поскорее заберет.

Поднапьюся, пойду к теще
Под окошечко плясать.
Посмотри-ка, теща-б...ь,
Да как на...ывает зять.

Там если поешь кому-то, напеваешь ему:

Как у вашего-то колодца
Три п...ы стали бороться,
П...а п...е п...анула,
Та и ноги протянула.

А он:

А у вашего колодца
Два х...я стали бороться,
Один х...й другому х...ю
Х...м по х...ю х...як!

Вот такие. Сейчас и не вспомнить — там-то идет и идет, ты их видишь, и всё как-то по порядку идет. Но это только на второй день свадьбы, тут уже всё

можно. После этого или сажают за стол всех, или откупаются бутылкой и отправляют.

Ну, еще на второй-то день свадьбы там и деньги сорят, вот невеста подметает, и налепляют [деньги повыше. — *Сост.*], там достают. Потом пият вот плаху вместе они, потом у нас обычно в кряж заколачивают монеты — жених должен достать их. Воруют невесту: уташат, вот должен жених откупать. Уташат и запрут, а он ищет, бегаёт со своими друзьями и свидетелем. Он должен не зевать!

179. На второй день-то, если у жениха гуляли, быка пошла искать — жених-то пропал. А если у невесты гуляешь — значит ищешь телушку. Идешь — с барабанкой одна идет, другая идет доярка, с подойницей; ну вот, идешь, нашла, идет председатель, пастуха арестовывают и пишут протокол. Потом приходят на свадьбу. Говорят: «Ну вот, дорогие товарищи. У нас пропал бычок. А у вас телушка вчера была одна. Так составляем протокол». А они еще для смеху говорили «прохохол». «Передаем дело в суд. Давайте выкуп». А те: «Давайте, давайте, мы видели. Вот сейчас мы узнаем». Вот ходишь, берешь кусок хлеба, солью посыпешь и ходишь к ребятам. И вот все подаешь, подаешь им, понюхивать, дескать. Всех обойдешь, потом идешь к молодому. Уж он откусит кусок-то. Всё, нашелся бычок. Ну и все пошли плясать. Ставят пару бутылок водки, да и по рюмочке угостят.

И телушку тоже так же — куском хлеба искали. Кричишь ее: «Доченька, доченька!» Ко всем девчонкам подходишь — все фыркают. Потом подведут к молодой, молодая-то всё — откусывает.

На второй-то день вообще интереснее, чем в первый. Иногда сажей намажешься или покрасишься краской; иной раз маску сделают — тряпкой. Вот так вырезают — глаза и нос — и всё. А в другой раз пошла я на свадьбу и сделала шаргунцы. Я пляшу, а они звенят. А все стали быка звать: «Ва-а-асенька! Ва-а-асенька!»

180. На второй день родители невесты едут с красным сундуком. Там платья хорошие разные, привезут, поставят.

Испытания всякие устраивали: мусору накидают, заставляют убирать. Потом тоже пируют. А уж на третий день не пировали, всё несли отдавать, что у кого брали, столы разносили.

ТОЗЬМИНЫ

181. Через несколько дней после свадьбы ездили к родителям на тозьмины, там две ночи ночевали. Всё разное угощение готовили, блины.

182. Потом к невесте едут на тозьмины. В пятницу, положим, свадьба, в субботу — у жениха пируют и ночуют у жениха, а в воскресенье едут на тозьмины. Родители невесты закуску всякую готовят: холодец, мясо, яишницу. Яишницу с молоком в разливушках⁴³ делают.

183. Обычно свадьбы были в мясоеде. Со вторника начинают ездить (уже на Маслену). Молодые же к родителям ездят. Попьют, выходят на гору, катались на качелях, качались, на лошадях катались. А когда молодые до первой весны доживут, то первое воскресенье после Христова дня у нас называли *Клюконишно*. Ходили окликать молодых, мы, подростки, соберемся, подбежим к окошку и кричим.

⁴³ Миски.

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД

1. Вначале покойника обмывают. Кладут его на пол, и старушки обтирают его тряпочкой. Потом покойника одевают и кладут на лавку. А кастрюлю, тряпочку, мыло, которыми обмывали покойника, прячут в такое место, где никто не найдет. Например, в овраг глубокий бросают. Потом покойника кладут в гроб. На дно гроба кладут стружку, а под голову шьют подушку жесткую, которую набивают или стружками, или веником. В гроб обычно покойника кладут не родные, родным этого делать нельзя. Сразу наглухо крышкой не закрывают покойника. Крышку ставят рядом. В доме покойник ночует две ночи. Сейчас над ним уже ничего не читают, а раньше читали молитвы... Читали верующие и те, кто знал Псалтырь.

Могилу готовят обычно за день до похорон. Выносят ногами в дверь. А в могилу кладут ногами на восток, чтоб лицо было к солнцу. Могилу вырывают глубиной метра два.

Как только покойника выносят, его сразу ставят около крыльца на табуретке. С покойником прощаются. Второй раз с ним прощаются уже на могиле. После того как с покойником прощаются, его целовали: кто в лоб, кто в щеку. На лоб покойнику клали венчик и целовали в венчик. Раньше покойника опускали в яму на веревках. Теперь, когда стали лучше жить, стали опускать на полотенцах. А те полотенца, на которых опускали, потом отдавали копальщикам.

Плачут. А раньше выли. Я сама выла. Вот, например, когда мама моя умерла, я так выла:

Мамочка ты моя дорогая,
На кого ты нас оставила?
Куды мы теперь придем, тебя нету?
Духонька ты наша мамочка,
Милая ты моя мамочка,
Снися ты мне хоть во сне почаще.
Я буду тебя во сне видеть и радоваться буду.
Ой! Моя духонька, до свидания!
Говори папеньке «привет» ты там,
Да и сестрице старшей от нас.
Живем хорошо,
Только вот вас нету,
Духи вы мои родные...

Потом поминали. Ставили кутью: отваривали рис и сдабривали изюмом. И всем по ложечке обязательно давали. Кто съест, кто не съест — как хотите. Но взять из этой посуды всё равно надо. Кроме кутьи были еще кисели, холодец, винегрет, пироги. Но кутью-то только потом стали подавать, а вначале ее на поминальный стол не ставили. Обязательно ставили овсяный кисель. Делали просто обед, у кого что есть. Варили щи, кашу. Пили вино, водку... На могилу ставили стопочку вина и кусочек пирога.

Ставили на тябло под иконы. (Тябло — полочка, где стоят иконы...)

Сначала за стол садились взрослые, а потом уж только ребяташки. Всем по ложке дадут, чтобы поминали. Ложек покупали много. Кто ложкой ест, забирает ее домой. В доме этой ложкой пользовались и всегда поминали покойника, когда ей пользовались.

Покойного поминали на девятый день, на двадцатый, на сороковой. Покойник ходит домой сорок дней. На углу дома вешают белую тряпочку, и покойник приходит утираться этой тряпочкой. На сороковой день эту тряпочку снимают. Кто

пускает ее по воде, кто закапывает тряпочку в могилу. До сорокового дня душа человека летает возле дома, ходит, стучит в дом. Выйдут — никого нет.

2. Когда у нас умирают родственники, делают как обычно гроб, могилу копают, дома припасаются... На похороны... Раньше было у нас очень зачатно. Умирали если в сенокос, во жниву, то некогда. Просто понесут. Сейчас много провожающих. А у нас сами и гроб делали, сами и могилу копали, только пойдешь к соседу: «Пособите гроб вынести на телегу».

Окна завешивали, а то его может надуть: хоть ребенка, хоть взрослого закрывали. Тишина... Горевали, что ребенок. У меня шесть девушек померло, потом два мальчика. Мальчик семи годков у меня умер, а уж батя больно любил его. И жалели его больно...

Обмывали человека, такая посудинка больно неважная, вымоешь, гребешком расчешешь и расстилаешь соломку на полу. На сололке его и обмываешь, нарядишь, кладешь под окно, под образа. И потом всё это, в чем делаешь: соломка, посудинка, тряпочка, — уносишь за воротца в поле. Тут уж такой склад, как все, вся деревня. Это оставляешь...

Прощаться — иконка у него, крестик, у священника взяли — *проходная*⁴⁴, ее на головку...

Как у вас из дома усопшего выносят, приходит хоть соседка. И после усопшего сразу пол моют. Моет она не дресвой, а просто так...

Провожаешь своего ребенка, ничего не замечаешь, плачешь, расстраиваешься. Люди выносят, сама мать не может. Были:

На что ты, мой милый, рассердился,
На что ты разжаловался,
Зачем ты от меня так отходишь,
Зачем ты меня оставляешь...

Его везем в церковь, привезем, священнику докладываем, что усопшего привезли. Священник открывает церковь, мы становим его в церкви. Могилу выкопаем, докладываем, что мы готовы. Священник приходит, отпевает. Родственники, конечно, плачут, жалеют... Принесут гробик когда, станут спускать и земельки кидают. Для чего, это уж я не знаю.

А вот поминают — кутью варят из рису. Изюма кладут, посластят. Вот приходят, его опустят когда, и поминают с ложечки, каждому кладут поминать на кладбище. Долго собирались и тоже готовили закуски. И была такая мода: ежели ложки роздали, то с собой домой уносят. Как на поминовение... Берешь хлебать: «Царствие небесное такого-то». Поминают наперво девятый день, двадцатый, и сороковой... Потом годовщину. Ходят на могилку.

Вот она приходит, ложится и воет по-мертвечи:

Я приложила сырой земле:
Рассыпился, сыра земля,
Расколился, гробова доска,
Ты восстань, восстань, мой милый друг,
Ото сна-то от крепкого,
От тяжести тяжелого...

3. На поминки приходили — покойник лежал обычно так в переднем углу к иконе на столе у нас. И доски клали, и покойника. Гроб стоял рядом на скамейке.

⁴⁴ Более распространенные варианты именования в народе этих молитв — *венчик* (на лоб) и *подорожная* (в руки усопшего) (*Прим. сост.*).

Когда уж выносить, перед выносом его и в гроб клали. В давнишнее время так было. А теперь уж сразу в гроб кладут покойника. Трое суток обязательно покойник лежит, в доме ночь ночевал. Плакали, причитали. Каждый по-своему причитает. Какой покойник, такое и причитание, для ребенка особое причитание, для взрослого — особое. Жена причитает мужа, мать причитает сына, али дочка матери. Причитают всяко, особенного такого не было. И сейчас у нас вот... у молодых кто [умрет. — *Сост.*], дак на руках носили, а то на лошадях возили. Кладбище далеко было.

Когда покойник в доме, дом пустым не оставляют никогда. Да ведь и теперь не оставляют. Покойника одного нельзя. А как из дома понесут — всегда полы мыли. И тогда и сейчас. К порогу мы обычно моем, а после покойника — от порога. Это уж такой обычай.

Если покойник лежит на столе, и если кто-то думает, что будет бояться, тот должен перевернуть этот стол. На столе ли, на досках лежит, где одежки лежат — это надо перевернуть. А кто не боится... Я вот, например, не боюсь никаких покойников. За ноги держат покойника, чтобы не бояться, когда лежит в доме покойник. <...> Когда опустят в землю, то каждый должен бросить горсточку земли и сказать: «Пусть тебе земля будет пухом».

И что у покойника есть: вот моют которым мылом, чешут какой расческой или гребешком — всё должны положить в гроб. Это обязательно, чтобы всё было с ним... Моют покойника на полу, никакой посуды не надо. А уж чем там моют — потом сжигали.

Поминания — у каждого свой обычай. Обязательно поминали: каждый должен кутьи ложечку съесть, кутьей поминали. Овсяным киселем. И молитвы читали на овсяный кисель. И вот кто знает молитвы, встанут да на овсяный кисель прочитают молитву, за упокой.

Вот мы жили в детстве у матери, там овсяный кисель обязательно варят. А вот в Саратове я была, там этого нет. Там на помин и щи варят, и лапшу варят, и кашу. Это горячее, чтобы по две ложечки уж каждый скушал обязательно. И закуски ставят. У нас блины не пекли. А как человек умрет, да сорок дней — поминают. Да и на девятый и на двенадцатый. Потом уж година. Кто поминает, а кто не поминает, это уж как почитают.

4. Когда умирает, то стекла завешивают. Окна все завесят, чтоб света не было. Зеркала тоже завешивают. Читают Псалтирь, Евангелие читают. А как увезут покойника из дома хоронить, то соседку просят побыть. Она останется. Пол везде вымоют, всё вытрут.

Потом уже поминание.

Первое поминание — в тот же день. Кисель овсяный варили с молоком или с суслом. Кутью готовят. Рис варят, но не солят. Положат ягодок, изюм сухой ложат. Потом каждому в чашечку положат. У некоторых блины делали.

Второе поминание — девять дней. Все соберутся, уже водочки выпьют. Кисель, кашу, лапшу едят.

Третье поминание — Сорокауст. На Сорокауст в церкву идут служить, стоять службу.

5. Причитают по мужу:

Ой, да уж ты, милый мой муж,
Ой, ой, да на кого ты меня оставил-то,
Ой, ой, да дорогой ты мой,

Ой, ой, да что-то рано ты от меня ушел,
Ой, что же ты...
Ой, да...
Ой, ой, да что мне делать теперь,
Ой, ой, да как же быть-то мне...
Ой, ой, да что наделал ты,
Ой, ой, да дорогой ты мой,
Ой, ой, да научи-ка ты меня,
Ой, ой, да как мне жить-то без тебя,
Ой, ой, да что ты, милый ты мой,
Ой, ой, да на кого ты оставил-то,
Ой, ой, да своих милых-то деточек,
Ой, ой, да что ты сделал над собой,
Ой, ой, да ты приди-ка ты всё домой,
Ой, да мой родимый ты муж...

6. Прощаются, если уж больно тоскуют, бывает. На зарю три раза выходят, прощаются:

Я тебя не жалею, ты меня не жалеи.

На улицу на зарю до солнышка или на закате. Три раза так говорить, и он перестанет. А то, бывает, всё думается, снится.

Раздел II

ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, МОЛИТВЫ И МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

Успенская церковь. Вид с ул. Быкова, г. Чухлома. Фото Е. А. Майоровой

Богатство чухломского обрядового фольклора выражается, прежде всего, в присутствии большого числа песен ритуального и заклинательного характера, приуроченных к зимним и весенним праздникам, а также в многообразии форм девичьих гаданий. Заговоры, напротив, представлены мало; в магических ритуалах, совершаемых в рамках обряда или по случаю, доминирует действие, а не слово.

Предлагаемая вниманию читателей скромная подборка текстов явилась результатом определенных поисков. В памяти собирателей остался поход к «бабушке», о которой многие местные жители говорили как о знающей. Увы, ее дом, обросший со всех сторон высокой травой, оказался пуст. Сколько было таких разочарований!

В большинстве своем наши собеседники обращались к заговорам редко. Серьезные проблемы со здоровьем или в хозяйстве побуждали их искать специалиста — *«пошла я, как родился у меня сын, к колдунье»*. Кто помоложе, признавались в недостаточном любопытстве к этой теме — *«а вот чего мама говорила, и она мне не сказала, и я ее не спросила»*.

И всё же среди исполнителей, с которыми нам довелось побеседовать о заговорах и их практическом применении, были те, кто не просто знал, как поправить дело с помощью бытовой магии (слов, действий), а также лечебных трав, но и мог помочь другим. Так, А. А. Затбинова, чей репертуар отличался некоторым разнообразием, поделилась заговорами от детской бессонницы, грыжи и зубной боли, а также научила, что делать и говорить, чтобы корова всегда возвращалась домой и не лягалась во время дойки. Кроме того, ей был известен краткий вариант «Сна Богородицы», который она рекомендовала читать на сон (сюжет заговора подсказывал время и обстоятельства его исполнения), чтобы оберечь себя от всякого зла. Антонину Александровну удалось спровоцировать и на исполнение магического обряда. Единственный любовный заговор, представленный в этой главе фрагментарно, был записан именно во время этого показа. Знахарка нашептала заговор на кусочек мыла, стоя перед иконами. Отдавая мыло, она рекомендовала умываться им, дабы присушка сработала.

Заговоры воспринимаются чухломичами как знание, доступное немногим. Однако в материалах, записанных экспедицией летом 1993 г., преобладают многочисленные словесные формулы и действия, бытующие открыто на уровне практических навыков хорошей хозяйки и заботливой матери. Что делать, чтобы корова держалась дома, не лягалась, не теряла жвачку? Как вывести тараканов? Как правильно переезжать в новый дом? Как оберечь свой дом от пожара? Как избавить младенца от бессонницы и от грыжи? Как помочь надорвавшемуся во время тяжелой работы взрослому? Как избавиться от надоедливых ячменей? По каждому такому поводу не находишься к «бабушкам». Умение управляться со скотом, лечить простейшие недуги у людей и домашних животных — дело необходимое и полезное, а потому тайны из него никто не делает. Мать обязательно научит этому свою дочь, когда та заживет своим домом.

Среди словесных формул, к которым прибегают в случае необходимости, есть и архаичные заклятия (*«Изыди, нечистый, и изведи свой род / Во имя тайных имен Отца*

несказанных»), и ритуальные псевдиалоги («— *Что делаешь? — Огонь пою. — Горажде поли...*»; «— *Марья! У тебя корова-то дома? — Дома! — И у меня дома!*»), и параллелизмы («*Как камень лежит на земле плотно, так бы раба Божья Буренушка стояла на земле плотно...*»). Некоторые виды лечения основаны на ритуальном обмене, как в случае с избавлением от детской бессонницы, когда обмен может присутствовать на уровне слова («...дай мне сонницу, возьми бессонницу») и на уровне действия (изготовление из лучинок прялочки или топорика для персонифицированной бессонницы, чтобы ей было чем себя занять ночью, пока ребенок спит). Кстати, и приговорки на выпавший молочный зуб («*Мышка, мышка...*»), которым обучали детишек и которые, на первый взгляд, представляют собой нечто среднее между серьезным заговором и игровой потешкой, также основаны на ритуальном обмене.

Особое место в материалах лета 1993 и зимы 1994 года занимают молитвы-обереги, которые защищают от всякого зла. Их читают, «*когда трудно бывает*», но чаще всего они являются благословением человека в путь и на сон. Именно в зависимости от предназначенности подобных молитв широко распространенный в них мотив «*святые на страже*» может получать или пространственное («*Бог по дороге, / Христос по пути...*») или временное («...*Божья Матерь, Матушка, / Спаси меня до полуночи, / Ангел господний до свету, / А Иисус Христос до веку*») развертывание.

В заключение хочется выразить надежду, что эта небольшая глава позволит читателям восполнить впечатление, сложившееся при первом знакомстве с обрядовым фольклором чухломичей, и понять, какое место в их быту занимали заговоры, обереги, молитвы и магические действия.

ЛЮБОВНЫЕ ЗАГОВОРЫ

1. (Владимир) рабы бы Божьей (Анны)... Казалась белее белого дня, яснее ясно-го месяца. Раб бы Божий (Владимир) не запивал, не заедал ни ночным, ни полуночным, рабу Божью (Анну) на душе держал.

Пых твой (Анна), а тоска раба Божия (Владимира).

ЛЕЧЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ И СРЕДСТВА НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ

ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ ДЕТЕЙ

2. Чтобы ребенок спал

К ночи ребенка всегда умой чистой водичкой, перекрести и клади спать. Как станешь умывать, скажи:

— Вода ты, водица, дай мне сонницу, возьми бессонницу (3 раза).

Но можно и без приговора. И не вытирай, а выплесни через левое плечо.

3. Детей, которые не спят, умываешь со святой водицей:

— Сónница, сónница, дай мне сонницу, заberi от меня бессонницу.

Опустят три уголька или вилочку, уголек, ножик, ложку и умоют. Спрыснешь этой водичкой, и он спит. А что останется, выплеснешь по ветру:

— Куда ветер, туда и уроки.

Это хоть один, хоть три раза говори.

4. Вот у меня последний сыночек Алексей. До того ведь он ревел — пять с половиной месяцев. Не затыкал рта, ревел днем и ночью. Не знала, куда деваться. Приехала мамонька тогда ко мне, Толя пришел из школы.

— Сделай, Толя, прялочку. Из лучинки. Ой, нет. Топорик.

Сделал Толя. Стала она спать ложить Алешу, к ногам, к ступням его она сделала этот топорик, запеленала; уснул Алеша. Часа три-четыре спал. Потом мама распеленала, в ноги положила (топорик) под матрас. Спал и всё.

Троим не делала ничего, а четвертому привешивала зыбку.

А вот чего мама говорила, и она мне не сказала, и я ее не спросила.

А потом Маша у Толи-то не спала, дак он прялку-то сделал. Мама сказала, девочкам, дак надо прялку делать, а мальчику топорик, чтобы не ревел. Мальчик будет работать топором, а девочка прядет на прялке.

5. От грыжи

Пупчик заговаривают или хоть шульню (яички). Платком закрывают, наложат и говорят:

— Грыжа ты, грыжа, не ты меня грызи, а я тебя грызу. А ты пойдй в чисто поле, там серый камень. Седь на него и грызи его.

Три раза переговорить и все... Взрослым-то уже не поможешь, а то дети, у них-то только начинается грыжа.

Вот трава есть — грыжница. Невысокая, а кругом цветет беленьким, как черемуха. Прямая такая травка, а цветы кругленькие, пушистенькие. Вот на эту траву тоже наговорают и пить дают.

Раньше-то я много трав знала, а теперь всё забывать стала. Траву разное можно использовать: на какую наговаривают, а какую так пьют.

6. Пошла я, как родился у меня сын, к колдунье. А у него пупчик с кулак. Она посмотрела и говорит:

— Это не колдовство, а загрызать надо.

(В смысле не черный глаз, не дурной, когда сглазят). И показала, как загрызать. Говорит:

— Грызу, грызу грызло.

И дальше говорит. Когда у мальчишек, яички грызут. Можешь в любое время заговорить. Возьми, зубами загрызи и говори:

— Не грызи, грыжа, сама тебя загрызу.

А я сижу и сама примечаю.

7. Если пуп грызет у ребенка, то толстого белого червяка (короеда) с дров, с полена снять и на пуп сажали. Он укусит — ребенок вскрикнет и все проходит.

8. А еще свечку горячим воском капают, чтоб ребенок вздрогнул, вскрикнул, напугался.

9. На выпавший молочный зуб

Когда выпадет зубик у дитятки, брали и кидали на печку. Присказывали:

— Мышка, мышка,

Возьми простой,

Дай золотой.

10. — Мышка, мышка,

Возьми мой зуб репяной,

А дай костяной.

На печку кидали через спину, через себя.

ЗДОРОВЬЕ И БОЛЕЗНИ ВЗРОСЛЫХ

11. Это от всех болезней

Огонь присыпали, если что заболит. Я помню, мама наша делала. В чашке глиняной трясет, огонь трясла:

— Что делаешь?

— Огонь полю.

— Горажде поли.

— Вот что и делаю, чтобы не было.

Так над больным местом огоньком делали.

12. А еще говорят — с пупа сорвалась.

А врачи говорят — опущение желудка. У меня так было (что-то тяжелое подняла) и болело очень. Мой муж меня с кровати вниз головой стаскивал.

Так надо согнувшись и обхватив колени руками всю комнату по полу проползти. Помогает, так я там и ползла.

13. Еще пуп защищают или стаканом завертывают. (Сначала его привязывают, потом завертывают.) Оно как-то вытягивает.

14. Чтобы зубы не болели, говори:

— Спрошу ты, покойник, не болят ли зубы, не ноют ли десны?

— У покойника не болят, не ноют никогда. Так бы у раба Божия (...) никогда не болели, не ныли. Во веки во веки. Аминь.

От ячменя

15. На ячмень теплого хлебца положить надо. Погреешь мяконького да приложи. И пройдет. А потом хлеб этот брось собаке на улицу или на ветер.

16. Когда *печьячмень* токо зреет, варили яйцо круто и к глазу прикладывали.

17. Еще когда печьячмень уже есть, то дулю покажит — прорвет.

18. Когда печьячмень вылезет. Когда пироги пекут, то теплым из печки пирогом надо прикладывать, тогда скоро сорвется.

19. Печьячмень — это глаз напухает. Болит, чешется. Так на безымянный палец надо ниточку крест-накрест завязать. Обязательно, чтобы крестом было. И несколько узелков завязать. Это чтобы не допускать. Как начесывается, так завязывают.

20. И вот тоже примета. Болит у меня глаз, и я не знаю, стою. И мне врасплох плюнут... Тогда Володя, покойник мой, маму чуть не ударил, ему плюнула. И пройдет печьячмень. А почему? Тоже наверное шепчут чего, а может и само по себе проходит.

Он тогда подошел, мама печку топила. Дак он ее чуть не стукнул. «Мам, я мог бы тебя стукнуть, я как испугался!»

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЫ И МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ

21. Как корова отелится, то молоко не хлебали! Говорили, сырое. Не хлебали, покамест двенадцать дней не пройдет. Тогда корову обходили с иконой, корову и теленочка, потом уж молоко начинали хлебать.

— Говорили что-нибудь, когда обходили?

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа и ныне и присно и во веки веков. Аминь! Вот первая молитва. И просто: «Господи, спаси нас всех!»

22. Чтобы скотинка из дому не уходила, надо, чтобы в первый день, как выводить, она чтоб через веревку перешагнула.

23. Когда скотинушку пускаешь в поле, она идет, а ты ее следочки бери и во двор кидай:

Как эта назьминка держится хлевинки,

Так бы и раба Божья коровушка держалась дворянки.

Хочешь — один, а хочешь — три раза говори.

24. Сама себе кричу:

— Марья! У тебя корова-то дома?

И сама же отвечаю:

— Дома!

— И у меня дома!

Это чтоб коровы не блудились.

25. Если корова не ходит в стаде, не держится, домой всё идет, надо замком запереть. Их пригонят в поле, обойдешь ее напротив солнышка с замком. И все вокруг стада ходили, чтобы оно не расходило. А домой придешь, отопри.

26. Еще на Троицу стадо замыкали. Выводили стадо за деревню, брали замок и с им обходили стадо по кругу супротив ходу солнышку. Ходили с открытой дужкой. Вот обойдут и закроют ключом — замыкают. Замок дома вешали, а ключ прятали. Может, тоже куда-то клали, но не помню.

27. Чтобы не лягалась: когда корова отелится, нужно ей вальком¹ постучать по задним ногам.

28. Как отелится корова, так на ее копыта ее же молоком нацыркать, чтоб не лягалась.

29. Есть коровы молодые, не стоят хорошо, дрягаются, не дают доиться:

— Раба Божья Буренушка не задерживала красавушка молочко ни костяное, ни ножное, ни жильное, ни сердечное. Как камень лежит на земле плотно, так бы раба Божья Буренушка стояла на земле плотно и спускала бы молочко.

На соль наговорить и этой солью провести с лобу и до хвоста. В руке подержишь, натрешь и что останется — через левое плечо выкини на ветер.

30. Если корова жвачку потеряет, ей лычко передернут сквозь рот-то, и она снова будет жевать.

31. Когда корова потеряет жвачку, то делали липовое лычко. Из которых лапти плетут, его связывали, кипяточком ошпаривали, подсаливали и давали. Будет жевать.

32. Если жвачку потеряет, то дать такой же масти коровке хлебца, пусть она понюхает и полижет. Потом коровке дать. А то еще к морде соломку с хлебом привязывают. Глядишь и жевать начнет. И говорят:

— Дай моей Буренушке жвачку.

33. И колдуны у нас были. Брат ходил... У него много коров было, и как только корова... То стонет... Что-то не по двору было. И учили — вычисти всё и насеи крест-накрест всякого жита на дворе на землю. Он делал — помогало. Корова нормально. А то стонет, то лежит вся мокрая.

34. Мы раз купили грыжного поросенка. Дак ходила (к старушке. — *Сост.*). Она горячей палкой ткнет — он испугается, визгнет и всё пройдет.

35. Вот как тараканов выводить, надо в полночь, в двенадцать часов, выйти на безлюдный перекресток, таракана из дому принести в коробочке и сказать:

Изыди, нечистый, и изведи свой род
Во имя тайных имен Отца несказанных.
Аминь!

И выкинуть таракана в сторону кладбища.

¹ Цилиндр, употребляемый для отжима белья, раскатывания теста.

Вот после концерта-то нашего (в Доме народного творчества в с. Судай. — *Сост.*) я как раз попробовать хотела, таракана в коробочке приготовила, а пришла домой — второй час, поздно идти уже. Уж как-нибудь теперь в другой раз.

36. Когда в первый раз в новый дом входить будешь, открой двери и говори:

Домовой, домовой,
Пойдем со мной,
Да и здесь останься.

Свекровь научила, когда мы с мужем выстроили свой дом и уехали на хутор.

37. Яичко бережется еще с Пасхи. Освященное. За иконам лежит. Если пожар, то его надо перекинуть через крышу.

ОБЕРЕЖНЫЕ МОЛИТВЫ

38. Сон Богородицы

Спать ложишься, говори:

Во граде во Иерусалиме, в церкви во соборе у истинного Христа на престоле спала и почивала сама Матушка Пресвятая Богородица. Снился ей сон страшен и очень ужасен. Приходили жида, Иисуса Христа поймали, головушку его копьем пробивали, руки-ноги гвоздям прибивали. Билася-выбивалася сама Матушка Пресвятая Богородица. Не плачь, Матушка Пресвятая Богородица. На третий день твой писанины принесите Христу очищенной прекрасной крови на причащение воды, на очищение желудка. Кто эту молитву знает, тот ее три раза в день читает, тот везде и всегда спасен бывает.

39. Сон Владычицы Пресвятой Богородицы

Я, Мати Мария,
Уснула в горах-пещерах.
Приходит к ней сам Иисус Христос
И спрашивает:
— Спишь или не спишь, Мати Мария?
— Сплю и не сплю,
Про тебя, Господа нашего
Иисуса Христа, сон вижу:
На реке Иордани,
В городе Кипарисе,
Руки и ноги прикованы,
Святая кровь проливается.
Кто эту молитву знает и не забывает,
Тот навеки спасен и сохранен
От двенадцати скорбей,
От иродовых дочерей,
От водяного потопления,
От лихого заблуждения.
Пойдешь в путь-дорогу,
Возьми сей лист с собой,
Будешь спасен и сохранен.
Аминь.

Эту молитву читали, когда куда-нибудь шли. В дорогу. Идешь, например, в лес, читаешь ее, и вроде тебе Бог поможет и ничего не случится.

40. От всякого зла:

Царь небесный,
Царь земной,
Будь всегда везде со мной.
Спаси меня
И сохрани меня,
Раба Божьего (имя, отчество),
От злых людей,
От невидных посяганий
На мою душу.
Спаси.
Аминь, аминь, аминь.

Это меня одна старушка научила в Архангельской области, я туда в командировку ездил. Я выучил и читаю, когда трудно бывает. Помогает.

41. Ангел ты мой,
Спаситель ты мой,
Сопаси мою душу,
Сокрепи мое сердце.
Враг-сатана, отступись от меня.
Есть у Христа четыре листа:
Первый лист — Екатерине-мученице,
За меня Богу молится,
За меня Бога просит.
Ложусь со крестом
И с тем же Христом.
Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

42. На сон:

Спать ложуся и молюся
Божьей Матери явлюся.
Божья Матерь, Матушка,
Спаси меня до полуночи,
Ангел господний до свету,
А Иисус Христос до веку.

Бабушка нас научила, когда маленькие были.

43. На сон грядущим:

Ангел мой,
Хранитель мой,
Спаси меня,
Сохрани меня,
Враг мой сатана,
Отойди от меня.

44. Перед дорогой надо перекреститься трижды и сказать:

Бог по дороге,
Христос по пути,
Ангел небесный,
В путь-дорогу
Меня проводи.

Раздел III

ТРАДИЦИОННЫЕ ПЕСНИ

*Народный песенно-инструментальный ансамбль «Веселинка», г. Чухлома.
Фото Е. А. Майоровой*

Народная песня — это особый подход к восприятию и осознанию действительности, это, прежде всего, искусство видеть поэзию в повседневности. Песня затрагивает все сферы жизни; все, что происходит в окружающем человека мире и в его собственной душе, может стать объектом песни. Для народного творчества нет ничего маловажного, несущественного, оно учит ценить любое, даже самое незначительное на первый взгляд, событие. Песня — это не просто зеркало, в котором до мельчайших черт отражаются мир и человек, но это и сила очищающая, преобразующая. Любое событие или переживание, ставшее темой песни, раскрывает свой тайный смысл и, даже если оно трагично, обнаруживает внутреннюю красоту.

Действительно, народная песня обладает удивительной способностью превращать в золото все, к чему она прикасается, т. е. все, что становится ее объектом.

Мир песни, как мир души, многообразен: игра, смеховое начало соседствуют здесь с напряженностью глубоких внутренних переживаний, с осмыслением основ бытия. Нет такого движения человеческого сердца, которому не нашлось бы отклика в песне. Песня сочувствует всему. Но она и воспитывает чувства: как камертон, настраивает сердце на определенный лад, часто помимо сознания укореняет в нем представление о гармонии, которое проявляется и в творчестве, и в жизни.

К сожалению, очень многое из песенного наследия утрачено, но то, что сохранилось, обладает всеми чудесными свойствами народной песни. Это видно и на примере собранного нами материала, который составляют плясовые, игровые, хороводные песни, лирические протяжные, а также баллады и духовные стихи.

Нами записаны две традиционные баллады («Дети вдовы» и «Оклеветанная жена»). Каждая из них во всей полноте отражает специфику жанра: объективное, эпически спокойное изображение сочетается с глубоко личным переживанием события. В обеих балладах главное — обличение злодейства, утверждение неизбежности высшего справедливого суда. В балладе «Оклеветанная жена» сын констатирует вину матери, но вершить суд он не вправе и вызывает к ее совести и к Богу. В этом поступке проявляется покорность высшему, надличностному закону, упование на него. Будет ли наказана преступница или на нее снизойдет милость Божия — неизвестно, это остается за пределами баллады. А вот в балладе о вдове и ее детях Божий суд осуществляется до конца. В тот момент, когда вдова уже готова совершить тягчайший грех, в тексте появляется прямое призывание Господа, исполненное негодования и в то же время сострадания, ведь преступление, на которое решилась вдова, совершается по неведению, но неведению преступному, которое ни в коем случае не снимает ответственность. Тотчас после призывания Божьего имени совершается чудо — раскалывается земля — что подчеркивает Божественную природу и суда, и наказания за беззаконие.

На Бога надеются как на Праведного Судию, но и как на Милостивого Владыку. Он судит, Он и милует. Так, например, в духовном стихе «Последний приют» переход из этой временной жизни в Божью обитель осмысливается как возвращение

домой. Надежда на Божью милость всегда связана с Пресвятой Богородицей и ее всесильными молитвами за грешников. Кант «Мира Заступница» — яркий пример молитвенного призывания Богородицы, попытки своими словами воспеть ее и Господа. Духовный стих «Последний приют» и кант «Мира Заступница» дают представление о личных отношениях с Богом каждого человека. Из множества частных судеб складывается «судьба родного края». Не будь личных молитв всех русских людей (и немощных грешников, и великих праведников), не было бы и Божьей милости к Святой Руси, о которой так торжественно говорится в духовном стихе о патриархе Гермогене «Не погибнет Русь Святая».

Совсем иная стихия — стихия бесшабашного веселья — отразилась в плясовых и игровых песнях. Здесь главная тема — беззаботная любовная игра. Она может выражаться просто в описании привлекательного парня или красивой девушки, в передаче диалогов, где прямо или косвенно говорится о любви и браке, в образном описании отношений мужчины и женщины (две дощечки, Маша и голубь, канарейка и сокол). Особое место здесь занимает насмешка девушки над парнем, которая вовлекает его в любовную игру. За такой насмешкой, демонстрирующей власть девушки, ее независимость и непокорность, неизменно следует ласка и добровольное подчинение насмешницы.

Среди плясовых песен особое место занимает кадриль — «козуля». В сборнике представлены четыре варианта кадрили и отдельные колена в тех случаях, когда последовательность фигур восстановить не удалось. Полные кадрили — это шестиколенная федыковская кадриль, семиколенная судайская, пятиколennая кадриль, составленная по воспоминаниям жителей д. Федьково и с. Судай, и семиколенная чухломская кадриль. Самое распространенное колено — «Ах вы сени мои, сени новые». Оно по-разному распевается, текст бывает более или менее полным, но, говоря о кадрили, исполнители, как правило, в первую очередь вспоминают его.

Кадриль — это особый ритуал, со своим зачином и концом, со своими внутренними законами, которые направлены на создание игровой атмосферы. Здесь не должно быть ничего грустного и серьезного. Например, мотив любви к парню — «неровнюшке». Казалось бы, есть о чем погоревать, девушка сама понимает, что они с избранником не пара:

Полюбила я неровнюшку —
Чуть не оторвал головушку!

Но в той же песне (третье колено третьей козули) она признается: «Полюбила — не ошиблася!». В отношениях с «неровнюшкой» девушка находит радость, она считает свою любовь счастливой, хотя со стороны это может восприниматься совсем иначе. Вот еще один пример того, как кадриль превращает горе в радость: в пятом колене судайской козули («Близко саду, саду-винограду...») рассказывается об убитом гусаре, которого даже некому оплакать. Эта тема на общем фоне кадрили песен звучит неожиданно, воспринимается как что-то инородное. Но не свойственное кадрили настроение тут же изгоняется. В песне появляется девушка. Ее действия и слова — не плач по умершему, а призыв «встать, очнуться»; в них заключена такая непобедимая вера в невозможность смерти и горя, что не остается сомнений: «Маргарит убитый» сейчас очнется от смерти, как ото сна.

И в самом танце проявляется стремление хотя бы на время кадрили уйти от забот и ответственности. Во многих фигурах танцующие разбиваются на пары. Но выбор пары, хотя бы только на один танец, — дело серьезное, грозящее обнаружить истинные привязанности. Кадриль тут же нейтрализует это: девушки меняются кавалерами, кавалеры — девушками. Никто не поймет, какой кавалер — настоящий. Двусмысленность, намеки — все это поддерживает атмосферу игры.

Интересно отметить две плясовые: «Акулина от обедни шла...» (исполнитель В. Н. Дружинин называл ее «масленичной») и «Раз жила-была Чичулиха у нас...» Их сюжет — это набор веселых бессмыслиц, которые вызывают смех и удивление своей явной, заведомой неправдоподобностью. Главное — жизнерадостность и веселье, пусть даже и без причины. Игровые, плясовые и хороводные песни всеми средствами воспевают и прославляют «три вольки»:

Ашшо первая-то воля — снарядиться хорошо,
Ашшо другая-то волюшка — по игрищам ходить,
Ашшо третья-то волюшка — скакать и плясать!

Обратимся к лирическим протяжным песням. Их центральная, структурирующая тема — любовь и брак. Существенно то, что она всегда рассматривается сквозь призму светлой печали, даже когда и речи нет ни о каких разрывах или любовных драмах («Травина ты, моя травинка...», «Экое сердце...»). В центре внимания — душевное состояние девушки. Героиня протяжной песни — героиня страдающая, она даже не помышляет об изменении внешних обстоятельств. Она покоряется судьбе и замыкается в себе, в своей душе и в песне черпает силы. Это одновременно и глубокое страдание, и подлинный покой. Разбитое, но чистое и покорное сердце взирает на мир сквозь слезы своего горя и видит в нем ту гармонию, то совершенство, которое скрыто от тех, кто не знает скорби или не хочет ее безропотно переносить. Красота мира и песни — утешение тому, кто сам себе не ищет утешения. Только открытое и плачущее сердце может так видеть природу:

Травка день растет, всю ночьку але... ох, ночь алеется,
Ночь алеется, ой, да на белой заре,
На белой заре травка голубе... ох, голубеется,
Голубеется, ой, да вдоль-то по чистому,
Вдоль по чистому полю расстила... ох, расстилается...

Но протяжные песни дают нам пример и совсем иного отношения к жизни. Есть и другая героиня — активная, своенравная («Вдоль по улице, вниз по широкой...», «Выходили милые девушки...»). Отчетливо видна простая закономерность: девушка безропотно терпит свои несчастья, когда она одна или наедине с доверительным собеседником — со своей матушкой. Когда же она обращается к подружкам, она выражает готовность идти против обычаев, чтобы освободиться от всевозможных притеснений мужа и его родных. Словом, в уединении — терпение и покорность, а «на миру и смерть красна», то есть допустимы и желанны любые сумасбродства. Здесь происходит сближение с игровыми и плясовыми песнями. Именно «на миру» появляется желание махнуть на все рукой и очертя голову броситься в порой очень рискованную игру. Например, говоря: «Своего-то я мужа тешила: да среди полюшка да повешала...», молодушка наслаждается этой шуткой на грани дозволенного, этим прямым противоречием, этим вызовом тому, что на самом деле для нее свято.

Особняком стоит одна солдатская песня. Это безнадежная жалоба оторванного от дома и семьи молодого солдата. Здесь интересно обратить внимание на соотношение общего и частного. Вот как описывается вся ситуация:

Ой, на корабле-то на том —
Два полка солдат,
Два полка-то солдат,
Молодых ребят.
Как один-то из них
Богу-то молится,
Богу молится
Да домой просится.

Ясно, что хотя молится один солдат, те же самые переживания владеют и душами всех остальных. Все принимают участие в творчестве, в создании песни. Один человек как бы вмещает в свое сердце все родственные ему сердца и выражает их сокровенную жизнь. Здесь проявляется одно из коренных свойств народной песни: говорит одновременно и об одной личности, и обо всех людях, передавать общее через частное и поднимать частное до очень высокой степени обобщенности.

В заключение хотелось бы сказать о том, что все исполнители, поделившиеся с нами своими песнями, сетовали на отсутствие живой песенной традиции, на невозможность передать «по наследству» то, что еще хранит их память. Возраст большинства исполнителей — 70—90 лет, и они воспринимают свои любимые песни как ценность, вынесенную из прошлого, которая в настоящем остается невостребованной. Но все-таки молодые люди нуждаются в народной песне не меньше, чем их бабушки и дедушки, и способность воспринимать и понимать ее, конечно, не исчезла. В Чухломском районе сейчас ведется работа по сохранению фольклорного наследия, в которой принимают участие и хореографы, и музыкальные работники. Мы надеемся, что песни, представленные в этом сборнике, помогут поддержать интерес к народному творчеству, вызовут желание найти и сохранить те сокровища народной песни, которые пока еще находятся рядом с нами.

Баллады и духовные стихи

Дети вдовы

1. Ох ты, вдовушка-вдова,
Семь лет без мужа жила,
 Ой, ой да люли, семь лет без мужа жила.
Семь-то лет без мужа жила,
Двух сыночков-то родила,
 Ой, ой да люли, двух сыночков родила.
Двух-то сыночков родила,
Во Неву — реку снесла,
 Ой, ой да люли, во Неву — реку снесла.
Во Неву-то — реку снесла,
Во кораблик — то заперла,
 Ой, ой да люли, во кораблик заперла.
— Ты кораблик, мой корабь,
Утопи моих ребят,
 Ой, ой да люли, утопи моих ребят!
На семнадцатом году
Вышла вдова по воду,
 Ой, ой да люли, вышла вдова по воду,
Размахнулась широко,
Да почерпнула глубоко,
 Ой, ой да люли, почерпнула глубоко.
Ниоткуда тут возьмись,
Да и кораблик подкатись,
 Ой, ой да люли, да кораблик подкатись.
Как из этого корабля
Вышли два молодчика,
 Ой, ой да люли, вышли два молодчика.
— Ох ты вдовушка-вдова,
Пойдем замуж за меня!
За товарища дочь отдам,
 Ой, ой да люли, за товарища дочь отдам.
Боже мой, ты Боже мой,
Ну какой же стал народ!
 Ой, ой да люли, ну какой же стал народ!
Ну какой же стал народ,
Мать детей не узнает!
 Ой, ой да люли, мать детей не узнает!
Расколися тут земля,
Провалися мать моя!

Оклеветанная жена

2. Все крапивные коренья,
Все и жгучия,
А все свекровнины сердца
Все ревнивые.
Написала сыну мать
Письмо-грамотку,
И такую ль ему грамотку,
Весть недобрую.
Вот твоя-то ль, сын, жена
За гульбой пошла,
Сына родила.
Получает молодец
Письмецо ее,
Отпросился молодец
На побывочку.
Покупает молодец
Жане подарочек,
Он такой ли ей подарок —
Саблю вострую.
Приезжает молодец
К своему дворцу.
Вот встречает молодца
Молода жена.
В одной беленькой сорочке
И без юбочки,
В одних беленьких чулочках
И без туфелек.
Вынимает молодец
Жане подарочек,
Отрубает молодец
Жане голову.
Покатилась голова
Коням под ноги.
Вот заходит молодец:
Колыбель висит.
Посмотрел он в колыбель —
Его сын лежит.
— По рожденью ты мне мать,
По разлуке ты змея,
Разлучила ты меня
С молодой женой.

«Не погибнет Русь Святая!»

3. Истомленна во страданиях,
В узах тягостного плена
Непощадно мучат ляхи
Патриарха Гермогена.

Вымогают, чтоб святитель
Грозным пастырским крещеньем
Задержал он наступленье.
Изможден святитель пыткой,
Истощали старца силой,
Но пред ним уж ангел смерти
Открывает дверь могилы.
Но душа его святая
На пороге самом рая
Все болеет и томится
О судьбе родного края.
Вдруг подвал сырой и смрадный,
Где в оковах он томился,
Преисполнен фимиамом,
Чудным светом озарился!
И предстал пред страстотерпцем
Убеленный сединами,
В черной иночьей одежде
Некий старец, ветхий днями.
Был то Сергей преподобный,
Радонежский чудотворец,
Вестник милости Господней,
Божьей правды ратоборец.
— Мир тебе, мой брат о Боге, —
Кротко молвил гость чудесный, —
Услыхал твою молитву
Сердцеведец, Царь Небесный.
Не погибнет Русь Святая,
Враг над ней не вознесется,
Сила земская восстанет,
Брат мой, веруй, Русь спасется!
Эта сила Русь во веки
Не предаст и не обманет,
И в Кремле заветном скоро
«Слава в вышних Богу!» — грянет!

Мира Заступница

4. Мира Заступница, Матерь Всепетая,
Я пред Тобою с мольбой.
Бедную грешницу, мраком одетую,
Ты благодатью прикрой!
Если постигнут меня испытания.
Скорби, утраты, враги,
В трудный час жизни, в минуту страдания,
Ты мне, молю, помоги!
В скорби ль душа унывает, бессильная,
Жизнь ли измучит борьбой,
Прямо иду я к тебе, Благодатная,
С немощной, грешной мольбой.

Можешь Ты скорбь облегчить мне несносную,
Радость духовную дать.
Скоро Ты сможешь излить живоносную,
В душу мою благодать.
О, утоли же печаль безутешную,
О, помоги же, любя,
Скоро услыши меня, многогрешную,
С верой молю я Тебя.
Радость духовную, жажду спасения
В сердце мое положи,
В Царство Небесное, в мир утешения,
Путь мне прямой укажи.
Мира Заступница, Матерь Всепетая,
Я пред тобою с мольбой.
Бедную грешницу, мраком одетую,
Ты омофором покрой.

Последний приют

5. Вырыта могила
В тихой тишине.
Не плачьте вы, родные,
Тяжко очень мне!

Крышка уж не давит,
Не теснит доска,
Скорби все уснули,
Отошла тоска.

Не ходи, прохожий,
Не топчи мой прах,
Я теперь уж дома,
А вы еще в гостях.

Хороводные, игровые, плясовые и шуточные песни

КАДРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

СБОРНАЯ КАДРИЛЬНАЯ ПЕСНЯ

6. В поле ель, в поле ель,
Начинается кадсель!
Вы вставайте, кавалеры,
Приглашайте на кадсель!
Срубим сосну, срубим ель,
Протанцуем мы кадсель,
Срубим сосну молодую,
Протанцуем и другую!

«В поле ель...» — это девушки поют, а «Срубим сосну...» — парни¹.

ФЕДЬКОВСКАЯ КОЗУЛЯ

Первое колено

7. Уж вы сени мои, да сени новые,
Сени новые, кленовые, решетчатые,
Сени новые, кленовые, решетчатые!
А по вам ли по сеням не хаживать,
По вам ли по сеням не хаживать,
Кавалера за ручку не важивать!
Хоть и важивати, не проваживати,
Хоть и важивати, не проваживати!

Второе колено

8. Мой-от милой веселешенек,
Из кабака идет пьянешенек,
Вот и лелю-лелешеньки,
Из кабака идет пьянешенек.
Руки-ноги примороженные,
Лицо бело принадуло ветерком,
Вот лелю-лелешеньки,
Лицо бело принадуло ветерком.
Лицо бело принадуло ветерком,
Приходи, милой, не рано — вечерком,

¹ Фигуры чухломской кадрили, по словам В. Н. Бахвалова, такие: 1) «Ах вы сени»; 2) «По улице молодец идет»; 3) «Как по речке, речке»; 4) «Я ко саду подойду»; 5) «Ах ты береза»; 6) полька; 7) общий круг «Вечер, вечер, вечериночка» (наигрыши всех фигур он исполнил на гармонии).

Вот лелю-лелешеньки,
Приходи, милой, не рано — вечерком!
Вечер, вечер, вечеринушка,
Без светца горит лучинушка,
Вот и лелю-лелешеньки,
Без светца горит лучинушка.
Не последняя лучинушка горит,
Не последнее словечко говорит.
Вот и лелю-лелешеньки,
Не последнее словечко говорит.

Третье колено

9. Я с горушечки спускалася,
В ручеечке умывалася,
Вот лелю-лелешеньки,
В ручеечке умывалася.
Умывалась холодной водой,
Утиралась косынкой носовой,
Вот и лелю-лелешеньки,
Да утиралась косынкой носовой.
Я с косыночки смыть не могу,
Чернобрового забыть не могу,
Вот лелю-лелешеньки,
Чернобрового забыть не могу.
Чернобровой-черноглазница,
Без тебя большая разница.

Четвертое колено

10. Кенарейка-кенареечка,
Невеличка вольна мташечка,
Сады мои, зеленые сады,
Невеличка вольна мташечка.
Много знала, много ведала,
Сине море перелетывала,
Сады мои, зеленые сады,
Сине море перелетывала,
Сине море перелетывала,
С куста на куст перепорхивала.
Сады мои, зеленые сады,
С куста на куст перепорхивала.
Еще слушала, слушала
У соловьюшка голосок,
Сады мои, зеленые сады,
Да у соловьюшка голосок,
У соловьюшка голосок,
У милых девушек писенок,
Сады мои, зеленые сады,
У милых девушек писенок.

Девка с молодым похаживала,
Ему речи поговаривала,
Сады мои, зеленые сады,
Ему речи поговаривала:
— Не женися, не женися, молодец,
Не женися, удалая голова,
Сады мои, зеленые сады,
Не женися, удалая голова!
Если женишься, покаешься,
С молодой женой намаешься,
Сады мои, зеленые сады,
С молодой женой намаешься.
— Люди женятся, не каются,
С молодым женам не маются,
Только ездят да катаются.

Пятое колено

11. Мы косили в восемь кос,
Накосили один воз,
Мы косили в восемь кос,
Накосили один воз,
Мы поставили стожок,
Кто-то осенью сожог,
Мы поставили стожок,
Кто-то осенью сожог.
Маша денег накопила,
Себе голубя купила,
Маша денег накопила,
Себе голубя купила,
Посадила на кровать,
Заставляла ворковать,
Посадила на кровать,
Заставляла ворковать.
— Что ты, голубь, не воркуешь,
Али об доме тоскуешь?
— Что ты, голубь, не воркуешь,
Али об доме тоскуешь?
Маша топнула ногой —
Полетел голубь домой,
Маша топнула ногой —
Полетел голубь домой.

Шестое колено

12. Уж вы, девушки, дайте совет,
Через полюшко любить али мне нет?
Вот лелю-лелешеньки,
Через полюшко любить али мне нет?
Через поле, через пашенку
Полюбила дружка Сашеньку,

Вот лелю-лелешеньки,
Полюбила дружка Сашеньку.
Полюбила парняка-неровняка,
Чуть не оторвал карман у шубняка.
Вот лелю-лелешеньки,
Чуть не оторвал карман у шубняка!
Полюбила я неровнюшку,
Чуть не оторвал головушку!

СУДАЙСКАЯ КОЗУЛЯ

Первое колено

13. Уж вы сени, мои сени,
Сени новенькие,
Сени новые, кленовые,
Решетчатые.
Не по вам ли я, по сенюшкам,
Не хаживала,
Я мила дружка за рученьку
Не важивала.
Пойди выди, молодая,
За новые ворота,
За новые, кленовые,
За решетчатые.

Второе колено

14. Вдоль по улице молодчик идет,
Вдоль по широкой удала голова.
Сады мои, зеленые сады,
Вдоль по широкой удала голова.
Рубашечка новая,
Подпоясочка шелковая,
Сады мои, зеленые сады,
Подпоясочка шелковая.
Рукавицы барановые,
Они новыя, не мараныя,
Сады мои, зеленые сады,
Они новыя, не мараныя!

Третье колено

15. Вербица, верба,
Золотые ветки.
Не расти верба, на полосе,
Расти, верба, на меже!
Вербу солнцем печет,
Дождем поливает,
Канарейка гнездо вьет,
А сокол развивает.

Четвертое колено

16. По-за кругу, кругу,
Кругу веселова,
Кругу веселова,
Да сада зеленова,
 Это люли, это люли,
 Это люшеньки мои!
Ходят-гуляют
Удалые молодцы.
Выходила, вызывала
Молодого молодца.
— Уж ты, барышня-девица,
Выйди замуж за меня!

Пятое колено

17. Близко саду, саду-винограду,
В саде девица гуляла,
Песню распевала,
Песню распевала,
Голосу не знала
И горюшка не знала.
Как у этой у девицы
Маргарит² убитый,
Маргарит убитый,
Платочком прикрытый.
Как у этого гусара
Нет отца и матери,
Нет отца и матери,
Некому горевати.
Девчонка подбегала,
Его целовала,
Его целовала
И платком вытирала:
— Встань, проснись, пробудись,
Молодой гусарик,
Не твои ли кони
Во лужках гуляют,
Во лужках гуляют,
Травушку щипают?

Шестое колено

18. Я с горушечки спускалася,
В ручеечке умывалася,
В ручеечке холодной водой,
Утиралася косынкой носовой.
Я с косыночки смыть не могла,
А чернобрового забыть не могла.
Чернобровой, черноглазица,
Без тебя большая разница.

² «Жених» (Прим. исп.).

Седьмое колено

19. Метелица метет,
По метелице мой милый идет.
— Ты постой, постой, красавица моя,
Дай ты наглядеться на тебя,
На твою ли не прекрасну красоту,
На твое ли белое лицо
Насмотреться не могу.

ТРЕТЬЯ КОЗУЛЯ

Первое колено

20. Я по горочке спускалася,
В ручеечке умывалася,
Умывалася холодной водой,
Утиралася косынкой носовой,
От косыночки отмыть не могу,
Чернобрового забыть не могу.
Чернобровый черноглазница,
Без тебя большая разница.

Второе колено

21. Я сегодня угорела, не могу,
Пролежала весь денечек на боку.
Голова болит, нет силушки,
О хорошем Алексеюшке,
За хорошего Алешеньку
Бранят дома помалешеньку,
Не браните ни Алешу, ни меня.
Есть Алешина косынка у меня,
Косынка — серые каемочки,
Отдала кольцо в потемочки.
Отдала, так не сияет на руке,
Видно, пропито в веселом кабаке.

Третье колено

22. На горушечке земляночку брала,
В гости милого с тальяночкой ждала.
Приходи, милый, с тальяночкой,
Напою чаем с земляночкой,
Чаем, чаем, сладкой мятою
Обложу сердечко ватою,
Одеялочком окутаю,
А сама пойду послушаю.
А из колодца воду черпала,
Уронила в воду зеркало.
Уронила — не расшиблося,
Полюбила — не ошиблася.

Полюбила паренька — неровняка,
Чуть не оторвал карман у шубняка,
Полюбила я неровнюшку,
Чуть не оторвал головушку.

Четвертое колено

23. Уж вы сени мои, сени новые,
Сени новые, кленовые, решетчатые,
[Решетчатые,] новоклетчатые.
Как по сеням по этим не хаживать,
Кавалера за ручку не важивать.

Пятое колено

24. Ты береза ли, моя береза,
Ты кудрявая моя береза.
В лесу лес трещит, смородинка вьется.
С кем я зимушку гуляла, летом не придется.
Лист с березы опадает,
Где мой милый пропадает?
В лесу лес трещит, смородинка вьется,
С кем я зимушку гуляла, летом не придется.
Лист с березы обвалился,
Где мой милый провалился?
В лесу лес трещит, смородинка вьется,
С кем я зимушку гуляла, летом не придется.

ЧУХЛОМСКАЯ КОЗУЛЯ

Первое колено

25. Ах вы, сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решетчатые!
Уж как мне-то ли по сенечкам
Не хаживати,
Кавалера за ручку
Не важивати!
Выходила молода
Да за новые ворота,
За новые, кленовые,
Решетчатые.
Выпускала сокола
Из правого рукава,
На полетике соколику
Наказывала:
— Ты лети, лети, соколик,
Высоко и далеко,
На родимую сторонушку,

Где реченька течет,
На родимую сторонушку,
Где реченька течет,
Да где реченька течет,
Где мой миленький живет!

Девушки — справа, парни — слева делают проходку навстречу друг другу до конца. В конце парни (каждый лицом к своей девушке) переходят на другую сторону, чтобы девушка опять у него была справа, идут обратно, кружатся на месте, как в вальсе, несколько раз. Дальше девушки меняют кавалеров: идут к другому, подавая парню левую руку, правая — в бок; он ее обнимает за талию (левые руки вытянуты вперед) и кружится с ней, после чего она возвращается на место и так же повторяет оборот со своим партнером.

Второе колено

26. По улице молодец идет,
По широкой удала голова.
Сады мои, зеленые сады,
Да по широкой удала голова.
На молодце синий кафтан,
Опоясочка-то шелковая.
Сады мои, зеленые сады,
Опоясочка-то шелковая.
Опоясочка-то шелковая,
Рукавицы-то барановые.
Сады мои, зеленые сады,
Рукавицы-то барановые.
Рукавицы-то барановые,
Они новые, не мараные.

Парни идут навстречу друг другу до середины. Здесь, встретившись, выбивают дробь и, возвратившись к своей девушке, кружатся с ней. Снова идут до середины, выбивают дробь и уже идут к чужой девушке, кружатся. Обратно — повторяют то же самое (т. е. до середины, дробь, обратно, кружится с чужой, до середины, дробь, идет к своей).

Третье колено

27. По реке, по речке
Плыли две дощечки,
Январь, февраль, март, апрель,
Плыли две дощечки,
Плыли они, плыли,
К берегу прибили,
Январь, февраль, март, апрель,
К берегу прибили,
Тут остановились,
Но не разлучились,
Январь, февраль, март, апрель,
Но не разлучились.

Девушки идут навстречу друг другу до середины, берутся левыми руками под руку, делают круг и, захватив правой рукой своего партнера, идут на чужое место, где и кружатся. Потом снова идут до середины под левые руки, образуют полукруг, захватывают своего партнера и ведут на свое место, где и кружатся. То же самое всё повторяют парни.

Четвертое колено

28. Я ко саду, ко саду,
Ко саду подойду,
Ай люли, подойду,
Ай люли, подойду,
Я мило́го за ручку,
За ручку подведу,
Ай люли, подведу!
Иди, иди, милый мой,
Иди, иди, милый мой,
Иди, иди, милый мой,
Иди, не стесняйся,
Иди, не стесняйся,
Живи, живи, жизнь моя,
Живи, живи, жизнь моя,
Живи, не печалься,
Живи, не печалься!
Со печали, со тоски,
Со печали, со тоски,
Выйди разгуляйся,
Выйди разгуляйся!

Одна сторона танцующих берутся сплошной шеренгой за руки, вторая — стоят просто. Первые идут до середины, при словах «ко саду подойду» делают общий притоп и возвращаются всей шеренгой обратно, потом снова идут до середины. Здесь парень становится на одно колено и свою девушку правой рукой обводит полукругом вокруг себя, она идет на свое место, а в это время другая девушка тоже идет к стоящему на колене парню и, самостоятельно обойдя его, возвращается к своему партнеру. Стоящий на колене быстро поворачивается и идет к своей девушке — все пары на своих местах кружатся. Главное, чтобы все подходы и отходы делались всеми одновременно, в этом красота рисунка танца. То же повторяют и другие танцоры, подходя общей шеренгой к «визави».

Пятое колено

29. Ах ты, береза, ты моя береза,
Ты кудрявая моя береза.
Конфетка моя,
Шоколадная³,
Полюбила я милого,
Ненаглядного⁴.

³ Вар. : леденистая.

⁴ Вар. : румянистого.

На тебе ли, белая береза,
 Вырастали мелкие листья.
 Ты моя, ты моя,
 Ты моя не будешь,
 Я уеду далеко —
 Ты меня забудешь.
 Ах ты, береза, белая береза,
 Раскудрявая моя береза!
 Суди люди, суди Бог,
 Кого я любила —
 По морозу босиком
 К милому ходила!

Первая сторона общей шеренгой берется за руки, вторая — стоят попарно: парень обнимает девушку за талию, она кладет руку поперек своей талии с таким расчетом, чтобы рука обнимающего парня легла сзади-сбоку на ее ладонь (держала ее), это надо при развороте, когда у него будут две дамы с обеих сторон. Первая шеренга подходит до середины, делает общий притоп, отступает обратно до своего места, снова идет навстречу до конца и передает свою девушку по другую сторону парня (он в середине, девушки по бокам). Оставшиеся одиночные парни (руки обе — в бок) тоже одновременно отступают до своего положенного места, т. к. вторая шеренга (парни с девушками) на них наступает до середины, потом обратно и снова вперед и резким движением разворачивают своих девушек; к ним присоединяется одиночный парень. Образуется маленький круг: движение вправо, движение влево, хлопок в ладоши сверху вниз, после чего девушка с девушкой, парень с парнем делают полукруг вправо-влево (за одну руку), хлопок, влево, снова маленький круг вправо-влево, после чего те, которые подвели девушек, проходят в «ворота», которые им делает другая пара, и все, возвратившись на свои места, кружатся.

Всё это повторяется снова, только уж наступает вторая общая шеренга, а первые попарно стоят, обняв свою девушку за талию.

Шестое колено

30. Это — полька. Песни к ней нет, но поется что-то вроде этого:

Пойдем, милый, пойдем, милый,
 Пойдем, милый, танцевать,
 Веселее нашей польки
 В целом мире не сыскать.
 Раз, два, три, четыре, пять,
 Пошли польку танцевать,
 Развеселый танец польку
 День и ночь хочу плясать.

Далее — без песни, только под гармонь. Все пары стоят в позиции боком: у девушки рука на плече у парня, вторые руки сплетены и устремлены во всю длину вперед, парень правой рукой обнимает девушку за талию. Под музыку идут навстречу пара паре, на середине — общий притоп и пятятся назад. Снова наступают друг на друга, но уже проходят каждая пара на чужое место. Обвернувшись лицом к лицу, опять идут навстречу пара паре и с притопом возвращаются назад, потом

снова идут до конца, т. е. каждая пара на свое место, и здесь кружатся каждая пара со своим партнером. После этого парни меняются местами, то есть танцуют всё то же, но уже каждый с другой дамой, и, только вернувшись к своей паре и покружившись с ней, заканчивают танец.

Седьмое колено

31. Вечер, вечер, вечериночка,
Не свеча горит — лучиночка,
Не последняя лучиночка горит,
Не последний раз миленочек сидит.
Вечер, вечер развеселенький,
Рядом милый чернобровенький,
Не свеча, а лампа-«молния» горит,
Рядом, рядом мой залеточка сидит.
Я вчера воду черпала,
Уронила в воду зеркало,
Уронила — не расшиблося,
Полюбила — не ошиблася.
Уж я с горочки спускалася,
В ручеечке умывалася,
Умывалася холодною водой,
Утиралася косынкой носовой.
Я косыночку отмыть не могу,
Черноглазого забыть не могу.

ОТДЕЛЬНЫЕ КОЛЕНА КАДРИЛЕЙ

32. По улице мостовой
Шла девица за водой,
Шла девица за водой,
За холодной, ключевой.
Шла девица за водой,
За ней — парень молодой,
Кричит: «Девица, стой!»
Кричит: «Девица, стой!»
Пойдем вместе за водой,
Пойдем вместе за водой,
За холодной, ключевой!»

33. Светит месяц, светит ясный.
Светит белая луна,
Освещает путь-дорожку
Против Сашина крыльца.
Я сходил бы к Саше в гости,
Да не знаю, где живет!
Попросил бы я товарища,
Пусть меня он доведет!

34. Базар большой,
Ничего не видно.
Стара барыня идет,
Панталоны видно!

35. Вдоль улицы мостовой
Шла девица за водой,
Шла девица за водой,
Очень модная собой,
Низко кланялася,
Всем понравилася:
И крестьянам, и купцам,
И заезжим молодцам!

36. Во саду ли, в огороде
Девица гуляла.
Она ростом невеличка,
Очень круглоличка.
За ней ходит, за ней бродит
Удалой молодчик.
Он ей носит понемножку
Дорогих подарков.
— Кумачу я не хочу,
Да китайцу не надо.
По девице часочек
Да тосковал веночек,
Тосковали мои очи
По четыре ночи.
По четыре темных ночки
По красной девочке!

37. Я с горушечки спускалася,
В ручеечке умывалася,
Умывалася холодною водой,
Утиралася косынкой носовой.
Я косыночку отмыть не могу,
Чернобрового забыть не могу!
Из колодца воду черпала,
Уронила в воду зеркало,
Уронила — не расшиблося.
Полюбила — не ошиблася!
Полюбила парняка-неровняка,
Чуть не оторвал карман у шубняка,
Полюбила парня-ровнюшку,
Чуть не оторвал головушку!
Вы, папаша, мамаша моя,
Не браните ни Алешу, ни меня,
Не браните ни Алешу, ни меня,
Есть Алешина косынка у меня,

Платок — серые каемочки,
Отдала кольцо в потемочках,
Отдала колечко — нету на руке,
Верно, пропито в веселом кабаке,
Не за дорого заложено оно —
За косушку, за столовое вино!
Столовое вино выпили,
Моего дружка обидели!
Ты обида, обидушка,
Перебила Катеринушка,
Перебила, перевысила,
По канве платочек вышила!
Уж я вышила, выстрочила,
За другого замуж выскочила!

РАЗБОРНАЯ КАДРИЛЬНАЯ ПЕСНЯ

38. Вам спасибо, молодцы,
К нам в беседушку пришли.
Калинка ли,
Малинка ли!
Извините, молодцы,
Сколь девицы хороши.
Калинка ли,
Малинка ли!
Одна девушка милая
Показалась лучше всех,
Калинка ли,
Малинка ли!
Показалась лучше всех,
В косе лента шире всех!
Калинка ли,
Малинка ли!
Она шире, розовее,
Из подружек всех милее!
Калинка ли,
Малинка ли!

ХОРОВОДНЫЕ, ПЛЯСОВЫЕ, ИГРОВЫЕ ПЕСНИ

39. Что у нас в саду,
В здешней беседушке,
Что ходил-гулял добрый молодец.
— Выбирай себе помысленку!
— Пойдем, милая, разгуляемся,
Расхорошая, разметим лужок,
Разметим лужок, разведем кружок!

40. По горам девки ходили, ходили,
Да чеботам горы топтали, топтали,
Да каблукам горы сшибали, сшибали.
Напишу же я грамотку,
Я по белому бархату,
Отошлю же я грамотку
На родимую сторону,
Ко родимому тятеньке,
Ко родимой ко маменьке.
— Ты ходи, дочь, веселись,
С кем сойдеся, поклонись,
От старого отшатись,
От малого — дальше прочь!

41. Из Питера, из салфета
Высылали нам газеты.
Мы газеты получали,
С удовольствием читали.
Пишет миленький вознать,
Чтобы я вышла гулять.
Я у папеньки, у маменьки
Просилася гулять:
Родимая моя мать,
Дозволь дочке погулять!
Дозволенье мать дала —
С милым видеться пошла.
Не успела выйти вон —
Стоит мил передо мной.
— Здравствуй, милая моя,
Долго ждал я здесь тебя,
Долго ждал-поджидал,
В путь-дорожку отлучался,
Я привез тебе, милая,
Большой шалевый платок,
На цепочке янтари!
— Ты гори, гори, цепочка,
Разгорайтесь, янтари,
На моей белой груди!

42. Ой, во поле травушка горела,
Не травушка — белая ковылушка.
А кто будет травушку тушить?
Тушить будет травушку ветерок,
А ветерок травушку не тушил,
Больше ее по полю разносил.
Выходила красная девица,
Выносила орешек водицы.
Сколько есть в орешке водицы,
Столько в мово милого правдицы.

Нету-нет в орешке водицы,
Нету в мово милого правдицы!

43. Акулина от обедни шла,
В кузовочке пирожок несла,
Еще курочку нежареную,
Поросеночка нетеребленого.
Поросеночек яичко снес,
На печи мужик ребеночка принес,
Он принес, дак сам и водится,
Согрешил, так Богу молится.
Ах, стенка, стенка моя,
А возле стенки — постелька моя.
Моя милая — охотница,
Кружева вязать торопится.
Наплела целу мага́зину,
Заведет тальянку на зиму.
Кувырь, кувырь, кувырь, кувырь,
Корь, корь-ка,
Кувырь, кувырь, кувырь, кувырь,
Корь, корь-ка.

44. Акулина от обедни шла,
Кузовочек пирожков несла.
Уж я сеяла маку́-маку́-маку́
Через реченьку-реку́-реку́-реку́.
Как курочка бычка родила,
Поросеночек яичко снес,
На печи мужик ребеночка принес,
Он принес, так и водится,
Согрешил, так Богу молится.
Уж ты тетушка Юрьевна,
Акулина Полинарьевна,
Не накинешь ли на пуп горшок?
На пупу горшок не держится,
На ... м...а не вертится.
Ты милашечка возлюбленная,
Топором м...а разрубленная,
Голенищем оторочена,
Хером толстым проворочена.

45. Пошла Катенька горошек молотить,
Ее некому за ой-ой-ой схватить,
Вот нашелся парень бравый, молодой,
Привалил ее к овину головой.
Заголяет он пестринный сарафан,
Вынимает кукурéку с волосам.
«Ох ты, Катенька, кормилица моя,
Мне понравилася дырочка твоя!» —

«Ох ты, Коленька, кормилец ты мой,
Мне понравился буравчик твой!»

46. Раз жила-была Чичулиха у нас,
Много жира накопила на боках,
Она жир-то вытаскивала
Да на речке споласкивала!
За рекою баня топится,
А Чичулиха торопится.
Ни помыться, ни попариться:
Золотая рыбка жарится.
В золотой-то рыбке — косточки,
Все ребята — недоросточки.
Только наш сынок хорошенький
Да милее всех пригоженький!

47. Раздадулиха коров пасла,
Загонила в огород козла,
А козел-то выгибается,
Раздадулиха ругается.

48. Уж я сеяла, сеяла ленок,
Уж я, сея, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок,
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
Я полола, полола ленок,
Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок,
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
Уж я дергала, дергала ленок,
Дергала я, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок,
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
Я мочила, мочила ленок,
Я мочила, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок,
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!

Я сушила, сушила ленок,
Я сушила, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
Уж я мяла, я мяла ленок,
Уж я мяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
Я трепала, трепала ленок,
Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок,
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
Я чесала, чесала ленок,
Я чесала, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок?
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
Уж я пряла, я пряла ленок,
Уж я пряла, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок,
 Ты удайся, удайся,
 Мой беленький ленок!
Уж я ткала, я ткала ленок,
Уж я ткала, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
 Ты удайся, удайся,
 Мое бело полотно!
 Ты удайся, удайся,
 Мое бело полотно!

49. А мы сударушку Варварушку
Пойдем и запоем,
Мы сумеем ее вчетвере,
Сумеем и вдвоем!
 Барыня, барыня,
 Сударыня-барыня!

Вейся, вейся, чубчик мой,
Пока у матери родной,
Замуж выйдешь — чуб забудешь
У свекрови у лихой!

Барыня, барыня,
Сударыня-барыня!

Попляшите-ка, туфельчики,
Недолго вам плясать,
Замуж выйду — буду плакать,
Вам — под лавочкой лежать!

Барыня, барыня,
Сударыня-барыня!

Все хорошие свекрови
В поле завтраки несут,
А моя-то непутевая
Сказала: «Недосуг!»

Барыня, барыня,
Сударыня-барыня!

50. На горушке, на горе,
На горушке, на горе,

На горе, на горе, ходит право, на горе,
У барина во дворе,
У барина во дворе,

Во дворе, во дворе, ходит право, во дворе,
Разыгрался добрый конь,
Разыгрался добрый конь,

Добрый конь, добрый конь, ходит право, добрый конь,
Расплясался вороной,
Расплясался вороной,

Вороной, вороной, ходит право, вороной,
Копытичком землю бьет,
Копытичком землю бьет,

Землю бьет, землю бьет, ходит право, землю бьет!
Бел камушек выбивал,
Бел камушек выбивал,

Выбивал, выбивал, ходит право, выбивал,
Во том камне огня нет,
Во том камне огня нет,

Огня нет, огня нет, ходит право, огня нет:
В моем муже правды нет,
В моем муже правды нет,

Правды нет, правды нет, ходит право, правды нет!
Чужой жене — башмачки,
Чужой жене — башмачки,

Башмачки, башмачки, ходит право, башмачки,
Своей жене — лапотки,
Своей жене — лапотки,

Лапотки, лапотки, ходит право, лапотки!

— Носи, жена, береги,
Носи, жена, береги,
Береги, береги, ходит право, береги,
По праздничкам надевай,
По праздничкам надевай,
Надевай, надевай, ходит право, надевай,
В коробочку запирай,
В коробочку запирай,
Запирай, запирай, ходит право, запирай!
Постой, мужу досажу,
Постой, мужу досажу,
Досажу, досажу, ходит право, досажу,
Часты лапти разобью,
Часты лапти разобью,
Разобью, разобью, ходит право, разобью!

51. Мой милой очень хорош,
Чернобров душа, пригож,
Крутым бережком идет,
Веселу песню поет,
В терем голос подает,
Чтобы слышала милая:
«Разлюбезная моя,
Разлюбезна, расчудесна,
Сударушка-девица!»
Сударушка-девица
Рассуждала про себя,
Рассуждала, размышляла,
Разговаривала:
«Как у моего милого
Есть усы и волоса,
Есть усы и завитые,
По вискам кудри лежат,
Все развиться хотят!»
Развивала, развивала,
Развивала, развила
Чужая дальна сторона.

52. Как на тоненький ледок
Выпадал белой снежок.
Цветочки мои,
Бело-розовые!
Выпадал белой снежок,
Выезжал тут женишок.
Цветочки мои,
Бело-розовые!
Выезжал он, выезжал,
Да со добра коня упал.
Цветочки мои,
Бело-розовые!

Две девицы подбежали,
За белые ручки брали.
 Цветочки мои,
 Бело-розовые!
За белые руки брали,
Все наказывали:
 Цветочки мои,
 Бело-розовые!
— Как поедешь, мил, жениться
На чужую сторону,
 Цветочки мои,
 Бело-розовые!
На хороших, на пригожих
Не заглядывайся!
 Цветочки мои,
 Бело-розовые!
Хорошие да пригожие
Тебя высушили,
 Цветочки мои,
 Бело-розовые!
Исповывели румяны
Из белого да из лица!
 Цветочки мои,
 Бело-розовые!
Погляди-ка, милый друг,
Сколько девушек вокруг,
 Цветочки мои,
 Бело-розовые!
Думай, думай, выбирай,
По любую засылай,
 Цветочки мои,
 Бело-розовые!
По любую засылай,
Свадьбу веселу сыграй,
 Цветочки мои,
 Бело-розовые!
Свадьбу веселу сыграй,
Свахам рюмку наливай!

В конце песни парень выбирает девушку и за руку уводит.

53. Идем по кругу и поем. А когда поем «Сокола мы видели», одного парня в круг выпускаем. Он девушке кланяется, берет ее. Они идут в круге, а мы по кругу идем.

На гулянье были мы,
Были мы, были мы,
Сокола мы видели,
Сокола, сокола!
Сокола-молодчика,
Молодца-молодца!
Соколицу-девицу,

Девицу-девицу!
Встань, молодчик, подбодрись,
Подбодрись, подбодрись,
Красной девке поклонись!

54. Милый мой хоровод,
Милый мой хоровод,
Стой, не расходись,
Стой, не расходись!
Я скакала, я плясала,
Я скакала, я плясала,
Танец водила,
Танец водила!
Танец я отводила,
Танец я отводила,
Венок сронила,
Венок сронила!⁵

55. Вдоль по морю, вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь с лебедятами,
Плыла лебедь с лебедятами,
Со малыми, со малыми,
Со малыми со дитятами,
Со малыми со дитятами.
Плывши лебедь, плывши лебедь,
Плывши лебедь встрепенулася,
Плывши лебедь встрепенулася,
Под ней вода, под ней вода,
Под ней вода всколыхнулася,
Под ней вода всколыхнулася.
Негде взялся, негде взялся,
Негде взялся злой охотничек,
Негде взялся злой охотничек,
Убил, ушиб, убил, ушиб,
Убил, ушиб лебедь белую,
Убил, ушиб лебедь белую,
Он пух пустил, он пух пустил,
Он пух пустил по синему по морю,
Он пух пустил по синему по морю,
А перышки, а перышки,
А перышки — по поднебесью,
А перышки — по поднебесью.
Негде взялась, негде взялась,
Негде взялась красна девица-душа,
Негде взялась красна девица-душа,

⁵ Песню исполнительница взяла из сборника, а танец придумала сама.

Брала перья, брала перья,
Брала перья, приговаривала,
Брала перья, приговаривала:
— Я батюшке, я батюшке,
Я батюшке во перинушку пушку,
Я батюшке во перинушку пушку,
Я матушке, я матушке,
Я матушке во подушечку,
Я матушке во подушечку,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку во зголовьице,
Милу дружку во зголовьице.
Негде взялся, негде взялся,
Негде взялся добрый молодец,
Негде взялся добрый молодец:
— Бог на помочь, Бог на помочь,
Бог на помочь, красна девица-душа,
Бог на помочь, красна девица-душа.
Она ему, она ему,
Она ему не поклонилась,
Она ему не поклонилась.
Грозил парень, грозил парень,
Грозил парень красной девице-душе,
Грозил парень красной девице-душе:
— Смотри, девка, смотри, девка,
Смотри, девка, ты спокаешься,
Смотри, девка, ты спокаешься:
Засватают, засватают,
Засватают свата бедного,
Засватают свата бедного!
Тут девица, тут девица,
Тут девица сдогадалася,
Тут девица сдогадалася:
— Прости, милой, прости, милой,
Прости, милой, не узнала я тебя,
Прости, милой, не узнала я тебя!
Я думала, я думала,
Я думала, что не ты, милой, идешь,
Я думала, что не ты, милой, идешь,
Не ты идешь, не ты идешь,
Не ты идешь, низко кланяешься,
Не ты идешь, низко кланяешься,
Давай с тобой, давай с тобой,
Давай с тобой мы помиримся,
Давай с тобой мы помиримся!

Играющие встают, берутся за руки и идут хороводом по сцене, потом делают полукруг, в который входит Лебедь. Она ходит по хороводу, а затем должна «встрепенуться» при соответствующих словах песни. Далее появляется «охотник», преследующий ее. При словах: «Убил, ушиб...» — хлопок, и Лебедь падает. «Охотник»

делает движения, изображающие щипание перьев и разбрасывание по сторонам. Далее появляется девушка, которая ходит и «собирает пух и перья». Далее появляется молодец, идет за девицей и делает ей поклон; она отворачивается. Он ходит за ней и «грозит». «Сдогадавшись», она уже сама начинает ходить за парнем, но теперь уже он отворачивается. В конце они мирятся: улыбаясь, подают друг другу руки и уходят. Общий поклон, и все расходятся.

56. Это девишная песня. Когда ее поют, все ходят друг за другом, но за руки не берутся.

Не сидеть пришли, не избы смотреть,
Ай-ли, ай-лели, не избы смотреть!
Ашшо станимте да походимте,
Ай-ли, ай-лели, да походимте,
На добрых людей да посмотримте,
Ай-ли, ай-лели, да посмотримте!
Да добрых людей порасспросимте,
Ай-ли, ай-лели, порасспросимте,
Ашшо если в торгу, что купить, что продать,
Ай-ли, ай-лели, что купить, что продать?
Я продам свекра, куплю батюшка,
Ай-ли, ай-лели, куплю батюшка!
Ашшо родной-от батюшко не бьет, не бранит,
Ай-ли, ай-лели, он не бьет, не бранит,
Он не бьет, не бранит, по три вольки дает,
Ай-ли, ай-лели, по три вольки дает,
По три вольки дает, по три большеньки,
Ай-ли, ай-лели, по три большеньки!
Ашшо первая-то воля — снарядиться хорошо,
Ай-ли, ай-лели, снарядиться хорошо!
Ашшо другая-то волюшка — по игрищам ходить,
Ай-ли, ай-лели, да по игрищам ходить!
Ашшо третья-то волюшка — скакать да плясать,
Ай-ли, ай-лели, вот скакать да плясать!

57. — А мы просо сеяли, сеяли,
Лады-лады, сеяли, сеяли!
— А мы просо вытопчем, вытопчем,
Лады-лады, вытопчем, вытопчем!
— А чем же вы вытопчете, вытопчете,
Лады-лады, вытопчете, вытопчете?
— А мы в поле коней пустим, пустим,
Лады-лады, пустим, пустим!
— А мы — на уздечку, на уздечку,
Лады-лады, на уздечку, на уздечку!
— А мы дадим выкуп вам, выкуп вам,
Лады-лады, выкуп вам, выкуп вам!
— А что вы дадите нам, дадите нам,
Лады-лады, дадите нам, дадите нам?
— А мы дадим девицу, девицу,
Лады-лады, девицу, девицу!

- А какую девицу, девицу,
Лады-лады, девицу, девицу?
- А кака понравится, понравится,
Лады-лады, понравится, понравится!
- А в нашем полку прибыло, прибыло,
Лады-лады, прибыло, прибыло!
- А в нашем полку убыло, убыло,
Лады-лады, убыло, убыло!

- 58.** — А мы кусты чистили, чистили, чистили!
- А мы просо сеяли, сеяли, сеяли!
 - А мы просо вытравим, вытравим, вытравим!
 - А вам нечем вытравить, вытравить, вытравить!
 - А мы коней в поле пустим, в поле пустим, в поле пустим!
 - А мы коней в хлев запрем, в хлев запрем, в хлев запрем!
 - А мы коней выкупим, выкупим, выкупим!
 - А чем же вам выкупить, выкупить, выкупить?
 - А мы дадим сто рублей, сто рублей, сто рублей!
 - Нам не надо тысячи, тысячи, тысячи!
 - А что же вам надобно, надобно, надобно?
 - А нам надо девушку, девушку, девушку!
 - А которую вам надобно, надобно, надобно?
 - А нам надо крайнюю, крайнюю, крайнюю!
 - А у нас крайная — дурочка, дурочка, дурочка!
 - А у нас будет умница, умница, умница!
 - У нас ела прянички, прянички, прянички!
 - А у нас будет есть овсянички, овсянички, овсянички!

- 59.** Возле лесику, да лесу темного,
Да ой ли, ой люли, да лесу темного,
Да тут и шли-прошли да два прохожие,
Да ой ли, ой люли да два прохожие,
Два прохожие, да парни бравые,
Да ой ли, ой люли, да парни бравые,
Парни бравые да неженатые,
Да ой ли, ой люли, да неженатые,
Они вместе шли да не бранилися,
Да ой ли, ой люли, да не бранилися,
А как врозь пошли, да порассорились,
Да ой ли, ой люли, да порассорились,
И ни в ком, ни в чем, а в красной девушке,
Да ой ли, ой люли, да в красной девушке,
Красна девица да выходила к ним,
Да ой ли, ой люли, да выходила к ним,
Выходила к ним да говорила им,
Да ой ли, ой люли, да говорила им:
— Вы не ссорьтесь, не бранитесь,
Да ой ли, ой люли, да не бранитесь,
А сойдитесь и помиритесь,
Да ой ли, ой люли, да помиритесь,

Нате мой платок, киньте жеребий,
Да ой ли, ой люли, да киньте жеребий!
Кому верху быть, тому достануся,
Да ой ли, ой люли, тому достануся.
Доставалась я парню бравому,
Да ой ли, ой люли, да парню бравому,
Парню бравому да неженатому,
Да ой ли, ой люли, да неженатому.

Вот такая игра на беседах была: все сидят по скамьям, кто не играет, и эту песню поют. В игре все по песне делали. Выходили два молодца, ходили в кругу сперва вместе, потом — поврозь, как рассорившись. Вот девушка выходит, их мирит, обняться заставляет и дает платок свой, чтоб жеребий они кинули. А делают так: берут этот платок, в длину вытягивают, парень берет нижний конец и в кулаке зажимает, а другой парень поверх его кулака платок своей рукой обхватывает, а тот уже поверх его руки — своей, и так до тех пор, пока одному не хватит платка в руке зажать: или совсем ему платка не останется, только хвостик его в кулаке видно будет, или короткий кусок останется: он рукой схватит, а платка видно не будет, значит, не ему выпало. А то, бывало, по-другому жребий кидали: возьмет девица этот свой платок и на одном из углов узел завяжет, а потом все углы в кулак зажмет, так что только кончики наружу торчат, и парни за эти кончики тянут. Кто угол с узлом вытащил, тот и выиграл. И вот кто выигрывает, тот девицу целует, а другой уходит.

60. Вдоль по травинке,
Вдоль по муравке,
Лели, лели, лешеньки,
Вдоль по муравке,
Выходили молодцы,
Девиц вызывали,
Лели, лели, лешеньки,
Девиц вызывали:
— Пойди, выйди, девушка,
За ворота,
Лели, лели, лешеньки,
За ворота,
Пойди, красавица,
За новые,
Лели, лели, лешеньки,
За новые!
Тут девица к молодцу
Вскоре выходила,
Лели, лели, лешеньки,
Вскоре выходила.
Она со молодчиком
Речи говорила,
Лели, лели, лешеньки,
Речи говорила,
При большом, при девичьем
Хороводе,

Лели, лели, лешеньки,
Хороводе:
— Вот ты, молодец,
Я тебя бесчещу,
Лели, лели, лешеньки,
Я тебя бесчещу!
Все частые пугови
Раскидала,
Лели, лели, лешеньки,
Раскидала!
Фетровую шляпицу
Скидовала,
Лели, лели, лешеньки,
Скидовала!
Сапоги козловые
Грязью замарала,
Лели, лели, лешеньки,
Грязью замарала!
Махровые перчатки
Сдергивала,
Лели, лели, лешеньки;
Сдергивала!
Тут девицы к молодцу
Скоро выходили,
Лели, лели, лешеньки,
Скоро выходили,
Они с молодчиком
Речи говорили,
Лели, лели, лешеньки,
Речи говорили:
— Извини ты, молодец,
Извини, пожалуйста,
Лели, лели, лешеньки,
Извини, пожалуйста,
Я ли тебя, молодец,
Вечер не узнала,
Лели, лели, лешеньки,
Вечер не узнала,
А теперь молодца
Попризнала,
Лели, лели, лешеньки,
Попризнала!
Фетровую шляпочку
Одевала,
Лели, лели, лешеньки,
Одевала!
Все частые пугови
Застегала,
Лели, лели, лешеньки,
Застегала!

Махровые перчаточки
На руки одевала,
Лели, лели, лешеньки,
На руки одевала!
Сапоги козловые
Платком вытирала,
Лели, лели, лешеньки,
Платком вытирала!
Милого-хорошего
Целовала,
Лели, лели, лешеньки,
Целовала!⁶

61. Я у мамоньки малешенек родился,
Вот люли, вот люли, да я родился,
Я у мамоньки глупешенек женился,
Вот люли, вот люли, да вот женился!
Я привел себе женку молодую,
Вот люли, вот люли, да молодую,
Точно ягодку-малинку налитую,
Вот люли, вот люли, да налитую!
— Ты пойдем-ка, Арина, за малиной,
Вот люли, вот люли, да за малиной,
За малиной, за калиной, за сластеной,
Вот люли, вот люли, да за сластеной!
А Арина малины не набрала,
Вот люли, вот люли, да не набрала,
Негодяя к березе привязала,
Вот люли, вот люли, да привязала!
Она девять денечков не бывала,
Вот люли, вот люли, да не бывала,
На десятой денечек спобывала,
Вот люли, вот люли, да спобывала,
Негодяя от березы отвязала,
Вот люли, вот люли, да отвязала!
— Негодяюшка, — да все спросила,
Вот люли, вот люли, да все спросила, —
Лучше будешь, негодяй, меня любить,
Вот люли, вот люли, меня любить?
— Жена-бароня, да всёй душою,
Вот люли, вот люли, да всёй душою!
— Лучше будешь, негодяй, меня кормить,
Вот люли, вот люли, меня кормить?
— Жена-бароня, да белым хлебом,
Вот люли, вот люли, да белым хлебом!
— Лучше будешь, негодяй, меня поить,
Вот люли, вот люли, меня поить?

⁶ Песня сопровождалась разыгрыванием всех описываемых действий.

— Жена-бароня, да крепким чаем,
Вот люли, вот люли, да крепким чаем!
— Лучше будешь, негодай, в город возити,
Вот люли, вот люли, в город возити?
— Жена-бароня, да всё на тройке,
Вот люли, вот люли, да всё на тройке!

62. Ай, Дунюшка, ай, Дунюшка,
Ай, Дуняша [в]довина, [в]довина,
Ай, Дуняша [в]довина, [в]довина,
Побѣдная, побѣдная,
Победная голова, голова,
Победная голова, голова!
Пойдем, Дуня, пойдем, Дуня,
Пойдем, Дуня, во садок на часок,
Пойдем, Дуня, во садок на часок!
Сорвем, Дуня, сорвем, Дуня,
Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок,
Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок!
Под са́менькой, под са́менькой,
Под самéнькой корешок, корешок,
Под самéнькой корешок, корешок!
Сошьем, Дуня, сошьем, Дуня,
Сошьем, Дуня, сарафан, сарафан,
Сошьем, Дуня, сарафан, сарафан!
По-не́мецки, по-не́мецки,
По-неме́цки с рукавам, с рукавам,
По-неме́цки с рукавам, с рукавам,
По-ру́сському, по-ру́сському,
По-русско́му с алым ленточкам,
По-русскому с алым ленточкам!
Носи, Дуня, носи, Дуня,
Носи, Дуня, сарафан, сарафан,
Носи, Дуня, сарафан, сарафан!
По праздни́чкам, по праздни́чкам,
По праздни́чкам одевай, одевай,
По праздни́чкам одевай, одевай,
Домой приде́шь, домой приде́шь,
Домой приде́шь — скидавай, скидавай,
Домой приде́шь — скидавай, скидавай,
В коробочку, в коробочку,
В коробейку запирай, запирай,
В коробейку запирай, запирай!
Повадилсѧ, повадилсѧ,
Повадилсѧ таракан, таракан,
Повадилсѧ таракан, таракан,
Изъел Дунин, изъел Дунин,
Изъел Дунин сарафан, сарафан,
Изъел Дунин сарафан, сарафан!

63. Вдоль по улице, вниз по широкой,
Ой, люли, люли, да вниз по широкой.
Шли девушки, шли молодухи,
Ой, люли, люли, шли молодухи.
Меня, молоду, с собой кликали,
Ой, люли, люли, да с собой кликали.
Вы, подруженьки, души-голубушки,
Ой, люли, люли, души-голубушки,
Вы постойте-ко, подождите-ко,
Ой, люли, люли, да подождите-ко!
Я пойду спрошу свекра-батюшка,
Ой, люли, люли, да свекра-батюшка.
Свекор-батюшко, отпусти же меня гулять на улицу,
Ой, люли, люли, гулять на улицу!
Не отпустишь, дак я сама уйду,
Ой, люли, люли, да я сама уйду,
Уворуюся, нацелуюся,
Что с милым дружкой нагуляюся,
Ой, люли, люли, да нагуляюся!

Лирические протяжные песни

64. Травина́ ли моя, тра́вина, да травина́ в саду шелко́вая,
Травина в саду шелковая, шелко́ва трава, лазорева.
Шелкова трава, лазорева, да еще кто же тебя, травина,
А еще кто же, травина, да еще кто же примял-притоптал,
Да еще кто же примял-притоптал? —
Да притоптали-притолочили,
Притоптали-притолочили да удалые добрые молодцы⁷,
Удалые добрые молодцы — да что феды́ковские робятушки,
Что феды́ковские робятушки, да в зеленых лужках гуляючи,
В зеленых лужках гуляючи, да сами с собой забавляючи,
Сами с собой забавляючи, да золотым мячом играючи,
Золотым мячом играючи, да сами с собой забавляючи,
Сами с собой забавляючи, да травина ли, моя травина.

65. Экое сердце бедное мое, вот мое,
Да полно-ка, сердце, во мне ныти-занывать, занывать,
Да моему-та сердцу спокойному не бывать, не бывать,
Да от беспокойствия приключилася болезнь, вот болезнь,
Да что болит и шумит буйная голова, голова,
Да не глядят да на свет веселые глаза, да вот глаза.
Да днем-то не вижу я с неба солнечных лучей, вот лучей,
Да из лучей-то, из лучей туманец выпадал, выпадал,
Из тумана частый, сильный дождь идет, дождь идет,
Да дождь-то прибил, прирос новую траву, вот траву,
Да что слегла та трава под самый корешок, корешок-то,
Был у девушки, был-то у девушки сенокос, сенокос-то,
Сенокосила да девица-душа, вот душа,
Да не косит, не берет ее вострая коса, вот коса,
Да припотела я, я радость девица-душа, вот душа,
Да коленкоровая рубашка к телу льнет, к телу льнет,
Да бело-розовый сарафанчик ветром бьет.
Да вдоль да по косвицу молодец идет, вот идет,
Да раскрасавице поклон низкий отдает, отдает,
— Да Бог-то в помощь, радость девица-душа, вот душа-то!
— Да благодарствую, молодец, тебя.

⁷ Вариант из с. Введенское завершается так:

...Всю примяли-притоло́чили да удалыя добрыя молодцы,
Удалыя добрыя молодцы, да в зеляных лужках да гуляючи,
В зеляных лужках гуляючи да медны ружьи заряжаючи,
Медны ружьи заряжаючи да гúсей-лебедей да стреляючи,
Гусей-лебедей стреляючи да сами себя забавляючи.

66. Над рекою, над быстрою
Стояла береза.
Как на той белой березе
Сидит птица пава,
Сидит, сидит птица пава, пава,
Запропала между нами,
Раскололся сырой дубик
На четыре грани.
Сойдите, дайте младшеньке
Широку дорожку!
Мне широкую, путь большую,
В зелен сад гуляти!
В зеленом я саду гуляла,
Травину примяла,
Мураву я траву примяла,
Цветы срывала,
Я цветочки те срывала
И вьюны завивала.
На головушку я клала
Себя украшала.
Уж я сама себя украсила,
С молодцом слюбилась.
Хорошо было слюбляться —
Да трудно расставаться!

67. Да радость Машенька по садику гу... ой, гуляла.
По садику гу... ой, гуляла
Да малинушку в саду брала,
Малинушку в саду брала,
— Да, девки-матушки, малюшенько, ой, набрала,
Малюшенько, ой, набрала.
Я ни с кем да ни с кем я-то не стояла,
Ни с кем я, ни с кем не стояла,
Да только стояла, со милым дружкой речь говорила,
Со милым дружкой речь говорила:
— Уж ты миленький, возлюбленный ты мой дружок,
Возлюбленный ты мой дружок,
Как слышало сердечушко, ой, у меня,
Сердечушко, ой, у меня,
Будто миленького в солдатушки хотят забрать,
В солдатушки хотят забрать.
Да, уж ты миленький, возлюбленный ты мой дружок,
Возлюбленный ты мой дружок,
Ты возьми меня во солдатушки, милой, с собой,
В солдатушки возьми с собой,
Да при дороженьке товарочкой, милой, назови,
Товарочкой, милой, назови,
Да при квартирушке кухарочкой, милой, назови,
Кухарочкой, милой, назови,
Да при постелюшке ты женушкой меня назови!

68. Уж ты сад ли, мой сад,
Сад зелененькой,
Ты зачем рано цветешь,
Осыпaeшьcя?
Ты зачем рано цветешь,
Осыпaeшьcя?
Сколь далече ль, милый мой,
Собираeшьcя?
Сколь далече ль, милый мой,
Собираeшьcя?
Во путь ли, во поход,
Во дороженьку?
Во путь ли, во поход,
Во дороженьку?
Ты со всеми со родными
Распpощaeшьcя,
Ты со всеми со родными
Распpощaeшьcя,
А со мной, молодой,
Все ругaeшьcя,
А со мной, молодой,
Все ругaeшьcя.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: «Милая, прощай!»
Скажи: «Милая, прощай!»
Уезжаю в дальний край».
Тут летела пава
Через синие моря,
Уронила пава
С крыла перышко,
Уронила пава...

69. Час да по часу день проходит,
Солнце зайдет в этот час.
Куда скрылся мой хороший,
С кем рассталась я вчера?
Колокольчик его звонкий
Бьет уныло под дугой.
Да чуть слышу звон тревожный
Забьет сердце у меня.
Забьет сердце ретивое
Неизменная тоска.
Ой, зачем тоска-кручина
Меня, девку, извела?
Извела тоска-кручина,
Нагуляться не дала.

70. Ошшо есть то ли что в поле за тра... ой, в поле травина,
В поле травина, ох, во чистом-то ли,
Во чистом-то ли в поле за мура... ох, за муравая,
За муравая, ох, да травка день растет,
Травка день растет, всю ночьку але... ох, ночь алеется,
Ночь алеется, ой, да на белой заре,
На белой заре травка голубе... ох, голубеется,
Голубеется, ой, да вдоль-то по чистому,
Вдоль по чистому полю расстила... ох, расстилается,
Расстилается, ой, да не по мне-то ли,
Не по мне-то ли милый сокруша... ой, сокрушается.
Сокрушается, ой, да иссушил-то ли,
Иссушил-толи парень милу де... ой, милу девушку,
Милую девушку, ох, да молодым-то ли,
Молодым-то ли ее молоде... ой, молодешеньку,
Молодешеньку, ой, да сам отправился,
Сам отправился во путь, во доро... ой, во дороженьку,
[Во дороженьку, ох, а я девушка,]
А я девушка да со тоски помру.

71. Вы цветы ли мои, цветочки,
Бело-розовые листочки,
Цвели цветики, да сповяли.
Любил миленький, да спокинул.
Вы, родители, вы, мои родные,
Не отдавайте-ка нонче замуж,
Не зарьтесь на богатство,
На семейно на согласие,
На стеклянные абажуры,
Вы на медные самовары!⁸

72. Исподсохла-исподблекла
В поле травка без дождя.
Травку дождик не помочит,
Да с востоку ветерок.
Никто сердцу не поможет,
Кроме милого дружка.
Было время дорогое,
Когда мил меня любил,
А теперя, моя радость,
Кинул, бросил и забыл.
Пойду с горя в чисто поле,
Разгуляю грусть-тоску.
Никого в поле не видно,
Никого и не слышать,
Только видно, только слышно
Стадо белых лебедей.

⁸ Исполняется и как лирическая протяжная, и как хороводная песня.

Все лебёдушки по парам,
А я, горькая, одна.
Не один мой муж⁹ — изменщик —
Все мужовья — подлецы!

73. Нельзя, нельзя черемушку да неспелую рвать¹⁰,
Неспелую рвать,
Нельзя, нельзя девчоночку да невенчальну брать,
Невенчальную брать.
Ломал мальчик черемушку да в зелёном саду,
В зелёном саду,
Поил, кормил сударушку — да милую девицу,
Милую девицу.
У девицы, у красавицы да зелен сад стоит,
Зелен сад стоит,
Во том саду стоит скамья неопилёная,
Неопилёная,
На той скамье сидит свадьба да невенчальная,
Невенчальная.
С того крыльца ведут к венцу да милую девушку,
Милую девушку,
Жених ведет за рученьку да шафер — за другу,
Шафер — за другу,
Вперед ведет, слезы ронит да сам-то речь говорит,
Сам речь говорит:
— Досталася красавица да иному, не мне,
Иному, не мне,
Иному ли, другому ли — да лакею-свинье,
Лакею-свинье.
— Лакей-свинья бесчувственной — да беру за себя,
Беру за себя!
— Красавица, забавница, да простись хоть со мной,
Простись хоть со мной!
— Я рада бы проститься с Вам, да кони не стоят,
Кони не стоят,

⁹ Вар.: друг.

¹⁰ Вариант из с. Судай начинается так:

Ломал парень черемушку да в зелёном саду,
В зелёном саду,
Поил, кормил красавицу да думал, для себя,
Думал, для себя —
Досталася красавица да иному, не мне,
Иному, не мне,
Иному ли, другому ли — да лакею-свинье,
Лакею-свинье.
— Лакей-свинья бесчувственной, да не стоишь меня,
Не стоишь меня!
— Я стою ли, не стою ли — да беру за себя!
С того крыльца ведут к венцу да невесту мою...

Кони бегут — земля дрожит да коляска стучит,
Коляска стучит,
Молодой ямщик Сереженька да не может держать,
Не может держать.
— Красавица, забавница, да махни хоть платком,
Махни хоть платком.
— Я рада бы махнуть платком, да платка в ручках нет,
Платка в ручках нет.
— Красавица, забавница, да взглянь-ка ты хоть глазком,
Взглянь-ка хоть глазком!
— Я рада бы взглянуть глазком, да прикрыт он платком.

74. Кшите, гуси, кшите, гуси,
Кшите, серые, домой!
Али вы, серые гуси,
Не наплавались?
Уж как я, млада-младешенька,
Наплакалася.
Уж я думаю, младешенька,
Про девичье житье,
Что во красных-то девушках
Жить хорошо.
В молодых-то молодюшках
Жить тяжело.
Я немного пожила,
Много горя приняла.
Перво горе у меня —
Мне чужая сторона,
Второ горе у меня —
Всем я в доме немила,
Третье горе у меня —
Муж-удала голова,
Муж-удала голова,
Не пьет ни пива, ни вина,
Только держится, подлый,
Чужой стороны,
Чужемужней жены¹¹.

75. Да не по реченьке ли лебедушка плывет, плывет?
Да не ко мне-то ли в гости мамонька идет, идет?
Да ты поди-ка, поди, родимая, ко мне, ко мне,
Да посмотри-ка ты на несчастную на меня, меня.
Ой, да как я маюсь, во чужих-то людях живу, живу,
Ой, да не по плису я, не по бархату я хожу, хожу,
Да я хожу-то, хожу по вострому ножу, ножу.
Да ты поди-ка, моя родимая к реке,
Да ты спроси-ка серого гуся на воде, воде:
— Да каково-то тебе, гусь серый,

¹¹ Исполняется и как лирическая протяжная, и как хороводная песня.

Против воды плыть, плыть?
Да так-то и мне, моя родимая, жить¹².

76. Выходили красные девушки
Оне весной гулять да на улицу,
Оне весной гулять да на улицу,
Выносили раскрасавицы,
Выносили раскрасавицы
Да соловейку на белых руках,
Соловеюшку да на рученьках,
Соловеюшка засвистал,
Соловеюшка-то засвистал,
Красные девушки да гулять пошли¹³,
Красны девушки да гулять пошли,
Все молодушки да расплакались,
Молоды бабы да расплакались
Да во слезах словечушко молвили,
Во слезах слово да промолвили,
Красным девушкам да наказывали,
Красным девушкам да наказывали:
«Да покрасуйтесь, милые девушки,
Покрасуйтесь, милые девушки,
Да покамеса на своей воли,
Покамеса на своей воли,
Да на своей воли да у тятеньки,
На своей воли да у тятеньки
Да у кормилицы да у мамоньки,
У кормилицы да у мамоньки!
Да неравно да шутка сшутится,
Шутка-то сшутится —
Да неравно сваты да присватаются,
Сваты присватаются,
Да неравно да замуж выдадут,
Замуж и выдадут,

¹² Записан также и другой вариант этой песни. Отличия начинаются после слов «Я хожу по вострому по ножу...»:

А что из глаз-то горячие слезы лью.
Как из этих из моих горячих слез
Протекала речка, быстрая река,
Заливала все зеленые луга.
Оставался один крутенький бережок,
Сходились молодушки во кружок.

Оба варианта исполняются и как лирические протяжные, и как хороводные песни.

¹³ Вариант из с. Ножкино («Выходили милые девушки...») в этом месте таков:

Соловеюшка да насвистывал,
Да добрый молодец да наигрывал,
Добрый молодец да наигрывал,
Да милые девушки да гулять пошли...

Да неравно же муж достанется¹⁴,
Муж достанется —
Да либо горькая пьяница,
Горькая пьяница,
Да либо старая да удушливая,
Либо старой пес да удушливой,
Да либо ровнюшка да недружливой,
Либо ровнюшка да недружливой.
Да уж я старого да утешила бы¹⁵,
Уж я старого да утешила бы —
Да посреди поля да повесила бы,
Посреди поля да повесила бы
Да я на горькую да осинушку,
Я на горькую да осинушку,
Да я на самую да вершинушку,
Я на самую да вершинушку,
Пусть осина покачается,
Пусть осина покачается,
Да моя пьяница да болтается!

77. Ох, рябинушка,
Эх, да ты калинушка,
Ты не стой да не стой
На горе крутой,
На горе-то крутой!
Не пускай листву
Да по синю морю!
Да по синю морю
Корабель плывет.
По синю-синю морю
Корабель плывет.
Ой, на корабле-то на том —

¹⁴ Окончание варианта из с. Введенское далее таково:
...Неравно жа муж достанется —

И либы вор, либы пьяница,
Ой, либы вор, либы пьяница
И либы старой муж да разбойничек,
Либы старой муж-разбойничек.
Да уж я старого да утешила,
А уж я старого бы утешила —
Да посреди кругу да повесила!

¹⁵ Вариант из с. Ножкино заканчивается так:

Своего-то я мужа тешила:
Да среди полюшка да повесила,
Среди полюшка ой я повесила
Да я на тонкую-то осинушку,
Я на тонкую-то осинушку,
Да я на самую-то вершинушку,
Я на саменькую вершинушку,
Да вот вершинушка-то качается,
Вот вершинушка ой да качается,
Да старый пес величается.

Два полка солдат,
Два полка-то солдат,
Молодых ребят,
Два полка солдат,
Да молодых ребят.
Как один-то из них
Богу-то молится,
Богу молится
Да домой просится:
— Генерал-то-майор.
Отпусти ж меня домой,
Отпусти меня домой,
К отцу с матерью родной,
К отцу с матерью родной
Да к жене молодой!
Ох да ты-то рябинушка,
Эх да ты-то калинушка,
Ты не стой-то, не стой
Да на горе крутой!

78. Шел мой миленький дорожкой,
Дорожкой, мальчик, столбовой.
А за ним девушка следочком,
Следочком за ним бежала.
Голосом ему кричала,
Платочком беленьким машу.
Ой, голосу стало не слышно,
А платочка в ручках не видать.
— Аленький-то ты мой цветочек,
Зачем ты, зачем рано сповял.
А ты, мой милый, расхороший,
Зачем любить рано отстал.
— Тебя любить я не отстал бы,
В темницу темную попал.
Сидеть в темнице мне докучно,
А сидеть мальчишке одному.
Сижу я, мальчик, поджидаю
К себе лихого палача.
Сижу-то я, мальчик, поджидаю
У себя лихого палача.
Ой, не успел я слово молвить,
Лихой палач ко мне пришел.
Ой, саблю вострую вынает,
Головушку с плечей сметет.
— Подождите вы, не секите
Головушку мою с плечей.
Дайте мальчику проститься
А со своей родной семьей.

Раздел IV

ГОРОДСКИЕ ПЕСНИ, НОВЫЕ БАЛЛАДЫ, РОМАНСЫ

Вид улицы Писемского г. Чухломы. Фото Е. А. Майоровой

Вотдельный раздел объединены так называемые песни литературного типа — современные лирические необрядовые песни. В этот же раздел включены новые баллады за их немногочисленностью.

Песни литературного типа — один из самых популярных фольклорных жанров. Основные особенности заложены в самом названии жанра: он представляет собой смешение народной образности и литературного отношения к слову, литературного подхода к творчеству. Пласт песен литературного типа неоднороден. Можно предложить следующее деление.

1. Первую группу составляют песни авторские, пользующиеся популярностью и уже не осознающиеся как сочинения какого-то одного композитора и поэта. Зачастую исполнители изменяют слова, что-то добавляют от себя, могут даже несколько изменить мелодию, но в целом структура песни остается неизменной. Это такие песни, как «Пропел гудок заводской...», «Ой, красивы над Волгой закаты...», «В путь-дорожку дальнюю я тебя отправлю...», «Вот кто-то с горочки спустился...», «Расцвела под окошком белоснежная вишня...» и т. д. Эти песни в данный сборник не включены.

2. Ко второй группе можно отнести песни, являющие собой продолжение, развитие традиционной народной песни. В целом они соответствуют эстетической системе фольклорной лирики и отличаются от нее только более поздним временем возникновения.

3. Третья группа — песни, собственно и являющиеся песнями «литературного типа» и представляющие наибольший интерес как предмет исследования и литературоведческой характеристики. Эти песни — продукт так называемой химерической культуры, основанной на двух типах мировоззрения (в данном случае интеллигентского и народного), которая, однако, не сочетает в себе черты особых форм мышления гармонично, но своеобразно перерабатывает и производит особую, подчас уродливую, эстетическую систему полукультуры. Об этом, третьем, типе песен и хотелось бы поговорить в первую очередь.

А. С. Пушкин писал о романах Булгарина, пользующихся поразительной популярностью: «Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных». Вероятно, мы имеем дело с чем-то весьма похожим на распространение бульварных романов Чулкова, Комарова, Эмина, но уже в народном творчестве. Интересно, что из сочинений самого Пушкина народной любовью пользуется романс «Под вечер осенью ненастной...» (записано два варианта), т. е. во-первых, привлекает внимание «душераздирающая тематика» (Э. В. Померанцева), эмоциональность, мечтательность и восторженность. Все то, что протоирей Георгий Флоровский называл «стихийной безвольностью, духовной неоформленностью душевной стихии», находит, безусловно, отклик в тех сюжетах и настроениях, где разлука с милым — причина серьезной болезни или смерти; где измена неизбежно приводит к кровопролитию («Семнадцать лет девчонка погибла от ножа...»).

Это своеобразное мировосприятие: оно определяется отношением к трагичным событиям жизни. В душе у героя или героини все не так, как у обычного человека; их страсти необыкновенно сильны, подчас безумны. Все чувства и душевные качества доведены до предела. Поэтому в песне часты превосходные степени прилагательных: «распрекрасная погода», «расхорошенький мальчишка», «и так громко-громко рыдала». Также часты антитезы, подчеркивающие разницу между счастьем и горем или, опять-таки, крайнюю степень этого горя:

Вчера ей пели многолетье —

Сегодня хор ей отпевал.

(«Она как статуя стояла...»)

Самый распространенный художественный прием — гипербола. Вот как сетует покинутая девушка на своего возлюбленного:

Уж вы звери, мои звери,

Звери лютые мои,

Вы придите, растерзайте

Тело белое мое.

Выньте сердце, отнесите

Дружку милому моему.

Пусть он вспомнит, сожалея,

Быть может, вспомнит обо мне.

(«Кари глазки, куда ж вы скрылись...»)

Подчас ситуации получают самые неожиданные развязки, трагическое в песнях литературного типа не поддается логике.

Первое и неоспоримое место по численности занимают песни о несчастной любви, о разлуке и измене. Песня литературного типа создает свой мир, свой художественный хронотоп. Основная черта этого мира — трагическое восприятие человеком действительности. Характерно, что страсти в этом мире — некая самоцель («духовная неоформленность»). Это, конечно, безрелигиозный мир, Бог не отрицается, но не имеет никакой силы и значения. В одной балладе над невинной жертвой хотят молиться, «чтобы душу возвратить». Однако герой возражает:

Помолиться Богу можно —

Возвратить душу нельзя.

Мир Божественный и мир человеческих страстей существуют отдельно и независимо. В человеческом мире царит атмосфера мещанской галантности. Мы имеем дело с упадничеством, с декадансом и его преломлением в народной среде. Однако возвышенность чувств героев не убеждает: исполнитель песни говорит о том, чего не знает, он говорит не о жизни, но о своем представлении о жизни идеальной. Вот идеальный герой-любовник:

Заходит милый в зало,

Завитые усы.

Народное воображение наделяет героев ложной красотой и ложными чувствами. Часто мнимая литературная возвышенность стиля соединяется с технической слабостью, разговорной интонацией: «И так горько... рыдала, что приходится редко встречать», «призадумчив сидел офицер». Исполнитель нарочито лишает язык песни простоты, считая литературные изыски показателем истинного чувства и хорошего тона. Иногда песни литературного типа изобилуют натурализмом:

Там по воде, между тиной зеленой,

Женское тело плывет,

Тихо плывет и о камни толкается,

Платье бедняжки о корни цепляется,
Ветка вплелась в волоса.

(«Милая маменька...»)

Однако, как уже было сказано выше, этот вид песен не единственный, хотя и самый многочисленный. В определенную группу выделяются военные и тюремные песни. Зачастую в них больше черт исконной народной лирической поэзии, многие из них отличаются эстетической выразительностью:

Ты не вейся, черный ворон,
Ты не вейся надо мной.
Ты добычи не дождешься,
Я солдат еще живой.

(«Под ракитою зеленой...»)

Тема жизни и смерти гораздо реальнее выдуманных любовных страданий. Символ смерти, ворон, — центральный образ в структуре песни. В этой же песне встречается традиционное сопоставление смерти и свадьбы:

Ты скажи моей Марусе:
Я женился на другой.
Сабля вострая венчала,
Шашка свахою была.

Среди тюремных песен одна из самых интересных — «Все подружки веселятся...» Образ «вольной пташечки» противопоставляется неволе самой героини. И вообще, образы птиц, как символы свободы и в литературе, характерны для тюремных песен.

Упомянутые песни можно отнести ко второму типу, согласно выше предложенной классификации.

Таким образом, песни литературного типа — это неоднородный пласт, отражающий практически все черты народной лирической поэзии. Тут есть и исконные традиционные художественные средства, также есть и творческие новшества — привнесенные элементы массового литературного производства.

В песнях литературного типа обычно повторяются две последние строчки каждого куплета. Эти повторы нами не воспроизводятся.

1. Во субботу день ненастный,
Нельзя в поле, нельзя в поле работáть,
Нельзя в поле работáть.
Нельзя в полюшке работáть,
Ни борóнить, ни борóнить, ни пахать,
Ни борóнить, ни пахать.
Мы пойдем с тобой, мой милый.
Во зеленый, во зеленый сад гулять,
Во зеленый сад гулять.
Во зеленом во садочке соловейка,
Соловей громко поет,
Соловей громко поет.
Не про нас ли, друг мой милый,
Люди бают, люди бают-говорят?
Меня, девицу, ругают,
Тебя, молодца, тебя, молодца, бранят,
Тебя, молодца, бранят?
Во субботу день ненастный,
Нельзя в поле, нельзя в поле работáть,
Нельзя в поле работáть.

2. Раз полосоньку я жала,
Золоты снопы вязала,
Молодая, эх, молодая,

Истомилась, изомлела,
Это наше бабье дело,
Доля злая, эх, доля злая.

А в это время из похода
Шел солдатик из народа,
Из Китая, эх, из Китая:

— Ты послушай-ка, сестрица,
Нет ли хлебушка с водицей,
Дай напиться, эх, дай напиться.

— Хоть и есть у нас водица,
Да напиться не годится:
Очень тёпла, очень тёпла.

— Нет ли хлебушка кусочка?
— Нету, миленький дружочек,
Одне крошки, ах, одне крошки.

А жать полоску торопилась,
Хлеба мало захватила.
Хошь немножко, ох, хошь немножко?

— Нету хлебушка с водицей —
До свидания, сестрица.
И уходит, эх, и уходит.

А девке парня стало жалко:
Парень стройный, точно палка,
Черноокий, черноокий.

— Ты постой, постой, служивый,
Посиди под этой ивой:
Солнце жгется, эх, солнце жгется,

А ты садись же без стеснения,
Может, что для угощения
И найдется, эх, и найдется.

А бабенка-то так и пышет,
Рубашонку грудь колышет,
Молодая, молодая.

Оне, вздохи-то, оне, вздохи —
Знать, кусали ее блохи
Чрезвычайно.

3. На берегу сидит девица,
Она шелками шьет платок,
Работа чудная такая,
Но шелку лишь недостает.

И вот навстречу парус вьется,
Скользит в сиянье ясном дня.
— Моряк любезный, нет ли шелку
Хотя немножко для меня?

— Ну как не быть такой красотке.
Какой угодно цвет для Вас!
У нас есть белый цвет и алый.
— Мне нужно нежный белый цвет!

Она взошла, поднялся парус,
А шкипер шелку не дает
И про любовь в стране далекой
Он песню чудную поет.

В испуге девушка упала,
Она заснула крепким сном.
А пробудивши, видит море,
Всё море синее кругом.

— Моряк, пусти меня на берег,
Мне душно от волны морской!
— Проси, что хочешь, но не это,
Ты здесь останешься со мной!

— Нас три сестры! одна — за графом,
Другая — герцова жена,
А я, всех лучше и моложе,
Простой морячкой быть должна!

— Не беспокойся, дорогая,
Оставь печальные мечты.
Ведь не морячкою простою,
А королевой будешь ты.

Я восемь лет искал повсюду
Тебя, прелестная моя.
А если хочешь знать ты, кто я —
Я сын, наследник короля!

4. Глазки голубые,
Не дайте умереть.
Нету больше силы
Мне на вас смотреть.

Рано загубили
Вы молодость мою,
Хотя вы изменили,
Но я вас всё люблю.

Восходит милый в зало
И смотрит на часы.

— Смотри, милой, на время,
Скажи, который час.
Быть может, мы с тобою
Сидим в последний раз.

Отдай мое колечко,
Возьми свою любовь,
Ты иссушил мое сердечко,
Ты выпил мою кровь.

— Я крови твоей не пил,
Красавица моя.
Я сяду на почтовый,
Уеду от тебя.

5. Небо сияло, луна серебристая,
Ветер сирень все качал,
Речка тихонько журчала волнистая,
Лес будто что-то шептал.

Долго мы с ней под сиренью сидели,
Быстро пред нею я встал,
Щечки ее точно розочки были,
И я перед ней зарыдал.

— Не плачь ты, мой милый, тебя умоляю,
Тебя ведь я тоже люблю,
Порой по тебе я безумно страдаю,
Но быть я твоей не могу!

Отец мой, ты знаешь прекрасно, — священник,
А ты, милый мой, — коммунист,
Таких он, как ты, ненавидит ужасно,
Он ярый у нас монархист!

И впала мне в голову мысль такая:
«Убью я ее и себя,
Пусть примет в объятия земля нас сырая,
Тогда позабудет отца».

Я правой рукой вынимал из кармана
Свой маленький черный наган,
И здесь совершилась ужасная драма,
По сердцу прошел ураган.

Револьвер она увидала, вскочила,
Хотела бежать,
Но меткая пуля в висок угодила,
И некому было спасать.

А я оглянулся — всё было спокойно,
Лишь месяц стоял над рекой,
Револьвер к виску я свободно подставил
Умелою правой рукой.

Наутро проснулся — и врач надо мною,
Он в белом халате стоял,
И делал он здесь что-то надо мною,
И молча в глаза мне глядел.

А тут и священник стоит предо мною,
Отец тут и мать с ним пришли,
Спросили, как я здесь очутился,
Потом и в нарсуд повели.

Теперь же я, судьи, признаюсь пред вами,
Виновным считайте меня;
Закуйте священнику руки цепями
За то, что тиранил меня.

А мне как партийцу расстрел присудите
За то, что нарушил закон,
И рядом с той жертвой меня положите,
Которую ночью убил.

6. Дали, дали, дали, далеко,
Где загоралась луна,
Красивый парень чернобровый
Прощался с девой навсегда.
Он говорил такие речи:
— Прощай, красавица моя!

Взошел в деревню: было тихо,
Кругом ночная тишина,
С ее я домом поравнялся,
Она сидела у окна.

Сидит и маму умоляет:
— Пусти, родная, погулять.
— Ступай, сходи, дочка, недолго,
Крыльцо не буду запирасть.

Вдруг калитка закрипела.
Выходит милая моя,
С таким веселым настроеньем,
И праву руку подает.
Крепко-накрепко целует,
Гулять по улице зовет:

— Пойдем, пройдемся с тобой, милый,
Я пару слов хочу сказать,
Ко мне посватался мальчишка,
Мама хочет отдавать.

Я поцелую в алы губки,
Домой веселенький пойду.
Приду домой, я лягу в койку,
Всё равно не буду спать,
Не буду спать, а буду думать:
Одна мечта — любить тебя.

7. Кто-то нет, кого мне очень жаль
Уезжает милый вдаль.
Уезжает, оставляет одни ласковы слова.
На прощаньице оставил с ручки перстень золотой.
День на рученьке перстень носила.
Ночью в голову клала.
Для того перстень клала,
Чтоб виделся милой во сне.
Чтоб виделся, снился, как говаривал со мной.

По утру ранешенько вставала,
Заливалась слезами.
Все свои пуховы подушечки
Потопила во слезах.
Сомалиново ново одеялечко
Не согрело грудь мою.
Не согрело, милый, не угрело,
Без тебя, мой дорогой.
Живет-то мой расхороший,
Он за Волгой, за рекой.
А Волгушка-матушка широка,
Нету хода, нету пути.
Только было ходу-переходу,
Легка лодочка плывет,
Во этой легкой лодочке
Мой миленький живет.

8. Кругом, кругом осиротела
Я без тебя, хороший мой,
С тобой все счастье улетело
И не воротится назад.

В твоих летах любить опасно.
Иль ты завянешь, как трава,
Иль ты завянешь и спосохнешь,
Расцвести не сможешь никогда.

Когда цвет розы расцветает,
То всяк старается сорвать,
Когда цвет розы опадает,
То всяк старается стоптать,

Когда девчонка лет семнадцать,
То всяк старается любить,
Когда девчонка уж стареет,
То всяк старается забыть.

9. Разлилась Волга широко,
Милый мой теперь далёко.
Ветерочки парус гонят,
От разлуки, ох, сердце стонет.

Зачем было сердце вынуть?
Полюбив, потом спокинуть?
О разлуке если б знала,
По тебе бы не страдала.

Во прощальный наш денечек
Я дарю тебе платочек,
На платочке — сини коймы,
Возьмешь в руки — меня вспомнишь.

10. Шумел камыш, деревья гнулись,
И ночка темная была,
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А поутру они проснулись —
Кругом помятая трава,
Но не одна трава помята —
Помята девичья краса.

— Приду домой, а дома спросят:
«Куда ходила, где была?»
А я скажу: «В саду гуляла,
Домой тропинки не нашла».

— А если дома заругают,
То приходи опять сюда.
Она пришла — его уж нету,
Его не будет никогда.

Она глаза платком закрыла
И горько плакать начала:
— Куда краса моя девалась,
Кому я счастье отдала?
И лучше б я его не знала
И нелюбимая была!

Шумел камыш, деревья гнулись,
И ночка темная была,
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

11. Мальчишка, мальчишка¹,
Несчастный рожден,
Несчастный родился,
Во горе возрос.

В одну я влюбился,
И та неверна:
Вчера обманула,
Гулять не пришла.

Как зорко смотрела
Она мне в лицо
И молча надела
На ручку кольцо,

Надела, сказала:
«Златое оно,

¹ Вариант этой песни с другим зачином см. в разделе «Чухломская свадьба», № 62.

Златое, литое,
На память дано.

Ну если златое,
То будет сиять,
А ты, мой хороший,
Своей называй».

Кольцо спотускнело,
И диво мое
С другим улетело
В чужие края,
В чужие, в дальные —
Не знаю куда.

С тех пор я, мальчишка,
Брожу сиротой,
Смотрю на колечко,
Сам плачу по ней,
Сам плачу-рыдаю
По милой своей.

12. Это было дело летом, не зимою,
Летом, не зимою — вёшнею порою.
А мы с тобой, мой милый, во саду гуляли,
Пташки-кенарейки громко распевали.

Издали-далече голос раздается —
Это, верно, Шура с милым расстается,
Выходила Шура за новы ворота,
Простояла Шура с милым до полночи.

[Простояла Шура с милым до полночи].
Говорила Шура потайные речи:
— Куда ж ты, милый, едешь, куда уезжаешь,
На кого, голубчик, меня оставляешь?

[— Оставляю, Шура, на людей, на Бога]
На людей, на Бога, нас на свете много,
Нас на свете много, выбирай любого.
— Выбирать я буду, а любить не буду.

— Не плачь, душа Шура, не стой предо мною,
Не стой предо мною, не обливай слезою,
[Не стой предо мною, не обливай слезою],
А то люди скажут, что я жил с тобою.

— Пушай люди скажут, а я не боюсь!
Кого я любила — с тем я расстаюся,
Кого ненавижу — с тем я остаюся.

13. Под зеленой яблонькой
Я, как лен, цвела.
Жизнь моя отрадная,
Как река текла.

В хороводах и кружках
Всюду мил со мной.
Не сводил очей с меня,
Всё любовался мной.

А теперь милый мой
Стал совсем чужой,
Все те ласки прежние
Отдает другой,

Но она разлучница,
Чем лучше меня?
Отняла любимого
Дружка от меня.

14. Чудный месяц плывет над рекою,
Да всё в объятьи в ночной тишине.
Ничего мне на свете не надо,
Да только видеть тебя, милой мой,
Только видеть тебя, розлюбезной,
Да любоваться твоей красотой,

Но, увы, коротки наши встречи,
Да ты спешишь на свиданье с другой.
Ты иди, пусть одна я страдаю,
Да пусть напрасно волнуется грудь.

Для кого я жила и страдала,
Да и кому свою жизнь отдала?
Как цветок ароматной весной,
Для тебя одного росцвела .

15. Девчонка молодая
Иссохла в один час,
Ко мне мил не приходит,
Пойду к нему сейчас.

Иду, а ветер дует,
Едва на свет гляжу.
А сердце во мне ноет;
Я ближе подхожу,

Подошла к крылечку
И стала у дверей.
Дрожжавою рукою
Я дернула звонок.

Тут верная служанка
Мне руку подает
И с гордою улыбкой
По комнаткам ведет,
Где измена скрыта,
К той двери я подошла.

Дверь при мне открылась,
Я вижу наяву:
Мил держит на коленях
Красавицу одну.

Красотка, не влюбляйся,
Поверь, что я права.
Меня ты не стесняйся,
Обманет он тебя.

16. Размилые подружки,
Вам счастье, а мне нет.
Не легче ли мне будет
Живой в могилу лечь?

Жива в могилу лягу,
Скажите: «Померла».
Остальные все силы
Дружку я отдала.

Любила дружка страшно,
А он меня забыл.
Страдаю понапрасну —
Другую полюбил.

Люби, милой, другую.
А счастья не найдешь².

17. Всё горит огнями,
Засветился зал,
Музыка заиграла,
И вот начался бал.

Пара за парой,
А милый мой с другой.
Сердце ревнует:
Жаль, что не со мной.

Лучше бы кинжалом
Он в грудь мою вонзил,
Но не чем другую
На вальс он пригласил.

² Вар.: «не видать».

Любит он другую,
Крепко к сердцу жмет
Он про то-то не знает,
Что дитя растет,

Вырастет малютка,
Спросит: «Где отец?»
Я зальюсь слезами
И дам таков ответ:

«Папы у вас нету,
Милое дитя».
А из глаз катится
Невольная слеза.

«Брось ты плакать, мама,
Хватит слезы лить.
Папы у вас нету,
Его не воротить».

Чем я не красива,
Чем не хороша.
И любить сумею
Не хуже, чем она.

Что я ни одену —
Всё ко мне идет,
А лицо-то белое
Больше не цветет.

Зеленая роща
Травой заросла.
Семнадцать лет девчонка
С измены умерла.

Мужчины, вы, мужчины,
Коварные сердца.
Вы любите словами,
А сердцем — никогда.

Огонь горит — пылает,
Любовь сильнее огня.
Огонь зальешь водою,
Любовь — ничем нельзя.

18. Все пташки-кенарейки
Так жалобно поют,
А нас с тобой, мой милый,
Разлуке предают.

Разлука, ты разлука,
Чужая сторона,
Никто нам не разлучит,
Ни солнце, ни луна.

Зачем нам разлучаться,
Зачем в разлуке жить?
Не лучше ль повенчаться
И друг друга любить?

Сыграйте мне разлуку,
Мой милый не пришел,
Наверно, он, наверно,
Другую нашел.

19. Над серебряной рекой,
На златом песочке
Долго девы молодой
Я искал следочки,

А следов знакомых нет,
Нет уж, не бывало,
А изменница моя
Здесь уж не гуляла,

Я слышал, вдалеке
Колокол раздался,
Сел на ворона коня
И туда помчался,

Тронул шпорам по бокам,
Конь летит стрелою,
Близ ограды конь летел,
Крестики мелькали.

Перед церковью святой
Конь остановился,
Снял я шляпу со кудрей
И перекрестился.
А на паперть я взошел,
Богу помолился,

В церкву двери отворил,
Там народ толпою,
А изменщицу мою
Водят круг налою,

Дай ей, Боже, святой час
И любовь большую.
Неужель я, молодец,
Не найду другую?!

20. Зачем ты, безумная, губишь
Того, кто увлекся тобой?
Всё равно ведь меня ты не любишь,
Не любишь, так Бог же с тобой.

Меня не полюбит другая,
Я буду мечтать об одной.
Поверь же, моя дорогая,
Всем сердцем увлекся тобой.

У церкви стояла карета.
Там пышная свадьба была.
Все гости роскошно одеты,
На лицах их радость цвела.

Невеста была в белом платье,
Букет был приколот из роз.
Она на святое распятие
Тоскливо взидала сквозь слез.

Горели венчальное свечи,
Невеста была так бледна,
Священнику клятвенны речи
Сказать не хотела она.

Я видел, как бледный румянец
Покрывл молодое лицо,
Когда же священник на палец
Надел золотое кольцо,

Я слышал, в толпе говорили:
«Жених неприятный такой!
Напрасно девицу сгубили».
И вышел я вслед за толпой.

Мне стало так тяжело и больно
Что жизни своей я не рад,
И громко сказалось невольно:
«Счастливцев-соперник богат!»

21. Распрекрасная погода,
Я гуляла во саду,
А расхорошенький мальчишка
Не отходит от меня.

Он идет за иною рядом,
Про любовь всё говорит,
А я слушала, молчала,
Дальше-дальше за ним шла.

В незнакомую аллею,
Я не знала, куда шла.
Мил упал мне на колени
И сказал: «Люблю тебя».

— А посмотри, милый, на небо,
С неба светит нам луна.
А ежели люди нас заметят,
Нам с тобой будет беда,
— На что свет, на что нам люди,
Когда я люблю тебя?

Прихожу домой я поздно,
Начинает мать меня бранить:
— А где ты, дочка, так долго шлялась?
Про тебя уже все говорят.

А не прошло как [две] недели,
Мать придано собрала,
За помещика седого
Меня замуж отдала.

А помещика седого,
Я его не люблю.
Лет семнадцати мальчишку
Я забыть не могу.

А дайте кисти, дайте краски,
Живопиской буду я,
Нарисую кари глазки,
Портрет оставлю для себя.

Где вы скрылись, запропали,
Мне вас больше не видать,
А где вы скрылись, кари глазки,
Навек заставили страдать?

22. По Дону гуляет,
По Дону гуляет,
По Дону гуляет
Казак молодой.
По Дону гуляет
Казак молодой.
Тут девица плачет,
Тут девица плачет,
Тут девица плачет
Над быстрой рекой,
Тут девица плачет
Над быстрой рекой.
— О чем, дева, плачешь?

— О чем, дева, плачешь?
— О чем, дева, плачешь,
О чем слезы льешь?
— О чем, дева, плачешь,
О чем слезы льешь?
Тогда мою ручку,
Тогда мою ручку,
Тогда мою ручку
Цыганка брала
Тогда мою ручку
Цыганка брала,
Брала и гадала,
Брала и гадала,
Брала и гадала,
Смотрела в лицо.
Брала и гадала,
Смотрела в лицо.
— Несчастлиная дева,
— Несчастлиная дева,
— Несчастлиная дева,
Несчастный закон!
— Несчастлиная дева,
Несчастный закон!
Утонешь ты, дева,
Утонешь ты, дева,
Утонешь ты, дева,
В день свадьбы своей.
Утонешь ты, дева,
В день свадьбы своей.
Жених твой богатый,
Жених твой богатый,
Жених твой богатый
Не даст утонуть.
Жених твой богатый
Не даст утонуть.
Он выстелит мост,
Он выстелит мост,
Он выстелит мост
На тысячу верст,
Он выстелит мост
На тысячу верст.
Вперед сажень двести,
Вперед сажень двести,
Вперед сажень двести,
Пятьсот по бокам,
Вперед сажень двести.
Пятьсот по бокам.
Он выставит стражу,
Он выставит стражу,
Он выставит стражу,

Из юных бойцов,
Он выставит стражу
Из юных бойцов.
Вдруг стронулся поезд,
Вдруг стронулся поезд,
Вдруг стронулся поезд,
Весь мост задрожал,
Вдруг стронулся поезд,
Весь мост задрожал.
Карета упала,
Карета упала,
Карета упала
С невестой в реку.
Карета упала
С невестой в реку.
Невеста вскричала,
Невеста вскричала,
Невеста вскричала:
«Прощай, белый свет!»
Невеста вскричала!
«Прощай, белый свет!»
Еще повторяла,
Еще повторяла,
Еще повторяла:
«Прощай, милый мой!»
Еще повторяла:
«Прощай, милый мой!»

23. Она, как статуя, стояла
В наряде пышном под венцом
И с изумлением смотрела
Своим измученным лицом.

А нелюбимый с нею рядом
По праву сторону стоял
И на невесту хищным взглядом
Смотрел и счастье в ней искал.

Он властелин, она рабыня,
Она ребенок, он старик.
О, как поругана святыня!
О, как несчастен ее лик!

Когда священник тихо, вяло
Спросил: «Не клялась ли кому?»
Она ужасно побледнела
И отвечала: «Одному».

Ответ за деньги был подкуплен,
Ее уж не спросили вновь.

Обряд венчальный продолжался,
Где гибли счастье и любовь.

Когда последний гимн пропели,
Вокруг налоя повели,
Она на лик Христа взглянула,
И прошептала: «Бог, прости!»

Были слышны ее вздохи,
Но их никто не понимал.
Их понял тот, кто за налоем
По ней безумно тосковал.

Брунет красивый, ее милый,
Стоял от них в пяти шагах.
Она, увидя, прокричала:
«О, Боже, Боже, вот мой крах!»

Как сноп подкошенный, упала
К подруге на руки она
И громко-громко прокричала:
«Была и буду я твоя».

Где стол накрыт был для обеда,
Сегодня черный гроб стоял.
Вчера ей пели многолетье,
Сегоня хор ей отпевал.

Из красных роз и георгина
Подруги ей венки плели,
Из алых роз букет брунета
Ей положили на груди.

24. Вспомни, вздумай, мой любезный,
Нашу прежнюю любовь,
Как с тобой мы обещались
Вечно друг друга любить.
А теперь что случилось,
В один час мог изменить?
Изменил священную клятву,
Сам женился на другой.
Сам женился, переменился,
Не по мысли женку взял,
Не по мысли, не по нраву,
Не по сердцу своему.
Женись, женись, мой любезный,
Разрешаю тебе.
Тебя в церковь поведут,
А меня, младу, понесут.
Тебя в церкви в ряд поставят,

А меня — перед тобой.
Вам в руки свечи подадут,
И на мне, младу, зажгут.
Вас вокруг наложья поведут,
А мне отхожую споют,
Вас из церкви поведут,
А меня, младу, понесут,
Вас — во светлую светлицу,
Меня — в темный новый гроб.

25. За морями, за горами,
Там хранилась тишина.
Все спят рощи и долины,
Волны плещут в берега.

Рыцарь бедный все стремился
Ко Маврине молодой,
А Маврину снаряжали,
Жертву бедную, к венцу.

— Вы, подруги, не грустите.
Дайте сердцу вздохнуть,
Вы единое скажите:
Как мне рыцаря забыть.

Я терплю мученье, скуку
И пожертвую собой,
Я даю вам праву руку,
Как велел родитель мой.

Вот вам перстень обручальный,
Как велел родитель мой.
Поздно едет гость нежданный.
Поздно Рыцарь молодой.

Для злодея всё не поздно.
Рыцарь саблю обнажил,
Востра сабля прозвенела,
И Маврина умерла.
Умерла наша Маврина,
С ней скончалась любовь.

Ручки к сердцу приложили
И закрыли полотном.
Русу косу расчесали,
Положили тело в гроб.

В гробе тело отвечало:
«Подойди, Рыцарь, сюда,
Подойди-ка ты поближе.
Ближе к гробу моему,

Помолися, Рыцарь, Богу,
Чтобы душу возвратил». —
«Помолиться Богу можно,
Возвратить душу нельзя».

На могилу приносили —
Разверзались небеса,
Вся вселенная спросила,
Чья погибшая душа.

26. Как на главном Варшавском вокзале
Станционный смотритель пришел.
А на лавке под серой шинелью
Призадумчив сидел офицер.

Перед ним во слезах на коленях
Сидит дева, молодая краса.
У нее вид полон грустной печали,
По плечам распушёна коса.

Она крепко его целовала,
Словно что-то хотела сказать.
А так горько, так горько рыдала,
Что приходится редко встречать.

— Ты не езди, не езди, мой милый,
Пожалей хоть немножко меня!
Вспомни прежние наши свиданья,
Говорил, что ты любишь меня.

Или чем я тебе досадила?
Или хуже стала на лицо?
Всё как воск мое белое тело,
Русы волоса вьются в кольцо.

— Верю, верю, моя дорогая,
Что по-прежнему любишь меня,
Но я должен, послало начальство,
И навеки покину тебя.

Вот свисток паровоза раздался,
Офицеры спешили в вагон.
Офицер бросил девушку Нину
И в вагон за народом пошел,

А в загоне ему не сиделось,
То и дело подходит к окну.
На глазах показались слезы:
Стало жаль ему Нину свою.

Вот уж поезд к перрону подходит,
Офицер тут стоит сам не свой,
Ну а Нина его молодая
Под машину легла головой,

А на утро солдаты в вагоне
Офицера убитым нашли.
Так погибла их жизнь молодая
Из-за этой проклятой любви.

27. Была я молоденька,
Как роза цвела.
Любови не знала,
Счастливой была.
Любови не знала,
Счастливой была.
С любовью спозналась,
Тоски приняла.
С любовью спозналась,
Тоски приняла.

Упало колечко
Со правой руки.
Упало колечко
Со правой руки.
Заныло сердечко
По милом дружке.
Заныло сердечко
По милом дружке.

Сказали: мил умер,
Во гробе лежит,
Сказали: мил умер.
Во гробе лежит.
Сырою землею
Глубоко зарыт.
Сырою землею
Глубоко зарыт.

Надену я травор,
К могиле пойду,
Надену я травор,
К могиле пойду.
Приду на могилку,
Слезой зальюсь.
Приду на могилку.
Слезой зальюсь,

Почувствуй, мой милый,
Почувствуй, мой друг,

Почувствуй, мой милый,
Почувствуй, мой друг,
Как я, молоденька,
Любила тебя.
Как я, молоденька,
Любила тебя.

Любила, сгубила
Тебя, молодца.
Любила, сгубила
Тебя, молодца.
Еще погубила
Девушку себя.

28. Ветер бурный и холодной,
Скрывался месяц в облаках.
На ту зеленую могилу
Пришла красавица в слезах.

Она покрай могилы встала,
Главой на памятник легла,
Своим унынным голосочком
Будила милого дружка:

— Вставай, вставай, мой друг любезной,
Я без тебя жить не могу,
И вдруг могила продрожала,
Из гроба голос подает:

— Уйди прочь от моёй могилы³,
Твой розлюбезной крепко спит.
Она пошла и зарыдала:
— Прощай, мой милой, дорогой.

29. Всё васильки, васильки,
Много вас выросло в поле,
Помню, у самой реки
Мы собирались для Лёли.

Лёлечка бросит цветок,
В речку головку наклонит:
— Милый, смотри, василек,
Он поплывет, не утонет.

Я ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые
И без конца целовал,
Бледные щечки худые.

³ Вар.: «Уйди, уйди прочь от могилы».

Лёля любила реку,
Ночью на ней не боялась.
Помню, вечерней порой
С милым на лодке каталась.

Лёлечка бросит цветок,
В речку головку наклонит:
— Милый, смотри, василек,
Он поплывет, не утонет.

Милый тут вынул кинжал,
Тихо над Лёлей склонился.
Лёля закрыла глаза,
Венчик из рук покатился.

Утром нашли рыбаки
Тело ее у прилива.
Надпись была на груди:
«Лёлю любовь загубила».

30. Я чахоткою страдаю.
Скоро-скоро я умру,
И белый свет я спокидаю,
Сама в могилу жить пойду.

Жалко-жалко расставаться,
Мне всего семнадцать лет.
Жалко с миленьким расставаться,
Но для меня спасенья нет.

Вот уж я лежу в постели.
Солнце светит мне в окно,
И не пройдет еще недели,
Мне будет сыро, холодно.

Вот и солнце просияло
Над моею головой.
И ты, мой миленький, услышишь,
«Со святыми упокой».

Моя терпкая могила
Крапивой жгучей обрастет,
Но, кого я так любила,
Тот на могилу не придет.

Он найдет себе другую
И пройдет мимо меня,
На камне надпись прочитает
И скажет: «Прежняя жена».

31. Сегодня вечер скучный,
Мой милый не пришел —
Наверно, наверно,
С другой гулять ушел.

Захожу я в зало,
Всем ручку подала,
Головку склонила,
К рояли подошла.

— Сыграйте мне разлуку,
Что милый не пришел,
Наверно, рассердился.
С другой гулять ушел.

Заходит милый в зало —
Завитые усы.
Снимает черну шляпу,
Сам смотрит на часы.

— Смотри, смотри, мой милый,
Смотри, который час.
Наверно, наверно,
С тобой в последний раз.

Захожу я в спальну,
Что вижу пред собой:
Коварный изменщик
Целуется с другой,

— Целуйся, не пугайся,
Теперь я не твоя.
Подруга, не влюбляйся,
Обманет он тебя.

Подруга, ты, подруга,
Изменщица моя,
Отбила ты, подруга,
Друга у меня.

Подай ты мое колечко,
Возьми свою любовь,
Зажег мое сердечко
И выпил мою кровь!

Огонь пылает жарко,
Любовь жарчей огня,
Огонь тушат водою,
А любовь ничем нельзя.

Зеленая могила
Травой обросла,
Молоденькая девочка
От любви ведь померла.

32. Срисую с милого картинку
И поставлю ее на кровать.
На кровати перина пухова
И ковер со душистым цветам.
Я любила глаза голубые
И любила ребят завлекать.
Под сиреневой веткой душистой
Мы сидели с тобой, милый мой.
— Я сижу и люблюсь тобою,
Всё тобой, дорогая моя,
— Ничего мне на свете не надо,
Только видеть тебя, милый мой.
Только видеть тебя бесконечно.
Любоваться твоей красотой,
Ну, иди, пусть одна я страдаю,
Пуškai напрасно волнуемся грудь.
Ты поклялся любить меня вечно
И ласкал, как голубку меня,
А теперь стал, негодный, смеяться
И насмеявшись всю жизнь погубил.
Для кого я жила и страдала
И кому свою жизнь отдала?!
Моя могила стоит одиноко,
К ей молиться никто не придет,
Только яркое солнце высоко
Над крестом моим медным взойдет.

33. Потеряла я колечко,
Потеряла и любовь,
Как по этому колечку
Буду плакать день и ночь.

Куда девался тот цветочек,
Он долину украшал?
Где мой миленький дружочек,
Он словами обласкал?

Обольстил милой словами
И уехал навсегда,
Мил уехал и оставил
Мне малютку на руках.

Погляжу я на малютку —
Точно милый был такой.
Через тебя, дитя родное,
Пойду в море утоплюсь,
Через тебя, тиран жестокий,
Я навеки проклянусь!

Сколько раз в море бросалась,
Не нашла у моря дна.
Правой рученькой махала:
«Ты прощай, прощай, дружок!»

Ни на что так не взидала,
Как на этот темный бор.
Ни об ком так не страдала,
Как об милом об своем.

34. У рояля сидела и пела,
На сердце тревога была,
Семнадцать мне лет миновало.
Вполне я невестой была,
На лицо я была некрасива,
Но многи любили меня.

Однажды мы с миленьким дружочком
По роще гуляли вдвоем,
Кукушка над нами куковала.
Твердила измену она.

Измену твердила роковую,
Что милый изменит меня.
А я над кукушкой смеялась:
— Кукушка, кукушка, ты врешь.

Когда я домой возвращалась,
Мне дождичек крапал в лицо,
Смочил мое белое платье.
Когда я взошла на крыльцо,

Взошла тихо в спальную, разделась,
И вольно легла на кровать.
Наутро приходит подруга
И будит от крепкого сна.

— Вставай же, вставай, дорогая,
Вчера я на свадьбе была.
На свадьбе была я на знакомой:
Твой милый венчался с другой.

Невеста была в белых платьях,
Нисколько не лучше тебя,
Но только роскошно одета,
Наверно, богата она.

— Подружка, подружка, дай яду,
Дай яду, на сердце приму,
От этого крепкого яду
Я, может, скорее умру.

35. По Муромской дорожке
Стояли три сосны.
Со мной прощался милый
До будущей весны.

Он клялся и божился
Одну меня любить,
На дальней на сторонке
Меня не позабыть.

Сел на коня, помчался
В туманную даль,
Оставил мне на сердце
Тоску да грусть-печаль.

Однажды мне приснился
Ужасный страшный сон,
Что миленький женился,
Нарушил клятву он.

А я над сном смеялась
При ярком свете дня.
Коли так случится,
Чтоб он забыл меня?

Но вот мой сон и сбылся
Той раннею весной:
Мой милый возвратился
С красавицей женой,

Я у ворот стояла,
Когда он проезжал.
В большой толпе народа
Он взгляд мой отыскал.

Увидел мои слезы,
Глаза он опустил.
И понял, что навеки
Младую жизнь сгубил.

Пойду я в лес-дубраву,
Где реченька течет.
В холодные объятья
Она меня возьмет.

Когда меня достанут
С того речного дна,
Тогда злодей узнает.
Как я ему верна.

36. Милая маменька,
Сердце разбитое.
Милый не хочет любить.
Ох, милый любил бы,
Вовек не забыл бы —
Подруга старалась разбить.
Ох, полюбила, кого недостойн,
Всею я чистой душой.
Он изменил, я его не простила,
Ох, не сумела простить.
— Брось, моя деточка,
Брось, моя милая,
Перестань плакать-грустить.
Время придет — ты полюбишь другого
И будешь с ним счастливо жить,
— Что-то не верится,
Что-то не верится.
Лягу пойду отдохнуть.
Утречком раненько-раненько встану
И выйду я встречу весну.
С распушенным кудрям
Шла дева молодая
Чуть слышно в ночной тишине,
Пришла она к морю,
На пристани села,
Как будто кого-то ждала,
И тихо с тоскою кругом посмотрела
И бросилась в волны она.
Там по воде между тиной зеленой
Женское тело плывет,
Тихо плывет и о камни толкается,
Платье бедняжки о корни цепляется.
Ветка вплелась в волоса.

37. Любила меня мать, обожала,
Что я ненаглядная дочь,
А дочь ее с милым убежала
В ненастную темную ночь.

Бежала она лесом дремучим,
Бежала она рощей густой,
Взглянула на небо, вздохнула,
И вспомнила дом свой родной.

И вспомнила рощу зеленую,
Вспомнила цвет голубой
И вспомнила милого речи,
Сама залилася слезой:

— Куплю я коробочку спичек,
В стакане в воде разведу

И долго я думать не буду,
Сейчас же отраву приму.

Отрава ты моя недорогая,
Всего только стоишь пятак,
А жизнь ты моя молодая,
Погибла ты в юных годах!

38. Морячонок у реки,
Аленькие губки,
Ты возьми с собой,
Я еду в одной юбке.

Пойду маменьке скажу,
 Попрошу совета
И уеду с моряком
В край белого света.

Мать совета не дала
С моряком поехать,
А материн совет
Слушать не хотела.

Через годик на другой
Дочь идет, уныла,
На руках она несет
Морячонка-сына.

— Прими, маменька, меня,
Семейка небольшая,
Через годик будет звать:
«Бабушка родная!»

— Ступай, доченька, туда,
С кем совет имела.
Ну ты материн совет
Слушать не хотела.

— Пойдем, сынушка, туда,
Здесь нас не примают.
В синем море глубоко —
Там нас ожидают.

Дева к морю подошла,
Плакала-рыдала,
Крепко сына обняла
И в волнах упала.

Ляжет девушка на дне,
Горюшком забыта,
И желтым она песком
Глубоко зарыта.

39. Летят утки,
Летят утки
И два гуся,
Кого люблю,
Кого люблю
Не дождуся.

Ох ты, милый,
Ох ты, милый,
Где ж ты, где ж ты?
Хороши ли,
Хороши ли
Твои приветы?

Летят утки,
Летят утки
И два гуся
Кого люблю,
Кого люблю,
Того дождуся.

40. Вспомни сад и ту аллею,
И где сидели мы вдвоем.
Ты говорил, что крепко любишь,
А я поверила, поверила тебе.

Ты обещал венок и славу
И, как ребенка, вдаль манил.
Увлёк, увлёк ты для забавы,
А сам другую, другую полюбил.

Пускай богачка тебя полюбит,
Пусть посмеется над тобой.
Она любить так не сумеет,
Как любила тебя, мой дорогой.

41. За грибам девчонки в лес
Гурьбою собрались.
Как дошли до чащи леса,
Все там разбрелись.

Оне грибов не собирали,
Топтали лишь траву
Но по лесу раздается
Веселое «Ау!»

Вот одна из них девчонка
Грибы не берет.
Об одном она мечтает,
Долго не идет.

В частом лесе, на пригорке,
Береза стоит,
А у этой у березы
Кавалер стоит.

Все отдал он ей объятья,
Крепко целовал.

— Милый парень, милый парень,
Душу не губи,
Ты другую, городскую,
Лучше полюби.

С городской найдешь ты счастье,
Будешь счастлив ты,
Меня, бедную крестьянку,
Позабудешь ты.

— Нет, тебя я не забуду,
Радость ты моя,
Приготовься, я вернусь,
Возьму за себя.

Вот уж осень наступила.
Бедная все ждет.
Под ее больным сердечком
Горюшко растет.

И боясь она измены,
Грозного отца,
Порешила жизнь покончить
У того ручья.

Пояс шелковый с кистями
Шею затянул,
Парнев перстень подаренный
На руке блестнул.

42. Уродилась я,
Как в поле былинка.
Моя ли молодость прошла
По чужой сторонке.

Лет с двенадцати я
По людям ходила:
Где качала я детей,
Там коров доила.
Подоивши я коров,
Я детей кормила.

Хороша я, хороша,
Плохо я одета.
Никто замуж не берет
Девуцу за это.

Пойду с горя в монастырь.
Богу помолюся,
Пред иконою святой
Слезами зальюся:

Не пошлет ли мне Господь
Той доли счастливой,
Не полюбит ли меня
Молодец красивой?

Во зеленом во саду
Пташечка пропела.
У меня, у девушки,
Все счастье улетело.

43. А сорву веточку, а сорву витую,
А я сейчас спою вам про убитую.

А я сейчас спою, а как влюблялися,
А потом спою, как расставалися,

Они влюблялися и две минуточки,
А расставалися а трои суточки.

Они влюблялися на крутой горе,
А расставалися а под горой у ручья.

Они влюблялися, и кудри вилися.
А расставалися , и слезы лилися.

Две сестреночки, а Нюра с Мурою,
Любили мальчика, а звали Шурою.

А росхорошенький мальчик Шурочка
Любил младшую сестренку Мурочку.

А где цветы цветут да и ручьи текут,
А Нюра с Мурою туда гулять идут.

А нагулялася Нюра, домой идет,
А что-то Шурочка и провожать нейдет.

А нагулялася а тут и Мурочка,
И отозвал ее в сторонку Шурочка.

А Нюра видела, на Муру злилася
И отомстить за всё она решилася.

Нюра домой пошла и острый нож взяла,
Марусю-девушку а за кустом ждала.

Мура домой пошла, была угрюмая,
А про смерть свою она не думала.

Блеснул кинжал — упала Мурочка,
И только вскрикнула: «Прощай, мой Шурочка!»

А на крик ее и бежит Шурочка,
Заглянул в кусты — убита Мурочка.

— Ах ты, Нюрочка, да Нюра — зверь лесной,
Убила Мурочку, не жаль сестры родной!

А в церкви тихий звон, хоронят Мурочку,
И вместе с Мурочкой хоронят Шурочку.

А в церкви тихий звон, хоронят Мурочку,
А на канальный строй и гонят Нюрочку.

А на канал-строю Нюре не нравится,
Убила Мурочку, теперь кается.

А сорву веточку, а сорву витую,
А я кончаю петь вам про убитую.

44. В саду ягода-малина
Под приклытием росла,
Свет княгиня молодая
С князем в тереме жила.

А у князя был слугою
Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой.

Он не даривал княгиню,
Он ни золотом, ни серебром,
Только даривал княгиню
Своим беленьким лицом.

А княгиня к Ване льнула,
Как сорочка ко плечу.
Целовала, миловала,
На постелю спать звала:
— Ты ложись, ложись, Ванюша,
Спать на князеву кровать.

По известным наговорам
Князь дознался до жены,
Князь дознался-догадался,
Посадил в терем жену.

— Уж вы слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы возьмите-приведите
Ваньку-ключника ко мне.

Тут ведут-ведут Ванюшу,
А у Ваня кудри вьет,
На нем шелкова рубашка,
Ветер веет — к телу льнет.

— Ты скажи, скажи, Ванюша,
Сколько лет с княгиней жил?
— Ничего, сударь, не знаю
И не ведаю про то.

Знает только ночка темна
Да подушка пухова,
Еще больше того знает
Свет княгиня молода.

Тут повесили Ванюшу
На шелковом поясе,
А княгиня молодая
Умирает на ноже.

45. Меж крутых бережков
Полна речка течет,
А по ней по волнам
Ночью лодка плывет.

И сидел молодец,
Шапка с кистью на нем.
Он с веревкой в руках
Волны резал веслом.

Он ко бережку плыл,
Лодку вмиг привязал,
Сам на берег сошел,
Соловьем просвистал.

Одиноко она
Отворила окно,
Молодца приняла
По веревке умно.

И всю ночь пировал
С ненаглядной душой.

На заре утром он
Возвращался домой.

Муж красавицы был
Воевода лихой,
Молодца повстречал
Он вдали за рекой.

Долго бились они
На крутом берегу,
Не хотел уступать
Воевода врагу.

Но последний удар
Их судьбу порешил,
И в конце их конец
Навсегда положил.

Меж крутых бережков
Волга-речка течет,
По реке, по волнам
Шапка с кистью плывет.

И теперь в хutorке
Уж никто не живет,
Лишь один соловей
Только песню поет.

46. При широкой при долине
Горит печальная луна.
Не слышу голосу родного,
Не слышу песни ямщика.

Молодой ямщик Ванюша⁴,
Он гонит тройку лошадей,
Он гонит тройку темно-карю
А со несчастным седокам,
А со такими со несчастным —
А с молодыми некрутам.

А тройка скачет, ямщик плачет,
А седоки песни поют,
А сизый гуленька порхает,

⁴ Вариант из г. Чухлома в этом месте таков:

А только слышу Ванюшеньку,
Он гонит троечку коней.
А его кони шибко бойки,
Да словно вихорь их несет,
А колоколишко литое
Звенит уныло под дугой.
Ох, красна девица вздыхает,
Сидя в высоком терему...

Летя к дружечку своему,
А красна девушка вздыхает,
Сидя в высоком терему.

Она вздохнет, ей вздохи тяжки,
Польются слезы из очей.
[— Катись, слеза моя горяча,
Катись по белому лицу!
Возьму свой беленький платочек,
Прелестны очи оботру]⁵.

Куда мой миленький уехал⁶,
Куда отрада запропал?
Во путь, во дальнюю сторонку,
Меня с собой взять не хотел⁷.

47. Ничто меня не тешит,
Ничто не веселит,
Одно-то лишь огорченье,
Мил плакать всё велит,

Больной меня считает,
Лечиться все велят.
Какая же я больная,
Пойду я в сад гулять.

Гуляла я во садочке,
Гуляла в зеленом,
Искала я те следочки,
Где с милым шли вдвоем.

Следов-то не находила,
Садилась под кусток
На зеленую на травку
Под яблонь кужляву.

Летели-то две голубки,
Одна за одной гналась
Одна-то села на ветку,
Другая на кусток.

⁵ В квадратных скобках — пропущено при пении, восстановлено под диктовку исполнительниц.

⁶ Вар.: «девался».

⁷ Вариант из г. Чухлома завершается так:

...Али ты в далекой путь, в долину,
Али в родную сторону?
А на родимой на сторонке,
Верно, жениться пожелал?» —
«А я уеду, не приеду,
Да не приеду года с два,
А через годика-то два
Да я примчуся, как стрела.

Одна-то с куста спорхнула
Ко мне на белу грудь,
А я-то, млада, вздохнула:
«Ну где ж мой милый друг?

Ну где ж моя отрада,
Сережа-пастушок?
Ходил-то всегда от стада
Ко мне на бережок.
Играл-то моя отрада,
В серебряный рожок».

Ничто меня не тешит,
Ничто не веселит.
Одно-то лишь огорченье,
Мил плакать всё велит.

48. Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
А перед ним по ветру
Качались тростники.

Один тростник он срезал,
На него взглянул,
Один конец надрезал,
В другой конец подул.

И словно оживленный,
Тростник заговорил.
То голос человека,
То голос ветра был.

— Я была девица,
Красавицей росла,
У мачехи в темнице
Я как цветок была.

И был сынок любимый
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.

Пошли мы раз под вечер
На берег на крутой
Глядеть на сини волны,
На запад золотой.

Любви моей просил он,
Любить я не могла,
Денег мне дарил он,
Я денег не брала.

Несчастную сгубил он,
Ударил в грудь ножом.
И труп мой схоронил он
На берегу крутом.

И на моей могиле
Взошел тростник большой,
В нем живут печали
Души моей больной.

49. — Когда имел златые горы
И реки, полные вина,
Все отдал бы за ласки взоры,
Чтоб ты владела мной одна!

— Не упрекай несправедливо,
Скажи всю правду ты отцу,
Тогда свободно и счастливо
С молитвой мы пойдем к венцу.

— О, не твою ли, голубка, руку
Просил я у отца не раз?
Отец не понял моей муки
И дал жестокий мне отказ.

Тогда бежать я с ним решилась,
Поверив клятве роковой,
На Божий храм перекрестилась,
В слезах взглянув на дом родной.

Умчались мы в страну чужую,
А через год он изменил,
Забыл он клятву роковую,
А сам другую полюбил.

А мне сказал, смеясь изменно:
«Ступай обратно в дом отца,
Оставь, Мария, мои стены» —
И проводил меня с крыльца.

— За речи, ласки огневые
Я награжу тебя конем:
Уздечка, хлыстик золотые,
Седельце шито жемчугом.

— На кой мне черт твоя уздечка,
На что мне конь твой вороной?!
Ты иссушил мое сердечко,
А сам женился на другой.

Прошло два года с половиной.
Ну что случилось потом?
Сидит Мария за работой,
Стучится странник под окном.

Мария двери отворила
И видит друга пред собой
И громко-громко закричала:
«Уйди, уйди, изменник мой!»

А на руках у ней ребенок:
«Скажи-ка, мама, это кто?» —
«Тебе — отец, а мне — бродяга» —
Сказала, затворив окно.

— Вы, все друзья его, родные,
Гоните в шею подлеца.
Он пропил все золотые горы
И реки, полные вина!

Уж не блестит гора золотая,
И не журчит вина ручей.
И той красавицы не стало,
И не слышать ее речей.

50. Прощай, жестокое страданье...
Как болит сердце, ноет грудь
Ты уезжаешь, меня бросаешь,
Ну что же делать, счастливый путь.

Скажи, скажи, когда вернешься,
Скажи, скажи, когда встречать.
Мое сердце предсказало:
Тебя мне больше не увидеть.

Твоих друзей я много встречу,
Но не увижу я тебя.
Твой нежный голос я не услышу,
Не донесется он до меня.

Прощай, жестокое страданье,
Как болит сердце, ноет грудь.

51. Подружки милые, мне скучно,
Куда деваться мне с тоски?
Нейдет, нейдет мой расхороший,
Нейдет, не любит он меня.

Кругом, кругом осиротела
Я без тебя, мой дорогой,

С тобой всё счастье улетело
И не воротится домой.

Во сне, как сокол, мне приснился,
На сердце искру заронил,
Сказал: «Гуляй, моя милая,
И не влюбляйся ни в кого!

В твои года любить опасно,
И ты завянешь, как трава,
И ты завянешь и засохнешь,
Расцвести не сможешь никогда.

Когда цвет-роза расцветает,
То всяк старается сорвать,
Когда цвет-роза отцветает,
То всяк старается стоптать.

Когда девчонка молодая,
То всяк старается любить,
Когда девчонка устарела,
То всяк старается забыть!»

Из письма А. И. Петушковой (2011 г.): «3 декабря с. г. в 18 часов (примерно) на телеканале “Культура” шла передача “Большая семья” про новый фильм Хотиненко “Дорога” (может, и не так называется, я слушала вначале невнимательно, между делом), и вдруг зазвучала русская народная песня, меня как током ударило. Пела девочка-подросток (она играет в этом фильме). Песню эту я хорошо знаю, мотив точь-в-точь и интонация исполнена так же точно.

Вот история этой песни: еще в 1955 г. эту песню я услышала от своей двоюродной тети (дер. Крючково), ей тогда было 62 года. Мне эта песня так понравилась, что я сразу записала слова и выучила мотив. Эту песню я никогда не забывала, часто напевала, но нигде я ее больше не слышала никогда...

Пишу я это вот по какому поводу: когда будете смотреть этот фильм и услышите эту красивую песню, знайте, что эта песня нашего Чухломского района. Вот у нас какие были прекрасные песни. Я рада, что она не канула в вечность».

52. Зашел в деревню, кругом тихо,
Кругом ночная тишина,
Наверно, милка не гуляет,
Наверно, спать она легла.
С ее я домом поравнялся,
Она сидит возле окна,

Сидит и маму умоляет:
— Пусти, мамаша, погулять!
Ко мне придет сегодня милый,
И я должна его видать.

— Хватит, дочка, нагулялась,
Пора и замуж отдавать!

Иди гуляй, только недолго,
А то не буду отпирать!

— Здравствуй, милка дорогая,
Здравствуй, милка, и прощай!
Мене велят нонче жениться,
Но не велят тебя мне брать.

Позволь-позволь, моя милая,
Да праву рученьку пожать,
Еще позволь, моя милая,
Последний раз поцеловать!

53. Товарищи, внимание!
Создайте тишину!
Спою я вам страдание
Про Манину беду:

В Грибанове, в деревне
Случилась беда:
Семнадцать лет девчонка
Погибла от ножа.

Леня⁸ шел дорогой,
А пыль ему в лицо.
В это время Манечка
Вышла на крыльцо.

Кому како гулянье,
С калитки, до ворот,
А Манино свидание
Всю ночь напролет.

«Леня, милый Леня,
На что ты меня звал?» —
«За твою измену
Порезать вас желал».
«Не я вас изменяю,
Изменял ты мне.
Зарежешь меня, Леня,
Сидеть будешь в тюрьме».

«Зарежу тебя, Маня,
Сидеть буду в тюрьме,
А я буду думать,
Что ты в сырой земле».

Левой рукою
Он Маню обнимал,

⁸ Вар.: Ваня.

Правою рукою —
Кинжаликом нажал.

Наивный голосочек
Марусин пропищал...
/...../

Товарищи, внимание!
Должны вы все понять:
Не надо так влюбляться,
Не надо изменять.

Товарищи, внимание!
Давайте тишину!
Кончаю петь страдание
Про Манину беду.

54. Сегодня у нас воскресенье.
Мой милый ко мне не придет.
Не шейте мне белое платье,
Оно мне совсем не идет.
А шейте мне желтого цвета,
Я с милым в разлуке живу.

Любила цветы полевые,
Любила я их поливать.
Любила глаза голубые
В ночной тишине целовать.

Бывало, вечерней порою
Выйду я в сад погулять,
И уж, конечно, не скрою-
Буду я милого ждать.

Жду я его, не дождуся.
Знать, он не любит меня,
Верно, он любит другую.
Ох, как несчастлива я.

Слышу, шаги раздаются,
Вижу, мой милый идет.
Я, как плетень, обовьюся
И расцелую его.

Тут уж пойдут разговоры,
Тут уж пойдет болтовня.
Вспомнятся прежние ссоры,
Ссоры, конечно, любя.

55. Позовите ко мне музыканта,
Пусть сыграет разлучный мне вальс.

Я рассорилась с милым сегодня,
И никто не помирят уж нас.

Помирить уж нас с миленьким поздно,
Да и злоба на сердце лежит.
Дайте, дайте наплакаться вволю
И последние дни пережить.

Поздно я разузнала злодея,
Но не в силах была отказать.
Притворяться я так не умела,
Над собой позволяла шутить.

Хулиганистый был он мальчишка,
Говорил, что он любит меня.
Даже совесть я с ним потеряла —
Что же делать теперь буду я?

Все подруги меня избегают,
И отец ненавидит меня.
Мать со свету совсем изживает,
Что же делать теперь буду я?

Только ты, моя матушка Волга,
Только ты приласкаешь меня.
Отведи меня в глубокое место,
Схорони там, сиротку, меня.

56. Я встретил розу,
Она цвела
И ароматом
Была полна.

А утром рано
Я в сад привел
И этой розы
Я не нашел.

«О, роза, роза!» —
Я закричал, —
«Зачем тогда я
Вас не сорвал?

Я побоялся
Шипов твоих.
Теперь ты, роза,
В руках других».

Сорвали розу,
Помяли цвет,

А этой розе
Семнадцать лет.

О, парни, парни,
Вот вам совет,
Не рвите розы
В семнадцать лет.

Розы прекрасные,
Розы нежны.
И эти розы
Нам всем нужны.

57. — Окрасился месяц багрянцем,
Где волны бушуют у скал.
Поедем, красотка, кататься,
Давно я тебя поджидал.

— Кататься я с милым согласна ⁹,
Я волны морские люблю.
Дай парусу полную волю,
Сама же я сяду к рулю.

— Ты правишь в открытое море,
Где с бурей не справиться нам.
В такую шальную погоду
Нельзя доверяться волнам.

— Нельзя, почему ж, дорогой мой?
А в горькой минувшей судьбе,
Ты вспомни, изменщик коварный,
Как я доверяла тебе!

Мне изменил ты однажды,
Теперь провела я тебя.
Смотри, какой ножик булатный
С собою недаром взяла.

Окрасился месяц багрянцем,
Где волны бушуют у скал.
На утро приплыли два трупа,
И с ними разбитый штурвал.

58. Вянет-пропадает
Красота моя,
От лихого мужа
В доме нет житья.

Пьяный он колотит,
Трезвый все молчит.

⁹ Вар.: Я еду с тобою охотно.

Не того желала,
Когда шла к венцу.
К братцу я ходила,
Плакалась отцу,

Плакалась соседям,
Плакалась родным.
Никто не жалеет —
Ни чужой, ни свой,

Есть в селе солдатик,
Дальняя родня.
Только он жалеет,
Любит он меня.

Вот пройдет с гулянья,
Далеко хлебами
За село уйдет.

Вот приду с гулянья,
Спросит, где была.
Где была, там нету,
Отвечала я,

Хоть и поколотит,
Не велик наклад:
Милого побои
Недолго болят.

59. Кари глазки, куда ж вы скрылись?
Мне вас больше не видать.
Куда вы скрылись, запропали,
Навек заставили страдать?

И я страдала, страдать буду,
В какой бы ты ни был стороне.

Пойду я с горя в чисто поле,
Во дремучий, темный лес.
И закричу я шибко громко,
Я зверей лютых созову.

Уж вы, звери, мои звери,
Звери лютые мои,
Вы придите, растерзайте
Тело белое мое.

Выньте сердце, отнесите
Дружку милому моему.
Пусть он взглянет, сожалея,
Быть может, вспомнит обо мне.

60. Вот, товарищи, расскажу я вам —
Этот случай был в прошлом году:
Как на кладбище Митрофановском
Отец дочку зарезал свою.

Отец, дочь и мать жили весело,
Но недолго тут шла благодать.
Он нашел свое жену новую:
— Надя, Надя, вот будет нам мать.

Неродная мать не обидела
Малолетнюю крошку сперва,
Но в душе ее ненавидела
И отцу вот задачу дала:

— Всей душой люблю тебя, миленький,
Только жить мне с тобою невмочь.
Говорить тебе даже совестно:
Жить с тобою мешает мне дочь.

Ты убей ее иль в приют отдай,
Только сделай ты всё поскорей.
А не сделаешь — я уйду от вас,
Мне одной будет жить веселей.

Мысль звериная пришла в голову,
И не стал отец дочь любить.

Жаркий день стоял, холодок в тени,
На кладбище ребенка стал звать.
Не хотелось ей со отцом идти,
Но хотелось проведать ей мать.

Жаркий день стоял, холодок в тени,
И цветочки она стала рвать.
Вдруг отец кричит:
— Подойди ко мне, моя милая,
Я хочу тебе слово сказать.

Ты, родная дочь, иди к матери,
Ты на свете мешаешь нам жить.
Пусть душа твоя горемычная
Вместе с мамой в могиле лежит.

Засверкал тут нож палача-отца,
И слышался крик,
И кровь алая по земле текла,
И над трупом стоял зверь-отец.

И цветы лежат возле девочки,
Знать, она собрала для себя,

И венок плела, сама думала,
Чтоб могилу цветами убрать.

А отец-бандит за решеткою
В исправдоме за дочку сидит.
И в глаза ему представляется:
Его дочка в могилу зовет.

И стоят теперь там три крестика,
И отец возле дочки лежит.
И жила с ним дочь, пела песенки:
— Я не знала, что папа — бандит.

61. Три дня хлеба не пекла,
Хату не топила,
Мужа с раннего утра
В город проводила.

Три лукошка толокна
Продала соседу,
Накупила я вина,
Собрала беседу.

Вот кутила и пила,
Напилась, свалилась,
В это время тихо дверь
В хату отворилась.

Вот заходит наш отец,
Злой и истомленный,
Дети с голоду ревят
В хате нетопленной.

— Об тебя, моя душа,
Изобью всю плетку,
Не меняй ты никогда
Толокно на водку!

Уж как это толокно
Дорого досталось —
Трое суток наповал
Бедная валялась.

Ой, болит моя спина,
Голова кружится,
Лягу спать, а толокно
И во сне мне снится!

62. Раз я в дачу захожу,
Во все стороны гляжу, так сказать,

Всех я больше взгляд взираю на кровать,
Мы сидели с ей в тиши,
Говорили от души;
— Ты, наверно, очень рад,
Мой муж уехал в Ленинград.
Мы сидели, пили чай.
Муж вернулся невзначай,
Муж серьезный, взгляд суровый
Кинул на жену,
А я в это время
Под кроватью уж сижу.
Муж коварный услышал
И к кровати подошел.
Выволок меня на свет,
Ой, друзья, тут уж мне спасенья нет,
И давай меня ласкать,
Во все стороны таскать,
То на север, то на юг,
И на запад, на восток.
В дверь парадной меня приволок,
Кулачком благословил
И вниз по лесенке спустил,
Я не помню, как летел,
Я очнулся — уж сижу.
Коло лесенки внизу,
Ребры, кости посчитал...
Вот, друзья, закажу и вам,
Как любить замужних дам.

63. С вином мы родились,
С вином мы умрем.
С вином похоронят
И с пьяным попом.
Налей, налей, товарищ,
Заздравную чашу,
Кто знает, что с нами
Случится впереди?
Сидел я на крыше,
А может быть, и выше.
Сидел я на самой на трубе,
А ты мне изменила,
Другого полюбила.
Зачем же ты мне шарики крутила?
А взял я тебя босу,
Раздету, безголосу
И целый год в порядок приводил,
А ты мне изменила,
Другого полюбила,
Зачем же ты мне шарики крутила?
Я зубы тебе вставил

И шею мыть заставил,
«Тройным» одеколоном надушил,
А ты мне изменила,
Другого полюбила,
Зачем же ты мне шарики крутила?

64. Последний нонешний денечек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.

Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая.
С которой три я года жил,
Вести к венцу ее собирался,
Любить до гроба обещал,

Коляска к дому подкатилась,
Колеса об землю стучат.
В коляске старшие вскричали:
— Готовьте сына своего!

Крестьянский сын давно готовый,
Семья вся замертво лежит,
Его котомка с сухарями
Давно на полочке лежит,

— Благослови меня, родная,
Быть может, на смерть еду я,
Быть может, меткая винтовка
Из-за куста пронзит меня.
Прольется кровь моя ручьями,
Заносит сердце у меня.

65. Под ракитою зеленой
Русский раненый лежал,
В грудь штыком он был промгленный,
Крест он медный прижимал.

Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок,
Над ним вился черный ворон,
Чуял лакомый кусок.

— Ты не вейся, черный ворон,
Ты не вейся надо мной.
Ты добычи не дождешься,
Я солдат еще живой.

Ты слетай-ка, черный ворон,
На родиму сторону,

Ты снеси-ка, черный ворон,
Отцу с матерью поклон.

А жене моёй Марусе
Нет поклонов никаких,
Ты скажи моёй Марусе:
Я женился на другой,
Сабля вострая венчала,
Шашка свахою была.

66. Ох, в Тогенроге,
В Тогенроге случилась беда:
Ох, там убили,
Там убили молодого казака,
Ох, схоронили,
Схоронили при крутой большой горе,
Ох, поминали,
Поминали при широкой долине.
Ой, там летели,
Там летели два ясные сокола,
Ох, сели-пали,
Сели-пали ко вдовушке на дворе.
Ох, крылышками,
Крылышками широк дворец размели,
Ох, голосами,
Голосами всё вдовушку будили:
— Ох, встань, проснися,
Встань, проснися, молодая вдовушка,
Ох, ты послушай,
Ты послушай, что там люди говорят,
Ах, люди бают,
Люди бают — всё вдовушку ругают.
Ой, все солдаты,
Все солдаты на побывочку идут,
А еёного мужа,
Твоего мужа на носилочках несут¹⁰.

67. Знаю, ворон, твой обычай:
Ты пришел от мертвых тел
И с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел,

Вышла Маша на крылечко.
Спошатнулася слегка
И узнала по колечку
Чья у ворона рука.

¹⁰ Все строки, кроме последней, повторяются дважды.

Это ручка-белоручка,
Ручка милого дружка
Золотое-то колечко —
Это я ему дала.

68. Не умею петь да я цыганскую,
Спою «Семеновну» про партизанскую.

Начинаю петь про партизанскую,
Про Зою-девушку Космодемьянскую,

Была девушка черноокая,
Но судьба ее была жестокая.

Враги немецкие бомбили Ленинград,
Ушла Зочка в партизан отряд,

Распрощалась с родной мамочкой,
Стала Зочка партизаночкой.

В одну темну ночь был туманный мрак,
Командир не знал, где расположен враг.

Была веселая комсомолочка,
И отправилась в разведку Зочка.

По кустам ползла, остерегалась
И до врагов Зоя добралась.

Тут накнулись озверелые
И связали ей руки белые.

Повели ее прямо к двум столбам,
Махнула Зочка платком своим друзьям.

Над ней спускалася петля мерная,
А она, Зочка, была уж мертвая.

Я кончаю петь про партизанскую,
Про Зою-девушку Космодемьянскую.

69. На горизонте морского канала —
Пышный, румяный закат,
А на руках у сестры умирает
Дальневосточный моряк.

Только, вот только осколком гранаты
Рану ему нанесли,
И в лазарет его тут же в шинели
С палубы вниз унесли.

Доктор седой покачал головою,
Тихо сказал: «Не жилец.
Сердце не бьется и кровь остывает,
Час проживет — и конец».

В белом халате, забрызганном кровью,
Тихо сестра подошла;
Взгляд у ней нежный, родной и знакомый:
В нем она брата нашла.

«Доктор, спасите, спасите, спасите,
Ведь это единственный брат!»
Голос услышав родной и знакомый,
Зашевелился моряк.

На горизонте морского канала —
Тусклого солнца закат,
А на руках у сестры уже умер
Дальневосточный моряк.

70. Вниз по Волге-реке,
С Нижня Новгорода
Снаряжен стружок,
Как стрела, летит.
Как на том стружке,
На снаряженном,
Удалых гребцов
Сорок два сидят,

Они все сидят
Развеселые.
Как один из них,
Добрый молодец,
Призадумался,
Пригорюнился
Об одной душе
Красной девице.

— Уж вы, братцы мои,
Друзья-товарищи,
Сослужите вы мне
Службу верную.

Вы возьмите мою
Буйну голову,
Киньте-бросьте ее
В Волгу-матушку.

Легче в Волге быть
Утопимою,

Чем на свете ей быть
Нелюбимою!

71. Зачем я встретился с тобою,
Зачем я полюбил тебя?!
А мне назначено судьбою
Идти в сибирские края.

Пройдет зима, настает лето,
В полях цветочки расцветут.
А мне, бродяге, в это время
Железом ноги закуют.

Придет цирюльник с бритвой острой
И обреет правый мне висок.
Я буду вид иметь ужасный
От головы до самых ног.

Вот поезд к пристани подходит.
Стоит иркутский на горе.
А чья-то, чья-то дорогая
Стоит и плачет в стороне.

Когда взглянул, сам горько заплакал
И вытер слезы рукавом,
Красотка тоже вытирала
Своим батистовым платком.

72. Все подружки веселятся,
Да я в неволюшке сижу.
Я в неволе и в заботе,
Из тюрьмы в окно гляжу.

Я в неволе и в заботе,
Да из тюрьмы в окно гляжу,
А в тюрьме окно высоко,
Дверь всегда назаперти,

Сторож двери открывает,
Да писарь с требой идет:
— Ты послушай, душа Маша,
Тебя снова суд зовет,

Ты послушай, душа Маша,
Тебя снова суд зовет.
— Я сама про это знаю,
Да что давно в тюрьме сижу.

Вышла Маша на крылечко,
Стоит воиско кругом.

Вышла Маша за ворота,
Стоит черный экипаж.

В карету Машу посадили,
Карета быстро понеслась,
А над ней над головою
Вольна пташечка вилась.

— Ты не вейся, вольна пташка,
Да над моей над головой —
Ты слетай-ка ты, лучше, пташка,
К отцу, к матери моей,

Ты слетай-ка, вольна пташка,
Да к отцу, к матери моей,
Ты скажи моей мамаше,
Что судить будут тяжело,

Тяжелехонько судили —
В Сибирь на каторгу идти.
Не боюсь я Сибири,
Мне не страшны кандалы,

Я не душу погубила
И не дом я подожгла —
Я студента полюбила
И с ним политику вела,

Я студента полюбила
И с ним политику вела
И вот за это преступленье
В Сибирь на каторгу пошла.

73. Бывали дни веселые,
Гулял я, молодец,
Не знал тоски-кручинушки,
Как вольный удалец.

Бывало, вспашешь пашенку,
Лошадок распряжешь,
А сам тропой знакомою
В заветный дом пойдешь.

Идешь, там дожидается
Красавица моя:
Глаза полуоткрытые,
С любовью навсегда.

Однажды в конце осени
Пришел любви конец.

А к ней приезжий с ярмонки
Просватался купец.

Она, моя хорошая,
Забыла про меня.
Забыла мою хижину,
В хоромы жить пошла.

Живет у черта старого,
Как в клетке золотой,
Как куколка наряжена,
С распущенной косой.

Однажды в одиночестве
Я точно опьянел
И всю-то ночь темную
В раздумье просидел.

И пала мысль злодейская,
Впотьмах нашел топор,
Простился с отцом, с матерью,
Сам вышел через двор.

Иду, а ночь темная,
Вдали журчит ручей —
Все дело совершилось,
Теперь я стал злодей.

Теперь в Сибирь, на каторгу,
Угонят молодца
За девку черноокою,
За черта, за купца.

74. В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
Своему родному сыну
Передачу принесла.

— Передайте передачу.
А то люди говорят,
Что в тюрьме всех заключенных
Сильно с голоду морят.

А привратник усмехнулся
— Твой сыночек осужден,
Осужден был этой ночью
И отправлен на покой.

Ему приговор читали,
Знали звездочки одни.

Побледнела мать-старушка,
Пошаталася слегка,
У привратника невольно
Покатилася слеза.

В воскресенье мать-старушка
От ворот тюрьмы пошла,
И никто того не знает,
Что в душе она несла.

75. — Почему ты, ямщик, перестал песню петь,
И сидишь ты какой-то унылый?
Колокольчик вдали продолжает звенеть,
А тебя не слышать, друг мой милый.

— Это было давно, лет семнадцать назад,
Вез я девушку трактом почтовым;
Круглолица была, словно тополь, стройна
И покрыта платочком шелковым.

Попросила она, чтоб я песенку спел —
Я запел, и она зарыдала.
Кони быстро неслись, словно звери лихи,
Иль несла их нелегкая сила?

Вдруг жандармский разъезд перерезал нам путь,
Тройка быстра как вкопана стала.
Кто-то выстрелил вдруг прямо девушке в грудь,
И она, как цветочек ¹¹, увяла.

Мне не жалко коня, мне не жалко себя,
Только жаль ее жизнь молодую.
Умирая, она говорила слова:
«Я за правду, за волю страдала!»

Посмотрите вдали, там березка стоит
И могила, заросла травой.
Под высоким холмом крепко девица спит,
Унесла она песню с собою.

76. По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Идет он глухою тайгою,
Где пташки одни лишь поют,
Котел его сбоку тревожит,
Сухарики с ложками быют.

¹¹ Вар.: как платочек.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет,
Унылую песню заводит,
Про Родину что-то поет.

Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать:
— Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша¹²,
Здоров ли отец мой и брат

— Отец твой давно уж в могиле,
Землею сырою прикрыт,
А брат твой далёко в Сибири,
Давно кандалами звенит¹³.

Пойдем же, пойдем же, сыночек,
Пойдем же в курень наш родной,
Жена там по мужу скучает,
Детишки все плачут гурьбой.

По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

77. Глухой невидимой тайгою,
Сибирской дальней стороной,
Бежал бродяга соколиной¹⁴,
Звериной узкою тропой.
Вдали бушует непогода,
Далек, далек бродяги путь.
— Укрой, тайга меня глухая!
Бродяга хочет отдохнуть,

— Там далеко за синим морем
Оставил родину свою.
Оставил мать свою старушку,
Детей, красавицу жену.

И я умру, меня зароят,
Заплачет маменька моя.
Жена найдет другого мужа,
А мать сыночка — никогда.
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка — никогда!

¹² Вар.: «родная».

¹³ Вар.: «гремит».

¹⁴ Искажено от «с Сахалина» (Прим. сост.).

78. Во саду при долине
Громко пел соловей.
А я мальчик на чужбине
Позабыт от людей.

Позабыт, позаброшен
С молодых юных лет,
Я остался сиротою
Счастья-доли мне нет.

Ох, умру я, умру я.
Похоронят меня.
И родные не узнают,
Где могилка моя.

На могилку мою
Но никто не придет.
Только раннею весною
Соловей пропоет.

Пропоет и просвищет
И опять улетит.
А моя-то ли могилка
Одинокая стоит.

Раздел V

ЧАСТУШКИ

*Участник праздника «Пой, Чухломский озерный край!». Июль 2012 г., г. Чухлома.
Фото Е. А. Майоровой*

Частушка — народная песенная миниатюра, по форме чаще всего двустопная с парной рифмовкой (общепринятая запись, однако, — в виде четверостишия). Тематика частушек разнообразна, но наибольшее их количество посвящено любовным переживаниям лирических героев. По силе, естественности и полноте передаваемого чувства коротенькая частушка стоит иной долгой песни — ей доступно и буйное веселье, и тяжелое горе. А иногда в грустной частушке проглянет радость, словно радуга на послегрозовом небе, — и смех развеет былую тоску. Красота стиха в некоторых частушках, оттачиваясь годами бытования, сделала бы честь и прославленным стихотворцам.

Частушки — позднее явление в нашем народном творчестве: появившись в начале второй половины XIX в., они обособились от прочих лирических жанров через несколько десятилетий. Частушки возникли в пору отмирания традиционных песен, которые перестали быть живым фольклорным жанром и исчезали либо искажались под влиянием песен литературного происхождения и подражавших им неестественно-чувствительных «лакейских» песен — сочинений мещан, фабричных и дворовых людей. Этот жанр стал ответом подлинной фольклорной традиции на вмешательство извне, компромиссом, позволявшим сдерживать распространение песен городских низов. Частушки вырастают из богатейшей народной традиции, и, в первую очередь, из старых лирических песен, с которыми имеют много общего и в символике, и в тематике, и в композиции, и в языковом стиле. С литературой они связаны слабо и, преимущественно, лишь формально — стихотворным размером.

В предлагаемом читателю разделе помещены лучшие из частушек, собранных в чухломских местах в начале 1994 г. Особую ценность представляют старые рукописные сборники частушек, любезно предоставленные собирателям жительницей города Чухломы Зинаидой Николаевной Ковалевой, собирающей материалы о родном крае. Первый из этих сборников составлен Александрой Ивановной Харитоновой в начале XX в. и представляет собой небольшую самодельную записную книжку (частушки записаны по старому правописанию). После № 227 (по нашей нумерации) стоит число «7 июля 1905 г.», а после № 420 — «13 мая 1910 г.»; таким образом, можно предполагать, что составление сборника началось в первых годах прошлого столетия. По крайней мере, значительная часть частушек сборника записана (судя по названиям) в деревне Корцове современного Солигаличского района и в соседних селениях (в 10 км от Чухломского района, т. е. регион — один и тот же).

Ценность сборника А. И. Харитоновой состоит и в том, что в нем представлены не только отборные образцы частушек — составительница записывала и частушки неоконченные, иногда явно неудачные — и теперь мы имеем редкую возможность наблюдать творческую работу народных сочинителей: проследить рождение и развитие частушки, в несовершенном тексте увидеть будущий шедевр. В начале XX в. жанр частушки уже выделился, но, как видно из сборника А. И. Харитоновой, его законы еще не установились окончательно — мы находим здесь много отклоне-

ний от «канонической» формы. Кроме того, сборник — свидетельство о прежнем времени; быт, мировоззрение наших предков налагали четкий отпечаток на их творения. Мы можем выделить основные отличия старых частушек от более поздних: помимо «примет времени» (реалии старого крестьянского быта, архаичное мировоззрение, важное место в котором занимают христианская вера и народные верования; отголоски старых обрядов, события того времени, упоминаемые в частушках и т. д.), это еще и большая связь с традиционным фольклором (частое использование постоянных эпитетов, прием параллелизма; частые повторы синонимов, существительные с уменьшительными суффиксами и т. д.).

Другой сборник частушек, хранимый З. Н. Ковалевой, — сборник Татьяны Павловны Лебедевой — представляет собой тонкую ученическую тетрадь. Записан в 1935 г. в самой Чухломе и содержит помимо частушек, несколько песен литературного склада. Таким образом, мы можем проследить развитие частушки в первой половине XX в., сравнивая сборники А. И. Харитоновой и Т. П. Лебедевой.

При издании двух собраний старых частушек мы не меняли последовательности текстов и не исправляли сами тексты (но старая орфография заменена новой).

После старых сборников помещены современные чухломские частушки, снабженные указателем мест записи и имен исполнителей. Чухломичи щедро одарили нас своим частушечным богатством, однако вследствие ограниченности объема раздела мы выбрали из своих записей самые лучшие образцы частушек, которые и представляем благосклонному вниманию читателей.

Мы от всего сердца благодарим гостеприимных жителей Чухломского края и надеемся, что высокое народное искусство, которое они бережно сохранили до наших дней, поселится в сердцах молодого поколения и будет жить, радуя потомков своей красотой.

СБОРНИК АЛЕКСАНДРЫ ИВАНОВНЫ ХАРИТОНОВОЙ
(№ 1—446)

1. Брат на брата посмотрели —
Покачали головой:
«Ой, брат, пропали, брат, пропали
Наши головы с тобой».

2. За овином боронила
Полторы я полосы.
Я солдату говорила:
«Обстриги, солдат, усы».

3. Не завидуйте, подружки,
Моей кофте красненькой:
Чует, чует мое сердце —
Не бывать за Васенькой.

4. Вася, Вася, Васенька,
Сахарная басенка.
Вася бает — сахар тает,
Говорит — сердце болит.

5. За овином боронила,
Карьку в яму завалила,
Побежала за отцом —
Простояла с молодым.

6. Не пойду за усана,
Поди-ка, маменька, сама:
Раз поцеловалася —
Так вся преоблевалася.

7. Деньги есть — веселюсь,
На хорошенькой женюсь.
Денег нет ни гроша —
И худая¹ хороша.

8. От Николы от села
Идет тальянка весела,
По тальянке я пляшу,
Сапоги с дырам ношу.
Тятька новые скатает
Али эти подвояет —

¹ Вар.: кривая.

Не текут, не промокают,
Только щепки пролетают.

9. Посмотрите-ка, ребята,
Кто-то тонет во реке,
В белой вышитой рубашке
И с тальянкою в руке.

10. Тошно-тошно-тошнецо —
Жду от друга письмецо.
Не пилося, не елося —
Прочитать хотелось.

11. Трудно, трудно разжинаться
На широкой полосе,
Трудно, трудно расставаться,
Если парень по душе.

12. Семь загонов боронила,
Не могла разборонить.
Как задумал мил жениться,
Не могла разговорить.

13. Я любила Васеньку
За рубашку красненьку,
Рубашка изнасилася —
От Васи отступилася.

14. Ваня, Ваня, Ванечка,
А ты мне не парочка:
У тя чёрна борода,
А я дивчина молода.

15. На качулюшке качалась,
На сосновой чурочке.
Отдадут дружка в солдаты,
Не пройдет по улочке.

16. Мама, дождь, мама, дождь,
Родимая, дождик;
Я хотела убежать —
Меня миленок дёржит.

17. Сошью кофточку на вате,
А другую — на меху.
Полюблю дружка на славе,
А другого — на смеху.

18. Мамонька бурды, бурды,
Бурдовичка не купит,

Без бурдовичка меня
Миленочек не любит.

19. Мил в Макарьеве гуляет,
А я в Торине селе,
Милый зонтик выбирает,
А я колечушко себе.

20. За овином куст малины
И смородины гряда.
Надоест тебе, миленок,
Чужа дальна сторона.

21. Не зачесывай зачесы,
Чернобровая моя:
За твои черны зачесы
Бьют молодчика меня.

22. Шла я полем, краюшком,
В меня кидали камешком,
Хотели камешком убить,
Меня, девчонку, погубить.

23. В переулке волки воют,
А я не боюсь;
Мил любить перестает,
А я не гонюся.

24. Кóсила я, кóсила,
Косу под елку бросила,
Коселечку под елечку,
Сама пошла к миленечку.

25. Что, подруженька, вздыхаешь,
Али на сердце печаль,
Не одного ли с тобой любим,
Не тебе ли больше жаль?

26. Плясать пошла
Молодёшенька,
На меня милый глядит,
А я радёшенька.

27. Я сегодня согрешила:
Сарафан с оборкой сшила.
Эка слава, эка честь —
Сарафан с оборкой есть!

28. Давай, подруженька, станцуем,
Хоть не больно хорошо.

Хоть не миленький играет,
А тальяночка его.

29. Ты, милашечка моя,
Коротенькая шейка,
Если хошь меня любить,
Люби хорошенько.

30. Посмотрите-ка, подружки,
Кто в дверях шарашится:
Кошулька синя, шарфик белый
На беседку тащится.

31. Шел я лесом, стороной,
Нашел платочек носовой,
Обернул каемочкой —
Платок моей миленочки.

32. Шла я лесиком, леском,
В лесе раздается.
Что ты, мил, ко мне не ходишь,
Али зазнаешься?

33. Моя милашка умирает,
Я ее похороню,
Крест осиновый поставлю,
Бороной забороню.

34. Мамонька ругается:
«Куда платки деваются?»
Того не догадается,
Что милый утирается.

35. Что ты, милый, зазнаешься,
Или хуже я тебя?
Ты и весь-то с рукавицу,
Я и то люблю тебя.

36. Ты, подружка Аннушка,
Не отбей Иванушка,
Дура бестолковая,
Не отбей торгового.

37. Шел я верхом, шел я низом.
У милашки дом с карнизом;
Она кушала чаек
И кусала сахарок.

38. Я сидела на лужку,
Писала тайности дружку,

Я такие тайности —
Люблю дружка до крайности.

39. Милый мой, милый мой,
Что качаешь головой,
Или сердце твое слышит
Нам расстанюшки с тобой?
Экие расстанюшки
Со милым со Ванюшкой,
Легче бы расстатися
Со милой подруженькой.

40. Ты, подруженька моя,
Не осердися на меня:
Вечор твой-ет полюбовничек
Сидел возле меня.

41. Растошным-тошно —
Из Питера пришло письмо;
Мне не пилося, не елося —
Прочитать хотелось.
Распечатала печать,
Начала письмо читать.

42. Мой-ет милый окосел:
К чужой барыне подсел.
Я не долго думала —
Подошла да плюнула,
Плюнувши, подумала,
Хорошо ли плюнула.

43. Открой, мамонька, окошечко:
Головонька болит;
Не головонька болит —
Меня тальяночка манит.

44. Что вам, девки, было нужно,
Когда с милком жили дружно,
Что вы, девки, получили,
Когда с милкой разлучили?
Кто нас с миленьким разлучит,
Тот не сто рублей получит,
Кто нас с милым разведет,
Тот не долго наживет.
Разлучили, развели —
Чужи люди, не свои.
Подружка подлая,
Все дела расстроила,
Все дела расстроила,
Ни черта не стоила.

45. Вздохнется, вспомнянется:
Кому милка достанется?
Доставался мой милой
Негодяечке одной.

46. Не от нас огонь угас —
Упала керосинница.
(окончание не дописано)

47. Ставь-ка, мамка, самовар,
Золотые чашки:
Придет милый невзначай
В вышитой рубашке.

48. Я сидела, плакала,
Белый фартучек окапала,
Уж я вышла на мороз —
Белый фартучек замерз.

49. Белый фартук коротенок,
Его не наставишь;
Меня милый не любит,
Его не заставишь.

50. Нынче дешев керосин —
Только две копейки.
Александровна, смотри,
Подотри сопельки.

51. Что-то мельница не мелет
И толкуши не толкут;
Что-то милого не женят,
Знать, в солдаты берегут.

52. Кукареку петушок
Осередь болота.
Приходи, повада с бубном, —
Отворю ворота.

53. С поворотом улица.
Что моя-то милая —
Дорогая умница.

54. Полоса ли, полоса,
Полоса широкая,
На тебя ли, полоса,
Последний год работаю.

55. Чу, идут,
Чу, оболокаются,

Часы, галоши надеют,
В беседу собираются.

56. Я пойду на ту реку,
Поломаю чаю.
Повезут дружка в солдаты —
Все причёты знаю.

57. У милого чай пила,
Белый фартук облила.
За обливку, милый мой,
Купи голубенький другой.
Голубое не линяет —
Я возьму да вымою,
Не по мысли милый сядет —
Я возьму да выведу.

58. Один-от кустик горит,
А другому жарко.
Мой-то милый говорит:
«Мне тебя не жалко».

59. Уж я нынче научилась косить,
Научилась на плечи косу носить
Я кошу, кошу — устать не могу,
Чернобрового узнать не могу.

60. Что нам замуж торопиться
Не за милого дружка,
Лучше в речке утопиться
Со крутого бережка.

61. В той сторонushке краса
Проглядела все глаза:
«Все я глазки проглядела
Всё на милого дружка,
Всем подружкам надоела,
Его вспоминаючи.
Не видала, как пришел,
Вижу, как гуляет;
Он на первую кадриль
Меня не приглашает».

62. Износила полушалок,
Износила голубой.
Александр Иваныч,
Всё корят меня тобой;
С той поры меня корят —
Мы сидели с вами в ряд,
Мы сидели, говорили

Говорённые слова,
Говорённые слова —
Будто я люблю тебя;
Еще я ли, молода,
Тебя поллюбливала —
Через годик, через два
Не буду я любить тебя.

63. Две кукушки куковали
В полюшке на камешке,
Две подружки тосковали
О дружке о Ванюшке.

64. Милый хитер, милый хитер,
Милохитрая душа,
Скажи, я чем не хороша?

65. На окошке герань,
Ты, зеленая, не вянь;
Ты повянешь — я полью,
Милый женится — помру.

66. Отпущу колечко в воду,
Пускай поплавает оно.
Ты скажи всю, милый, правду:
Любишь двух или одну?

67. Что григоровски ребята,
Точно серые котята:
Они всхлопнули руками,
Побежали за мышами.

68. На горе высокий тын,
У вдовы хороший сын.
Я стою, Богу молюся,
Обожателя боюся,
Обожатель говорит,
С руки колечко подарит.

69. Что-то девице икнулось,
Видно, милый вспомянул,
Видно, милый вспомянул —
На мой платочек он взглянул.

70. Ой, девоньки,
Знаю новенькое:
Получила письмецо
От чернобровенького;
Не пилося, не елося —
Прочитать хотелось.

71. Уехал Яша на войну,
Оставил Верушку одну,
Посулил сулёного —
На платьице зеленого.

72. На окошке сидит кошка,
Белый лапчатый коток.
Подарила Саша Ване
Белый вышитый платок.

73. Что Григорово-деревня —
Ни проехать, ни пройти,
А что Корцово-то деревня —
Хоть на троечке кати.

74. В огороде я косила,
Богородицу просила:
«Богородица-Покров,
Пошли хорошую свекровь».

75. Сяду я на лавочку,
Возьму балалаечку,
Как ударю по струнам —
Приходите, девки, к нам.

76. Ай, Пашутка, перевернись,
Сделай милость, перевернись.
Тула, Тула перевернулась,
На полено спотыкнулась.

77. На Ивановом лугу
Стоит каша творогу;
Прилетели две тетери,
Поклевали и улетели.

78. Я сидела под окном
И ела кашу с молоком,
Увидала я милого —
Я по каше кулаком.

79. Ты скажи, моя милая,
Пару слов мне по душе;
Ты горбата, я хромой,
Ты слепая, я кривой.

80. По дороге всё ухабы,
На возу сидят всё бабы.
Я наехал на ухаб,
И растерял всех баб;
У меня бабы рассердились,

Коготками тут вцепились
И давай меня таскать,
А я начал тут кричать:
«Ай-ай-ай-ай-ай-ай-ай!»

81. Милка, черненькие глазки,
Курноносенький носок,
Не загадывай загадки —
Поцелуй еще разок.

82. Провожала я милого
До завода винного,
Не увижу дорогого
До Николы зимнего.

83. Полно, милая, сердиться,
Полно губки надувать —
Посылай за полбутылкой,
Будем горе забывать.

84. Из-под горки ветер бойкий,
Табачком наносит,
Расхорошенький парнёк
Мое колечко носит.

85. Отпущу колечко в воду,
Пуцай колыбается;
Не пойду за дружку замуж,
Пускай пошатается.

86. Моя милка хороша,
Как попова дочка.
Не увижу я милого
Двадцать два денечка.

87. Ты возлай, возлай, собачка,
Беленький Органушко,
В воскресенье к нам придут
Коля да Иванушка.

88. Ой, ты, милашка чайная,
Что сидишь печальная?
Как мне не печалиться,
Когда милой венчается.

89. Уж ты, милая моя,
Эка тонкокостенька;
Сшей-ка юбочку на вате,
Будешь толстенькая.

90. Уж ты, миленький мой,
Зачем ходишь ко иной
Да похваляешься ты мной?
Уж ты хвастай, не хвастай,
А не быть мне за тобой.

91. Что в колечке торговаться —
Золотое не купить;
Что за миленьким гоняться —
За ним замужем не быть.

92. Ты играй, гармонь моя,
Сегодня тихая заря,
Сегодня тихая заря —
Услышит милая моя.

93. На воротах свечка тает,
У ворот собака лает,
Бела лапа, ты не лай,
Меня любит Николай.

94. Я сию на берегу,
Чужую шубу стерегу;
Чужая шуба не одежда,
На милого не надежа.

95. Пойдем, подружка, на реку
Камешки выкидывать,
Отдадут дружка в солдаты —
Три годка не видывать.

96. Я у мельницы косила,
У Андрюши пить просила:
«Дай, Андрюшенька, попить —
Дам колечко поносить».

97. Милый полюшком идет,
Гладенька головка.
У его сестренка есть,
Будет мне золовка.

98. Колечко обручальное
На зубу перекушу,
Расхороший милый женится —
Обоих удуш.

99. Моя милка платье мыла,
А я любовался,
Моя милка потонула,
А я рассмеялся.

100. Миленький, красивенький,
Покатай на сивенькой,
Сивая умучена,
Каряя не учена,
А ворона у горы,
Ее заели комары.

101. Я рябинушку ломала,
На другую вешала;
Одного дружка любила,
А другого тешила.

102. Ой-ой-ой-ой-ой-ой-ой,
Поверьте совести моей,
Поверьте совести, не мне —
Да двое спорят обо мне.
Что, ребята, спорите,
Да вы меня не стойте.

103. Что Корцова-то гора,
Чем она украшена:
Цветикам, букетикам,
Ребятами-портретикам.

104. Отойти по лавочке —
Все сидят по парочке,
Одна я, младешенька,
Сижу одинешенька.

105. Погасите эту лампу,
Понапрасну свет горит;
Рассадите эту пару,
Понапрасну с ним сидит.

106. По тальянке песни пела —
В лесе раздается.
Небогатого любила,
А он, поросенок, зазнается.

107. Мой миленок не как теленок,
Можно целоваться;
Родной мамки дома нет,
Некого бояться.

108. Что по Соньке-то реке
Плывет корова в ермаке,
Она рожками трясет —
Ребят нелегкая несет.

109. Я в горошке была,
Я Алешке дала,
Не подумайте чего —
Я горошку одного.

110. Месяц светит, месяц светит,
Половиночка одна.
Где-то ходит, где гуляет
Ягодиночка моя?

111. На реке платочек мыла,
Потопила носовой.
Вот и, Коля, твой подарок —
Унесло его водой.

112. Где ты, мил, перечернился?
Под горой картошку пек.
Я-то ли свою милашку,
Как картиночку, берег.

113. Дроля моя,
Дроля мазаная,
Дроля избу мела
Не оповязанная.

114. Я у Коли чай пила,
Передник чаем облила.
Уж ты, Коленька мой,
Купи передничек другой.

115. Белый фартук коротенок,
Его не наставишь.
Мил любить перестает —
Его не заставишь.

116. Укатилось колечко
Золотое на базар,
Успокой, милой, сердечко —
Приди на вечерок.

117. Я косила в ельничке
В голубом передничке,
Алы ленты позади,
Кричала: «Вася, погоди!».

118. Коленька коливчатый,
Яблочек наливчатый,
Коля — яблочко налитой,
Во солдаты забритой.

119. У Коли в коридоре
Сосчитала лесенки,
А по Колиной тальянке
Я попела песенки.

120. Под корцовской-то горой
Стоит кадушечка с водой;
Девки ноги вымыли,
Ребята воду выпили.

121. Что Корцова-то гора,
Чем она украшена:
Голиками, веникам,
Ребятами-подвидникам².

122. Девоньки, Великий пост,
Великое говеньице.
Кому достанется любить
Мое ненагляденьице?

123. Что корцовскую-то гору
Я тальяночку под полу.
Ой-ой-ой, какая даль,
До чего милого жаль.

124. Ты постой, постой, лошадка,
Постой, вороний конек,
Дай повымолю у миленькой
С каемочкой платок.

125. От Николы от села
Идет тальянка весела;
По тальянке сметила,
Пошла, поваду встретила.

126. Девоньки, какая радость —
Увидала милого.
Точно камень отвалился
От сердца ретивого.

127. В поле дождик поливает,
Милый дома поминает:
«Мочит милую мою
На сенокосе, бедную».

128. На-кось, поди выкуси —
Он мне шаль не купил,
За двугривный плат
Хочет быть мне мил.

² Непонятное слово (*Прим. соб.*).

129. Дроля, дроля, дролечка,
Дроля рубит голики;
Дроля новым голиком
Придет из Питера пешком.

130. Сшила юбку голубую,
Сборы сложила не так.
Еще нонешнему дроле
Уважать не знаю как.

131. Моя мама золотая,
Половина чугуна:
Приведу милого на дом —
Мама вытащит вина.

132. У милого кони бодры,
Не стоят на поводу.
Не велю, так и не женится
На нонешнем году.

133. Мы с подружкой рядом жали,
Два молодчика бежали:
В голубой рубашке — твой,
При часах, с тальянкой — мой.

134. Не с тобой ли мы, подруженька,
Ходили по полям,
Не одного ли расхорошего
Делили пополам?

135. Платочек бел, платочек бел,
Платок далёко улетел:
За моста четыреста,
В петербургские места.

136. Я писала письмецо,
Сургучом печатала,
В город Питер посылала,
Сама слезно плакала.

137. Из окошка в окошко
Продену водонос.
Чем мой милый не хорош —
Маленько ростом не дорос.

138. Мне не дом, мне не дом
У тятеньки родного,
А где-нибудь на стороне
У парня молодого.

139. Я посеяла ленку
На поляне в уголку.
Уродися, собинка,
Где моя зазнобинка.

140. Я черемушку ломала,
Две ветки оставила.
Лет семнадцати мальчонку
На тоску наставила.

141. У милого коней пара
Осередь деревни стала;
Как бы руки не дала,
Не осмеяна б была.

142. Мы сидели с милушкой
Под зеленой ивушкой,
Говорили про любовь:
«Расставаться не дай Бог!».

143. Что тальянка-верескуша.
Воду черпала Полюша,
Шел молодчик Коленька:
«Бог на помочь, Поленька».

144. На колодце воду черпала,
Уронила в воду зеркало,
Уронила — не расшиблося,
Полюбила — не ошиблася.

145. Белорозовый платочек
С головушки валится;
Мясоеду я не рада:
Запоручат, кажется.

146. Вы не пойте долгих песен,
Будет вам коротеньких;
Не любите старых девок,
Будет вам молоденьких.

147. Неужели не срастется
Ивушка с рябинушкой;
Неужели не придется
Обвенчаться с милушкой?

148. Золотое колечко
Горит, как огонек.
Развесели мое сердечко —
Приди на вечерок.

149. Ты не черпай, мама, воду,
Это не работа.
Как помысленным корят,
Слушать неохота.

150. Кого люблю, так не ходит,
Красотой заносится;
Кого душа не принимает —
Каждый вечер носится.

151. На чужой сторонушке
Солнышко не греет,
Нет родимой мамоньки —
Никто не пожалеет.

152. Мы с подружкой рядом жали,
Дожидали кончики —
У большой дорожки
Чуем колокольчики.

153. Не кукушечка кукует,
Не соловьюшка поет —
Моя мамонька горюет:
Дочка по людям живет.

154. Ты, миленок, не форси,
Пальто внакидку не носи,
Надевай на рукава —
Буду на зиму твоя.

155. Ко Николе я ходила,
Богомольничала,
Перед миленьким стояла,
Всё я модничала.

156. На овине колосок,
Немятая соломка;
За вон этим ельничком —
Родимая сторонка.

157. Под Роговым ручей,
Переход не знаю чей;
Белого, румяного
Коли Виноградова.

158. Через дядину я крышу
Увидала парня Мишу.
Потому я узнаю —
По колечку своему.

159. Не деревня меня сушит —
Сушит новенький домок,
Раскрашённые окошечки,
Подбелённый потолок.

160. На калиновом мосточке
Муж околеваает;
Хотела близко подойти —
Смех одолевает.

161. У моего миленочка
Шарфичек на клеточку;
Меня миленький оставил,
Как малинки веточку.

162. Попоем, подружка, песен,
Попоем, удалая.
Ты люби старшего брата,
А я буду малого.

163. Жала, жала я овса,
Перешла на гречу.
Супротивник милый мой,
Не ходи навстречу.

164. Как у тяти ни работай,
Тятя строит новый дом;
Такое времечко приходит —
Повезут из дома вон.

165. Сидит Вера на диване,
Вышивает платок Ване,
По две буквы на углу,
Сказала: «Ванюшку люблю».

166. Неужели это сбудется
Во нонешнем году —
Золотой венец оденется
На головушку мою?

167. Лет семнадцати мальчишка
Стал девице говорить:
«Ты-ка дай-ка, раскрасавица,
Колечко поносить».

168. На том конце овца пропала —
Мы говядину едим.
Яша Верочку целует,
Мы в окошечко глядим.

169. Что Григорово-деревня —
На рессорах, на винтах;
Что григоровским девицам
Нет почета в женихах.

170. Больно поле каменисто,
Нельзя полюшком пройти;
Больно девушки форсисты,
Не знаешь, как к ним подойти.

171. Лет пятнадцати мальчишка
Порядился в пастухи,
Сел на кочечку, заплакал:
«Куда телоньки пошли?»

172. Девоньки, красуйтесь,
В бабью жизнь не суйтесь:
Бабья жизнь не красота,
Только сердцу сухота.

173. Что мне делать, что мне делать,
Куда милого девать?
Куплю новую корзину,
Пошлю по миру собирать.

174. Коля рубит дрова,
Кужлява голова.
Иссушил Коля меня,
Ни на что похожа я.

175. Что Корцово-то деревня,
Чем она украшена:
Елками, иголками,
Девкам-балаболками.

176. Девки, пойте песенки,
Я упала с лесенки,
Я с парадного крыльца
Перекатилась, как овца.

177. Дрольчик ты мой,
Короводчик ты мой,
Пожила б я за тобой,
За веселой головой.

178. Надежда Ефимовна,
Повестка тебе:
Тоскует, горюет
Коля Виноградов о тебе.

179. Мимо моего окошечка
Проехал становой,
Подав мамоньке записочку —
Забритый милый мой.

180. Ко мне сватался вдовец
Из-под городу Старец;
Борода, как помело,
Косые зенки развело.

181. Расхорошенький Алешенька,
Накажет тебя Бог:
Не одну ты меня любишь,
А обманываешь трех.

182. Я у брата прожила,
Лето проработала,
Попросила казака³ —
«Сестра, не заработала».

183. На пряхе кружок,
Возле пряжи дружок;
Сидит не мешаючи,
С тальянкой утешаючи.

184. Уж ты, милая моя,
Сделай-ка увагу:
Наклади-ка табаку
На белую бумагу.

185. На колечке два словечка,
Под колечком номера.
Не венчают —
Молода.

186. Милашка моя,
Какая тонесенькая;
Взял бы замуж за себя,
Ты модесенькая.

187. Не зачесывай зачесы,
Крутолобая моя,
За твои черны зачесы
Бьют молодчика меня.

188. Мы с подружкой обе-две,
А повады наши где?
Вы сходите, приведите,
Веселее будет мне.

³ Одежда вроде поддевки (*Прим. исп.*).

189. Прокатилась коляска,
Пробежал вороный конь,
Пробелилась, прорумянилась —
Проехал милый мой.

190. Все черемушки цветут,
Одна не расцветает;
Милый в Питере живет,
Письма не присылает.

191. Не найдешь такой подружки,
Как пуховенькой подушки:
Всю ночь тоскую и ревлю —
Она не скажет никому.

192. Ты, милашка, вымой ножки,
Надевай полусапожки,
Свои белые чулки —
Пойдем гулять за ручейки.

193. Подружка сердится на брата,
А из-за брата на меня;
Чем же я-то виновата,
Не учила брата я.

194. Дай-ка, маменька, пилу,
Я березку подпилю,
Под березкой мелкий лист.
Милый в Питере, не здесь.

195. На окошке сидит кошка,
Белый лапчатый коток.
Во Корцове-то деревне
Есть хорошенький парнёк.

196. Поиграй, тальянка нова,
Пока милая здорова;
Захворает и помрет —
Тальянка разу не споет.

197. Сядь-ка, сядь-ка со мной рядом,
Земляничинка моя,
Не болело бы сердечко
У тебя и у меня.

198. Недалёко от ограды
Новый дом моей отрады,
Недалёко речка тут —
За речку замуж отдадут.

199. Что от Веркова идут
Ребятунки милые,
Широко отшитые
Рубашки голубые.

200. От Григорова дорога,
От Корцова-то тропа;
По дороге к нам не надо,
По тропе поди сюда.

201. У качули люди чуют,
У высоких у столбов —
Ко мне милый редко ходит,
Знать, кончается любовь.

202. Милый по мосту идет,
Зачесана головушка,
У него сестренка есть,
Не будет ли золовушка?

203. Ты не черпай, мама, воду,
Я не встану под венец;
С непомысленным венчаться —
С головы сброшу венец.

204. Не миленочек играет,
А похоже на него.
Али ты, парнёк молоденький,
Учился у него?

205. Запоручили головушку
Семнадцати годов,
Иссушила молодёшеньку
Проклятая любовь.

206. Сшей-ка, маменька, котомочку
С серебряным крестом,
Проводи меня до Галича
Со миленьким дружкой.

207. Где мы с миленьким стояли,
Снег растаял до земли;
Где с хорошим расставались,
Ручеечки протекли.

208. Две березки завились,
Третья раскужлявилась.
Я сама себе дивлюсь:
Какая дрянь понравилась.

209. Я на озими стояла,
С озимью прощалася:
«Прощай, озимь и лужок,
Прощай до осени, дружок».

210. Долго, долго не видаться
С расхорошенькой тобой:
Между нами лесу много,
Кострома-река с водой.

211. На дороженьке канавка,
На канавке тонкий лед.
По походочке узнаешь:
Сын Иванович идет.

212. У окошечка сидела,
Что-то заприметила:
Милый полюшком идет,
Сигарочка просветила.

213. Попляшите, башмачки,
Вам недолго поплясать:
Замуж выйду — буду плакать,
Вам под лавочкой стоять.

214. Экий миленький мой,
Эка пара мы с тобой:
Ты богат, а я бедна,
А ты богаче меня.

215. Не на то колечко лито,
Чтоб на полочке лежать,
А на то колечко лито,
Чтобы милому отдать.

216. Не вино меня шатает —
Меня горюшко берет:
Тятя в избу не пускает,
Мама хлеба не дает.

217. Наша реченька глубока,
Подожком не смеряешь.
Мой миленок не далёко,
Под сумерки сбегает.

218. Не стучи-ка, милый, в раму,
Не выманивай меня:
Я не глупая девчонка,
Не выпила вина.

219. Будет, будет, поносила
Серых я накидочек.
Было время, провожал
Милый до калиточек.

220. Сошью юбку подлиннее,
Пускай улицу метет.
Рассердила дорогого —
Больше разу не придет.

221. У моего у милого
Конь-то боек не бежит,
У него родитель-батюшка
В сырой земле лежит.

222. Уж ты, дролечка,
Ненадолочко,
Дроля, только до зимы —
Обвенчаемся и мы.

223. Говорят, высоко жну
Яровую жнивушку,
Когда умру, тогда забуду
Дорогую милушку.

224. Посмотрю в волоковое,
Не идут ли полем двое:
Один — миленький мой,
Другой — подруженьки моёй.

225. Мне не жаль, кого забреют,
Только жаль, кого сдадут;
Меня, молоденькую девушку,
Солдаткой назовут.

226. Неужели ты спокинешь
Эку кенареечку?
С ума сойду, какую любишь
Черную евреечку.

227. Не от солнца травка вянет,
А от зеленого лужка;
Не от работы похудела,
А от милого дружка.

228. Посидите-ка, подружки,
Я уж насиделася;
Моего миленка нет,
На ваших нагляделася.

229. Что корцовских-то ребят
Надо в речке покупать,
На мосту поколотить,
Характер выбить да любить.

230. Беленький, усатенький,
В рубашке полосатенькой,
В помазейной новенькой,
Прощай, мой чернобровенький!

231. Уж ты, тятенька-отец,
Сделай мне один конец:
На платье фаю покупай
Либо замуж выдавай.

232. Сошью юбочку с воланом,
Пускай улицу метет.
Посмотрю на писаванного,
Какую приведет.

233. Говорила дроле я:
«Садися, дроля, на коня».
Подавала праву рученьку:
«Прощай, радость моя!»

234. У меня повада Шура,
Шура, любишь ли меня?
«Я люблю старшего брата,
Не мазурика тебя».

235. Пойду выйду на реку,
Где поближе к кабаку:
Не моя ли пьяница
В кабаке валяется?

236. Ах ты, песня, песенка,
Есть на печке лесенка.
Приходи меня искать,
На печи я буду спать.

237. Я одену новое, бордовое
И встану под венец;
Посмотрите-ка, подруженьки,
Гуляночке конец.

238. Я надену платье бело,
Чтобы сердце не болело,
Полушалок голубой —
Полюби меня другой.

239. Ах ты, водка, водочка...

Плывет в море лодочка,
Лодка с белым парусом,
В лодке я сижу с дружкой.

240. Суди люди, суди Бог,

Кого я любила:
По морозу босиком
К милому ходила.

241. Пойду, выйду на дубровку,

Где прохладный ветерок;
Парень девку-чернобровку
Вдоль по улице ведет.

242. Посажу рябинушку

В зеленый сад на глинушку.
Пускай ходит зимушку,
Пускай ходит зимушку —
Приманю, любить не буду.

243. Дролечка, с законным браком!

«Шутишь, милая моя?»
А ну какие, дроля, шутки —
Всею душой люблю тебя.

244. Милый, любишь или шутишь,

Говори из двух одно.
Если любишь, так платочек дам,
А не любишь, так напополам.

245. На войне корабль разбили,

Пишут, милого убили.
Писаванная моя,
Вспомяни разок меня.

246. Я сама-то невеличка,

Буду маленьких любить.
Был бы боек да хорош —
Ни к чему высокий рост.

247. Провожала дролечку,

Елочки — свидетели.
Никому не разлучить —
Разлучат родители.

248. Свою пару белую

Кружевом обвешаю.
Списаванному сказала:
«Убирайся к лешему!»

249. Я любого — на колени,
Нелюбого — возле бок,
Я любого любить буду,
Нелюбому — ножик в бок.

250. Я, родители, у вас
Не осушивала глаз,
Свое белое лицо
Спотопляла во слезах.

251. Списаванная моя,
Сероватые глаза,
Сероваты, важные,
Подманила каждого.

252. Из-под моста рыба с хвостом,
Уточка с утятами.
Мне наказывал хороший:
«Не шути с ребятами».

253. Дорогого носовик
Пойду вынесу в сенник;
Все слова разобрала —
Напополам разорвала.

254. Хотел уточку убить —
Серая закрикала,
Хотел другую полюбить —
Старая заплакала.

255. Все я песни перепела,
Скоро новую спою.
Сколько славы претерпела
За ошибочку свою.

256. Руки белы загорели
И лицо не алое;
Лажу дролю заводить —
Дело небывалое.

257. Кренделей я не хочу,
Пряников поела бы.
Все ребята ни к чему,
На дролю поглядела бы.

258. Ой, дролечка,
Ты не мил нисколько,
Я стою и говорю
Для подарка только.

259. Среди деревни дуб,
С дуба веточки падут.
Завела дролю богатого,
Боюся, отобьют.

260. Ретивым сердечком пала,
Белой грудью на воду.
На воде-то помяну —
Из-за тебя, милый, тону.

261. Милый мой славнухи ждет,
Надо мной ломается;
Со своим характером,
Наверно, так останется.

262. Я на беленьком платочке
Свое имя напишу.
Услышу, женится мой милый, —
Сама себя лишу.

263. Я пойду на ту реку —
Лебедь белая плывет.
На кого была надёжа,
Тот измену делает.

264. Погляжу я во кружку —
У всех у девок по дружку,
У нас, подружка за совет,
Ни у которых и нет.

265. Погляжу я по народу —
Нет милого моего.
Я слукавила, сказала:
«Мне повадно без него».

266. Мое кольчи́ко у дроли,
Не отдал ли кому?
Пропади, колечко, навек,
Не дроля я ему.

267. Возле реченьки косила,
Возле бережку пила.
Кабы знала, что хорош,
Любить бы не стала.

268. Шел я лесом, шел дремучим,
Не видал ворон летучих,
Видел серую сову —
Списаванную свою.

269. В том конце на улице
Пробежала курица,
Белая молодочка —
Не моя ли дrolечка?

270. Ваня, Ваня, Ванечка,
Не принес ли пряничка?
«Я принес один платок,
В нем конфеточек с пяток».

271. На реке платок помою,
На березе посушу;
Сохни, сохни, мой платок,
На новой игрушке,
Доставайся, мой платок,
Милому Колюшке.

272. Что Корцово-то деревня,
Точно городочек.
У Петровича у Вани
Вышит вороточек.

273. Я рябинушку ломала,
Пригнетала до земли.
В дружке совести не знала
До сегодняшнего дни.

274. По дорожке столбовой
Катушка катится с иглой,
Не катушка красная —
Моя судьба несчастная.

275. Я рябинушку ломала,
Два прута оставила.
Четыре раз поцеловала,
Тосковать заставила.

276. Сено сухо, сено сухо,
На сухое сено дождь.
Моего миленка хают,
А мне хаяный хорош.

277. Колет Коленька дрова,
Коли, кудрява голова;
До чего девчонку высушил —
На что похожа я?

278. Подружка хитрая-прехитрая,
Я сердита на тебя:
Тебе самой по мысли миленький,
А всё коришь меня.

279. Перелесок очень долог,
Насчитала сорок елок,
Сорок елок без одной.
Безольготный милый мой.

280. Ты, милашка, ангел мой,
Пойдем в солдатушки со мной,
Там не жать, не молотить —
Самовары кипятить.

281. Посмотрите-ка, подружки,
Что мой милый делает:
Шинель на плечи надевает,
По казарме бегают.

282. Что у Львовича у Коли
Много вышитых рубаш,
Много змейками, вьюнам —
Жених ведь Коленька не нам.

283. Я с высокого комода
Уронила баночку.
За то я милого люблю —
Горазд играть в тальяночку.

284. Хорошо было смыкаться
На скамеечке зимой,
Каково было прощаться
На проталинке весной?

285. Не по лесу солнце ходит,
А по небесной высоте,
Не по росту милый любит —
По моей по красоте.

286. Черные глазки,
Белая грудь.
Темные ночи
Мне спать не дают.

287. Уж ты, милая моя,
Где перемочилась,
Иль у кирпичного завода
Глину мять училась?

288. Золотое-то колечко
На зубу перекушу,
Что ведь зимнюю симпатию
На подошвах изношу.

289. Экий милый окаянный —
Купил перстень оловянный,
Я, девчонка, не спросила,
За серебряный носила.

290. Что под мостом рыба с хвостом
Кормится песочком.
Мой-ет милый не далёко —
За темным лесочком,
С беленькой котомочкой
Ночует он под елочкой.

291. Не брани, мамаша, Сашу,
Всю работу знаю:
Жать, косить
И с обе руки молотить.

292. Не пил, не пил я вина,
Выпил я немножко;
Что из Шоковской беседы
Вылетел в окошко.

293. Что Кукуй-ет улица
Шероховата, не ровна,
Что корцовские ребята
Любят горькое вино.

294. У подруженьки спрошу
Белого капоту.
Непомысленным корят —
Слушать неохота.

295. Всю я улицу прошла,
На конце упала;
Я во нынешнем году
В славушке пропала.

296. Шла я полем осенью,
Любовалась озимью:
Эка озимь, эка рожь.
До чего милой хорош!

297. Что над Шоковским болотом
Пчелы выются над водой;
Что ведь шоковски девицы
Зазнаются красотой.

298. Мы с подружкой вместе шли —
Солнце ниже ели.
Довела судьба любить
Солдатику в шинели.

299. Мы с подружкой мирно жили,
Кисет фаевый мы шили,
Кисет фаевый с бочкам.
Черноглазенький солдат в очках.

300. Я косила в Раменье
В сарафане мамином,
Об Иванковы дрова
Сарафан изорвала.

301. Знаю, знаю, где звонят —
На горе в соборе.
Отдадут дружка в солдаты
В нонешном наборе.

302. Что у Громова в трактире
С дружка списана картина;
Его брови черные —
Не спятся ночи темные.

303. Не люби меня с подвохом —
Полетят простенки с мохом,
Не люби по пустякам —
Полетят и с косякам.

304. Ты гуляй, не путайся,
Ляжем спать — укутайся.
Придет матушка будить —
Скажи: «Головушка болит».

305. Дружка в Вильну провожала —
Час без памяти лежала;
У девчонки молодой
Сердечко отлили водой.

306. Сидит милка во беседе,
Подвитые волоса,
Подвитые волоса,
При гребеночке коса.

307. Шла я полем — сидит ворон
На высокой на сосне.
Черноглазенький парнишка
Всё мне видится во сне.

308. Подарила я миленку
Белый вышитый платок,
Беленький, укатанный,
У маменьки украденный.

309. Белорозовый цветок,
Зачем, зачем рано споблек?
Меня, миленький парнёк,
Зачем, зачем рано завлек?

310. Ваня белый, Ваня белый,
Только я не хороша.
Рубаха гладью вышитая
И волосья под ерша.

311. Мне сказали про милого,
Что худой и маленький;
Посмотрела в воскресенье —
Как цветочек аленький.

312. Рубашка новая с горохом,
С бацицирам⁴ сапоги,
Сатаной стоит фуражка
И в полосочку портки.

313. Стали листики валиться,
Стало лето проходить,
Расхорошие молодчики
Отстали к нам ходить.

314. Улетела птичка вдаль,
Теперь мне милого не жаль;
Села к кусту не к тому,
Теперь и милый ни к чему.

315. Девку тоненьку, молоденьку
Становят под венец;
Вот вам, тятенька и маменька,
Гуляньицу конец.

316. До чего обидно нам —
Женихи не ходят к нам.
Все беседы обойдут,
К нам досиживать придут.

317. Пропадай, моя телега,
Все четыре колеса.
Подниму свою милашку
Я под самы небеса.

318. Рыба посуху не ходит,
Без воды не может быть,
А Ванюша меня любит,
Без меня не может жить.

⁴ Непонятное слово (*Прим. соб.*).

319. Эй, ты, Дуня, вздунь огонь,
Куплю новую гармонь;
Гармонь нова, да не стара,
Заиграет, как гитара.

320. Ветерочек на кусточек,
Лист обваливается.
Это милого походка —
Переваливается.

321. Голубочек вился, вился,
Сел на правое плечо.
Мой-то миленький влюбился
В мое нежное лицо.

322. Я по стеночке тихонько,
Я по раме кулаком;
Я за мальчиком тихонько,
А за девочкой бегом.

323. Голубого мыла много —
Мыться не охотница.
Говорила ведь я маме:
«В зиму не работница».

324. Под горой голубь воркует,
Коля в лавочке торгует,
Шапочка бобровая,
Люблю Колю фартового.

325. Не ходи, мама, босая:
На дворе роса большая,
Ты простудишься, помрешь
И в сыру землю пойдешь.

326. Провожала Колю в поле,
В поле за часовенку,
Рученьки накинула,
Коленьку вспокинула.

327. Дура я, дура я,
Дурака любила,
Из-за такого дурака
На реку ходила.

328. Дура я, дура я,
У дуры не было ума:
Как бы был у дуры ум,
Не гонялась бы за двум.

329. Милый в лодочке плывет,
Колечко на воду кладет,
Колечко тонет и горит.
Сердечко ноет и болит.

330. Кострома наша река
Широка и глубока.
Поставим мы скамейку
Для Яшухи-игрока.

331. Кострома наша река
Потопила паренька,
Парняка Ванюшеньку
Топила помалёшеньку.

332. Не дам платку
По полю валяться,
Не позволю милому
Надо мной смеяться.

333. Мамонька, не потакай,
Казака не покупай:
В кофточке просторней;
Без милого свободней.

334. Я сидела на вершинке,
Шила платье на машинке,
Две катушки вертятся.
Все ребята сердятся.

335. Я под мельницей косила,
Я у Кости пить просила:
«Дай-ка, Костенька, попить —
Дам колечко поносить».

336. Посмотрите, бабушки,
Кто идет от банюшки:
Белый Ваня, кудреватый,
Ваня от Паранюшки.

337. Мимо нашей-то деревни
Проехал становой,
Всех молодчиков забрали,
Яшу Гусева — домой.

338. Я молиться ходила,
Богомольничала,
Перед дроблечкой стояла,
Всё я модничала.

339. Я молиться ходила,
Уж я встала наперед:
Не мое ли загляденьице
На клиросе поет?

340. Мы, подруженька, с тобой
Рядом поуседемся;
Одного будем любить —
Обе не рассердимся.

341. Что вас, девки, только две,
А моя милая где?
Вы подите, приведите,
Веселее будет мне.

342. У милого на дому
Шить рубашку некому.
Приходи, милый, ко мне —
Вышью ворот по канве,
По канве, по тамбуру
Васеньке Иванову.

343. Милый в Питере живет,
Меня в кухарочки зовет.
Уж ты, миленький, не льсти,
Тебе меня не провести.

344. Не пьет теленочек поила,
Не ходит он гулять.
Не любит меня миленький,
Не хочет меня знать.

345. Пожила бы в этом доме,
Поносила бы воды;
Знать, судьба моя несчастна —
Не попала я туды.

346. Не ходите, девки, замуж,
Тяжело вам привыкать:
С половицы на другую
Не дадут переступать.

347. Сыграй, Коленька, в минорочку,
Я песенку спою;
Я сама себя потешу
И тебя повеселю.

348. Без судьбы замуж не выйдешь,
Судьбу в двери не введешь;
Кого любишь и жалеешь,
За того не попадешь.

349. На окне стоит букет,
Сердце замерло мое:
Никто окно открыть не может,
Кроме дроли моего.

350. На столе стоит бутылка
Из-под белого вина,
На стене висит картинка —
Это милая моя.

351. Раскатились лимоны
По чистому полюшку.
Мне не надо миллионов
За девичью волюшку.

352. Дорогая моя мама,
Около меня садится Ваня.
«Дорогая моя дочь,
Бери полено, гони прочь».

353. Из колодца вода льется,
Надо мной милый смеется.
Не придется, милый мой,
Тебе смеяться надо мной.

354. Завтра тихая заря,
Услышит милая моя.
Когда милая помрет,
Тальянка разу не споет.

355. Что Корцово-то на славе —
Скоро будет в забытьи:
Когда Наденьки не будет,
Будет незачем прийти.

356. Что Григорово-деревня —
От Сибири уголок;
Оно хотело провалиться —
Умолили на годок.

357. У Мишухи дом высок,
Круг окошечка песок.
Миша ходит по песку,
Наводит Катю на тоску.

358. Я стояла на горе,
Ребята спорят обо мне.
Ребятюшки, не спорьте-ка,
Обо мне не вздорьте-ка.

359. Бабы хают на мосту,
Что сердитая расту.
Не сердита, бабы, я —
Такой характер у меня.

360. Мне сказали, дролю сдали;
Шить иголочкой не стану,
Брошу шитья во комод,
Пойду с дролей во поход.

361. Девоньки, пойду смотреть —
Повадушка венчается.
Не моим ли именинным
Колечком обручается?

362. Девоньки, пожар, пожар —
Баня загорелася.
На пожарике была,
На дролю нагляделася.

363. По реке, по леденцу
Поехал милый ко венцу;
Начала ему кричать:
«Не будет поп тебя венчать!»

364. Со родимой со сторонушки
Сокол ясный прилетел,
Сел на белую березку,
Опустил крылья, запел.

365. Возьму карты, погадаю
На червонна короля:
Куда на зиму приклонится
Головушка моя?

366. На дороженьке канавка,
На канавке тонкий лед.
По походочке узнаю,
Что Володенька идет.

367. Раскошу, раскошу
На горе полянку.
Люблю Колю за игру,
Ваню — за тальянку.

368. На реке на Талице
Купались три красавицы;
Косы завиты назад,
Не мог красавицы узнать.

369. Тятка рожь молотит,
Я подворовала.
Понемножку, по лукошку,
Всё милому на гармошку.

370. Ветерочки подувают,
Пароходы не идут.
Нонче милого не женят —
Во солдаты берегут.

371. Дроля хороший,
Тоскую по тебе,
Дроля — аленький цветочек,
Подумай обо мне.

372. Открой, маменька, окошко
В озимое полюшко —
Перенесет мое сердечко
Хоть какое горюшко.

373. Сине морюшко глубоко,
Не видать у моря дна.
Мой-ет миленький далёко,
Не видаться года два.

374. Я сидела у окна,
Пряла кужель волокна,
Две костички сдунула,
Про милого вздумала.

375. Мне не пуд гороху надо —
Мне одну горошину,
Мне не много девок надо —
Мне одну хорошую.

376. Золотые мои кольца,
Голубые камешки,
Доставались эти кольца
Дорогому Ванюшке.

377. Поставлю синеньки ведерочки
На тоненький ледок.
Уговаривал мой миленький
Остаться на годок.

378. Под окном собака лает
Черная, мохнатая.
Меня миленький не любит,
Что я не богатая.

379. Попела бы песен —
Голосу нет,
Посмотрела бы на милого —
Здесь его нет.

380. Купи, маменька, на платье
Синего батисту,
Я не буду заводить
Дролечку форсистого.

381. Я шел берегом, лугами,
Нашел колечко под лугами,
Золотые номера —
Потеряла ягодка моя.

382. Дорогой ты мой Алеша,
На тебя была надежда,
А теперя, вижу я,
Нет надежи на тебя.

383. Девоньки, обидно:
Милого не видно;
Встану я на бугорок —
Вижу Вильно-городок.

384. Возьму новую лопату,
Пойду грядочку копать;
Не приедет ли мой милый
Рядом полосу пахать?

385. На гумне я ворох веяла,
Издаley дружка увидела,
Постояла да поплакала,
Во слезах платок закапала.

386. Дует, дует ветерок
От куста орехова.
Повестите-ка милому —
Из гостей приехала.

387. Сад зеленый рассажу,
Весь березками уставлю.
С милой рядом посижу,
А немилых всех оставлю.

388. Где ты, милая, хорошая,
Лазоревый цветок?
За тебя, моя пригожая,
Подралися мы разок.

389. Кабы знала негодяя,
Не любила бы его,
Посередь синего моря
Затопила бы его.

390. Дождь пойдет, сенцо замочит,
Будет маменька ругать;
Помоги-ка, мой хороший,
Мне зародец дометать.

391. Кабы знала бедна девушка,
Где ей замужем бывать,
Помогла бы злой свекровушке
Хоть капусту поливать.

392. Мой дружок женится —
Вся жизнь переменится,
А как обвенчается —
Вся любовь кончается.

393. Кабы знала, не ломала
Вишенья не вызревши;
Кабы знала, не любила
Милого, не визнавши.

394. По чужим я разговорам
Брошу милого любить,
По ретивому сердечку
Мне вовеки не забыть.

395. Своего я милого
Из артели выбрала;
Очень просто выбирать:
Он ловчее всех ребят.

396. Что ж ты, милый, не пришел —
Я тебе велела;
Всю ночку не спала,
Всё в окно глядела.

397. Он хорош собой и статен,
Очень ловок на словах;
Я с ним долго танцевала,
Он мне руку крепко жал.

398. Не дает мне мама воли —
Улечу, как пташка в поле,
Не увидишь от крыльца,
Как проеду от венца.

399. Права ноженька болела,
Я прихрамывала.
Сама я Лешеньку-Алешеньку
Обманивала.

400. Я учителю два слова:
«Не учи ты до Покрова,
Дай повыстрочить платок,
А потом учи годок».

401. Навязались супостаты —
Холосты ребята:
Мимо девушек идут —
Шляпы не снимают,
Возле девушек сидят —
Неучтиво говорят.

402. Вместо водок, сладких вин
Подставляют квас один;
Тогда с горя и досады
Поискать пойдешь отрады.

403. Приведут в келью, запрут,
Ключ игумену отдадут,
Сутки двои так морят,
Ничего не говорят.

404. Ты разделявай, корзинка,
Раскомаривай куски.
Не от радости — с тоски
В корзинке порхают куски.

405. Сегодня тихая заря,
Не пойду домой одна,
Давайте провожатого —
С тальянкой кудреватого.

406. Девоньки, зима не лето,
Не насадишь огурцов.
Не надейтесь, девахи,
На корцовских молодцов.

407. Мне сказали, на базаре
Мелка рыба без костей.
Пропадай, мое колечко,
На три года без вестей.

408. Коля колики рубил,
Саша садик городил,
Вася с новою тальянкой
По садику ходил.

409. За рекой Вера боронит,
Борона песни поет.
Не ее ли этот дролечка
По бережку идет?

410. Полюбила двух Иванов
На такую на беду:
Одного сдали в солдаты,
За другого не пойду.

411. Я одену чёрно платье,
Одевай, подружка, ты:
Нас и люди не осудят,
После дролей — сироты.

412. Шурка замуж захотела
На семнадцатом году,
Шурка, Шурка, плохо дело,
Шурка, маменьке скажу.

413. Уж я, милый, без тебя,
Как голубь без крыла,
Не живет мое ретивое
В покое никогда.

414. Все вы, девоньки, красивы,
Я одна вам не под масть.
Что же делать — некрасивой,
Красоты мне не украсть.

415. У зеленой елочки
Вершинка завилась.
Молодая девушка
В горе нажилась.

416. Не видать такого снегу,
Как у нашего крыльца,
Не нажать такого дроли,
Как я нонче нажила.

417. Не ходите, девки, замуж:
Замужем невесело.
Вон, сестренка замуж вышла —
Голову повесила.

418. Кабы кустик был не мил,
Соловей гнезда не вил,
Кабы дроля не любил,
Кажинный вечер не ходил.

419. Что ты, Аннушка, форсишь
И на меня ты не глядишь?
«А что сам ты косишься
И ко мне не просишься?»

420. Стонет сизый голубочек,
Стонет, длит и ноет.
(конец не дописан)

421. Вы, родители-губители,
Губительница-мать,
За кого хотела замуж,
Не могли меня отдать.

422. На мосту бабы судили,
Что чужие к нам ходили.
Мы на баб не поглядим —
Платочки вышьем, отдадим.

423. Птичку в поле не поймаешь,
Счастья в руки не возьмешь,
Вперед время не узнаешь,
Куда замуж попадешь.

424. Не ходи, милой, по позже:
Дорогой, увязнешь.
Ты скажи-ка мне по-божьи:
Любишь или дразнишь?

425. Если б знала я, девчонка,
Про эту судьбу,
Не нашла б полотенчика
Во копченую избу.

426. Горит лес, горит густой,
Горит сыра сосеночка.
Вышла замуж за вдовца
Молоденька девчоночка.

427. Дружка в солдаты поведут,
Милую замуж отдадут.
Его, мальчишку, на пять лет —
Меня, девчонку, на весь век.

428. Моя мамонька ретива,
В поле цветик сорвала;
Мою молодость сгубила —
Рано замуж отдала.

429. Все я горы исходила,
Все крутые бережка,

Я такой травы искала —
Присушить к себе дружка.

430. Сколько лесу ни пилила —
Тяжелее дуба нет;
Сколько милых ни любила,
А тебя милее нет.

431. Где с миленочком стояла,
Снег растаял до земли,
Где с миленочком прощалась,
Все цветочки расцвели.

432. Посадила я березку
Без одного корешка.
Слава Богу, обываю
Жить без милого дружка.

433. Я миленка проводила
За деревню на поле,
Не стерпело ретивое —
Взяла, при нем заплакала.

434. Что ты, белая березка,
Ветру нет, а ты шумишь?
Что, ретивое сердечко,
Горя нет, а ты болишь?

435. Говорят, что на Фонтанке
Позакроют все садки,
Потому что там полощут
Бабы юбки и портки.

436. Алу ленточку сносила
Моя русая коса,
Добра молодца сгубила
Моя девичья краса.

437. Пойду выйду на дубровку,
На прохладный ветерок,
Закричу свою милую
Через темненький лесок.

438. За миленочка веревочкой
Пытала мама бить —
Я без совести сказала:
«Хоть убей, буду любить!»

439. Не кукуй, кукушка сера,
Не на ту березку села;

Пересядь на елочку,
Снеси поклон миленочку.

440. Моя досада не рассада,
Не раскинешь по грядам,
А кручина не лучина,
Не зажжешь по вечерам.

441. Нету яблоньки пониже,
Негде яблочка сорвать.
Нету милого поближе,
Не с кем слово мне сказать.

442. Что ж вы, девки, скоро Святки,
После Святков — мясоед;
Поехал миленький венчаться,
Не приехал на совет.

443. Скоро будет Рождество,
Скоро будет сватовство,
Скоро будут Святочки —
Повезут задаточки.

444. У нас Святки на проходе,
А мы думали вперед:
Мы чужих ребят любим,
Наших горюшко берет.

445. Я скажу тебе, забава,
Два словечка тайные:
Припасай-ка к Рождеству
Колечка обручальные.

446. Скоро, скоро мясоед,
Пойду к Володе на совет:
«Ты женись, Володенька,
Покуда я молоденька».

СБОРНИК ТАТЬЯНЫ ПАВЛОВНЫ ЛЕБЕДЕВОЙ
(№ 447—553)

447. Милый женится — пусть женится,
Не стану я тужить,
Я такое дело сделаю —
Жена не станет жить.

448. Если б я была цыганка,
И притом красивая,

Вышла б замуж за цыгана
И была б счастливая.

449. Машина в темный лес пошла,
Колесами забрякала,
Лет семнадцати девчонка
Об милом заплакала.

450. Сероглазый ягодиночка,
Глазами не води;
Если я черноброва,
Чернобровую ищи.

451. У подружки дроля Коля,
Как бы Колечку и мне,
Не стала бы я завидовать,
Подруженька, тебе.

452. Я одену бело платье,
Буду лебединочкой.
Если я не хороша —
Хороший ягодиночка.

453. Девушки, гармонь-то ваша,
Гармонист-то — дроля мой;
Забираю гармониста,
Отправляемся домой.

454. Дай-ка, маменька, пилу,
Я рябинушку спилю,
На рябине желтый лист.
Меня любит гармонист.

455. Дайте той воды напиться,
Где сирень мочилась;
Дайте мне того милого,
С кем гулять училась.

456. Жалко, жалко полушалка —
Выгорает голубой,
Жалко, жалко мне миленка —
Занимается с другой.

457. Голубые, голубые,
Голубые небеса.
Ой, какие завлекательны
У милого глаза.

458. Всё бы топала, плясала
По полу еловому.

Всё равно не просмеять
Тебе, вертоголовому.

459. Пойду в лес, поставлю крест,
Кто-нибудь помолится.
Все ребята — комсомольцы,
Не с кем познакомиться.

460. Пойдем, подруженька, домой,
Я уж насиделась;
Моего здесь дроли нет,
На ваших нагладелась.

461. Пойдем, подруженька, домой,
Уж солнце село за село;
На гулянье дроли нету —
И гулять невесело.

462. Чёрну юбочку ношу —
Милый думает, тужу.
По такому трепачу
Я и думать не хочу.

463. Милый мой, твоя-то мать
Что изволила сказать:
«Бело платице не гладь,
Тебе за сыном не бывать».

464. Милый в лодочку садится
И наказыват попам:
«Не венчайте мою милочку,
Приеду — возьму сам».

465. Я гармошку на окошко,
Гармониста на кровать,
На гармошку — алу ленту,
Гармониста — целовать.

466. Девушки, кожан, кожан.
Не любите воложан:
Воложан полюбите —
Воложанам будете.

467. У милого дом высок,
Вокруг домика песок.
Милый ходит по песку,
Меня наводит на тоску.

468. Ставь-ка, мама, самовар,
Золотые чашки:

Ко мне миленький придет
В вышитой рубашке.

469. Я с окошка на окошко
Переставила ерань.
Мой-то миленький — заботливый,
Пришел какую рань.

470. Коля, Коля, колистый,
Какой ты поговористый,
Чем ты, Коля, мажешься —
Всем девчонкам нравишься.

471. На груди у белой блузки
У меня помечено.
Дролечка, другую любишь,
Отпираться нечего.

472. Как бы я была богата,
Я бы барыней жила:
И посуду бы не мыла,
Не кухарничала б я.

473. Отчего конфетки сладки —
На них сахарный песок;
Отчего девки красивые —
На них пудры на вершок.

474. Миленький сидит, играет:
«Отвори» да «затвори».
А я, дура, подпеваю:
«За дровам поехали».

475. Милый свататься поехал,
За мой за угол задел,
Отворачивай, бессовестный,
Куда глазам глядел.

476. С ближним дролей разругалась,
Теперь птичка вольная,
С дальним — редкое свиданьице,
И тем довольная.

477. Я иду, а мне навстречу
Супостаточка с милым,
Я и то не поперечила,
Дала дорогу им.

478. Мне цыганочка гадала,
В ручку клала слово.

Без тебя, цыганка, знаю,
Что гуляю здорово.

479. Три раз к морю подходила,
Не могла воды достать.
Ты трепач, а я ревнива,
Нам любовь не совершать.

480. Ты домой, и я домой,
Пошел ты к черту, дорогой;
Ты забыл, я не забыла,
Как смеялся надо мной.

481. Милый в гору, я в догоню,
Думала, воротится,
У него другая есть,
Он туда торопится.

482. Говорят-то, говорят-то,
Говорят-то мало ли;
Вы спросите-ка его,
Меня ему-то надо ли.

483. Не стой на мосту,
Не маши фуражкой:
Я теперь не твоя,
Не зови милашкой.

484. Не стой на мосту,
Не маши картузиком:
Всё равно гулять не буду
С таким карапузиком.

485. Не стой на льду,
Лед провалится,
Не люби шпану,
Шпана ругается.

486. Я стояла на льду
И стоять буду,
Я любила шпану
И любить буду.

487. Эх, яблочко,
Катись под елочку.
Агроном полюбил
Комсомолочку.

488. Эх, яблочко,
Золотой глазок.

Обойми, поцелуй
Хоть один разок.

489. Эх, яблочко,
Катись под елочку.
Эх, маменька,
Люблю Колечку.

490. Эх, яблочко,
Мелко рубленное.
Не курите на меня,
Я напудренная.

491. Скоро, скоро мы уедем,
Скоро мы расстанемся.
Кудреватый в белой кепочке
Кому достанется?

492. Подружка цветик сорвала
И сказала: «Загублю»,
Мне цыганка угадала —
Кудреватого люблю.

493. Мы сидели у поленницы,
Сидели мы у дров;
Раскатилась поленница —
И кончилась любовь.

494. Изменил, поторопился,
Бросил девушку меня.
Я, как роза, расцветаю —
Ты же вянешь, как трава.

495. Изменил, теперь выпытывают:
«Гуляешь каково?»
Я с усмешечкой ответила:
«Не хуже твоего».

496. Изменил, теперь подходит:
«Разрешите подойти»,
Разрешаю я изменщику
Подальше отойти.

497. В лесу елочка качается,
Наверно, упадет.
Подружка с дролей занимается,
Наверно, отобьет.

498. Где мои шестнадцать лет,
Где моя тужурочка,

Где мои все ухажёры:
Коля, Слава, Шурочка?

499. Все пришли, все пришли
И по лавкам сели,
Одного моего
В лесу волки съели.

500. Меня милый провожал,
Гармошку ставил на землю:
«За тобой, моя красавица,
Приеду на зиму».

501. Дайте лодочку-моторочку,
Мотор, мотор, мотор —
Перееду на ту сторону,
Где новый ухажёр.

502. Кто платочек вышивал,
Каемочкой опутывал;
Кто до дому провожал,
Тужурочкой окутывал.

503. Нету лета без июня,
А июня — без цветов.
Нет любви без поцелуя,
В поцелуе — вся любовь.

504. Меня милый не целует,
Только обещается,
А любовь без поцелуя
Строго воспрещается.

505. Я по бережку иду,
Воробьи чирикают.
Когда с миленьким целуюсь,
Только губки чикают.

506. наших чухломских ребят
Нужно в речке искупать,
На мосту поколотить,
Характер выбить и любить.

507. наших чухломских ребят
Можно сразу всех узнать:
Кепка на затылочке,
В кармане полбутылочки.

508. Выше лесу, выше лесу
Два фонарика горят.

Не про нас ли с тобой, миленький,
Соседи говорят?

509. Что-то треснуло, вереснуло
В осиновом лесу.
За измену мальчик девочку
Давил на поясу.

510. Говорят, наряду нету, —
Два шеста навешано:
Юбка в сборку, юбка в клеш —
Ну какого лешего!

511. Говорят, что сиротинка —
Нет, не сиротиночка:
Есть и папа, есть и мама,
Есть и ягодиночка.

512. Меня маменька будила,
А сама заплакала:
«Ты вставай-ка, моя дочка,
Я тебя сосватала».

513. Милый, вспомни, не забудь
Формулу такую:
Сумма двух прекрасных губ
Равна поцелую.

514. Милый мой, я вся твоя,
Куда ходишь, девай меня;
У тебя карман широкий,
Посади меня туда.

515. Как на чухломском мосту
Целовал, не знаю чью;
Думал, в кофте розовой —
А это пень березовый.

516. Отдадим девок в солдаты,
А ребят куда девать?
Мы дождемся Покрова,
Ребят распилим на дрова.

517. Я у тещи был в гостях,
Портянка плавала во щах,
А я парень был не смел —
Портянку вытащил и съел.

518. Мой-то миленький красивый,
Только носик короткий:

Девять курочек садится,
А десятый — петушок.

519. Мой-то милый, что бочонок,
А я, дура, пузырек:
Руки, ноги по сололке
И во рту один зубок.

520. С неба звездочка упала,
А другая поднялась.
Не моя ли косолапая
В беседу поплелась?

521. Мой-то милый — дуралей,
Купил полфунта кренделей,
А я, дура глупая,
Всю дорогу хрупала.

522. Миша, Миша, пройди тише
Возле дома моего,
Чтоб не слышали родители
Проходу твоего.

523. Я елецкого плясала,
Увидала в поле дым:
Это миленький закуривал,
Домой пошел один.

524. Чтоб елецкого плясать,
Нужно много песен знать,
А я знаю только три —
Запевай, подружка, ты.

525. Чтоб елецкого плясать,
Нужно кофту вязану;
Чтоб с ребятами гулять,
Надо много разуму.

526. Чтоб елецкого плясать,
Надо соображение:
Руки, ноги затрясутся,
В голове кружение.

527. По жердиночке иду,
Другая выгибается.
Я за то его люблю,
Взглянет — улыбается.

528. Посажу я грядку луку,
Посажу и выполю.

На словах всё не скажу —
Я на песнях выпою.

529. На столе стоит бутылка,
А в бутылке лилии.
На букву «К» милого звать,
А моя фамилия.

530. Мы с подружкой боевые,
В девках не останемся,
Но и плохо тому будет,
Кому мы достанемся.

531. Сиротею, сиротею,
Сиротею не одна,
Сиротеет задушевная
Подруженька моя.

532. Всё прошло и пролетело
Времечко веселое,
А теперь-то настает
Самое тяжелое.

533. Голубого ситцу много,
Накроют — не буду шить;
Отдадут далёко замуж —
Убегу, не буду жить.

534. Миленький, побойся Бога,
Полюби меня одну,
Не полюбишь — будет плохо:
Брошусь в речку, утону.

535. К ворожейкам я ходила,
Ворожейки все в одно:
«Не убьют твоего милого,
Постучит дружок в окно».

536. Я на папеньку, на маменьку
Составлю протокол:
Приди рано, приди поздно —
Всё ложись на голый пол.

537. Не ругай, мама, за милого,
Поверь ты по себе:
Когда папа был молоденький,
Ходил, мама, к тебе.

538. У милого поговорочка:
«Чиво подобного».

Как же мне его любить,
Такого благородного?

539. Миленький на сто процентов,
Я — на восемьдесят пять;
Номер с номером не сходится,
Мы кончили гулять.

540. Мы с подружкой боевые,
Боевые только две,
Мы нигде не подкачаем:
Ни в работе, ни в гульбе.

541. Мимо нашего окошка
Пробежал теленочек,
Я его за хвост схватила,
Думала, миленочек.

542. Открой, маменька, окошечко:
Головушка болит.
«Не обманывай, дочурка,
У ворот парень стоит».

543. Полно, дrolечка, сердиться,
Губки бантиком держать,
Не пора ли помириться
И по-старому гулять?

544. Не гуляешь — и не надо,
Я ведь больно не прошу;
Я таким-то ухажёрам
Огороды горожу.

545. Я не буду из-под дуба
Дубовую воду пить.
Я изменщику сказала:
«Всё равно буду любить».

546. Меня маменька рожала,
Три версты бегом бежала;
Поглядеть хотелось,
Как она вертелася.

547. Меня маменька рожала —
Деревенька вся дрожала,
Папка бегает, орет:
«Кого черт сейчас дает?»

548. Выйду замуж за цыгана,
Хоть меня мама убей!

Будем ездить по деревне
И обманывать людей.

549. Миленький, забудь, забудь
Из нас которую-нибудь.
Лучше забывай меня,
Пускай с изменой буду я.

550. Или ты играешь, таешь,
Или я пою, таю,
Или ты любить кончаешь,
Или я перестаю.

551. Цыгане в озере купались,
В озере-то тина.
Цыган цыганку потопил,
Остался сиротина.

552. За тюремным за окошечком
Сидеть невесело;
Шла девчонка на свиданье —
Голову повесила.

553. Если б я была цыганка
И умела бы гадать,
Вышла б замуж за цыгана —
Ах, какая благодать!

СОВРЕМЕННЫЕ ЧАСТУШКИ (№ 554—682)

554. Дайте, дайте ходику
Веселому народику,
Дайте, дайте погулять
Семнадцатому годику.

555. А как в Чухлому идти,
Грязи надо лезти;
А как чухломских любить,
Надо много чести.

556. Завтра праздник — воскресенье,
Я получше наряжусь:
Кринки на ноги надену,
Самоваром подвяжусь.

557. Как вдоль нашего села
Идет гармошка весела,

На двенадцати мехах,
У залеточки в руках.

558. Наше поле рядом с вашим,
Наше поле зеленей;
Наши девки лучше ваших
И гуляют веселей.

559. Зимой завило сугробы,
Летом залило дождям.
Повалихинских девчонок
За ребят порют возжам.

560. Все тропиночки пропали,
Всё бурьяном заросло.
Наши девки захворали,
В лихорадке затрясло.

561. Заиграю в переборы,
Поднажму на все басы.
Хороша наша деревня,
Только девушки косы.

562. Как во нашей во деревне
Все избушки на боку.
Уж как наши-то ребята
Почернели с табаку.

563. Монаховские ребята —
Воры и грабители:
Ехал дедушка с мякиной —
И того обидели!

564. Туфли белые надену,
Блесточки на кофточке.
Ухажёров у нас нет —
Одни недоросточки.

565. Не берет мово залеточку
Ни холод, ни мороз:
Он ботиночки в корзиночки
И веночку под мышечку —
За семьдесят километров
Чинить ее понес.

566. Ветры, дуйте, ветры, дуйте,
Буйные, кружитесь.
Мы частушки начинаем,
Вы посторонитесь.

567. Дуют ветры, дуют ветры,
Дуют ветры встречные.
Петь частушки научили
Соловьи заречные.

568. Пойте, девки, прибаутки,
Собирайтесь в кружок;
Я сегодня спал на печке,
Себе сердце подожёг.

569. Мы с товарищем запели —
Захватил у девок дух,
Все вороны разлетелись,
Со плетня упал петух.

570. А у меня залетки нет,
А у подружки семеро,
А я спросила: «Где брала?» —
«В огороде сеяла».

571. Я хотела отравиться,
Яду приготовила —
Задумевшая подруга
Меня успокоила.

572. Понимаешь, Бог обидел,
Понимаешь, лен пропал,
Понимаешь, съездил в город,
Понимаешь, загулял.

573. У качельного столба
Нету счастья никогда:
Либо ветер, либо дождь,
Либо с печки упадешь.

574. Супостаточка идет —
Юбка задом наперед;
Поверни, зараза, юбку,
Насмешила весь народ.

575. Меня мама била — ой! —
Об лежанку головой,
Била за кудриночку,
За Колю-ягодиночку.

576. Я во нынешнем году
Да папе сделаю беду:
Подворотню изломаю,
Жеребенка уведу.

577. Базар большой,
Купил поросенка,
Всю дорогу целовал:
Думал, что девчонка.

578. Чёрны глазки, как салазки,
Только не катаются.
Стары девки, как собаки,
Только не кусаются.

579. Я на паперти стою,
Старуха Богу молится,
Я старухе говорю:
«Давай, старуха, дrolиться».

580. Ты гармошка — белы ножки,
Золоченые меха.
Полюбил бы богомолку,
Не отмолит ли греха.

581. Голубенок ты мой, Петя,
Что нам будет на том свете?
Неужели нам в аду
Век лизать сковороду?

582. Сшила платье из капусты,
Огурцом обделала,
Рассердилась — платье съела.
Что же я наделала?

583. Ох, страданье — наказание,
Настоящая беда:
Я назначила свиданье —
Он пришел, да не туда.

584. Дролечка, шарью-верью,
Тебе меня не просмеять,
Надо шаверью-китаверью
Шарью-верью катать.

585. Не ходи, не мни рассаду
И не порти огород,
Не пугай собак в проулке,
Не расстраивай народ.

586. Всю солому, всю солому
В поле ветром разнесет.
Это чей такой курносый
Не здороватся, идет?

587. Мне сказали про милого,
Милый хлебушка не ест —
Посмотрела я сегодня:
Он в опарницу залез.

588. Хорошо тебе, подружка —
Каково мне, сироте:
Съела окуня живого,
Окунь ходит в животе.

589. Месяц светит на целковый,
А луна — на четвертак.
Твой залетка — бестолковый,
Ну а мой — совсем дурак.

590. Ой, с характером миленок,
Не могу его понять:
То заржет, как жеребенок,
То завоет — не унять.

591. У меня дроля Иван —
Кудреватый, как баран;
Поглядите-ка, девахи,
Не понравится ли вам?

592. Мой миленок — как теленок,
Кудреватый, как баран;
Пойло выпил, крошки съел,
Ведерко на уши надел.

593. У меня миленочек —
На двух ногах теленочек:
Сяду рядом — замолчит,
Сядем врозь — он замычит.

594. У моего миленочка
Худая лошаденочка —
У огорода, у травы
Закусали комары.

595. Чей-то миленький, красивенький
Стоит возле пенька,
Телогреечка на баечке,
И руки под бока.

596. Я иду, иду, иду,
Стану и подумаю:
А меня — веселую —
Считают за угрюмую.

597. Подходила к синю морю,
Кружкой пену я брала.
Ненадолго, но хорошего
Залетку завела.

598. Я любила Колю, Ваню,
А теперь Василия;
А ты скажи, моя подружка,
Кто из них красивее.

599. Ухажёрики мои,
Снимитесь на картиночку:
Ваня с Петей — по бокам,
А Коля — в серединочку.

600. Почему трава сырая —
Потому что дождик шел.
Почему я неженатый —
Себе милки не нашел.

601. Буду я косить траву,
Которая с осокою.
Показалась мала —
Пошел искать высокую.

602. Голубые незабудки
Расцветают на лугу.
Все хорошие девчата,
А влюбиться не могу.

603. Милый, ленты, милый, банты,
Милый, розовы цветы.
Милый, я в тебя влюбилась,
Я не знаю, как-то ты.

604. Говорят, что я мала —
Белая горошина.
Всё равно залетка любит,
Говорит, хорошая.

605. Кругом, кругом заоблачивает,
Скоро будет дождь.
Моего залетку хают,
А я думаю — хорош.

606. Я одену всё зелёно,
Всё зелёно-зелено;
Я тебя тогда забуду,
Когда выгорит оно.

607. Ох, юбка моя,
Синие оборки.
Хочу дома заночую,
Хочу — у Егорки.

608. Девяносто песен знаю,
А молитвы — ни одной.
Меня дролечка жалеет
Лучше матери родной.

609. — Дорогой, куды поехал?
— Дорогая, в лавочку.
— Дорогой, не позабудь,
Купи помады баночку.

610. Только вышла на крылечко —
Вижу: миленький идет,
Мне на тоненькой веревочке
Бараночку несет.

611. Милый колики рубил,
Милый садик городил,
Милый с маленькой тальяночкой
По садику ходил.

612. Мы с залеточкой встречались —
Не было свидетеля,
Только были мы вдвоем
И гармошка — третья.

613. Ко мне миленький стремился —
Бежал, дорогой песни пел;
Лес и горы не держали,
Из-под ног огонь летел.

614. Чернобровый, черноус,
Полюбила бы — боюсь;
Полюбила, врезалась,
Был бы нож — зарезалась.

615. Я сегодня не весёла
И пою не по игре:
Кровь кипит, как в самоваре,
Ягодинка, по тебе.

616. Я кошу, за мной качается
Одиннадцать травин.
Семерым меня высушить,
Как высушил один.

617. Голубое не носите,
Голубое выгорит;
Ребят красивых не любите,
Всё сердечко выболит.

618. Я сидела в горенке,
Плакала по Коленьке,
Плакала, томила,ся,
Чуть не подавилася.

619. Я у реченьки была,
У быстрой я просилася:
«Речка, примешь ли меня,
С тоски бы утопилася».

620. Подходила к синю морю
И кричала: «Потону!»
Потону — меня не будет,
А залеточку кому?

621. Я хотела утопиться,
Да река была мелка,
Моя лента голубая
Застилала берега.

622. Подходила к синю морю,
Меряла, глубоко ли;
Я любовь свою искала —
Где она, далёко ли.

623. Что-то голосу не стало
У меня, у боевой:
Напоил меня залеточка
Холодною водой.

624. Городила огород
Не жердям, а палочкам.
То ли я не ухажёлочка —
Зовет «упрямочка».

625. Я иду, иду, иду
По перепутанной траве.
Перепутанная совесть,
Ягодиночка, в тебе.

626. Я по бережку иду,
По песку сыпучему.
Я люблю, а ты не любишь,
Это, милый, почему?

627. Что ты, мил, ко мне не ходишь,
Разве речка глубока,
Что гостинцев мне не носишь,
Или бедность велика?

628. Голубые василечки
Соберу в один букет.
Все ребята на беседе —
Моего миленка нет.

629. Светит месяц, не луна,
Половиночка одна.
По тебе я стосковалась,
Ягодиночка моя.

630. Задушевная, невесело,
Невесело и есть:
Милый, как садовый яблочек,
Гуляет, да не здесь.

631. Я сегодня не весёла,
Юбочка не кубова.
Есть залетка у меня —
Десять верст отсюдова.

632. Научилась косить,
Научите меня жать;
Дроля в армию поедет —
Отпустите провожать.

633. А что ты, милая, не тужишь,
Юбку черную не шьешь,
Повезут меня в солдаты,
Провожать-то в чем пойдешь?

634. Сероглазая, на память
Вышей полотенчико;
Повезут меня в солдаты —
Пожалей маленечко.

635. Ягодинку отправляли
На Дальний на Восток,
Только слышала я, девушка,
Машинушки свисток.

636. Утка серая летела
И упала в камыши.
Милый, с Дальнего Востока
Письма чаще мне пиши.

637. Я тропиночкой иду,
По обе стороны овес.
Мою горькую любовь
Залетка в армию увез.

638. Было время — ожидала
Ягодинку у крыльца,
А теперь я ожидаю
Заказного письмеца.

639. Где же, где же он теперь,
В зеленой гимнастерочке,
На кого теперь наводит
Карие глазеночки?

640. Кабы был милашка дома,
На гуляночку б пришел;
Его нету, ягодиночки, —
В солдатушки ушел.

641. Во солдатушки ребятушкам
Дорога широка.
Вы гуляйте, девки-матушки,
Годов до сорока.

642. Голосочка нету, нету,
Куда делся голос мой?
Милый мой на фронт уехал,
Голосок увез с собой.

643. Милый мой, милый мой,
Возьми на фронт меня с собой,
Там ты будешь воевать,
А я — патроны подавать.

644. Проводила я милого —
Он ушел фашистов бить;
На прощанье обещала
Одного его любить.

645. Распроклятая Германия
И Гитлер-сатана,
Раньше я гуляла с дrolечкой —
Теперь хожу одна.

646. Кабы были крылышки,
Как у серой уточки,
Побыла бы я на фронте
Хотя бы три минуточки.

647. Третий год идет война,
Идет и не кончается.
Два залеточки на фронте,
Третий обучается.

648. Гори, бор, гори, сырой,
Гори, гора-гориночка,
Гори, немецкая земля, —
Вернися, ягодиночка.

649. Взойду на гору крутую —
Всю войну будет видать;
Увижу дrolечку убитого —
Домой не буду ждать.

650. Я плыла, плыла, плыла
По морю ледовитому,
Приплыла, на грудь упала
К дrolечке убитому.

651. Милый пишет мне открытку:
«Дорогая, не скучай,
Через год война закончится,
Домой меня встречай».

652. От Москвы и до Берлина
Дороженька узкая.
Сколько Гитлер ни воюет,
А победа — русская.

653. Под окном растет сирень
Голубая.
Мы Победы дождались
Девятого мая.

654. Все ребята веселятся,
Что отвоевались,
И девчата тоже рады:
Женихов дождались.

655. Пела я — напелася,
Ревела — наревелася,
В ручейке умылася,
Кого люблю, лишилася.

656. Вспомни санки, вспомни горы,
Как с тобой каталися.
Не забыла, не забыла,
Как с тобой влюблялися.

657. Я пою, пою, пою,
Пою — не напеваюся:
Я во нонешном году
Куда-нибудь деваюся.

658. Голубое одеяло
Всю постелю голубит.
Он давно другую любит,
Только мне не говорит.

659. Что-то голосу не стало,
Стала я сипучая;
Не то любовь, не то измена
Девушку замучала.

660. Если ты мене изменишь,
То ищи среди могил:
Разукрашена цветами,
Вспомни, кто тебя любил.

661. Не трава меня опутала,
Не клевериночка —
Меня опутала любовь,
Изменник-ягодиночка.

662. А мне милый изменил,
Себе хорошую нашел;
Как бы с этой-то хорошей
Побираться не пошел.

663. Начинаю конопатить
Первый угол с улицы.
У залетки за измену
Подыхайте, курицы.

664. Если ты меня изменишь,
Обращуся к колдуну —
Станут ноги кочерыжками,
Глаза — по чугуну.

665. До чего кусты густые,
До чего зеленые.
До чего ребята злые,
Когда измененные.

666. Ягодинка-ягодка,
Мне не двадцать два годка,
Мне уж скоро двадцать лет,
От ребят отбою нет.

667. Скоро, скоро я уеду,
На почтовом укачу;
Всем ребятам по привету —
Тебе нету, трепачу.

668. Сера утка улетела,
Утенята крякали.
Я залетку рассчитала —
Только счета брякали.

669. Позабыла ягодиночку,
Забыла и какой,
Только помню, как охаживал
Тяжелою рукой.

670. Мамонька родимая,
Вспомянешь неодинова,
Скажешь: «Где моя работница
И дочка милая?»

671. А мой миленький такой:
С-под фуражки чуб волной,
Губы сладкие, как мед, —
Только замуж не берет.

672. Неужели это так:
Да на реке растет табак?
Да неужели милый женится,
Меня оставит так?

673. Много снегу навалило,
Не могу перегрести.
Погодите, не жените,
Дайте лапти доплести.

674. Полюби, милка, меня,
У меня мельница своя,
Мельница да кузница,
Да вот какой я умница.

675. Ах ты, милая моя,
Чем ты недовольная?
У нас мельница своя,
Своя и маслбойная,
Своя корова дойная,
Своя овца суягная,
Собака ошенилася —
Семейка накопилася.

676. С неба звездочка упала,
Проломила потолок.
Открывай, мамаша, двери,
Я невесту приволок.

677. Девочки-беляночки,
Ходите на гуляночки;
Когда бабам будете,
Гуляночки забудете.

678. Всё бы замуж, всё бы замуж —
После Масленой домой:
Не хочу свекрови трафить,
Лучше мамоньке родной.

679. Эко горе — муж Григорий,
Хоть не хуже да Иван.
Вы не смейтесь, подружки,
Не привел бы Бог и вам.

680. Не ходите, девки, замуж,
Не ходите, девушки:
Попадется муж-бродяга,
Надает по шеюшке.

681. Свою беленькую кофточку
Повешу на балкон.
Если поп не обвенчает,
Обвенчает исполком.

682. Я кончаю петь частушки
До другого вечера.
Вы сидите, коль хотите,
Вам ведь делать нечего.

Раздел VI

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Река Вуга. Фото Е. А. Майоровой

Пословицы и поговорки — хранилище народной мудрости, высказанной кратко и остроумно. «Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово», — эти строки Николая Васильевича Гоголя в полной мере могут быть отнесены к пословицам и поговоркам, вобравшим в себя силу, богатство и гибкость русского языка. Глубокая мысль, точное наблюдение в пословицах и поговорках сочетается с обилием образов, сравнений, с параллелизмом, ритмичностью речи, звукописью. Выразительная краткость этих изречений, их живой, непринужденный язык — памятник одаренности наших предков, запечатлевших в них опыт своей жизни, со всеми ее радостями и бедами. С явлениями жизни пословицы и поговорки соотносятся обычно через иносказание; разница между ними состоит в том, что пословица — завершенное суждение, применяемое в готовом виде («Над пуханым соколом и вороны грают»), поговорка же — как бы «половинка» пословицы, изменяемая, будучи вставленной в речь, и дополняемая случаем из жизни, сущность которого она четко и образно проявляет («Воду в ступе толочь»).

Публикуемый сборник пословиц и поговорок составлен ушедшей из жизни несколько лет назад Клавдией Александровной Сафоновой, жительницей города Чухломы. Клавдия Александровна приехала в Чухлому в 1927 г. и всю жизнь посвятила этому городу; сотрудничала в Доме культуры, была руководительницей и деятельной участницей народного хора. Незадолго до смерти Клавдия Александровна передала в Чухломский краеведческий музей свои записи народных песен, игр, сценарии выступлений фольклорного коллектива; среди этих материалов был и сборник пословиц и поговорок. В начале 1994 г. благодаря любезности директора музея Татьяны Аркадьевны Гороховой и научного сотрудника Галины Павловны Смирновой записи К. А. Сафоновой были нами переписаны, и теперь мы издаем часть из них — сборник «Народные пословицы и поговорки», не изменяя последовательности текстов.

Авось и рыбака толкает под бока.
Ай, ай — месяц май: коню корма дай, а сам на печку полезай.
Ай, ай — месяц май: не холоден, так голоден.
Аппетит приходит во время еды.

Береги честь смолоду.
Береги денежку на черный день.
Быль молодцу не укор.
Большому кораблю большое и плавание.
Боль врача ищет.
Больному всё горько.
Была бы шея, хомут оденут.
Было бы болото, а черти найдутся.
Был конь, да изъездился.
Бодливой корове Бог рог не дает.
Богу молиться всегда пригодится.
Бог-то Бог, да и сам будь не плох.
Было да прошло и быльем поросло.
Брань на вороту не висит.
Белой вороне среди черных не житье.
Близко локоть, да не укусишь.
Близок локоток, да язык короток.
Без Троицы и дом не строится.
Без четырех углов изба не стоит.
Были бы кости, а мясо будет.
Блудлив, как кошка, а труслив, как заяц.
Без хозяйки дом — сирота.
Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.
Бедняку с голоду не спится, а богатый не спит — воров боится.
Без Бога — не до порога.
Без денег везде худенек.
Без году неделю.
Болят бок который год, а не знаю какое место.
Бес попутал.
Боится, как черт ладана.
Беда не приходит одна, на поводу другую тащит.

Всякому овощу свое время.
Всяк — кузнец своему счастью.
Всяк Еремей про себя разумеет.
Весенний день год кормит.
Вольному воля, спасенному рай.

Всяк по-своему с ума сходит.
Ври, да меру знай.
Ворон ворону глаз не выклюет.
Волка ноги кормят.
Волков бояться — в лес не ходить.
Велика Федора, да дура.
Всякая Халя сама себя хвалит.
Видать птицу по полету, а молодца — по делам.
В зимний холод всякий молод.
В чужом глазу соринку заметил, а в своем бревно проглядел.
Видит око, да зуб неймет.
Выше лба не перепрыгнешь.
Вот тебе, бабушка, и Юрьев день.
Все хорошо, что хорошо кончается.
Верю, верю всякому зверю: волку, ежу — а тебе погожу.
Волос долог, да ум короткий.
Везде хорошо, где нас нет.
Всяк сверчок знай свой шесток.
Всяк кулик свое болото хвалит.
Всякой воронке мила своя сторонка.
Всё хорошо, когда в меру.
В тесноте, да не в обиде.
В чужой монастырь со своим уставом не ходят.
Всё идет по маслу.
Во всякой лжи есть доля правды.
Взялся за гуж — не говори, что не дюж.
В чужом пиру похмелье.

Где тонко, тут и рвется.
Где сядешь, тут и слезешь.
Глаза боятся, а руки делают.
Говори, да не заговаривайся.
Горбатого могилка исправит.
Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдутся.
Голенький: «Ох!» — а за голеньким Бог.
Грех да беда на кого не живут.
Говорят с уха на ухо, а слышно с угла на угол.
Гусь свинье не товарищ.
Горе-то горюй, а дело-то делай.
Голод не тетка.
Голодной курице всё просо снится.
Голодной куме всё еда на уме.
Гром гремит не из тучи, а из навозной кучи.
Гони природу в дверь — она влетит в окно.
Гордым Бог противится.
Где черту не сладить — бабу подошлет.

Денежки счет любят.
Дорого яичко к Христову дню.
Делу время, а потехе час.

Даровому коню в зубы не глядят.
Дело не медведь, в лес не убежит.
Дальние провода — лишние слезы.
Друзья познаются бедой.
Для милого дружка и сережка из ушка.
Для милого дружка семь верст — околица.
Дитя не плачет — мать не разумеет.
Две собаки грызутся — третья не подставай.
Двум смертям не бывать, одной не миновать.
Долог день до вечера, коли делать нечего.
Дурень думкой богатеет.
Для ленивого каждый день — праздник.
Дурак не дурак, а сроду так.
Давши слово — держись, а не давши — крепись.
Две бабы — базар, а три — ярмарка.
Дождик вымочит, а солнышко высушит.
До Бога высоко, а до царя далеко.
Дурная голова не дает ногам покоя.
Дом хозяйкой держится.
Для глухого две обедни не служат.

Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами.
Едешь на день, а хлеба бери на неделю.
Есть нечего, зато жить весело.
Еще молоко на губах не обсохло.
Еду, еду — не свищу, а наеду — не спущу.

Жизнь прожить — не поле перейти.
Жареная утка в небо не взлетит.
Жалел волк кобылу, оставил хвост да гриву.
Ждать да догонять — нет хуже.
Желанному гостю и чарка полней, и кусок пожирней.

Знай край, да не падай.
Залетела ворона в барские хоромы.
За ученого двух неученых дают.
За чем пойдешь, то и найдешь.
За морем телушка — полушка, да рубль — перевоз.
Знает кошка, чье мясо съела.
Запели молодцы — кто в лес, кто по дрова.
Завей горе веревочкой.
Зри в три.

Ищи ветра в поле.
И рано встала, да мало напряла.
Из песни слова не выкинешь.
Имеем — не жалеем, потерявши — плачем.
И рад бы в рай, да грехи не пускают.
Из избы сор не выносят.
И на старуху бывает проруха.

И курица в одно перо не родится.
И солнышко не без пятен.

Кто зевает, тот и воду хлебает.
Кошка скребет — на свой хребёт.
Куй железо, пока горячо.
Куручка по зернышку клюет, да сыта бывает.
Каков поп, таков и приход.
Клин клином вышибают.
Кто в грехе, тот и в ответе.
Кто рано встает, тому Бог подает.
Кошке — игрушки, а мышке — слезки.
Курицу не накормишь, а девку не нарядишь.
Куда конь с копытом, туда и рак с клешней.
Красивый всегда спесивый.
Красота приглядится, а разум пригодится.
Как веревочке ни виться — кончику быть.
Красивой одежкой глупость не прикроешь.
Копеечка рубль сбережет.
Конь о четырех ногах, а и то спотыкается.
Кто родителей почитает, тому Бог помогает.
Крута горка, да забывчива.
Как аукнется, так и откликнется.
Кому суждено быть повешенному, тот не утонет.
Как ехать на охоту, так и собак кормить.
Корова на дворе — харч на столе.

Лес рубят — щепки летят.
Ласковое телятко двух маток сосет.
Любишь кататься — люби и саночки возить.
Лень сажают на ремень.
Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой длинный хвост.
Лбом стену не прошибешь.
Любить не люби, а почаще взглядывай.
Людей-то суди, да и на себя погляди.
Лицом бел, а душой черен.
Людская молва, что морская волна — хлынет на берег, а потом опять убежит.
Лучше поздно, чем никогда.
Любо — дорого поглядеть.
Лиха беда начало.
Лежачего не бьют.
Ложь и трусость — две родные сестры: всегда рядом.
Ловкость рук и никакого мошенства.

Мути море падогом, а озеро поленом.
Много шума из ничего.
Мал золотник, да дорог.
Меряла бабка клюкой, да махнула рукой.
Милые бранятся — только тешатся.
Маслом каши не испортишь.

Москва слезам не верит.
Муж да жена — одна сатана.
Мал да умен — два угодыя в нем.
Молодо — зелено, погулять велено.
Мышь копны не боится.
Мыло серо, да моет бело.
Много говорит, да мало творит.
Мели Емеля, твоя неделя.
Мягко стелет, да жестко спать.
Моя хата с краю, я ничего не знаю.
Много выбирать — женатым не бывать.
Милого побои не долго болят.
Муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую.
Мертвого не пугайся, а живого остерегайся.
Мертвого с погоста не вернешь.
Май холодный — год плодородный.

На Бога надейся, да сам не плошай.
На воре шапка горит.
На людях и смерть красна.
На ловца и зверь бежит.
На торной дороге трава не растет.
На чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой добывай.
На то и щука в море, чтобы карась не дремал.
На чужой роток не накинешь платок.
На всякое чихание не наздравствуешься.
На неделе — семь пятниц.
Наш пострел везде поспел.
Нашему слесарю двоюродный кузнец.
Наряди пенек в красный денек — выйдет паренек.
Не смейся чужой беде: своя на гряде.
Не плюй в колодец, пригодится воды напиться.
Не говори: «Гоп!», пока не перепрыгнешь.
Не верь чужим речам, а верь своим очам.
Не хвастай на пляске, а хвастай на выпляске.
Не хвались телом, а хвались делом.
Не бойся собаки, какая лает, а бойся, которая молчит.
Не встречай на дороге — всё равно столкнут.
На молоке обожжешься, так на воду дуешь.
Нужда скачет, нужда плачет, нужда песенки поет.
Не красна изба углами, а красна пирогами.
Не было ни гроша, да вдруг алтын.
Не гони коня кнутом, а гони овсом.
Не по хорошу мил, а по милу хорош.
Не столь смертей, сколь болестей.
Несолоно есть, что немилого целовать.
Не боги горшки делают.
Не хвастай идучи на рать, а хвастай, идучи с рати.
Не любо — не слушай, а врать не мешай.
Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел.

Не место человека красит, а человек место.
Нет такого дружка, как родная матушка.
На всякого мудреца довольно простоты.
Не всякое лыко в строку.
На всех и солнышку не угодить.
Не в мать, не в отца, а в проезжего молодца.
Не убив медведя, шкуру не дели.
Не вини зеркало, коли рожа крива.
Не суйся в воду, не спросивши броду.
Не клади пальца в чужой рот — откусят.
Не всё то золото, что блестит.
Не было хозяйке заботы, да порося завела.
На помойную яму не наберешься хламу.
Новая метла чисто метет.
Не дорого дано, не больно и жаль.
Не всякому слуху верь.
Нет худа без добра.
Неладно скроен, да крепко сшит.
Не в бровь, а в глаз.
Не всё коту Масленица, придет и Великий пост.

Один с сошкой, а семеро с ложкой.
Один в поле не воин.
Одна беда не приходит, другую за собой тащит.
Один и у каши не спор.
Одного поля ягоды.
Обидеть легко, а загладить вину трудненько.
От своих отстал, а к чужим не пристал.
О покойниках плохо не говорят.

Пар костей не ломит.
Пили, ели — веселились, просчитали — прослезились.
Пьяному и море по колено.
По пище и топорище свищет.
Портной гадит, а утюг гладит.
После дождичка в четверг, когда камушки растают.
После драки кулаками не машут.
Посади свинью за стол — она и ноги на стол.
Пришла беда — отворяй ворота.
Поет мотивно, да слушать противно.
Пуганая ворона куста боится.
Почему казак гладок? — Поел и на бок.
Пир на весь мир.
Проще пареной репы.
Первая рюмка свахе, первая плюха тоже ей.
Пустая бочка громче гремит.
Пять раз отмерь, одинова отрежь.
Повинную голову меч не сечет.
Правда светлее солнца.
Поспесишь — людей насмешишь.

По платью встречают, по разуму провожают.
Плетью обуха не перешибешь.
Плюй в глаза — всё Божья роса.
Паны дерутся, у хлопцев чубы трещат.
Погоди родить, дай по бабушку сходить.
Пьяный проспится, дурак — никогда.
Птичка — невеличка, коготок остер.
Пока солнце взойдет — роса очи выест.
По одежке растягивай ножки.
Под лежачий камень вода не течет.
Показал бы я вам, где раки зимуют.
Паршивый поросенок и в Петров день зябнет.
Первый блин комом.
По Сеньке и шапка.
Правда глаза колет.

Рука руку моет и обе грязные.
Ранняя пташка веселее поет.
Родные стены и без дров греют.
Русский глазу не верит: «Дай пощупаю».
Рот до ушей, хоть завязочки пришей.
Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела.
Решетом воды не наносишь.
Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше.

С миру по нитке — голому рубашка.
Спусти лето, в лес по малину не ходят.
С волками жить — по-волчьи выть.
С жиру бесится.
Сытый голодного не разумеет, а богатый бедного не пожалеет.
С огнем не шути, а воде не верь.
Седина в бороду, а бес в ребро.
Снявши голову, по волосам не плачут.
Слово не воробей, вылетит — не поймаешь.
Светит, да не греет.
Слезами горю не поможешь.
Суженого-ряженого конем не объедешь.
Свой своему поневоле брат.
Страшен сон, да милостлив Бог.
Старый конь борозды не испортит.
Сказка — складка, песня — быль.
Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.
Семеро на одном колесе проехали.
Судят о человеке не по годам, а по его делам.
Собаке собачья и жизнь.
С сильным не борись, с богатым не судись.
Сухая ложка рот дерет.
Слышал звон, да не знаешь, где он.
Счастье без ума — дырявая сума.
Слухами земля полнится.

Своя ноша не тянет.
Скупость не глупость, но порядочное свинство.
Смелость города берет.
Смелым Бог владеет.
Сказал бы словечко, да волк недалечко.
Своя хатка — родная матка.
Снегу много — хлеба много.
С кем поведешься, от того и наберешься.
Семь бед — один ответ.
Свинья не родит бобра, а родит поросенка.
Сколько голов, столько и умов.
Слово — серебро, а молчание — золото.

Терпенье и труд все перетрут.
Терпи, казак, атаманом будешь.
Тише едешь — дальше будешь.
То не беда, что во ржи лебеда, а вот тут уж до беды, коли ни ржи, ни лебеды.
Теща в дом — всё вверх дном.
Трусы в карты не играют.
Только и свету, что в окошке.
Тонет, так топор сулит, а вытащат — и топорища жаль.
Труд человека украшает, а лень унижает.
Ты мне зубы не заговаривай.
Типун тебе на язык.
Толкуй, Захар, с пьяной бабой.

Укатали сивку крутые горки.
Утро вечера мудренее.
У сильного всегда бессильный виноват.
Ум хорошо, а два лучше.
У горя на погибели.
Услали к черту на куличики.
Ученье — свет, а неученье — тьма.
Умные речи приятно слушать.
Ученого учить, что мертвого лечить.
Утопающий хватается за соломинку.
Уговор дороже денег.
У огня обожжешься, у воды замочишься.
У семи нянек дитя без глазу.

Федот, да не тот.

Хороша Маша, да не наша.
Хороша кашка, да мала чашка.
Хороша дочь Аннушка, хвалит мать да бабушка.
Хорошая слава лежит, а худая по дорожке бежит.
Худой жених хорошему дорогу кажет.
Хрен редьки не слаще.
Хорошо поет, да где-то сядет?
Хвастливого от богатого не отличишь.

Худой мир лучше доброй ссоры.
Хорошей хозяйкой дом держится.
Хвалить — погодить.
Худ, как щепка.

Цветок не знатный, зато ароматный.
Цыганка наврет, да и деньги возьмет.
Цап-царап — и дёру.

Что посеешь, то и пожнешь.
Черного кобеля не отмоешь добела.
Чужую беду руками разведу.
Чужая ложка рот дерет.
Чем черт ни шутит, пока Бог спит.
Чем дальше в лес, тем больше дров.
Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.
Чему быть суждено, то и сбудется.
Час от часу не легче.
Чудеса в решете.
Что к вечеру, то моложе.
Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала.
Чужим умом жить — добра не нажить.
Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.
Чем ночь темней, тем ярче звезды.
Чей бы бычок ни скакал, а телятки наши.
Чужое добро впрок не пойдет.
Что написано пером, то не вырубишь топором.
Что за шум, а драки нету?
Что плохо лежит, у вора брюхо болит.

Шила в мешке не утаишь.
Швея Софья на печи засохла.
Шелк не рвется, булат не гнется, красное золото не ржавеет.

Щи да каша — пища наша.

Язык до Киева доведет.
Языком мели, а рукам воли не давай.
Языком речист, да на руку нечист.
Яблочко от яблоньки недалеко падает.
Язык болтает, а голова не знает, о чем он болтает.
Яблочко красиво, да внутри гнило.
Яйца курицу не учат.
Язык твой — враг твой.

Раздел VII

НАРОДНАЯ ПРОЗА

Чухлома. Вид с озера. Фото Е. А. Майоровой

Давно подмечено: *Слово слово родит, третье само бежит*. И верно, у хорошего рассказчика не видать «концов»: сказка ли, быль ли разворачиваются перед аудиторией как готовое целое. Но, по крайней мере, один исток всякого рассказа очевиден — коммуникативный контекст беседы¹.

Именно ситуация спонтанного бытового разговора обеспечивает обмен сведениями и мнениями, формирует функциональную зону нарративных авантекстов (новости, слухи, толки), определяет истолкование и передачу нового в стереотипных образных и концептуальных формах, возбуждает соперничество рассказчиков, и, в конечном счете, формирует сюжетное и жанровое поле *бывальщин* об экстраординарных случаях семейно-бытовой, хозяйственной, охотничьей, рыболовецкой и иных повседневных практик (см. № 1—3).

В отличие от бывальщин — современного рассказчику и слушателям корпуса случаев из местной жизни — *предания* аккумулируют существенные для народной памяти события семейной и локальной истории: как строилось село, как горело, на какие промыслы уходили в Москву и Питер деды и прадеды, как церкви ставили, как рушили (см. № 4—8, 31—34, 44—48).

Есть в двуедином (синхронном и диахронном) опыте поколений и понятное, рационально объяснимое, но есть и сверхъестественное, иррациональное, о чем и рассказывают *былички* о гаданиях на Святках (№ 9—11), о лешем (№ 12—17), колдунах (№ 18—26), покойниках (№ 27).

Сколько голов — столько умов. Сколько людей — столько и представлений о должном, правильном, благом. И зачастую невозможно согласовать противоречивые земные «нормы». В поисках высшей правды обращаются люди к опыту христианских *легенд*, повествующих о жизни святых подвижников (№ 28—30, 33), о суде Божиим (№ 31, 32, 38), о смысле земной истории (№ 49). Несмотря на полувековое разорение храмов, разрушение самих душ человеческих, не прерывается нить народной памяти, хранящей воспринятую некогда религиозную истину. Живое свидетельство тому — Екатерина Васильевна Волкова (1898 г. р.) из деревни Заполье, человек удивительно глубокой и чистой веры. Замечательно, как услышанные в юности Евангельские и житийные повести (№ 28, 29, 33) стали событиями ее духовной жизни наряду с фактами собственной биографии (№ 17, 36, 40—42).

Народная проза Костромского края многожанрова и разнообразна по сюжетному составу. К сожалению, крайне поздно начали собирать и изучать это огромное наследие. В 1891 г. увидели свет «Народные сказки Костромской губернии» из собрания священника А. С. Андроникова². В 1911 г. В. А. Андроников публикует в «Костромской старине» подборку сказок и легенд Юрьевского уезда³. После ре-

¹ Герасимова Н. М. Севернорусская сказка как речевой жанр // Бюллетень Фонетического фонда русского языка. Приложение № 6: Сказки Русского Севера. Бохум — СПб. 1997. С. 7—27.

² Андроников А. С. Народные сказки Костромской губернии. Кострома, 1891; 2-е и 3-е изд.: Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 1. Кострома, 1914. С. 127—141; Этнографическое обозрение. М., 1914. Т. 101. С. 178—193.

³ Андроников В. А. Народные песни, сказания и легенды Махловской волости Юрьевского уезда Костромской губернии // Костромская старина. Вып. 7. Кострома, 1911. С. 44—60.

волюции 1917 г. представительные собрания народной прозы издаются в составе этнографических очерков К. Завойко «В Костромских лесах по Ветлуге-реке»⁴ и М. М. Зимина «Ковернинский край»⁵. Жанровый спектр названных публикаций — демонологические верования и былички, христианские легенды, а также бытовые сказки и анекдоты. Исторические предания и былички о кладах и разбойниках собирает и издает В. И. Смирнов⁶. Исследовательской доминантой двадцать девятого выпуска Трудов КНОИМК вновь стала народная легенда, как в ее традиционных формах — в подборке А. А. Ширского «Из легенд Ветлужского края»⁷ и сообщении В. И. Смирнова «Потонувшие колокола»⁸, так и в виде новообразований советского времени — в заметке В. И. Смирнова «Чорт родился (Творимая легенда)»⁹.

В последние десятилетия традиционная культура все больше вытесняется культурой городской, массовой, не имеющей прочных корней ни в истории народа, ни в укладе крестьянской жизни. Интенсивно разрушается и сам этот уклад, а с ним уходят и традиции рассказывания. И хотя религиозные нарративы и мифологические рассказы продолжают живое бытование, но нет уже былых мастеров *сказки сказывать*, о которых слава шла чуть не на полгубернии. Вот и в данном разделе традиционная сказка представлена народными *анекдотами* про шута Балакирева (№ 50—54) и единственной полноценной записью *волшебной сказки* («Васенька-Василиса», № 56).

И все же слово народное не умирает. И лучшее из собранного нами в Чухломской стороне представлено в этом разделе.

⁴ Завойко К. В. костромских лесах по Ветлуге-реке // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 8. Кострома, 1917. С. 3—40.

⁵ Зимин М. М. Ковернинский край: наблюдения и записки // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 17. Кострома, 1920. С. 3—85.

⁶ Смирнов В. И. Клады, паны, разбойники // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 19. Кострома, 1921. С. 1—45.

⁷ Ширский А. А. Из легенд Ветлужского края // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. Вып. 29. Кострома, 1923. С. 5—16.

⁸ Там же. С. 1—4.

⁹ Там же. С. 17—20.

1. МЕДВЕДЬ

Я на просеке раз медведя видела. Утром у меня внук спал. Я говорю: «Женечка, спи, а я за ягодой схожу». Пошла, набрала корзину малины.

А пришла, внук говорит: «Бабушка, в другой раз возьми меня с собой».

Ну, пошла я, взяла его. Пришли в малинник, я его посадила на пенек, а сама ягоду беру. Вдруг что-то потрескивает. Я думаю, бабы ходят, а тут медведь вышел. Да встал передо мной на лапы. Я испугалась: парнишка-то на пеньке совсем рядом, что делать?

А парень-то мой как рывкнул, медведь-то и ушел от нас.

Пошли мы из лесу, а внучок мне говорит: «Бабушка, какая собака злая, большая к тебе приходила. Я так испугался, больше не пойду за ягодой».

2. ОХОТНИЧИЙ РАССКАЗ

Я за свою жизнь много ходил на охоту. Девяносто косуль убил, тринадцать кабанов, сорок девять лосей. Ну, а лиску да зайцев уж не считал. Один раз косулю подбил. Прямо в позвоночник попал. Она лежит, подняться уже не может. Я подошел, а она красавица (на картинках-то видела?) лежит. У нее глаза такие огромные, красивые, а из глаз слезы катятся, ручьем текут. Я как в глаза ей посмотрел, так отвернулся, смотреть не могу. Так жалко мне стало. Отошел, а другой охотник подошел и ножом ее добил, аж кровь полыхнула. Я как увидел — жутко стало. Но ничего.

А еще я такую же историю слышал от человека с Дальнего Востока. Так тот охотник после этого даже и охотиться перестал — так в сердце запало.

3. СОМ-КОНЬ

Есть место — Гигант называется. Мы приехали туда рыбачить. Там такой песчаный бугор и трава кругом, и ямища огромная (там, где вода стоит). Я на лодке поплыл трав набрать, под палатку подстелить, чтоб суше да теплее было. Сено оно теплее всегда. А закат был! Оранжевый весь. И туман пал. И плыву. Ширина така, красотища. Как на Марсе — все оранжево. Ямища покойна, огромна. Тишь. И вдруг из воды конь выскочил. Огромный такой, самый натуральный конь. Я его спереди не видал, а сбоку. Так хребетище огромный! — ух! мимо меня. Аж лодка заходила.

— А что за конь-то?

— Да сом это был, сомище громадный — чистый конь.

Я на берегу рыбакам рассказал про него. А они говорят: «Мы тебе привезем одного старика, ему уж за восемьдесят лет-то. Он за тем сомом давно охотится. Это его сом». На следующий день пришел дед и говорит: «Верно, мой сом, мой. Я, — говорит, — только тогда умру и в гроб спокойно лягу, когда поймаю его. Я, — говорит, — все повадки его давненько выучил. Он гуляет на закате, по тихой воде, как туман — прям конь. У старухи-то моей я весь курятник извел. Курицу-то обжаришь, да на крюк хороший посадишь. Я и крюки кую здоровы. Дак нет,

он все снасти рвет: или курицу снимет, или снасть порвет. Я его уже и за хребет держал, и в глаза его смотрел. А вот поймать — нет. Все сети рвет. Да-а-а. Все снасть рвет конь... Умру, а поймаю».

Так и не знаю, поймал ли дед того коня.

4. КАК ВОЛЮ ОБЪЯВИЛИ

Раньше в деревне были разные помещики. Мы были Овсянниковых, а другие были вольные. У нас и поля были Лермонтово, Овсянниково и вольное поле. Всю неделю надо было бесплатно пахать, жать... Говорила тетушка моя, что это еще при царице Екатерине, а потом Николай долго царствовал. И вдруг волю объявили. Она говорит, что навозницы — это были, навоз возили — закричали: «Свобода, свобода!» Все очень радовались.

5. СУДАЙ

Татары нападали. Суд был скорый, через повешение. Не успел человек вскрикнуть «Ай», как его вешали. Поэтому и называется Судай.

6. ЧЕРТОВО

— Почему ваша деревня называется Чертово?

— Потому что здесь была черта. Черта, где татары остановились. Раньше городище было. Татары под стены подошли, а на них сверху бревна стали сыпаться. Сталкивают одно за другим, они и отступили и дальше пошли.

7. ТАТАРЫ ПРИШЛИ

В городище была деревянная церковь. Когда ее построили и кто — неизвестно, ни одна живая душа не знает, даже в летописи не сказано. Она стояла посреди городища, а рядом с ней был муравейник. Татары пришли, а ее муравейник заполз всю. Расползлся, расползлся и скрыл церковь от татар. Когда их уже прогнали, он снова стал обычного размера, так около стены и был.

8. БАШНЮ СТАВИЛИ

Это было, когда ставили кремлевскую башню. Женщина пошла за водой. Ее рабочие схватили и закопали под стену, под кладку. Живую или нет — не знаю. Муж пошел искать — одну туфельку нашел.

— А для чего ее замуровали?

— Для крепости должен быть человек закопан¹⁰.

9. ЗАВОРАЖИВАЛИСЬ

Один раз ушли девки заговариваться на перекресток. Вдруг им показалось, как тес перекладывают.

Весной рубили новины, потом дрова вывозили, места жгли. Одну девку вершиной задело, березкой, заболела, в тот же год умерла.

10. ЖИЗНИ НЕТ!

У нас бегали ворожить зимой.

А одна девка парня любила. Ходила к знающей женщине и приворожила парня. А жизни не было. Дак он поехал на лошади и разбился.

Нет жизни-то. Все равно нет.

¹⁰ См.: Левкиевская Е. Е. Жертва строительная // Славянские древности: Энциклопедический словарь в 5 тт. Т. 2. М., 1999. С. 215—217.

11. ЗАВОРАЖИВАТЬСЯ БЕГАЛИ...

Я-то сама не делала: учительница все-таки, на виду. Но рассказывали: на крес-ты бежали, заволаживаться... Если с колокольцами поедут, то значит — замуж выйти.

Ну, вот раз заволожились, слушают. Услышали: с колокольцами едут, испугались и давай бежать, а разволжиться не успели. Добежали до первого дома, а он нагоняет. Они — в избу. Женщина там была, она поняла сразу: «Садитесь, — говорит, — я вам на головы кринки и горшки одену». Только сделала, входит парень, красивый, молодой. Взял и стукнул по каждому горшку. У него вроде сабелька какая была. Ушел.

Он бы поносил им головы-то! Ладно, что одела горшки им¹¹.

12. ЧУДИТСЯ

Раньше нечистая сила многим себя объявляла. Говорили, матюгом обругаешься — отойдет. А теперь она тоже есть, только мы с ней меньше встречаемся. Потому что нынче без матюга с крыльца не сойдешь. А и то верно, что теперь сами чертями стали.

...Как-то работал: ночами навоз возил. Приезжаю — что такое! Лес до земли наклонился и лежит. Со второй телегой приехал — стоит как было.

13. ГРИШКА

У нас мужчина был, Дмитрий Иванович его звали. А у его-то жена была превезена из Заречьева, там за рекой. От той, от Строева-то, шесть километров еще деревня, за рекой.

И он ездил в Масленую в гости. На Масленицу, к теще. И там, ну, говорит, я не очень был там пьяный. А ехали-то у нас лесом, такая страсть была, рекой, так по берегу была дорога. А другая дорога была через деревню, через Кабаново. Так все большинство ездили лесом.

— Вот, говорит, — еду, сижу, гляжу, говорит, — Гришка (евонный племянник); гляжу, говорит, Гришка стоит в стороне, дак отворотил мне с дороги-то. А он тоже ходил в гости, племянник, по жене племянник.

Говорит: «Гриш, садись». Гришка, говорит, сел. Он был высокий такой мужик. Все, лошадь, говорит, у меня не идет. Вся в пене лошадь. Что, думаю, такое? Я хлещу, говорит, лошадь. «Ну, и Гришка тяжелый», — говорит. Потом, как матом, говорит, обругался: «Да что такое?». Как вроде на лошадь.

Как оглянулся — дак Гришки-то нету. Ну, говорит, у меня волос-то прямо поднялся. Лошадь у меня, говорит, как рванула, как вроде камень с нее сняли, и таким она, говорит, побежала, прямо рысью. Но я, говорит, не знаю как только тут, так переполошился, у меня вся пьянка прям пропала. И сижу, у меня, говорит, так волос подняло.

Вот какие бывают случаи. Говорят, что как обругаются, так черт так пропадает все. А еще Бога, говорят, призывают, и он пропадает этот черт, — это чудо. А большинство — это мужики — дак обматываются и все.

¹¹ О горшке как обрядовой и мифопоэтической метафоре личности (*головы*) См.: Толстой Н. И., Топорков А. Л. Горшок // Славянские древности: Энциклопедический словарь в 5 тт. Т. 1. М., 1995. С. 526—531; Садовников Д. Н. Загадки русского народа. М., 1995. № 322—328; сюжет кумулятивной сказки «Глиняный Иванушка» (СУС № 2028).

14. НЕ НА СВОЕЙ ДОРОГЕ ВСТАЛИ

А вот папа-то рассказывал. Это мой дед с моим отцом (ему было лет двенадцать) на охоту ходили тоже. Разожгли костер на полянке. Разожгли, говорит, костер, сидим, уже чайник закипает. Вдруг, говорит, по лесу такой шум, страшный шум. И как, говорит, тут какой сноп огня или чего. «Ты, — говорит, — что не на свое место встал?!» Собаки, говорит, заскулили, под ноги, батька к ногам прижался. Как, говорит, ветер дунул — ни одной головешки и даже ни одного уголька на этом месте не осталось.

— А кто ж ему сказал?

— Вот. А кто ему сказал? — Значит, не на своей дороге встал. Где-то тут нечистая сила летает или еще что. Раньше в Бога верили, может и в нечистую силу верили. А сейчас ни во что не верим. «Перешли мы», — говорит, — на другое место, разожгли костер, поспали — хоть бы что. Ничего».

15. НЕЧИСТЫЙ ВОДИТ

Дядя Коля Власов, Царство ему Небесное, он и рассказывал. В общем, дружил он с девчонкой. И чего-то с девчонкой повздорил. А сам он из Евсяково. И шел домой. Вдруг, говорит, меня эта девчонка догоняет. Идем, говорит, мы с ней, разговариваем, а тут пройти-то — поле, всего ничего до своей-то деревни. Я, говорит, три огорода перелез, с ней идем, разговариваем, какие-то огороды, какие-то кочки, а она идет, хоть бы что, а я иду, все запинаясь. Идем, говорит, идем, вдруг я запнулся! «Да Господи,— говорю, — что такое?!»

Как, говорит, тут затопало, захлопало, у меня даже шапка на голове зашевелилась. На берегу реки стою. Через выгороженный выгон шел — вот и огороды перелезал. Раньше-то, говорит, мне бы врубиться, что дорога-то прямая, без загоронок, Я, говорит, очнулся — стою на берегу. Еще бы немного — и в реку свалился. Это он в пятьдесят первом году нам рассказывал.

16. ПЕТР ЛАВРЕНТЬЕВИЧ

Колдунов не было у нас. Правда, отец мне, покойник, рассказывал. С ним один случай был.

Иду, говорит, домой, подвыпил. Тут дорога на лог. Вдруг встречается ему знакомый, Петр Лаврентьевич. Это бывший его хозяин, он у него учился портному делу. И говорит ему: «Ну, Тимофей Михайлович, давай посидим, покурим да выпьем». Сели они, он наливает рюмку, у него с собой бутылка была. Отец взял рюмку да и говорит: «Дай Бог, не последнюю».

И вдруг он очутился на берегу у реки, и в руках у него ничего нет. А зимой, холодно, снег.

Я отцу говорю: «Это неправда, папа». А он: «Нет, говорит, так со мной на самом деле было».

Вот такой случай рассказывал.

17. ПО ЯГОДЫ

А Польша пошла по ягоды, в нашей деревне. «Иду, — говорит, — лугами. Стога-то коровы раздрыгали. Иду, ругаюсь. А вдруг выходит Иван Федорович.

— Что, — говорит, — ты ругаешься?

— Да вон пастухи не стерегут, худо.

— Куда ты пошла?

— Да по ягоды.

— Пойдем вместе.

Иду, — говорит, — иду, вижу: не туда иду. Сделался лес дремучий. Вижу — не ладно. Вот и зачитала: «К кому возопию, Владычице». И упала тут, воткнулась. Стала, и Ивана Федоровича нет.

Вот все говорят, бесов нет. Бесы есть. Все есть.

18. ПРОКЛЯТАЯ КОРОВА

Бывало, скотина пропадала. Потом уж с иконой пойдут, так и найдут. А кто ее носил, где она паслась — не знаем. Корову когда выгоняешь, бывает, скажешь: «Ну, черт с тобой! Что не идешь, а ну иди!» Она и уйдет. Не придет день, другой, третий. Потом народом-то ищут, с иконой да с молитвой — выйдет корова.

19. СГЛАЗИЛИ

Да вот была у нас еще соседка. Как-то раз корова у нас отелилась. А холодно было — мы теленка домой привели. А соседка кричит: «Что, корова у вас отелилась?» Ну, мы говорим, что да. А она: «Отелилась, а до дому-то не дошла». И в тот же миг корова пала. И лежит. Ну, мы пошли к другой старушке. Она водичку святую нам на трех угольках наговорила. Ну, заговор там какой-то прочитала или молитву — этого уж я не знаю. Мы принесли и корову-то побрызгали. Она и отошла.

20. ПОРЧА

Ну и было у них семь коров. Как молоко в сепаратор — все молоко садится, свертывается. И вот тоже: колдуны колдовали, а попы разгадывали¹². И вот тетка пошла к попу. Поп сказал этой женщине: «Подойте всех коров отдельно. Не должно быть, чтобы всех испортили. Испортили какую-нибудь одну». Дал ей бумажку: «Вот этой корове привяжешь к рогу бумажку, корова потеряет эту бумажку. Ты ее встань, в двенадцать часов ночи подой, затопи плиту и вылей это молоко в сковородку. И оно кипит, а ты его режь ножом, молоко-то. И тот человек придет. Ты по нему будешь резать»... И вдруг не калитка, а ворота закрипели, и, действительно, эта женщина входит и говорит: «Катерина, что делаешь? Иду по деревне, дым у тебя валит». А та, как поп ее научил, говорит: «Иди, милая, Бог с тобой, не твое дело». Все, говорит, больше молоко не стало свертываться.

21. ДУРНОЙ ГЛАЗ

Нет, глаз много влияет. Как-то раз я с одной пришла на Курьярочной, на участок, в магазин, с этой, Симой Башлаковой. Целый магазин баб. Я так стою, стала в очередь-то, а тут из нашей деревни там одна была, Манеха. Глядит на меня и говорит: «Ой, как ты пополнела-то! Ой, как я тебя даже и не узнаю прямо!»

Ну ладно. Пришла я домой, вдруг меня начинает трясти. Вот трясет, как на пруту. А в июне месяце, жарыща, не могу согреться. Дочка у меня, аккурат, гостила, приехала в отпуск. Я на печку, говорю: «Вера, я на печке щас буду лежать, ты меня спрысни с трех угольков. (Это всегда так делают.) Только, — говорю, — ты невзначай подкрасись».

Она положила три уголька в кружку, водички налила и из роту, значит, взяла в рот и спрыснула меня. Я как испугалась, я так вот вся вздрогнула! И все прошло. Вот что это такое?

¹² Ср. в этом контексте характерный сюжет новеллистической сказки «Поп-ворожея» (СУС № 1641).

А взяла угольки, опустила в кружку, не надо их толчи, прямо так положит, и этой водой sprysнула меня. И все у меня прошло, не стало меня знобить. Вздрыхнешь, испугаешься — и все как пройдет. А вот знобит, прям трясет всю, лежу на печке и не согреваюсь. И слов никаких не говорят, ничего.

Есть очень даже урочливые люди, такие урочливые, дак. Вредные такие, нехороший глаз. Особенно, у кого черные глаза.

22. КОЛДУНЬЯ

Колдуна всегда можно распознать. У нас вот коров портил кто-то. Думали на одну старушку, ее родственнику и говорят: «Нож воткни в косяк, как она придет. Она и присесть не сможет. Хочет-хочет и не выйти ей. А если пойдет через дверь, то потеряет свойство». Вот она пришла, погостила, уже темнеет, а она все домой не идет, а ходит-ходит туда-сюда, сесть тоже не может. А потом и говорит уж прямо: «Серег, вынь нож!» Больше уж коров у нас не портила. Эта-то колдунья только зло делала, а вот была еще у нас Ульяна — та и добро делала.

23. МАТЬ-КОЛДУНЬЯ

Парни, девчонки собирались, и одному все время говорили: «Колдунья у тебя матка». Он не верил. «А вот ты, — говорят, — посмотри. Так у реки на поляне колдуны собираются, лошадьми делаются. Особенно там сивая кобыла. Ух, она и прыгает. Ну, лошади прыгают, скачут». Так этот парень вроде решил подежурить. Сколько ни дежурил — как двенадцать часов, так он уснет. А тут чего-то, в общем, факт тот, что не уснул. Не уснул, говорит, матка евонная встает, какая-то склянка под печкой. Она чего-то пошептала, понюхала, ф-фух в трубу и улетела, и ее нет. И они с ребятами договорились в деревне, и на этот луг, и поймали сивую кобылу. Увели в кузницу и подковали. Ночью все это. Он пришел домой, спать лег. Утром матка... «Что, — говорит, — матка хромая встала?» — «Да нога разболелась». Вся нога забинтована. Он у нее сорвал бинты-то, а на ноге подкова.

Да вот правда это или нет — кто разберет.

24. ИВАНОВ ДЕНЬ

В Иванов день в три года раз в ночь цветет папортник. К утру цвет опадает. Колдуны его ищут и собирают.

Еще бывает... В определенный день, когда хлеб начинает созревать, колдуны в поле крест накрест (по всему полю) колоски сверху срезают, чтобы у них хлеб велся. Полю-то это не вредит. Они в двенадцать часов ночи все двери да амбары раскроют и идут пережинать поле.

Колесо катят, если заметят пережин. В колесо телеги зажгут солому, покатают, и тогда колдун обязательно придет.

— А для чего это делали?

— Чтобы узнать, что колдунья в деревне. Ведь много всякой порчи было. Теперь они тоже есть, их знахарями зовут все.

25. РАДУГА

Отец мне маленькой все говорил: радуга встанет — по одной стороне висит котел золота, а по другой — котел серебра. Пройди от конца до конца радуги и найдешь их.

26. КАК ТРАВЫ СОБИРАЮТ

Травы собирают на расстоянии петушиного крика. Надо, чтобы не слышно было петуха, далеко уходить...

27. СОРОК ДНЕЙ

— А зачем на девять и на сорок дней собирались к покойнику?

— Уж и не знаю. Но вот знаю, что покойник на сороковой-то день является. На сорокоуст-то. Вот у меня как мама умерла, так на сороковой день мы с двоюродной сестрой ночевали. Спали мы в земляночке, не печке. Тетка все говорила, что с нами будет в эту ночь ночевать. Но я сказала, что не боюсь. так вот спим мы, спим... Как вдруг — засов заскрипел, истинный крест вам (Марфа Ефимовна перекрестилась), входит мама и зовет меня: «Ма-ань!» А я молчу. Разговаривать-то нельзя. Она подходит и спрашивает: «Все ли приготовила?» А я молчу. Тогда она голову мою руками обхватила. Я все молча лежу. Она тогда заслонку открывает, а у меня в печке пироги, все есть, я приготовила. Она тогда говорит: «Ну, хорошо, все приготовила, оставайся с Богом». И ушла. Я потом тетке рассказала, а она: «Как ты не испугалась?» А чего мне бояться-то, мама все-таки, что она мне сделает¹³.

28. ОТСЕЧЕНИЕ ГЛАВЫ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ

Отсечение главы-то Иоанна Крестителя.

Ну, тоже царь. Сделал вечер, ну собрались, веселились, явонна дочка больно хорошо плясала. Он сказал: «Не знаю, чем тебя... Ну, подарить чего тебе». Она пошла к матери, спросила: «Чего просить, какой подарок?» А мать сказала: «Приси голову Иоанна Крестителя».

Вот она пришла, сказала батьке.

Ну, он слово свое не изменил. Сходили, отсекали ему, Иоанну Крестителю, голову, принесли ей на тарелочке, голову, этой дочке. И вот потом, когда ее унесли обратно, эта голова, приложили ее и она приросла.

Вот это Иоанн Креститель. Отсечение головы Иоанна Крестителя.

29. ЦАРИЦА АЛЕКСАНДРА

У царя была дочка. Плотники ставили баню. Хозяин велел два окошка сделать. А дочка сказала: «Сделайте три окошка!» Батька-то пришел, царь, говорит: «Кто вам приказал это делать?» И вот он ее выслал, и ее все мучили. И вот она сделалась царицей-то. В тюрьме мучили ее, она сделалась мученицей. «Агница Твоя, Иисусе, Царица Ляксандра зовет велиим гласом: Тебе Женише мой, люблю и стражду Тебе ради. Яко жертву непорочную приими мя с любовью пожершуюся Тебе. Тоя молитвами спаси от смерти души наша».

Это царь свою дочку.

30. КАСЬЯН И НИКОЛА

Николай Чудотворец и Касьян (у которого именины-то раз в четыре года) шли по полю. А в поле женщина мучилась на родах. Никола говорит:

— Пойдем, ей пособим.

— Нет, не пойду, я ризу запачкаю.

А ризы на них были хорошие. Николай Чудотворец не посмотрел на ризу, помог ей.

¹³ Об обрядах и верованиях, связанных с «сороковинами» См.: *Седакова О. А.* Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. С. 100—103.

Вот Касьян не помог, поэтому у него именины так редко.

Никол-то много разных. Я раз пришла в церковь, купила свечей:

— Поставьте свечи Николе.

— Какому? Чудотворцу, Спасителю или Угоднику?

И решила я прочитать, как на иконах написано. Другой раз пришла в церковь пораньше, читаю... И правда, так всюду по-разному и написано: Угодник, Спаситель и Чудотворец¹⁴.

31. ГДЕ ЦЕРКОВЬ СТАВИТЬ?

Когда церковь Николы Чалова строили, а это очень давно было. Все решали, где поставить: на горе или у речки. Долго решить не могли. Потом решили — около источника, у речки. Все приготовили, навозили кирпичу. А не ладно. Сегодня сколько подвод привезут, свалят, утром встанут — весь кирпич на горе переложженный лежит.

Так с неделю мучились. Вечером привезут, утром — на горе. Утром привезут, вечером опять. Сторожить ставили. Не помогает. Так значит Бог решил, что церква у нас должна на горе стоять. Так и построили. Была и зимняя церква и летняя. Все туда ходили.

32. ЗНАМЕНИЕ

— А вы не знаете, как эти храмы основывались? Может знамение какое было?

— Я не знаю, мама рассказывала. Была у них там, в ее деревне, церковь, так когда ее ставили, то ставили не на том месте. И закладывали все фундамент, а с утра приходили — все разобрано. Нету. А нужное место — там как лампадка была, огонек все время горел. Помучились, помучились и туда пошли. Тут стали класть, там и хорошо работа пошла, на высокой-то горе. Это в Высокове было, оно отсюда пять километров.

33. ПРЕПОДОБНЫЙ АВРААМИЙ

Он в пустыне жил и Царица-то Небесная и явилась к ему, к преподобному-то Авраамию, в пустыне-то. И вот он пришел здесь в Галич. Пришел сюды и церкву поставил, и колодчик выкопал.

К колодчику-то мы ходили, водичку пили. Вот когда в каждую церковь плащаницу приносили, вот мы за ней, за плащаницей-то и ходили туды от Чухломы. Плащаницу Божией Матери и крест несли. Вот там какое место красивое. Он там колодчик выкопал сам, мы и попили водички-то.

Все отец-то Авраамий — «множество иночествующих к Христовой вере привел еси...». Это преподобному Авраамию: «От мирскаго мятежа исшед, преподобне, в тихое пристанище, иноческое житие, пожил еси, оттуду же пришел еси, отче наш Авраамие, Галическую сторону просветил еси и икону чудотворную Божией Матери в пустыне обрел еси. Храм Богородице любовью воздвиг еси, обители устроил еси и множество иночествующих к Христовой вере привел еси. Его же моли, Преподобне, спастися душам нашим».

Водички попили. Вода такая хорошая.

¹⁴ Ср.: Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). § I. 2: Культ Николы и иконопись. М., 1982. С. 14—16.

34. АБРАМЬЕВ ДЕНЬ

На Абрамьев день¹⁵ плащаницу из монастыря приносили в поле. Господь очищал поля от всякого гада. В нашей стороне змей не было. Ни змей, ни ужей. Чистая была сторона. Теперь-то появляются.

Одна деревня пойдет к Абрамию. Возьмет плащаницу, обнесет приход. В каждое поле принесут, молебен отслужат, потом пойдут и по домам молебны служить. А другая деревня пойдет плащаницу провожать. У плащаницы кружка была, все жертвовали святому Абрамию. Свечки недорогие тогда были, вот, кто сколько может, и положим. Монастырю помогали. Вот мы как-то принесли плащаницу, нас монахи накормили: в чашки деревянные рыбного супа налили, хлеба дали. Монахи сами занимались хлебопашеством, рыбу ловили. Рожь на лошади косилкой косили, женщины из деревни ходили к Абрамию помогать, снопы вязали. Монахи своим делом занимались, молились. Мы тоже помолились и пошли.

35. ТРОПА БОГОРОДИЦЫ

Папаша мне рассказал. Царица Небесная проходила бродом, там и сейчас эта тропиночка идет, из волн, напрямую. Она шла на городище из деревни Савватово тропкой. Место называлось Ида, там городище есть. И шла она не дорогой, а шла лесом. И это тропочка никогда не зарастала. Прошло, может, две тысячи лет, может и больше. По этой тропочке кто пойдет, придет на Иду. Никто по ней не ходил, а век она не зарастала. Никогда!

36. ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ

Она явилась, Царица-то Небесная.

Судайская была Настя. Она была где-то в Белоруссии, была, там жили они.

И вот пошли солдаты, ну как они ходили, на прогулку или куды. И стоит женщина с младенцем, плачет. Увидали они, услышали и побоялись идти. Но один осмелился, пошел. Пошел к ей, она говорит: «Молодой человек, не бойся. Скажи женщинам, чтобы аборт не делали, по праздникам не стирали и матом не ругались. Вот иди, — говорит, — скажи женщинам». И сразу он поседел. Она доказательство-то сделала. Он поседел и его отпустили домой. Вот, явилась она, Царица Небесная.

37. РАБОТА В ПРАЗДНИК

Раньше все престольные праздники справляли. В субботу и воскресенье не работали. Не в девять часов утра идут на работу, а в пять. И это все компенсировалось. А сейчас к девяти на работу, два часа на обед. И мы не управляемся. В воскресенье бес подталкивает — работай! Бог, конечно, работу любит и уважает, но не в воскресенье!

38. ГРОЗНАЯ МАТУШКА

В Рюминово было. На Аграфену мужики говорят: «Сходим, покосим!» Вроде нечего Аграфену соблюдать. Ну, покосили. А тогда день хороший был, солнышко излилось. Вдруг, смотрим, заволачивает. А я-то в работницах тогда жила, мне хозяйка говорит: «Поди, сено позагребай». Я только сгребла немножко, хотела кучу сделать, вдруг темно сделалось. И вдруг гроза, град. Много побило, рожь, овес. Он тогда в аккурат на цветку был. Вот с тех пор стали Аграфену праздновать.

— Гроза была из-за того, что мужики в праздник косить пошли?

¹⁵ Память св. Авраамия Галичского празднуется 20 июля ст. ст. (2 августа нов. ст.).

— Да, мы уж говорили так, что это Господь послал, чтобы мы Купальницу чтили. Мы и Ильин день чтим, и Казанскую, и Тихвинскую, все были грозные, матушки.

39. НАМОЛЕННЫЙ СЫН

Ну вот, когда не было у меня Сережи и мне так хотелось, чтоб у нас сын был, ну я молилася всегда, призывала к Казанской Божьей Матери, это вот мой Бог¹⁶.

И ну-ка, я его родила в самую Казанскую, вот завтра Казанская летняя. Вот Бог! Это я теперь верю, что это Она мне его подала. В самую Казанскую родился он у меня. Вот завтра Казанская летняя. Вот завтра его день рождения.

Я этих детей, значит, родила трех, вот его через шестнадцать лет родила. В ем, как девочка гуляла, в клуб побегу, и он, мужик, за мной у меня, в кино там, куды. И вот приду, как увижу там ребята тогда там взрослые такие, хорошие. И думаю: «Господи, подай, Господи, мне Казанская». Даже приду на коленки когда встану: «Господи, неужели ты мне сына не дашь?»

И вот как вроде я намолила. И вот через шестнадцать лет и он у меня родился. Дочка у меня старшая уже замуж вышла, а третья была невестой.

— Ты, мамка, позоришь нас. Ты что, хочешь рожать?

Я говорю: «Да что хоть это?»

А мать меня все посылала на аборт, говорит: «Иди на аборт». А это скажу мужу, а он и говорит: «Никаких аборт, может, парень родится, это нам под старость пригодится он».

Ну и правда, вот сейчас вот не женится вот столько времени уж. И вот дров он навозит, напилит, и все делает.

40. ЖИЗНЬ НА НИТОЧКЕ

Брат мой был на финской войне и писал в письме, что жизнь висит все время на ниточке. Мы молились все тут за него, а ему спустился на ниточке конверт, и там было написано: «Господь тебя хранит». Потом нам рассказывал. Вернулся невредимый.

41. ТОНУЛА

Одна я пошла купаться, и я тонула. Скакала-скакала, прыгала-прыгала. Села вот так, нахлебалась, потонула. Побежали за народом. «Катка, — говорят, — потонула».

Я говорю: «Господи, как же трудно тонуть». — Как кто поднял на крыльях. Вот какое чудо со мной было.

42. ДРЕВО ЖИЗНИ

А тут муж обругал икону.

«Такую, — говорит, — ты купила зувину». Да во сне мне — крестный ход. Я стою, народу, хоругви... Слышу, там возглашают: «Не смейтесь над деревом жизни».

Я говорю: «Вот ты, дурак, обругал икону».

¹⁶ О традиционном именовании иконных образов *богами* См.: Успенский Б. А. Указ. соч., экскурс I: «Бог» как название иконы. С. 118—119.

43. МУЖ ПРИСНИЛСЯ

Мне раз приснилось.

Вхожу в какой-то дом, вижу мужа своего (он уж 8 лет как умер), он лежит на углах животом.

Я говорю: «Больно?» Он говорит: «Привык». (Он вообще-то хороший был, работающий, только по женщинам гулять любил. Ну, значит, в ад попал).

Я его спрашиваю: «Чертей-то видел?» Он молчит. Я опять. Он молчит. Я в третий: «Чертей-то видел?» Говорит: «Видел». — «А что они делают?» — «С соседкой играют». (А у соседки язык длинный был. У нее и правда в доме ничего не ладилось).

44. СТРАННИКИ

Странники ходили, босые по снегу-то. Одежда у них всегда чистая была. Спать ложились на голые лавочки. Ели постное. Хлеб отрезали тонким, как письменный лист, куском через весь каравай.

Предсказывали они.

В Судае один предсказывал, что в трех церквях будет, как власть переменится:

- в одной плясать (так и есть: там клуб теперь),
- в другой деньги менять (там у нас Госбанк и был),
- в третьей чертову машину поставят (там динамо-машина и стояла).

45. КОЛОКОЛА СНИМАЛИ

Когда колокола с церкви, с колокольной снимали — никто не нашелся. Все мужики отказались. А один нашелся — Николай Васильевич. В Бога он не верил. Вот у него скоро руки и отнялись, через недели две. Здоровый мужик был. Никто на колокольню не полез, а он один. И спустил колокола. А потом руки все у его перевело. Он и каялся, и к врачам ходил обращался. Хоть и раньше врачи хорошие были, а ничего не помогло. Годов тридцать мучился, да лет тридцать ему было, когда полез. Уж как мучился-то он, сильно руки ломало, и ночи не спал. Все смерти просил.

Мужики все отказались — пушай на колокольне висят, сказали. А он — на выхвалку. Один полез и лом с собой брал. Как опустил колокол первый, большой, — вся земля задрожала. И яма на том месте образовалась.

46. КОЛОКОЛ УШЕЛ

В тридцать седьмом году, когда я приезжала, церкви разрушили. Сначала рушили колокольню. Колокола сымали. Один колокол сорвался и упал в воду. В ил ушел совсем. Так и не достали. А воду пить нельзя было. Мальчишки ныряли и видели тот колокол под водой. Говорят, сначала было видать верх, а потом и вовсе в ил ушел. А воду уже не пили. Нельзя.

47. ШЕСТЬ ПУДОВ

Когда храм в Высокове-то разрушили, увезли, там кузнец очень хороший был, в Говорове, это деревенька рядом. А в храме-то сделали склад. А его попросили в храме сусеки сделать под сено. Туда зерно возили, госпоставки. Жена ему говорит: «Ох, Михайло-батюшка, ты в этой церкви крестился, ты венчался, как же ты это сможешь сделать?» А ему за это обещали шесть пудов хлеба. Он говорит: «Дура,

шесть пудов хлеба!» А она: «Да Бог с ним, с хлебом, такой-то грех на душу». А он пошел. Через полчаса везут его в телеге. Помер. Бог наказал. Худо сделалось.

48. ГОСПОДЬ НАКАЗАЛ

У Егорья церква была. А после революции приказали с ее купола снять. Никто на такое дело не соглашался. Тут двое выскочили — трактористы. Выхвастились, пьяные что ли были. Влезли они на колокольню, свалили колокола набок. Вдруг — треск слышался страшный. Колокола на место встали. Те же двое оба быстро потом померли. Наказал, верно, Господь.

49. КОНЕЦ СВЕТА

Все по Библии идет.

Я сама-то раза два ее видела, читала немножко Евангелия: как там? — от Луки, Иоанна, Матвея...еще? Иоанна, Луки, Прокофия... и Матвея.

Так мне мама рассказывала (ей в этом году сто лет было б), а ей дед говорил, что в Библии написано: вся земля будет проволокой опутана (это провода, вот); стальные птицы летать будут; всю землю измерят; а в 2000 году будет конец света и суд Страшный, когда встанут живые и мертвые, и каждого спросят: «Накормил ли голодного? Обул ли разутого?..» И каждого спросят «Отче наш». Это Страшный суд будет.

А до этого будет править царь с числом 555, а за ним царь с числом 666. Если сложить из спичек 555, то их будет 15, и складывается только одно имя — Ленин; а сложить 18 спичек (666), то сложится Сталин, а больше ничего не сложится. И вот будут править два царя 555 и 666, а после ничего не будет, и будет конец света.

50. ПРО ШУТА БАЛАКИРЕВА

Не знаю, у первого или второго Николая, у него был шут Балакирев. Он все предсказывал, все знал. Молились в церкви раз в большой праздник, и шут Балакирев тоже там был. Вот, значит, он и говорит: «Сегодня в церкви мало народу молилось». А государь говорит: «Как так, я тоже был в церкви, молился!» А шут говорит: «Ты не молился, ты на Воробьевых горах дворец строил!» Когда он ему так сказал, царь вспомнил, и верно, я все думал, как поставить дворец на Воробьевых горах.

51. ПРО ШУТА БАЛАКИРЕВА

Собрались все князья: какой-то делали закон, одним словом, нужное. Все были против князья, а государь настоял на своем. Государь стал писать какой там приказ, а шут Балакирев где-то достал мышонка, поймал и все его прятал в карман. А государь когда писал, у него всегда сидел на краю стола кот (не кошка, а кот). Только он проект этот написал, пришел шут Балакирев и выпустил мышонка прямо на стол. Кот бросился за мышонком и все дела евоны (царя) залил чернилами. Государь разобиделся на его и приказал дать ему розги. Сколько ему дали — не знаю. Потом царь разжалелся и подарил шубу хорошую — как бы прощение за то, что побил его.

52. ПРО ШУТА БАЛАКИРЕВА

Один раз двое подошли к шуту Балакиреву и просят:
— Продай нам шубу!

— Купите! За что купил, за то и вам продам. Снимает с себя ремень и начинает выхаживать этих мужиков. Они и побежали. (Ведь царь-то побил его).

53. ПРО ШУТА БАЛАКИРЕВА

Шут Балакирев простецкий был: все, что попросят, отдаст. Три дядечки захотели у него шубу выманить. Они узнали, по какой шут ходят дорожке. Сделали гроб и положили туда одного мужика. И пошли, чтоб с ним встретится. А гроб понесли на носилочках. Встретили шута Балакирева и попросили его: «Помоги нам похоронить товарища, помер, нечем похоронить». (А он лежит там здоровый, выманить шубу надо было!) Шут говорит: «Денег у меня нет!» Снял с себя шубу и положил им на гроб: «Вот нате шубу, больше у меня ничего нет!» Ну, им это и надо было. Отошли они в сторонку, гроб с плеч сняли, открыли, а товарищ их уж был там мертв. (По евонной причине помер: раз просили шубу, чтоб похоронить!)

54. ПРО ШУТА БАЛАКИРЕВА

Однажды государева жена говорит шуту Балакиреву: «Хоть бы мне с твоей женой познакомиться, я ее не знаю!» Ну вот он и говорит: «Завтра я вам назначу с женой встречу. Только она шибко глуха, вы уж с ней говорите погромче». — «Хорошо», — говорит она. Теперь он говорит своей жене: «Государыня хочет тебя видеть. Завтра в такие-то часы пойдешь к ней на встречу. Только государыня очень глуха, говори ей погромче».

Назначился день разговора. Они встретились и орут друг дружке. Шут Балакирев взял государя за руку, повел туда и говорит: «Пойдем послушаем, как наши жены орут!»

Вроде все.

55. КАК ПОП С ДЬЯКОНОМ ТАБАК НЮХАЛИ

Еще рассказывали, поп-то с дьяконом табак нюхали. Вот служат они, поп кадит и поет¹⁷:

— Дьякон, дьякон
Куда табак спрятал?
А дьякон отвечает:
— Под иконой,
Под Николой!
Возьми, нюхни
И опять туда пихни¹⁸.

56. ВАСЕНЬКА-ВАСИЛИСА

Жили отец и три девки. Три дочери у него было. И вот отцу нужно было воинскую-то обязанность нести. И вот он хочет ехать. А дочери не отпускают. Старшая говорит:

— Я, папа, за тебя пойду.
— А не забоишься?
— Нет, — говорит, — не забоюсь.

Села на лошадь, поехала. А он медведем нарядился, обогнал ее да на дороге-то и встал. Она испугалась и вернулась.

¹⁷ Алексей Сергеевич изображает церковное пение (*Прим. соб.*).

¹⁸ Вариант сюжета СУС 1831А*.

— Что, дочка, вернулась?

— Да там медведь, я боюсь.

— Ну, папа, я, — вторая дочка говорит, — не побоюсь медведя, я поеду.

И вторая так же, медведя испугалась и домой вернулась. Третья дочка говорит: «Я, папа, поеду».

Верно, поехала на лошади. А он опять нарядился медведем, вышел на улицу. А она увидела его и пристрелила из ружья. Проехала немножко: «Ой, я забыла с папенькой проститься». Вернулась, а он с завязанной ногой. Ну тут уж... «Раз так — ладно. Бери, дочка, мою лошадь и поезжай. Согласен».

Вот она приехала в часть, туда. Оделась как мужчина. Ее уж стали Василием звать, так Васенькой-Василисой и прозвали. Васенька-Василиса, значит, на квартиру частную, в дом. В этом доме жила мать и сын его Иван. И вот они стали вместе, Иван с Василием, все воинские обязанности соблюдать. А мать такая была:

— Ванюшка, — говорит, — это не Василий, это девушка!

— Что ты, мама! Он же лучше моего воинские обязанности исполняет. Он же на лошади скачет, через барьеры, и все делает.

— Нет, это не Василий. Ну, ладно. Вот вы поезжайте-ка сегодня, а я дома кушаний приготовлю. Сладкое, как любят девушки, и как для мужчины — сурьезное.

Вот приехали домой. Стоят два стола. Один — вот такой сладкий, а другой — сурьезный.

— Ну, давай, брат Василий, вон каких нам matka кушаний приготовила. Садись сюда, за сладкий стол.

Он говорит:

— Нет! Нам сладкого не надо. Мы вот за этот сядем.

— Ну, — Иван говорит, — нет, мамонька, не сел он за сладкий стол.

Нет, опять: «Все равно, это не мальчик, это девочка. Ну, завтра вы опять поедете на службу, а я вам приготовлю две комнаты. Одну комнату — с ружьями и разными военными припасами, а в другой комнате — все женское, всякое рукоделье».

Приехали они оттуда, и опять Иван говорит:

— Брат, Василий, пойдем посмотрим, какие кружева хорошие!

— На что нам кружево! Нам надо военные ружья все пробовать.

Опять он матери говорит: «Нет, это — Василий, не девушка это».

А та твердит все: «Девчонка!»

На третий раз: «Я вам баню истоплю. Вместе пойдете».

Приехали со службы, мать баню истопила. «Ну, брат Василий, сегодня пойдем в баню».

А она лошадь опять снаряжает.

— Ну что ты, пойдем в баню, брат Василий, на что нам лошадь?

— А вдруг какой случай? Надо, чтоб лошадь была готова.

Ну ладно. Только Иван в баню пошел, а она села на лошадь и уехала. Уехала домой. Мать Ивану-то и говорит: «Значит, она не Васенька, а Василисушка». А уж он-то полюбил ее.

...Дальше-то не помню, как, но он какой-то товар образовал и поехали в то место. Приехали в то место, корабли остановили. У них там музыка играет, все... Сестры пошли послушали да и говорят: «Корабль какой красивый у пристани, музыка на нем хорошая играет. Сходи, сестра».

Она пошла, решила посмотреть, что за корабль. Она взошла, а канат-то и отвязали, поймали ее. Она когда вышла, чтобы сойти с корабля-то, он уже уплыл далеко. Ну что делать, вот поехали, плывут. Она-то пообиделась, конечно. Вот подъехали к тому месту, где они живут. Кольцо у ней было. Она кольцо в воду бросила и говорит: «Пока из кольца ракитовый куст не вырастет, не буду ни с кем разговаривать, ни с Иваном, ни с матерью его».

Вот пришла она к ним в дом. Что не говорят ей, она все время молчит. Стала свекровь сердиться на нее: почему она ничего не говорит. Стала уж ее ненавидеть. Стала думать, как бы от нее избавиться. Молчит и молчит! Тогда говорит: «Иди! Вот тебе кузовок, иди в чисто поле. Гусей остриги или кур, я не помню... Мне их пух принеси».

Та пошла, взяла кузовок, ничего не говорит! А Иван вышел ее провожать и говорит: «Васенька-Василиса, промолви хоть словечко! Ведь мать тебя посылает, а хочет загубить. Гуси тебя заклюют там». Ничего она ему не отвечает. «Ты, — говорит, — кузовок поставь там на какое-то место и сама отойди, спрятайся. Они прилетят, пуху тебе наложат, и ты принесешь».

Так и сделала она, послушала его, но ничего не говорила ему. Прилетели гуси, весь пух ей в кузовок пощипали. Сами улетели, а она взяла кузовок, принесла, перед матерью поставила. Та — опять, зло ее берет: ничего не говорит! Во второй раз она говорит: «Вот тебе кузовок. Там в поле у нас овечки гуляют. Так ты уж обстриги их и принеси мне шерстку».

Ванюшка опять говорит ей: «Васенька-Василиса, скажи хоть словечко. Ведь мать тебя не овечек стричь посылает, а волков. Они тебя растерзают. А ты поставь кузовок на каком-нибудь пне и крикни: — Серые волки! Приходите, состригите-ся, в кузовок шерсть-то положьте».

Она пришла, так сказала, и вот серые волки пришли, шерстку ей в кузовок наложили и ушли, убежали. Она взяла кузовок, принесла опять матери, перед ней поставила. Та глядит: все вроде сделала, а сама не говорит. На третий раз мать говорит: «Вот что, сходи в такую-то деревню, там у меня сестра живет, у ей попроси бёрдычка, ткать. А то мы будем ткать красна, а бёрдычка у меня нет, ты у нее спроси, она тебе даст».

Ну пошла она, вышла на крыльцо, а Ванюшка опять говорит: «Васенька-Василиса, промолви хоть словечко! Мать ведь тебя к Бабе-Яге посылает. Ты возьми полотенце, ты возьми мяса кусок, ты возьми ленточку и иди».

Она все взяла и пошла. Нашла дом. А рядом с калиткой березка растет и все сгибается да по дорожке хлещет. Васенька-Василиса березку ленточкой подвязала, та и затихла и пропустила ее. Та только во двор вошла, а на нее кот бросился, прям в лицо ей когтями, а она ему кусок мяса кинула, он и отстал. Заурчал, стал мясо есть. Васенька-Василиса вошла в дом, а там ее уже Баба-Яга поджидает. Васенька-Василиса ей прямо и говорит, зачем пришла. А Баба-Яга отвечает, дескать надо вперед в баньке попариться да поесть с дороги, а потом и о деле говорить. «Пойду, — говорит, — баньку тебе истоплю».

А сама затевала Васеньку-Василису изжарить. Но она-то сразу сообразила, увидела бёрдычек, схватила его да и бежать. Баба-Яга вернулась в дом, видит: ее обманули и кинулась Васеньку-Василису догонять. Выбежала во двор и кричит на кота: «Что же ты Васеньку-Василису не удержал?». А кот отвечает: «Я у тебя уж сколько лет живу, ты мне куска хлеба ни разу не дала, а Васенька-Василиса сразу кусок мяса!»

Баба-Яга дальше. Выбежала за калитку и кричит: «Ты что, береза, Васеньку-Василису пропустила?» А береза отвечает: «Я от тебя ни разу слова доброго не слышала, а Васенька-Василиса меня ленточкой шелковой подвязала».

Баба-Яга плюнула да дальше побежала. Васенька-Василиса видит: ее Баба-Яга догоняет, а впереди — речка. Васенька-Василиса полотенцем махнула, и через речку мостик встал, она перебежала на тот берег, опять полотенцем махнула — все исчезло. Тут Баба-Яга к речке подбежала и ласковым таким голосом говорит: «Васенька-Василиса, махни полотенчиком!»

Васенька-Василиса махнула. Баба-Яга по мостику побежала, а Васенька-Василиса опять полотенцем-то махнула, Баба-Яга в середину речки упала да и потонула. А Васенька-Василиса домой пошла. Опять молча отдала бёрдычек, только поклонилась. Тут уж Иванова мать на нее сердиться перестала. А Ванюшка со слезами ей говорит: «Васенька-Василиса, промолви хоть словечко!»

Она тоже заплакала и ушла. Пошла к тому месту, где кольцо бросила. Смотрит — а из кольца ракитовый куст вырос. Тогда она вернулась к Ивану и уж стала говорить. И тогда все счастливо зажили.

Раздел VIII

ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР

На улице Луначарского, г. Чухлома. Фото Е. А. Майоровой

Устное народное творчество и игры всегда занимали серьезное место в жизни детей и подростков. Еще находясь в зыбке, ребенок, слушая колыбельные песни, начинал знакомиться с народной поэзией, вовлекался в заботы и интересы взрослых.

Детский фольклор во всей его полноте, и не только те произведения, которые исполнялись взрослыми специально для малышей, является неотъемлемой частью народной педагогики, помогая формировать из ребенка полноценного и активного члена общества — эта характерная особенность детского фольклора последние годы все больше привлекает внимание исследователей и педагогов.

Во время экспедиций записи детского фольклора проводились как от представителей старшего поколения, так и от детей. К сожалению, приходится отметить, что русская деревня, это касается и конкретно Чухломского района, сегодня находится в очень тяжелом положении, ее социально-экономическая база сильно подорвана преобразованиями последних лет. Поэтому в настоящее время детей в деревне осталось очень мало. Пожалуй, лишь в селах еще можно встретить группы ребятишек, из которых многие приезжают сюда к бабушке или дедушке только на период летних каникул.

Поэтому удалось собрать не такой богатый материал, как хотелось бы. Жанровый состав записанных произведений не равнозначен. Экспедициями зафиксировано более 80 колыбельных песен, более 50 считалок, около 30 дразнилок, примерно столько же загадок, одиночные тексты веснянок, закличек, детских песенок, страшилок, нескладух и анекдотов. Наибольшее число записанных текстов — свыше ста — составляют игры. Однако качество записей часто не позволяет полностью воспроизвести игру, поскольку не хватает каких-то ее элементов или правил.

Несмотря на то, что значение игр для воспитания и развития детей признается педагогами давно, методикой их фиксации владеют немногие. Это обстоятельство выявилось и во время наших экспедиций. Чтобы в игру можно было сыграть, необходимо делать очень подробные записи, не упуская ни одно ее условие, стараясь ясно представить последовательность действий.

В нашем сборнике мы попытались дать общее представление о бытующем в Чухломском районе детском фольклоре. Несомненный интерес и восхищение вызывают колыбельные песни. В основном, это традиционные сюжеты крестьянской народной поэзии для детей, тепло и красочно передающие любовь русского человека к природе и окружающему миру и прививающие эти качества маленькому ребенку. Исполняемые перед сном в спокойном ритме колыбельные создают ощущения гармонии, уравновешенности и оптимизма. Некоторые из них, например, песня «Люли, люли, люленьки, прилетели гуленьки» (см. № 3) или «Баю-баю, баю-бай, не ложися на край» (см. № 5) записаны во многих вариантах.

Сюда же включена нами и песенка из сказки древнего происхождения «Медведь — липовая нога». К сожалению, самой сказки записать не удалось, исполнительница смогла вспомнить только эту песенку.

Потешка и пестушки, которые сейчас встречаются все реже, за исключением некоторых широко известных сюжетов, используются в народной педагогике для развлечения, а также для физического и умственного развития детей, создают жизнерадостное настроение, воспитывают и нравственные качества. Например, потешка «Ладушки, ладушки» (см. № 39) приучает ребенка не только хорошо кушать, но и делиться едой со всеми поровну. Стихотворная форма пестушек и потешек прививает любовь к родному языку.

Загадки хорошо развивают сообразительность, учат образному, поэтическому видению мира.

Дразнилки, происхождение которых связано, как правило, с самостоятельным детским словесным творчеством, выражают осуждение тех или иных отрицательных качеств человека, помогая от них избавиться. Хотя порой дразнилки являются и просто способом ответить на обиду, задеть, расшевелить, посмеяться, вывести из равновесия друга или знакомого. Для дразнилок характерны несложная рифма, необычная игра слов.

Еще более интересной формой детского поэтического творчества являются считалки, используемые для выбора водящего в играх. В считалках дети не только создают различные словесные комбинации, но и передают свои впечатления об окружающем. Иногда традиционные, бытовавшие на протяжении нескольких поколений, сюжеты переосмысливаются, заменяются персонажи, и возникает новое произведение. Сравните, например, считалки № 82 и № 95. В последней уже действуют герои из современных, транслируемых по телевидению американских мультфильмов, даже имена их звучат непривычно для непосвященного человека. Этот пример наглядно свидетельствует о заметном влиянии на детей реалий окружающего мира.

Исключительно важное значение для всестороннего развития детей и подростков имеют народные игры. Испокон веков готовили они человека к активной и полноценной жизни, укрепляя физическое и нравственное здоровье ребенка, помогая ему сформироваться как личности. Народные игры не только развивают силу, ловкость, выносливость, но и воспитывают волю и стойкость, смелость и находчивость, учат коллективизму и взаимовыручке и одновременно инициативности и самостоятельности. Кроме того, они приобщают человека к традиционной культуре родного народа, поскольку многие из них тесно связаны с фольклором.

Записанные в экспедициях игры мы условно разделили на две части: спортивные и беседочные. Спортивные игры имеют, в основном, целью развитие тех или иных физических качеств, носят соревновательный характер, беседочные используются как форма общения и взаимоотношений юношей и девушек. Четкой возрастной грани между этими играми, однако, нет, некоторые из них со временем могут перейти от молодежи к детям, например, игра «Колечко» (см. № 132 и № 133).

Собираясь вечерами на беседы, молодежь не только пела и танцевала, но и в игровой форме готовилась к будущей семейной жизни, приглядываясь друг к другу, выбирая будущего супруга. Нами записано много поцелуечных игр, они существовали в самых разных вариантах. Следует подчеркнуть, что на беседах соблюдалась непринужденная, но скромная атмосфера, ни о какой распушенности в отношениях между юношами и девушками не могло быть и речи. Вечера были открытыми, проходили под наблюдением взрослых, не только родных, но и всех желающих. А употребление алкоголя, подлинной чумы наших дней, среди молодежи было просто немыслимо. Народ внимательно следил за соблюдением нравст-

венных устоев, прекрасно понимая, что только трезвое поколение может дать здоровое потомство и обеспечить нормальную, деятельную жизнь.

Некоторые игры воспроизводили обряды сватовства и свадьбы (см. № 119 и № 120). Таким образом, игры помогали молодежи принять на себя ответственную роль взрослых, самостоятельных членов общества.

Вообще игр раньше было очень много, самых разнообразных, для всех возрастов. Отметим среди широко распространенных в Чухломском районе такие, как «Ручеек», «Горелки», «Лапта», «Стрелочки», «Городки», «Шандор», «Кошки-мышки», «Краски», «Садовник», «Фантики», «Козлики», «Классики», «В ремни» и другие. Они записаны в нескольких вариантах. Многие из них остаются любимыми занятиями детей и сейчас.

Замечательно, что в некоторых сельских клубах стараются возродить местные молодежные беседочные игры. Устраиваются святочные вечера и календарные праздники, воспроизводятся старинные обряды, что помогает привлечь детей и подростков, а также и взрослое население к ценностям родной культуры. Заинтересованно работают с молодежью и детьми А. И. Петушкова в деревне Повалихино, А. В. Яковлева в селе Луковцыно, А. К. Корнаухова в селе Судай и другие.

Сегодня очень важно понимать, что народное творчество, детский фольклор и игры являются неотъемлемой частью национальной культуры, без которой не может существовать ни один народ. Поэтому необходимо всеми силами сохранять и возрождать традиционную культуру, чтобы она не иссякла, а передавалась от старшего к последующим поколениям. И заботу об этом должны проявлять все, кому не безразлична судьба русского народа, судьба России.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1. Спи-ка, дочка, Бог с тобой
Ангел вьется над тобой,
Ангел вьется и кружится,
Нине спать велит ложиться.

2. Ой-люли да ой-люли,
Мимо ангелы летели,
Мимо ангелы летели,
Дочке плакать не велели.

3. Люли, люли, люленьки.
Прилетели гуленьки.
Сели гуленьки в кровать,
Стали гули ворковать:
Чем нам девочку питать,
Творожком или медком,
Или чаем е крендельком?
Мы поедem во Торжок,
Купим крупки мешок,
Будем кашку варить,
Нашу девочку кормить.

4. Люли, люли, люленьки.
Прилетели гуленьки,
К Настенькиной люленьке,
Сели гули на кровать,
Стали гули ворковать,
Стала Настя засыпать.
Они сели на краечек,
Ворковали весь денечек.

5. Баю-баю, баю-бай,
Не ложись, дочка, на край,
Тебя схватит попугай,
Не то серенький волчок
Нину схватит за бочок,
Нину схватит за бочок
И утащит во лесок.
Он утащит во лесок,
За корёгу, за пенек,
За корёгу, да пенек,
За ракитовый кусток,

За ракитовый кусток,
Под малиновый листок.
Под кустом-то погребок,
В погребке-то мужичок,
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Все по лавочкам сидят,
Кашку манную едят.
Они кашку едят,
Все-то мамку бранят:
Ой, ты мать и мать толста,
Не напярла нам холста,
Не нашила нам рубах,
Не одела нас, ребят.

6. Бай-бай,
Не ложися на край,
С краю скатишься,
Мамухватишься,
Придет серенький волчок
И ухватит под бочок,
И утащит во лесок.
Во леске-то кабачок,
В кабачке-то мужичок,
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашку манную едят.

7. Баю-баюшки-баю,
Не ложися на краю,
С краю скатишься,
Мамкихватишься.
Придет серенький волчок,
Тебя схватит за бочок
И утащит во лесок.
Во леске-то мужичок,
Он не беден, не богат,
У него много ребят,
Все по лавочкам сидят,
Кашку манную едят.

Мы поедем во торжок,
Купим крупки мешок,
Купим маленький горшок,
Станем кашку варить,
Станем Ванюшку кормить.

8. Ой, люлень, люлень, люлень,
В поле бегают олени,
Мы оленя-то убьем,
Дочке шубку сошьем,
Из остаточков
Нашьем шапочек.
Шубку новую с борам¹,
На дворе один баран,
Баран бегают-орет,
Дочке спать не дает.

9. О баень, баень, баень,
В поле бегают олени,
Мы оленя-то убьем,
Мише шубоньку сошьем
И гулять его пошлем,
А из остаточков
Сошьем шапочку.
Спи, малышка
Поскорей засыпай
Бай-бай.

10. Бай-бай, бай-бай,
Поскорее засыпай,
Приди сон, приди покой,
Нет заботы никакой.

11. Баю, баюшки, баю,
Нет ли мйстечка в раю,
Хоть на саменьком краю,
Сынушке-то моему?

12. О баень, баень, баень,
Баю, баюшки, баень.
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю,
Ты вырастешь — расстанешься
С гнездом твоим тогда,
А для меня останешься
Ты маленьким всегда.
Бай-бай, бай-бай.
Крепко глазки зажимай.

13. О баень, баень, баень,
Укладу на весь и день,
На всю ночь темную
Девочку спокойную.
Бай-бай, бай-бай,
Поскорее засыпай.

¹ Борá — сборка у шубки (*Прим. соб.*).

14. О баю, баю, баю,
Укачаю, укладу,
Мать ушла коров доить.
Бабушка — пеленки мыть,
Дедушка — дрова рубить,
Машу некому кормить.
Бай-бай, бай-бай.

15. Баю, баюшки, баю.
Ой, байки, байки, байки,
Потерял батька портки,
Матка — юбочку,
Дедка — трубочку,
Сзади Коленька шел,
Портки батькины нашел.

16. Ой, ку-ку, ку-ку, ку-ку,
Потерял старик клюку,
На поповой на горе
Что-то галки кричат,
Не мою ль клюку делят?
Пойдем-ка, Иван,
Не дадут ли и нам?
Бай-бай, бай-бай,
Баю, баюшки, баю.

17. Баю-баю, баю-бай,
Есть в Нелидкове Бабай,
В Алешунине Мирон,
Полна пазуха ворон.

18. Бай-бай, бай-бай,
Придет кашинский Забай,
Аполлон чуриловский,
Ликаха малафеевский,
Да чечулинский Можай,
Да широковский Воржай,
И леушинский Колун,
Да репехтинский Колдун,
Умник шелыковский,
Курносый шелыковский
Пошел веники ломать,
Начал девок целовать,
Девки носа не бракуют,
Знай курносого целуют.

19. Баю, баю, баиньки,
Я скатаю валенки,
Валенки на ноженьки,
Бегать по дороженьке.

20. Баю, баю, баеньки,
Купим сыну валенки,
Оденем на ножки,
Пустим по дорожке.
Будет наш сыночек ходить,
Наши валенки носить.

21. Баю, баю, баиньки,
Прибежали зайчики,
Сели на скамеечку,
Попросили леечку,
Поливали огород.
Где капуста растет.

22. Баю, баю, баеньки,
Спят овечки-бареньки,
Бареньки-овеченьки
Бегали по реченьке,
Барьки сена не едят,
Все на доченьку глядят:
Хорошо ли она спит,
Хорошо ль она лежит?

23. Баю, баю, баюшок,
В огороде петушок,
Петя громко поет,
Лене спать не дает.
Уж ты, Петенька, не ной,
Леночку не беспокой.

24. Баю-баюшки, бай-бай,
Ты, собачка, не лай,
Ты, Пиратка, не скули,
Нашу Любу не буди,
Наша Люба будет спать,
Будет девочка дремать.

25. Ты, собачка, не лай,
Ты, гудочек, не гуди,
Нашу Вику не буди,
У нас Виконька спит,
Хорошо-хонько лежит
И не плачет, не ревит.
Баю-бай, баю-бай,
Спи, Виконька, засыпай.

26. Баю-бай, баю-бай,
Поди, бука, под сарай,
Поди, бука, под сарай,
Нашу Лену не пугай.

Нашу Лену не пугай,
Наша Лена крепко спит,
Наша Лена крепко спит,
Нельзя Леночку будить.

27. Ой, люли, люли, люли,
Прилетели журавли,
Журавли-то мохноноги,
Не найдут пути-дороги.
Они сели на ворота,
А ворота: скрип-скрип-скрип.
Не будите у нас Таню,
У нас Таня крепко спит.

28. Уж ты, котик, ты коток,
Котик — серенький лобок,
Приходи-ка ночевать,
Нашу Танечку качать.
Уж я этому коту
За работу заплачу:
Дам я криночку сметанки
И кусочек пирожка.

29. Серенький котик
По шестуку ходит,
Валеньку качает,
Прибаюкивает,
Прилюлюкивает.
Уж я серому коту
За работу заплачу:
Налью чашечку чайку,
Дам кусочек сахарку.
Котик, пей,
Котик, ешь,
Только Валеньку качай,
Прибаюкивай,
Прилюлюкивай.

30. Моя Машенька-душа
Уродилась хороша,
В лес за ягодкам пошла,
Много ягод принесла,
Папе с мамой отдала.

31. Скоро солнышко взойдет,
Заиграет пастушок
Во серебряный рожок.
Хорошо пастух играет,
Выговаривает:
«Выгоняйте-ка скотину

На широкую долину!»
Гонят девки, гонят бабы,
Гонят стары старики
И богаты мужики.
Наша Светочка идет,
Свою телочку ведет.

ПЕСЕНКА ИЗ СКАЗКИ «МЕДВЕДЬ — ЛИПОВАЯ НОГА»

32. Скрип-скрип, липовая нога,
Все по селам спят,
По деревням спят,
Одна бабушка не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Не упрядыват,
Мое мясо варит,
Не увариват.

ПЕСТУШКИ И ПОТЕШКИ

33. Просыпается дочь, гладишь ее и говоришь:
Потягушка, потянись,
Поскорей-скорей проснись,
Солнце встало уж давно
И глядит тебе в окно.
34. Когда ребенок расплачется, его берут на руки и качают, припевая:
Моя Машенька — цветок,
Среди садика растет,
Стерегут, берегут —
И поплакать не дадут.
35. Берут ножку ребенка, поглаживают по ступне и приговаривают:
Кузнец-молодец,
Расковался жеребец,
Ты подкуй его опять.
— Почему не подковать?
Вот гвоздь, вот подкова,
Раз, два — и готово!
- Потом так же делают и со второй ножкой.
36. Поглаживая по ладошкам ребенка, приговаривают:
Ладушки-ладошки,
Пекли бабы лепешки.
Всем — по лепешке,
Настеньке — блин.

37. Двумя пальцами делаешь «рога», подносишь к груди ребенка и говоришь:
Буки, козары в лес побежали,
Маленьких детей забодали!

38. Идет коза рогатая
За малыми ребятами:
Бу-бу-бу, забоду,
На рога посажу!

39. С этой приговоркой дележку за столом делали:
Ладушки, ладушки,
Испекли оладушки
Маслом поливали
Деточкам давали:
Маше — два,
Паше — два,
Саше — два,
Кате — два.
Хороши оладушки
У нашей бабушки!

40. Сажаешь ребенка на колени, начинаешь трясти и говоришь:
По кочкам, по кочкам,
По беленьким цветочкам,
В ямку — бух!
Колени раздвигашь, ребенок проваливается вниз, а ты его ловишь.

ЗАГАДКИ

41. Наш дед Ермолай
Съест все, что ни дай. /Огонь/

42. Длинный митроша
Стучится в окошко. /Дождь/

43. Без рук, без ног,
ворота открывает. /Ветер/

44. Сидит Иван в луже,
Только волосы снаружи. /Камыш/

45. Стоит копна посередь двора,
Спереди вилы, сзади метла. /Корова/

46. Четыре сестрички в одну рюмку ссят. /Корову доят в подойницу/

47. Шла свинья из Питера,
Вся истыкана. /Наперсток/

48. У девушки-сиротки
Разгорелось в середке. /Самовар/
49. Четыре братца под одной шляпкой сидят. /Стол/
50. Утка в море,
Хвост на заборе. /Ковшик в ведре/
51. Под полом-полом
Стоит барыня с колом. /Помело, из печки выметать/
52. Маленькой, горбатенькой,
Все загоны присчитал. /Серп/
53. Ушел в лес — кланялся,
Пришел домой — растянулся. /Топор/
54. Корабль железный,
Дым деревянный. /Рубанок/
55. Кто первым из людей полетел? /Баба-Яга/
56. Под каким кустом сидит заяц после дождя? /Под мокрым/

ДРАЗНИЛКИ

57. Анка — барабанка.
58. Ленка — пенка.
59. Лиза — склизник.
60. Машка — замарашка.
61. Машка — грязная рубашка.
62. Степка — растрепка.
63. Шурка — шкурка.
64. Андрей-воробей,
Не гоняй голубей,
Гоняй галочек
Из-под палочек².
65. Андрей-воробей,
Не гоняй голубей,

² Вар.: лавочек.

Голуби боятся,
На крышу не садятся.

66. Вася, Вася — поросенок,
Поросячье имечко,
Вася ходит по базару,
Собирает семечко.

67. Катя, Катя, Катерина,
Нарисована картина,
Катя голову чесала,
Становому наказала:
«Становой дорогой,
Проводи меня домой,
Мой дом на песках,
На соломенных досках».

68. Катерина — лопуха,
Задавила петуха,
Катя, Катя — холка,
Задавила волка.

69. Колька-Николка,
Спереди иголка,
Сзади клин,
Андрюхин сын.

70. Лена-пена,
Дай полено,
Нечем печку растопить!
А полено-то сырое,
И давай его рубить.

71. Мишка-Мишок,
Нахлебался кишок,
Вышел, Богу помолился
И на травке развалился.

72. Танька-мотанька,
Ходила на собранько,
Руки-ноги подняла,
Ничего не поняла.

73. Жадина-говядина,
Пустая шоколадина!

74. Жадина-говядина,
Соленый огурец,
И никто его не ест.

75. — Рева-корова,
Дай молока!
Сколько стоит?
— Три пятака!

76. Ты-ты-ты,
Затыкали коты,
А на третьей полке
Тебя заели волки.

77. Бабка Ёжка,
Костяная ножка,
С печки упала,
Ногу сломала,
А потом и говорит:
«У меня нога болит».

78. Самолет-самолет,
Ты возьми меня в полет,
А в полете пусто,
Выросла капуста,
Я капусту не хочу,
Только денежки плачу.

Это дети говорили, когда самолет летит.

МОЛЧАНКА

79. Жили-были старик со старухой,
Навалили четверик с осьмухой.
Стали весить —
Фунтов десять,
Стали мять —
Фунтов пять.
Стали горевать:
Куда говно девать?
Поставили на полицу,
Кто вперед скажет, тот и съест.
Ни гу-гу!

СЧИТАЛКИ

80. Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, на базар
Аты-баты, что купили?
Аты-баты, самовар
Аты-баты, сколь платили?
Аты-баты, три рубля.

Аты-баты, кто водитель?
Аты-баты, это я.

81. Катилася торба
С высокого горба.
В этой торбе
Хлеб, пшеница,
Кто с кем
Будет делиться?

82. На златом крыльце сидели
Царь, царевич,
Король, королевич,
Сапожник, портной,
Кто ты будешь такой?
Отвечай поскорей,
Не задерживай добрых
И честных людей.

83. Ехала карета
По старому мосту,
Мост провалился,
Карета — ко дну.
Не жалко кареты,
Не жалко моста,
А жалко невесты —
Она молода.

84. Катилось яблочко по огороду
И упало прямо в воду.
Бульк! — Красная вода.
А в воде жила змея
И сказала букву «Я».

85. Катилась мандаринка
По имени Иринка,
В школу не ходила,
Двойку получила,
А потом пошла опять.
Получила цифру пять.

86. Шла машина темным лесом
За каким-то интересом,
Инти-инти-интерес,
Выходи на букву «ЭС»,
А на буковке звезда,
Где проходят поезда,
Если поезд не пройдет,
Машинист с ума сойдет.
Вот и поезд не прошел,

Машинист с ума сошел:
Он залез на потолок
И порвал себе пупок.

87. Три пожарника бежали
И на кнопку нажали:
— Пип!

88. Рыба-рыба, рыба-кит,
Рыба правду говорит,
Если рыба мне наврет,
Через десять лет помрет.

89. Начинается считалка,
На березу села галка,
Две вороны, воробей,
Три сороки, соловей.

90. Со второго этажа
Полетели три ножа:
Красный, синий, голубой,
Выбирай себе любой.

91. В гараже стоят машины:
«Волги», «Чайки», «Москвичи»,
От кого берешь ключи?

92. Палочка-стукалочка,
Кого первого найдет,
Тот и водаком пойдет.
Палочка пришла,
Никого не нашла.

93. Вышел немец из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить,
Все равно тебе водить.

94. За стеклянными дверями
Стоит Мишка с пирогами.
Мишка-мишенька, дружок,
Сколько стоит пирожок?
— Пирожок-то стоит три,
А водить-то будешь ты.

95. На златом крыльце сидели
Микки Маус, Том и Джерри,
Скрудж Макдаг и три утенка,
А водить-то будет Понка.

96. Чикирики, микирики,
По густу, по насту,
По лебеду горазду,
Солнце, блонце, луковка,
На картонке пуговка,
Там чашки, орешки,
Медок, сахарок,
Пойди-выйди, водачок.

97. Раз, два, три, четыре, пять.
Будем в прятки мы играть,
Звезды, месяц, луг, цветы,
Поводи пойд-ка ты.

98. Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять, десять,
Царь хотел меня повесить,
А царица не дала

И повесила царя.
Царь висел, висел, висел
И в помойку улетел,
А в помойке жил Борис,
Председатель дохлых крыс,
А жена его Лариса —
Замечательная крыса.

99. Раз, два, три, четыре, пять,
Вышел зайчик погулять,
Вдруг охотник выбегает,
Прямо в зайчика стреляет:
Пиф-паф, ой-ё-ёй,
Умирает зайчик мой.
Привезли его в больницу,
Он забрался в рукавицу,
Привезли его домой,
Оказался он живой.

100. Раз, два, три, четыре,
Меня грамоте учили,
Не писать, не считать,
Только по полю скакать.
Я скакала, я скакала,
Себе ноженьку сломала,
Побежала домой,
Завязала травой.
Меня папа увидал,
За волоски натаскал,
Меня мама увидала

И за доктором послала.
Едет доктор на коне,
Балалайка на спине,
Балалайка заиграла
И больная заплясала.

101. Летел лебедь, считал девять:
Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь, восемь, девять.
А когда летел назад,
Сосчитал он ровно пять:
Раз, два, три, четыре, пять.

102. Эники-бэники,
Ели вареники,
Эники-бэники,
Съели вареники.

103. Жил на полке апельсин,
По-турецки говорил:
Эни, бэни,
Рики, таки.

104. Шел крокодил,
Трубку курил.
Эни, бэни, рики, факи,
Тарасбуль, шарики, шмаки,
Энц, бэнц, кузматэнц,
— Бац!

ИГРЫ СПОРТИВНЫЕ

105. Шляки

Играли в бабки, или у нас называлось — в шляки. Шляк — это кость. Шляки ставили в ряд друг за дружкой. Сколько человек играло — каждый свой шляк ставил, И потом выбивали юс по очереди с пяти-четырех метров, тоже шляком. Который шляк, если выбьешь, то себе берешь. А когда выбивали, то прицеливались, называлось — метили шляки. Рюшки (городки) да шляки любимые игры были, в них много играли.

106. Вербка

В эту игру весной каждое воскресенье играли. Все встают в круг и держатся рукой за веревку. Стоят снаружи, а вода ходит внутри круга. Ходит, ходит, а потом вдруг как хлопнет кого-нибудь по руке. Тогда тот становится водой. Надо чтобы тебя вода не хлопнул, не попал. Надо отскочить и руки спрятать.

107. Вышибала

Выбираются двое водящих. Они стоят друг против друга и бросают мячом в группу, которая находится между ними. Если кто из группы поймал «свечку»,

то он берет ее себе или может отдать тому, кого уже выбили. «Свечка» засчитывается при попадании. А если наберешь «свечек», сколько твой возраст, то все «свечки» сгорают. Если мяч попал в человека от земли, то попадание не считается.

Когда от группы остается один, то он бежит между водящими, и если он пробежит между ними столько раз, сколько его возраст, и его не осалили, то все снова встают в центр. А если мяч укатится, то он может бегать между водящими, пока один из них не возьмет мяч. А если его выбьют, то игра кончается. А если еще хотят играть, то водят первый выбитый и последний.

108. Али-баба

Играющие делятся на две равные части и встают в два ряда лицом друг к другу, взявшись за руки. Одна колонна кричит: «Али-баба!» другая отвечает: «О чем слуга?» Первая кричит: «Нам пятого-десятого». И сговорившись, называют имя и фамилию кого-нибудь из другой колонны. Тот бежит и старается разорвать цепь. Если разорвал, то берет одного из двух, кого хочет, и возвращается в свою колонну. Нельзя брать «горяченького» — того, кто попал только что в колонну, если ее не разорвал. Так играют, пока в одной из колонн никого не останется, или пока не надоест.

109. Царь горы

На какую-нибудь горку встает водящий, его сначала выбирают. На горке он говорит: «Я — царь горы!» Остальные играющие должны столкнуть его с горки. И каждый старается остаться на горке один. Если останется, то тоже говорит: «Я — царь горы!» И так играют, пока не надоест.

110. Поднимание зубами

Раньше на святки на беседах парни силой мерялись. Возьмут ушат с водой, в него четыре ведра входит. Ведь ушат имеет два ушка и в них водонос продевается, палка такая. Коромысло — оно изогнутое, а водонос прямой, вдвоем за этот водонос брались и несли, когда ушат полный. Так вот парни ушат с водой возьмут, водонос вставят и зубами с полу поднимали, кто выше поднимет.

111. Сбивание мешками

На Масленицу у нас в Чухломе дерутся мешками. Берут обыкновенные картофельные мешки и набивают их на три четверти соломой. А на земле бревно кладут. И вот двое садятся на бревно и, сидя, дерутся мешками, пока кто-нибудь не собьет противника с бревна.

112. «Кума-кума, продай дитя»

Все играющие вставали в круг и брались за руки. А перед каждым стоящим садился в центре круга «ребенок» — это тоже были играющие. Водящий в круг не встает, а ходит сзади круга, останавливается около кого-нибудь и спрашивает:

— Кума-кума, продай дитя!

Стоящий в круге говорит:

— Что даешь?

Водящий отвечает:

— Шило-мыло, белое белило,
Редьки хвост, галанки воз
На Великий пост.

После этого «ребенок», тот, который сидит перед продающим, вскакивает и бежит вокруг круга. Водящий тоже бежит. Кто вперед прибежит и успеет занять освободившееся место, тот садится, а опоздавший водит. И так пока не надоест.

113. Шар-навес

Раньше молодежь играла в шар-навес. Делали шар из липы, вытачивали его, как вроде на токарном станке, но вручную делали. Диаметром десять-двенадцать сантиметров.

Для игры выбиралась луговина, чистое поле. Клади длинное бревно-жердь, границу им обозначали. С одной стороны от бревна вставляли. Команда набиралась пять-шесть человек, иногда семь-восемь, не больше. Вожак — кто водит — какой-то присказкой выбирали. Вот вожак берет этот шар и кидает вверх как можно выше.

А у всех были палки, их делали длиной пятьдесят-семьдесят сантиметров, не больше. Их бросали по летящему шару по очереди. Если не попал, идешь к своей палке, где она упала, и дожидаетесь, пока следующий будет бить. Если кто попал в шар, то, пока вожак схватит шар и вернется за границу, откуда кидают и бьют, то все с палками, которые не попали, когда кидали, все тоже бегут к границе. Кто последний прибежал, тот водит. А который бросал и попал, тот хватается палку и тоже бежит к границе.

А если никто не попал, то все бегут к границе, когда последний бросит палку в шар. А тот, который бросает, он тоже за своей палкой бежит. Он обычно уже и водит, потому что не успевает к границе прибежать.

Когда один бросает, то другие с палками стоят в стороне, ждут своей очереди.

114. Круговые лунки

Играют на площадке. Встают без определенного порядка, но недалеко друг от друга. Играют с палками, это вроде клюшек. Каждый делает себе небольшую лунку в земле под размер мячика. Водящий должен своей палкой забросить мячик в какую-нибудь лунку или же попасть мячом в игрока, А игроки должны отбивать мяч, помогая друг другу защищаться.

В кого или в чью лунку мячик попал — тот водит.

115. Чура-палочка

Играть собирается пять — пятнадцать человек. Берется палочка. Вот мы перехватываем ее руками снизу вверх. Чья рука верхней окажется — тот дурак, водит. Его ставят в угол, а все разбегаются и прячутся. А водящий ищет. Кого первого он увидит, того называет по имени и бежит к палке, которая в углу лежит. Там он зачурует, кого увидит: ударит палкой по крыльцу или еще где. Когда зачуровывает, то приговору говорит:

Чура-палочка пришла,
Никого не нашла,
А кого первого найдет,
Тот и за палочкой пойдет.

Кого водящий первого зачурует, тот и водит. А остальные стараются прибежать вперед водящего, чтобы выручиться. А он всех ищет. Так раньше мы играли, в детстве.

116. Прятки

Считалкой выбирается ведущий. Остальные дети прячутся, кто куда. Ведущий стоит, отвернувшись, и кричит:

— Я считаю до пяти,
Не могу до десяти!
Раз, два, три, четыре, пять,
Я иду искать!
Кто не спрятался, —
Я не виноват!
Кто за мной стоит,
Тот в огне горит!

Затем ведущий идет искать ребят и, увидев кого-нибудь, говорит:

— Туки-туки, Таня!

Если он отойдет далеко от места, где водил, играющие могут подбежать туда и выручить себя. При этом говорят:

— Чур я, за себя!

Кого ведущий застукает, тот водит.

117. Золотого короля

Водак должен догонять других. До кого он дотронется, тот стоит и говорит:

— Расколдуйте меня, золотого короля.

А другой кто-нибудь может подбежать, дотронуться до него, и тогда осаленный может опять убегать. А водак должен всех поймать, осалить.

118. Бабушка, распутай нитки

Все встают в круг и берутся за руки. Водящий выходит за круг и отворачивается. А все запутываются как могут, не расцепляя руки. Потом говорят: «Бабушка, распутай нитки». Водящий поворачивается и начинает распутывать играющих. Если при этом цепь порвется, то он опять водит. А если распутает, не разорвав цепи, то выбирают нового водящего.

ИГРЫ БЕСЕДОЧНЫЕ

119. Парня с девкой женить

Надоест нам танцевать, начинаем игры делать, парня с девкой женить. Парями чтобы были, парни девок подбирают. Потом выбираем батька с маткой (парня с девкой, какие любили пошутить). Подходим к ним (а Сашка с Ивашкой сидят) и говорим:

Сашка-Ивашка,
Отдай свою дочку
За моего сыночка.
У моего сына
Трое сани.
Шелком шиты.
Золотом покрыты,
А хлебушка —
Двадцати пяти суслонов
Девяносто пять маленок³.

³ Мера хлеба.

Вы живите, не тужите,
Вместе денежки копите,
Поцелуйтесь три раза,
Не забудьте старых нас.

«Жених» с «невестой» выходят на круг. Начинают ходить четверо: «батька» с «маткой» и «жених» с «невестой». Кружатся с подпляской и поют:

Ты живи, живи, невеста,
Не скупись у нас,
У нас жить легко,
Работать вольно!
У нас полосы не долги.
Загоны не широки,
У нас рожь густа.
Но умолотиста;
С двадцати пяти суслонов
Девяносто семь маленок.

Потом по порядку эту же песня поют другой, третьей и т. д. паре, сколько пожелают «пожениться». Потом каждая пара выходит на середину круга, и ей поют:

Летели, летели
Голубь с голубкой.
Как они летели,
Все люди глядели.
Как они садились,
Все люди дивились,
Как они прощались,
Люди любовались.

А они изображают все, что им поют (идут, садятся, целуются середь кругу). Каждой паре это споем. Все сидят потом по парам. Один из парней незаметно выходит, возвращается с железякой или какой фанерой, кидает ее середь пола и кричит:

Овин горит!

Тут девки стараются вырваться, а парни — держат. Которая вырвется — убежит. На этом кончается ихняя женитьба. Иной раз пять-семь пар сойдется.

120. Захотел Ванька жениться

Раньше на беседках играли много. С песнями все. Песенные игры все были. Вот «Захотел Ванька жениться» игра.

Девушки сидят, поют эту песню, работают. А парень какой-нибудь выходит от ребят и ходит — выбирает девушку. Ну, они там поют:

Женись, деточка, женися,
Выбирай себе дочь купеческу.

Дальше в песне Ванька отвечает как вроде матери, а девчонки поют-то. Дочь купеческу он выберет сперва, — а она ему не подходит, выбирай себе другую — дочь дворянскую. Она ему тоже не подходит. Потом — выбирай себе дочь крестьянскую. Она тут уже подходит. Он платком махнет ей, пройдет с ней по кругу, пока поется эта песня. «Дочь купеческа заносчива», — она, значит, садится. Дочь дворянская тоже не подходит. А когда крестьянская, — он пройдет с ней: «Она невеста мне». Тут могут и поцеловаться, могут и руку пожать друг другу, это дело ихнее.

И все — игра на этом покончена. Потом другой пойдет, если уж захочется, игры — они все от песни. Если песню запоешь — вот тебе и игра. Каждую игру можно с любой песней сделать. Поцелуечных много песен было.

121. Голуби

Это поцелуйная игра. В нее играли на святках или на беседках, тоже так же. Пели песню:

Летели-летели
Голубь со голубкой,
Здесь осень, там зима,
Очень пара хороша.
Сели-посидели,
Все люди глядели,
Здесь осень, там зима,
Очень пара хороша.
Взвились, полетели,
Все люди глядели,
Здесь осень, там зима,
Очень пара хороша.
Как они прощались,
Люди любовались,
Здесь осень, там зима,
Очень пара хороша.

Все сидят на лавках. Парень приглашает девушку. Мы поем им. А они делают все, что поют им.

Поют: «Сели-посидели», — они садятся. Для них отдельно стулья посередине круга два рядышком стояли.

Когда поют: «Взвились, полетели», — они встают и идут. А прощаются когда, — поцелуются. Но это не всегда, как там уж у них получится. Кто поцелуется, а кто и нет. За руку потрясут.

А потом парень уходит, садится со всеми. А девушка приглашает другого себе. А потом он остается, девушку другую приглашает. А песню эту же и поют. Это игра такая была, хороводная.

122. «Заварила теща квас»

В эту игру раньше на вечерах, на святки играли. Сейчас мы тоже ее играем в клубе на больших посиделках.

Играют так. На беседе все сидят по комнате, на лавках, на стульях. Ведущий, обычно хозяйка, говорит: «Давайте играть». Ставит посреди комнаты стул, берет любого парня и говорит ему: «Ты будешь начинать. Можно и девчонку брать». Потом ведущая берет веник и таз и с ними обходит вокруг сидящего на стуле парня. Веником она бьет по тазу и поет. Она начинает, и все тоже вместе с ней поют. Парень сидит, а все поют:

Возьму веник, возьму таз,
Пойду париться сейчас.
Исайя, ликуй!
Девушку (кавалеров) не бракуй.
Заварила теща квас.
Говорила: «В добрый час».
Исайя, ликуй!
Девушку (кавалеров) не бракуй.
Если будешь браковать,
Дадим веник целовать.
Исайя, ликуй!
Девушку (кавалеров) не бракуй.

После того, как первый куплет пропели, хозяйка подходит к парню и тихонько его спрашивает: «Какую девушку выбираешь?» Или: «Кого тебе привести? Кого выбрал?» Парень так же потихоньку отвечает кого, называет имя девушки.

Потом все начинает петь второй куплет. А ведущая обходит всех сидящих и неожиданно на словах: «Девушку или кавалеров не бракуй», тихонько бьет по коленам выбранную девушку.

Все поют третий куплет, а девушка встает и идет к парню. Она подает ему руку, он встает, ее целует и уходит, садится в стороне, а она садится на его место. И игра повторяется. Только если раньше пели слова «девушку не бракуй», то теперь уже поют: «кавалеров не бракуй». И так пока не надоест. Вместо таза мы сейчас берем бубен, И веник, настоящий веник.

123. «Сахаринка на полу»

В эту игру тоже на святках и беседах играли. Мы и сейчас ее в клубе на вечерах играем.

Все встают в круг, парни и девчонки, взявшись за руки, и идут по кругу. Одного парня мы в круг ставим и поем ему:

Сахаринка на полу да на полу,
Не ленива, сахаринку подыму,
Сахар съела, песню спела,
Целовать дружка хотела.

Пропоем и говорим парню: «Кого выбираешь?» Он подходит и любую девушку берет за руку. И мы идем и поем эту песню в общем круге, а они вдвоем парой проходятся внутри круга, держась за руки, И теперь, как снова пропели: «целовать дружка хотела», — парень уходит в круг, а девушка остается. И мы ей уже поем: «Сахаринка на полу да на полу». Теперь девушка выбирает парня. Такая вот игра, у нас тоже любят эту игру.

Раньше положено было целоваться, но мы сейчас не целуемся: у нас женщин много замужних играет, а девушек в деревне почти нет.

124. «На Понежском мосту»

В «На Понежском мосту» мы часто на беседках играли. На лавку садятся парень с девушкой. Лавка — это значит мост Понежский, на реке Поньге, за деревней у нас. Он как раз разделяет Понежское и Евсяково. Вот девушка и поет:

На Понежском мосту,
На Понежском мосту
Одинешенька сию,
Кто меня полюбит,
Тот и выручит меня.

Тут все хлопают в ладоши, а они должны повернуться друг к дружке. Если в одну сторону повернутся — поцелуются, а если в разные — то просто уходят.

125. «На Повалихинском мосту»

Все сидят на стульях в кругу. В центре круга ставятся два стула спинками друг к другу. Кто-то из играющих говорит: «Маша, начинай ты». Маша садится на один из стульев, а все поют:

На Повалихинском мосту
Одинешенька сию,
Если Коля Машу любит,
То и выручит ее.

А имя парня уже не она выбирает, а те, кто поют. Они обычно знают, что Маше такой-то нравится парень. Он должен подойти и сесть на другой стул. Или просто называют имя, как все стоворятся.

Вот Коля сидит сзади Маши, а ведущий подходит и считает; «Раз, два, три!» Они должны повернуться головой друг к другу. Если в одну сторону повернутся, то целуются, а если в разные, то нет. Маша уходит, и потом поют песню Коле. И так играют, пока всех не переберут.

А можно и один стул в центре поставить. Тогда Маша сидит, а Коля подходит, подает руку, они целуются, если хотят, потом Маша уходит, а Коля остается.

126. «Гуль-гуль»

На беседках зимой собирались, с пряжами все приходили. Все поют, играют. Играли так: ставили посреди избы лавицу. А лавки-то широкие были, на них и спали раньше у нас. Ну, и садились по одну сторону — парни, по другую — девушки. Спинами друг к дружке садились.

Так и сидят все спина в спину. А та пара, что сидит первая, и начинает. И играем, «Гуль-гуль» называется. Все вместе разом кричали: «Гуль-гуль!» И хлопают в ладоши. Как «гулькнем», так они и повернутся разом. Если в одну сторону, то целоваться надо. Он ее целует, а мы посматриваем, шутим. А если в разные стороны, то ничего, просто встают и идут в конец лавки. А мы все двигаемся вперед. Так играли.

127. «Тону!»

Это молодежная, поцелуйная игра. Садится девушка на стул и говорит:

«Тону!» Все спрашивают: «Где?» Она говорит: «В реке!» Ее спрашивают: «Кому спастись?» Она отвечает: «Николаю!» Николай подходит, спасает. Целует, садится на ее место, она уходит. Теперь кричит Николай:

- Тону!
- Где?
- В реке!
- Кому спастись?
- Шуре!

Встает Шура. Вот это, значит, поцелуи такие. Вот так играли.

128. Притоптыши

Гармонист играет плясовую. А двое, парень и девушка, встают и начинают танцевать. Парень стоит немного сзади девушки, правой рукой, обхватив девушку за талией, держит ее за правую руку, а левой рукой — за левую, И так танцуют «Барыню» или «Русского». Несколько шагов делают вперед, потом несколько шагов назад. И так раза три. Потом останавливаются, девушка подходит к какой-нибудь другой девушке, берет ее за руку и подводит ее к парню. Если она ему не нравится, то он топает ногой. Тогда девушка подводит другую, пока он не согласится с ней танцевать. И они так же танцуют, а первая девушка садится.

Потом парень выбирает девушке парня, а она топает ногой, если он ей не нравится. И так пока все не потанцуют. Это наша местная игра. Я сама, еще в детстве ее здесь танцевала.

129. Болван

Это тоже наша местная игра. Мы ее в молодости еще играли.

Гармонист играет плясовую, обычно «Русского». Все сидят в кругу. Одна девушка встает и начинает плясать или приплясывать. Она быстро пляшет, мелодия

быстрая, подходит к какому-нибудь сидящему парню или девушке и топает ногой перед ним. Он встает, а она поворачивается и идет в обратную сторону, приплясывая, уже к другому парню. А первый парень идет за ней и тоже пляшет.

Девушка подходит и топает ногой другому парню, он тоже встает, а они двое разворачиваются. Последний был парень, он теперь первый идет, подходит еще к кому-нибудь, тоже топает ногой и поворачивается. И они идут все друг за другом и пляшут. Тот, кто был последний, он впереди и тоже топает ногой перед кем-нибудь, тот встает. И так все ходят, пляшут, приплясывают, кто как может.

Тут кто-нибудь неожиданно говорит: «Хватит, беритесь за руки». Гармонист играет еще быстрее. А все засуетились, стараясь обняться и встать парами, все равно как, парень с девушкой или с парнем, лишь бы была пара. Но тот, кто командует, обычно смотрит, чтобы плясало нечетное число людей. Поэтому один остается кто-нибудь, ему пары не хватает. Он — болван. Тут музыку гармонист резко обрывает.

Болван должен начать игру снова пляской, но уже пройтись по всему кругу, потому что он проштрафился. А потом все начинается сначала. И так пока не надоест.

130. Судьи

Это тоже на беседах играли. Выбирали двух судей. Теперь берет гармонист гармошку. И вот играет, а мы все хороводом вот так бежим, бежим, бежим, держась за руку. Гармонист отстал играть — все должны сесть на лавочку. Кто последний, не успел, — того наказывают: вот тебе такую-то песенку спеть или еще как.

На лавки надо сесть, можно на колени друг другу, свободного-то места нет, много играет. А кто не успел, — того судьи и наказывают. А двое судей — чтоб узреть лучше.

131. Ремешок

Играет человек десять. В комнате садятся девчата или мальчики на стулья, в один ряд. Если сидят девочки, то столько же человек, но мальчиков, выходит из комнаты в коридор. Или наоборот. Выбирается еще и ведущий с ремешком, кто хочет. Ведущий допрашивает всех сидящих на стульях, кто кого загадал из вышедших в коридор. Загадывают один раз. Кого не назвали сидящие, не загадали, те не играют.

Потом те, кто загадан, входят назад по одному в комнату. Вошедший подает руку тому, кто, как он считает, его загадал. Если он не угадал, то должен убежать опять в коридор. А ведущий, пока он убегает, стегает его ремешком.

Если вошедшая девочка угадала мальчика, то он подает ей руку, и она выходит из игры, а мальчик остается сидеть. Входит другая и так далее. Играем молча, обычно в классе, на классных вечерах.

132. Колечко

В «Колечко» играли на беседках, еще иногда на Троицу, как хороводы отводят и купят все на рынке. В «Колечко» сейчас и дети играют. А мы играли девушки — у нас уже свои колечки были. Выбирали красивые.

Садись все в ряд и руками так сделаем, как две горсти. Кому кольцо попадет? Надо притворяться, что у тебя нет, если есть. А потом девушка говорит:

Кольце!

Поди на крыльце!

А сейчас говорят:

Колечко, колечко!
Выйди на крылечко!

И бежать надо скорей, у кого кольцо, а то схватят, не пустят.

133. Колечко

Дети садятся на скамеечку. Одного выбирают ведущим. Между ладошек, прижатых друг к другу, ведущий держит колечко и проводит свои ладошки между ладошками ребят, стараясь незаметно опустить одному из них колечко. Потом вызывает:

Колечко, колечко,
Выйди на крылечко!

Тот, у кого в ладошках оказалось колечко, должен выбежать, а ребята должны задержать его. Если удалось выскочить, то ведущий и тот, кто с колечком, загадывают слово (имя, название фильма или сказки). Называют ребятам первую и последнюю букву, например, «ч» и «о». Кто первым угадает: «Чучело», — тот становится ведущим.

*Деревня Носово Чухломского р-на.
Фото Е. А. Майоровой*

*Свято-Покровский Авраамиево-Городецкий монастырь, с. Ножкино Чухломского р-на.
Фото Е. А. Майоровой*

Гловарь диалектных слов

Ба́реньки, ба́рьки — овцы, бараны
Бато́г — палка, посох

Ве́ред — нарыв, гнойник
Ве́рес — можжевельник
Верёя — воротный столб
Во́лок — дорога лесом между селениями (метонимически — и сам лес)
Ворково́йка — причитальщица, вытница, плачея
Вьюн, вьюно́к — венок
Вьюный — юный, молодой

Гала́нка — брюква
Го́лбец — подпол в избе
Голи́к — веник из прутьев без листьев

Двор — хозяйственная часть дома, где держат скотину, хранят сено, объединенная с домом одной крышей
Дивья́ краса́та — символ девичества (лента, повязка, наряженная елочка и др.)
Дресва́ — крупный песок

Жи́ло — жилое помещение; этаж.

Загне́тка — углубление сбоку печного шестка, куда сгребаются угли
Зго́ловы, зго́ловье — изголовье постели

Ка́шник — горшок для варки каши
Квасни́ца — кадка для кваса
Квашня́, квашо́нка — посудина, в которой творят тесто
Колочи́г — крючок с деревянной ручкой — инструмент для плетения
Конь, конёк — верхнее бревно крыши; тж. о́хлупень
Корзи́нка — сани с плетёным кузовом
Корми́нец, корми́ница — кормилец, кормилица (о родителях)
Корча́га — большой глиняный горшок (емкостью больше ведра)

Коше́вка — нарядные расписные сани
Кошу́ля — вид верхней одежды
Кресты́ — перекресток
Кряж — короткий обрубок толстого бревна
Ксти́ться — креститься
Куфты́рь, куфтырёк — узел, узелок (с вещами); вид женской прически, когда волосы туго стянуты в узел
Ку́тник — род лавки или примоста в углу избы
Ку́ть, ку́тной угол — угол избы, противоположный красному (суткам); отгорожен занавеской
Куша́к — широкий пояс
Кши, кши́те — кыш

Луто́шка — стволик липы после снятия лыка

Ма́тица, ма́тница — бревно или брус, поддерживающий потолок
Муто́вка — приспособление для замешивания теста, сбивания масла; делается из вершины молодой сосны

Назём — навоз
Назо́ла — огорчение, обида
Назьми́нка — см. назём
Нало́й — аналой (церковный столик с наклонным верхом, на который кладутся книги или иконы)

Оболока́ться — обеваться
Обо́ры — завязки у лаптей
Ону́ча — кусок плотной материи, навертываемый на ногу при ношении лаптей или сапог
Ошемёток, ошо́мок — рваный лапоть

Падо́г — см. батог
Перево́д — бревно или брус, поперек которого настилают половицы
Побе́дный — бедный

Пове́ть, пово́ить — большой сеновал,
крытый одной крышей с домом

Пого́да — ненастье

Покры́шка — крышка на горшок или
чугунок

Пола́ти — нары для спанья, устраива-
емые в избе под потолком между печью
и стеной

Поли́ца — полка в избе

Поско́тина, подско́тина — выгон, пас-
тбище

По́тка, по́точка — птичка

Просте́нь — веретено, заполненное го-
товой пряжей

Про́шва — вязаная или кружевная
вставка в скатерть, простыню и пр.

Пря́женцы, пряже́ники — хлебные ле-
пешки, оладьи, изжаренные в постном
или скоромном масле

Пря́сница, пря́лица, пря́ха, пря́шка —
прялка

Пу́ть, путева́я полка — полка в избе у
выхода

Рядно́ — грубый холст редкого тканья,
мешковина

Сва́льба, сва́рьба — свадьба

Серёдыш — ширина штанов

Се́редь, се́редá — кухня в избе

Скара́пать — царапать

Соси́ть — кормить грудью ребенка

Ста́вец — большая чашка, миска; та-
релка

Суслóн — укладка снопов в поле для
просушки или дозревания

Су́тки — красный угол в избе, где ста-
вят иконы

Тёпли́на, тёпли́нка — костер

Труби́ца — большая деревянная полая
катушка для наматывания пряжи

Тя́бло — полка в красном углу, на ко-
торой стоят иконы

Ува́ль — вуаль, фата

Уго́р — холм, возвышенность; крутой,
высокий берег реки

Уписа́ться — расписаться (зарегистри-
ровать брак)

Уро́к — сглаз

Хлопочки — очески, остатки пряжи

Черёзвы́й — трезвый

Шесто́к — нижняя часть устья рус-
ской печи

Шипи́ца — шиповник

Шульня́ — мошонка, яички

Алфавитный указатель песен, причитаний и приговоров¹

- «**А** вы, девицы...» — I, 2, 69
«Ай, Дунюшка, ай, Дунюшка...» — III, 62.
«Акулина от обедни шла...» — III, 43.
«Акулина от обедни шла...» — III, 44.
«А мы кусты чистили, чистили, чистили...» — III, 58.
«А мы просо сеяли, сеяли...» — III, 57.
«А мы сударушку Варварушку...» — III, 49.
«А сорву веточку, а сорву виту...» — IV, 43.
«А у вашего колодца...» — I, 2, 178.
«Ах вы, сени, мои сени...» — III, 25.
«Ах, подруженька моя милая...» — I, 2, 46.
«Ах ты, береза, ты моя береза...» — III, 29.

«**Б**азар большой...» — III, 34.
«Батюшка Егорий...» — I, 1, 188.
«Батюшка Егорий...» — I, 1, 194.
«Батюшка Егорий...» — I, 1, 200.
«Батюшка Егорий...» — I, 1, 201.
«Батюшка Егорий...» — I, 1, 205.
«Батюшка Егорий...» — I, 1, 206.
«Батюшка Егорий преподобный...» — I, 1, 189.
«Батюшка Егорий, спаси и сохрани...» — I, 1, 149.
«Батюшка Покров...» — I, 1, 254.
«Батюшка Покров...» — I, 1, 256.
«Батюшка Ягорий...» — I, 1, 202.
«Белый снег...» — I, 1, 28.
«Беру в белые руки нежные...» — I, 2, 38.
«Беру я, девица...» — I, 2, 109.
«Благодарим тебе, хозяин с хозяйш-кою...» — I, 1, 195.
«Благодарим тебя...» — I, 1, 200.
«Благодарим тебя, хозяйш-ка...» — I, 1, 197.
«Благодарствуйте, весь честной по-езд...» — I, 2, 123.

«Благослови меня, мамонька...» — I, 2, 62.
«Благословите, родители...» — I, 2, 41.
«Благословите, родители...» — I, 2, 75.
«Благословите, родители...» — I, 2, 76.
«Близко саду, саду-винограду...» — III, 17.
«Бочка с маслом перекатилась...» — I, 1, 137.
«Бывали дни веселые...» — IV, 73.
«Была одна корова...» — I, 1, 196.
«Была я молоденька...» — IV, 27.

«**В**ам спасибо, молодцы...» — III, 38.
«Ванька Таньку полюбил...» — I, 1, 110.
«В воскресенье мать-старушка...» — IV, 74.
«Вдовец — молодец...» — I, 1, 46.
«Вдовец, молодец...» — I, 1, 87.
«Вдоль по бережку конюшка ведут...» — I, 2, 154.
«Вдоль по бережку конюшко идет...» — I, 2, 155.
«Вдоль по морю, вдоль по морю...» — III, 55.
«Вдоль по травинке...» — III, 60.
«Вдоль по улице, вниз по широкой...» — III, 63.
«Вдоль по улице молодчик идет...» — III, 14.
«Вдоль улицы мостовой...» — III, 35.
«Верб-а, хлест...» — I, 1, 139.
«Вербица, верба...» — III, 15.
«Верей, верей...» — I, 1, 80.
«Верей ты, верей...» — I, 1, 79.
«Верьба, хлест...» — I, 1, 140.
«Веселитесь вы...» — I, 2, 55.
«Ветер бурный и холодной...» — IV, 28.
«Вечер, вечер, вечериночка...» — III, 31.

¹ Первая (римская) цифра обозначает номер раздела, последняя — текста, средняя (если есть) — номер подраздела для обрядовых песен (1 — календарные, 2 — свадебные, 2а — похоронные обряды).

- «Вниз по Волге-реке...» — IV, 70.
«Возле лесуку, да лесу темного...» — III, 59.
«Во саду ли, в огороде...» — III, 36.
«Во саду при долине...» — IV, 78.
«Восемь горошин...» — I, 2, 81.
«Во субботу день ненастный...» — IV, 1.
«Вот как у нашего управа...» — I, 2, 161.
«Вот спасибо, молодой князь...» — I, 2, 138.
«Вот, товарищи, расскажу я вам...» — IV, 60.
«В поле ель, в поле ель...» — III, 6.
«В саду ягода-малина...» — IV, 44.
«Всё васильки, васильки...» — IV, 29.
«Всё горит огнями...» — IV, 17.
«Все крапивные коренья...» — III, 2.
«Все подружки веселятся...» — IV, 72.
«Все птишки-кенарейки...» — IV, 18.
«Вспомни, вздумай, мой любезный...» — IV, 24.
«Вспомни, вздумай, подруженька...» — I, 1, 219.
«Вспомни сад и ту аллею...» — IV, 40.
«Встань, хозяйка, пробудись...» — I, 1, 197.
«Вы гости мои, гости...» — I, 2, 103.
«Вы, девицы...» — I, 2, 165.
«Вы мои подружки...» — I, 2, 44.
«Вы, пряделицы, прядите...» — I, 1, 123.
«Вы, прядеюшки, прядите...» — I, 1, 124.
«Вырыта могила...» — III, 5.
«Выходили красны девушки из ворот гулять на улицу...» — I, 1, 213.
«Выходили красные девушки...» — III, 76.
«Выходили милые девушки...» — III, 76.
«Выходите, мухи, вон...» — I, 1, 249.
«Выхожу я, девица, из каморочки...» — I, 2, 111.
«Вы цветы ли мои, цветочки...» — III, 71.
«Вянет-пропадает...» — IV, 58.
«Глазки голубые...» — IV, 4.
«Глухой невидимой тайгою...» — IV, 77.
«Господи, благослови, Христос!..» — I, 2, 38.
«Господи Иисусе...» — I, 2, 112.
«Господи Иисусе Христе...» — I, 2, 108.
«Господи Иисусе Христе...» — I, 2, 113.
«Господи Иисусе Христе...» — I, 2, 114.
«Господи Иисусе Христе...» — I, 2, 116.
«Господин-сударь хозяин...» — I, 1, 195.
«Господин-сударь хозяин...» — I, 1, 203.
«Да залетал сокол в зеленой сад...» — I, 2, 86.
«Дай вам Бог...» — I, 1, 200.
«Дай тебе Бог...» — I, 1, 196.
«Дай тебе Бог...» — I, 1, 197.
«Дай тебе Господи...» — I, 1, 194.
«Дай тебе Господи...» — I, 1, 203.
«Дали, дали, дали, далеко...» — IV, 6.
«Да не по реченьке ли лебедушка плывет, плывет...» — III, 75.
«Да радость Машенька по садику гу... ой, гуляла...» — III, 67.
«Девчонка молодая...» — IV, 15.
«Девять горошин...» — I, 2, 82.
«Дорогие подруженьки...» — I, 2, 32.
«Дорогие подруженьки...» — I, 2, 49.
«Дорогой братец...» — I, 2, 53.
«Дорогой друженька, позволь...» — I, 2, 113.
«Дорогой князь...» — I, 2, 102.
«Друженька, не засиживайся...» — I, 2, 65.
«Друженька, попрошу Вас...» — I, 2, 38.
«Друженька, ты хорошенький...» — I, 2, 144.
«Друженька, ты хорошенький...» — I, 2, 145.
«Друженька, ты хорошенькой...» — I, 2, 141.
«Друженька, ты хорошенькой...» — I, 2, 142.
«Друженька, ты хорошенькой...» — I, 2, 146.
«Друженька хорошенький...» — I, 2, 159.
«Дубинушка, ухнем!..» — I, 2, 160.

«Елочка на тебя рассердилась...» — I, 2, 104.

«Еще здравствуйте, свахонька...» — I, 2, 152.

«Жаворонок, жаворонок...» — I, 1, 179.

«Жаворонок, жаворонок...» — I, 1, 180.

«Жаворонок, жаворонок...» — I, 1, 122.

«Жены-мироносицы...» — I, 1, 175.

«Жнива ты, жнива...» — I, 1, 244.

«Загадывай и ворожи...» — I, 1, 13.

«За грибам девчонки в лес...» — IV, 41.

«Задушевная подруженька...» — I, 2, 30.

«Задушевные подруженьки...» — I, 2, 43.

«Задушевные подруженьки...» — I, 2, 59.

«За лесом заря занималась...» — I, 2, 64.

«Залетал сокол да во зеленый сад...» — I, 2, 101.

«За морями, за горами...» — IV, 25.

«Зарастай, моя дороженька...» — I, 2, 43.

«Заплети-ка, мила сестра...» — I, 2, 50.

«Зачем ты, безумная, губишь...» — IV, 20.

«Зачем я встретился с тобою...» — IV, 71.

«Зашел в деревню, крутом тихо...» — IV, 52.

«Знаю, ворон, твой обычай...» — IV, 67.

«Идет елочка из переборочки...» — I, 2, 118.

«Извини, моя соседushка...» — I, 2, 33.

«Из Питера, из салфета...» — III, 41.

«И кто у нас во полку-то пригож?...» — I, 2, 137.

«Исподсохла, исподблекла...» — III, 72.

«Истомленна во страданьях...» — III, 3.

«Истопили, подруженька...» — I, 2, 45.

«Как и не сам-то высок терем...» — I, 2, 35.

«Как мои да подруженьки...» — I, 2, 45.

«Как на главном Варшавском вокзале...» — IV, 26.

«Как на тоненький ледок...» — III, 52.

«Как у вашего-то колодца...» — I, 2, 178.

«Как у нашей поварушки...» — I, 2, 162.

«Как у нашей поварушки...» — I, 2, 164.

«Как у нашего хозяина...» — I, 2, 111.

«Как у нашего хозяина...» — I, 2, 138.

«Кари глазки, куда ж вы скрылись?...» — IV, 59.

«К дому подходили...» — I, 1, 196.

«Кенарейка-кенареечка...» — III, 10.

«Князь молодой...» — I, 2, 101.

«Князь молодой...» — I, 2, 102.

«Князь такой-то берет княгиню...» — I, 2, 84.

«Когда имел златые горы...» — IV, 49.

«Кого-то нет, кого мне очень жаль...» — IV, 7.

«Красота, девья красота...» — I, 2, 108.

«Красота, девья красота...» — I, 2, 119.

«Красота, дивья красота...» — I, 2, 105.

«Красота, дивья красота...» — I, 2, 120.

«Красота, дивья красота...» — I, 2, 122.

«Красота, моя красота...» — I, 2, 121.

«Крестики-жавороночки...» — I, 1, 129.

«Кресты-пророки...» — I, 1, 130.

«Кресты-пророки...» — I, 1, 131.

«Кругом, кругом осиротела...» — IV, 8.

«Круг поля ходили...» — I, 1, 199.

«Кто же у нас умен, кто очень разумен...» — I, 2, 147.

«Кто у нас умен, кто очень разумен...» — I, 2, 148.

«Кто у нас умен, кто у нас разумен...» — I, 2, 149.

«Кшите, гуси, кшите, гуси...» — III, 74.

«Кшите, мухи, вон...» — I, 1, 247.

«Кшити, мухи, вон!..» — I, 1, 250.

«Леса, не шумите...» — I, 2, 62.
 «Лепешки полетели...» — I, 1, 119.
 «Летал голубь над двором...» — I, 2, 153.
 «Летят утки...» — IV, 39.
 «Ломал парень черемушку да в зеленом саду...» — III, 73.
 «Любила меня мать, обожала...» — IV, 37.
 «Мальчишка, мальчишка...» — IV, 11.
 «Мамочка ты моя дорогая...» — I, 2а, 1.
 «Меж крутых бережков...» — I, 1, 253.
 «Меж крутых бережков...» — IV, 45.
 «Метелица метет...» — III, 19.
 «Мешок — анбар...» — I, 1, 45.
 «Милая подружка, Нина Ивановна...» — I, 2, 126.
 «Милая маменька...» — IV, 36.
 «Милый мой хоровод...» — III, 54.
 «Мира Заступница, Матерь Всепетая...» — III, 4.
 «Мой милой очень хорош...» — III, 51.
 «Мой-от милый веселешенек...» — III, 8.
 «Морячонок у реки...» — IV, 38.
 «Молодая благая...» — I, 1, 174.
 «Молодая гагара...» — I, 1, 167.
 «Молодая гагара...» — I, 1, 171.
 «Молодая молодница...» — I, 1, 163.
 «Молодая молодница...» — I, 1, 164.
 «Молодая молодница...» — I, 1, 167.
 «Молодая молодница...» — I, 1, 168.
 «Молодая молодница...» — I, 1, 169.
 «Молодая-молодница...» — I, 1, 170.
 «Молодая молодница...» — I, 1, 171.
 «Молодая молодница...» — I, 1, 172.
 «Молодая молодница...» — I, 1, 173.
 «Молодая, набеленная...» — I, 2, 95.
 «Мухи вы горюхи...» — I, 1, 247.
 «Мы косили в восемь кос...» — III, 11.
 «Мы по улице прошли...» — I, 1, 165.
 «Мы по улице прошли...» — I, 1, 166.
 «На берегу сидит девица...» — IV, 3.
 «На горизонте морского канала...» — IV, 69.
 «На горушечке земляночку брала...» — III, 22.
 «На горушке, на горе...» — III, 50.
 «На гулянье были мы...» — III, 53.

«Над рекою, над быстрою...» III, 66.
 «Над серебряной рекой...» — IV, 19.
 «На что ты, мой милый, рассердился...» — I, 2а, 2.
 «Наша постель дорога...» — I, 2, 42.
 «Наша-то княгиня...» — I, 2, 111.
 «Небо сияло, луна серебристая...» — IV, 5.
 «Не залетная пташечка...» — I, 2, 151.
 «Нельзя, нельзя черемушку да неспелую рвать...» — III, 73.
 «Не плачь, дам калач...» — I, 2, 74.
 «Не сажай ты меня, милый брат...» — I, 2, 76.
 «Не сидеть пришли, не избы смотреть...» — III, 56.
 «Не сокол-от соколович...» — I, 2, 85.
 «Не сокол-от соколович...» — I, 2, 88.
 «Не Сокол-от Соколович...» — I, 2, 89.
 «Не сокол сударь соколович...» — I, 2, 87.
 «Не тронь ты мою русу косу...» — I, 2, 52.
 «Не умею петь да я цыганскую...» — IV, 68.
 «Никто не испугался...» — I, 2, 66.
 «Ничто меня не тешит...» — IV, 47.
 «Обманули, подруженьки...» — I, 2, 47.
 «Ой, во поле травушка горела...» — III, 42.
 «Ой, да уж ты, милый мой муж...» — I, 2а, 5.
 «Ой, расплети-ко...» — I, 2, 51.
 «Ой ты, князь молодой...» — I, 2, 101.
 «Окрасился месяц багрянцем...» — IV, 57.
 «Она, как статуя, стояла...» — IV, 23.
 «Отставала бела лебедь...» — I, 2, 78.
 «Отставала бела лебедь...» — I, 2, 79.
 «Ох, в Тогенроге...» — IV, 66.
 «Ох, дубинушка, ухнем...» — I, 2, 158.
 «Ох, рябинушка...» — III, 77.
 «Ох, сват, ты мой сват...» — I, 2, 178.
 «Ох ты, вдовушка-вдова...» — III, 1.
 «Охи-охи, мамонька ты моя родимая...» — I, 2, 63.
 «Ошшо есть то ли что в поле за тра... ой, в поле травинка...» — III, 70.

- «Петр и Павел час убавил...» — I, 1, 235.
 «Петухи мои, петухи...» — I, 2, 58.
 «Поварушенька...» — I, 2, 158.
 «Поварушка мыла-колотила...» — I, 2, 165.
 «Поварушка сидит в яме...» — I, 2, 165.
 «Поварушку мы уважим...» — I, 2, 165.
 «По горам девки ходили, ходили...» — III, 40.
 «Погостите, гости приезжие...» — I, 2, 172.
 «Под зеленой яблонькой...» — IV, 13.
 «По диким степям Забайкалья...» — IV, 76.
 «Поднапьюся, пойду к теще...» — I, 2, 178.
 «Подойди-ко, мила сестра...» — I, 2, 47.
 «Подо мной скамеечка шевелится...» — I, 2, 130.
 «По Дону гуляет...» — IV, 22.
 «Под ракитою зеленой...» — IV, 65.
 «Подруженька милая...» — I, 2, 101.
 «Подружки милые, мне скучно...» — IV, 51.
 «По-за кругу, кругу...» — III, 16.
 «Позовите ко мне музыканта...» — IV, 55.
 «Пойдем, милый, пойдем, милый...» — III, 30.
 «Пойдем мыться счас...» — I, 2, 47.
 «Покажись жених невесте...» — I, 1, 15.
 «Покажите-ка мне...» — I, 1, 14.
 «Покрасуйся, покрасуйся...» — I, 2, 56.
 «Покров Пресвятой Богородицы Матушки...» — I, 1, 255.
 «Половина говина молится...» — I, 1, 133.
 «Полю, полю белый снег...» — I, 1, 26.
 «Полю, полю белый снег...» — I, 1, 30.
 «Полю, полю снег...» — I, 1, 29.
 «По Муромской дорожке...» — IV, 35.
 «По реке, по речке...» — III, 27.
 «Посидите, подруженьки...» — I, 2, 34.
 «Последний нонешний денечек...» — IV, 64.
 «Последний раз, тятенька да мамонька...» — I, 2, 49.
 «Потеряла я колечко...» — IV, 33.
 «По улице молодец идет...» — III, 26.
 «По улице мостовой...» — III, 32.
 «Почему ты, ямщик, перестал песню петь...» — IV, 75.
 «Пошла Ваша дивья красота...» — I, 2, 127.
 «Пошла девья красота...» — I, 2, 124.
 «Пошла дивья красота...» — I, 2, 125.
 «Пошла Катенька горошек молодить...» — III, 45.
 «Приехали, у нас сокол есть...» — I, 2, 3.
 «Приснися во сне...» — I, 1, 258.
 «Пришел праздник!...» — I, 1, 251.
 «При широкой при долине...» — IV, 46.
 «Промолили, промолили подружку-голубушку...» — I, 2, 19.
 «Прошу встать...» — I, 2, 38.
 «Прощай, жестокое страданье...» — IV, 50.
 «Радость Валенька...» — I, 2, 171.
 «Радость Машенька...» — I, 2, 170.
 «Раздадулиха коров пасла...» — III, 47.
 «Раздайся, народ...» — I, 2, 115.
 «Раздайся, народ...» — I, 2, 117.
 «Раз жила-была Чичулиха у нас...» — III, 46.
 «Разлилась Волга широко...» — IV, 9.
 «Размилые подружки...» — IV, 16.
 «Раз полосоньку я жала...» — IV, 2.
 «Раз я в дачу захожу...» — IV, 62.
 «Рассокол-сокол-соколинка...» — I, 2, 90.
 «Рассокол-сокол-соколович...» — I, 2, 91.
 «Распрекрасная погода...» — IV, 21.
 «Рождество Твое, Христе Боже наш...» — I, 1, 3.
 «Рождество Твое, Христе Боже наш...» — I, 1, 4.
 «Рукава, рукава...» — I, 2, 178.
 «Светит месяц, светит ясный...» — III, 33.
 «Свечечки зажигаются...» — I, 2, 101.
 «Свечи зажигаются...» — I, 2, 102.
 «С вином мы родились...» — IV, 63.
 «Сегодня вечер скучный...» — IV, 31.
 «Сегодня у нас воскресенье...» — IV, 54.

- «Сидел рыбак веселый...» — IV, 48.
«Скажи мне, новобрачный князь...» — I, 2, 109.
«Скок через порог...» — I, 2, 65.
«Солнышко, приходи...» — I, 1, 182.
«Спасибо, хозяйюшка...» — I, 1, 198.
«Спасибо этому дому...» — I, 1, 204.
«Срисую с милого картинку...» — IV, 32.
«Сужено-ряжено...» — I, 1, 56.
«Сужено-ряжено...» — I, 1, 76.
«Сужено-ряжено...» — I, 1, 88.
«Сужено-ряжено...» — I, 1, 96.
«Суженый-ряженный...» — I, 1, 82.
«Суженый-ряженный...» — I, 1, 83.
«Суженый-ряженный...» — I, 1, 84.
«Суженый-ряженный...» — I, 1, 85.
«Суженый-ряженный...» — I, 1, 86.
«Суженый-ряженный...» — I, 1, 90.
«Суженый-ряженный...» — I, 1, 91.
«Суженый-ряженный...» — I, 1, 92.
«Суженый-ряженный...» — I, 1, 94.
«Суженый-ряженный, покажись...» — I, 1, 25.
«Суженый-ряженный, приходи...» — I, 1, 15.
Тащим-тащим лапшу...» — I, 2, 165.
«Товарищи, внимание!...» — IV, 53.
«Травина ли моя, травина, да травина в саду шелковая...» — III, 64.
«Три дня хлеба не пекла...» — IV, 61.
«Тридцать три чертенка...» — I, 1, 16.
«Ты, батюшка Егорий...» — I, 1, 203.
«Ты береза ли, моя береза...» — III, 24.
«Ты моя-то родильщица...» — I, 2, 74.
«Ты подруженька-голубушка...» — I, 2, 31.
«Ты, подруженька, расстаемся мы с тобой...» — I, 2, 49.
«Ты позволь-ка нам, хозяин...» — I, 1, 164.
«Ты посветь-ка, светел месяц...» — I, 2, 52.
«Ты послушай, мила сестра...» — I, 2, 48.
«Ты прощай, коса-коса...» — I, 2, 42.
«Ты, пятница, одна...» — I, 1, 257.
«Ты родная-то бабонька...» — I, 2, 62.
«Ты слетай-ка, мила сестра, в город...» — I, 2, 60.
«**У**ж вы гости приезжие...» — I, 2, 101.
«Уж вы, девушки, дайте совет...» — III, 12.
«Уж вы сени мои, да сени новые...» — III, 7.
«Уж вы сени, мои сени...» — III, 13.
«Ужвысени мои, сениновые...» — III, 23.
«Уж друженька, ты хорошенький...» — I, 2, 143.
«Уж мы встанемте, девушки, в ряд...» — I, 2, 134.
«Уж мы встанемте, девушки, в ряд...» — I, 2, 136.
«Уж мы, девушки, встанемте в ряд...» — I, 2, 135.
«Уж ты батюшка Егорий...» — I, 1, 204.
«Уж ты батюшка Егорий...» — I, 2, 161.
«Уж ты девица-девица...» — I, 2, 147.
«Уж ты здравствуй-ка, свахонька...» — I, 2, 150.
«Уж ты здравствуй ли, молодой...» — I, 2, 139.
«Уж ты сад ли, мой сад...» — III, 68.
«Уж я сеяла, сеяла ленок...» — III, 48.
«У кого седая борода...» — I, 2, 104.
«У кого шелкова рубашка...» — I, 2, 38.
«Уродилася я...» — IV, 42.
«У рояля сидела и пела...» — IV, 34.
Фаина Алексеевна...» — I, 2, 108.
Хлеб да соль...» — I, 2, 99.
«Хозяин с хозяйюшкой...» — I, 1, 198.
«Хозяин с хозяйюшкой...» — I, 2, 101.
«Хозяин с хозяйюшкой...» — I, 2, 110.
«Хозяин с хозяйюшкой...» — I, 2, 175.
«Хозяйюшка с хозяйюшкой...» — I, 1, 132.
Час да по часу день проходит...» — III, 69.
«Черти лесные, болотные...» — I, 1, 17.
«Чтоб телочка не растелилась...» — I, 1, 204.
«Что и дружка у нас Николай Иванович...» — I, 2, 140.
«Что нет кормильца-тятеньки...» — I, 2, 63.
«Что не сам ли высок терем...» — I, 2, 34.

«Что не снежки ли белые...» — I, 2, 65.

«Что ты долго не выходишь...» — I, 1, 168.

«Что ты долго не выходишь...» — I, 1, 169.

«Что у нас в саду...» — III, 39.

«Чудный месяц плывет над рекою...» — IV, 14.

«Шел мой миленький дорожкой...» — III, 78.

«Шил, мухи, вон...» — I, 1, 248.

«Шумел камыш...» — I, 1, 253.

«Шумел камыш, деревья гнулись...» — IV, 10.

«Эй ты, бабушка Настасья...» — I, 2, 167.

«Экое сердце бедное мое, вот мое...» — III, 65.

«Это было дело летом, не зимою...» — IV, 12.

«Эх, дедушка, ухнем...» — I, 2, 167.

«Эх, дубинушка, ухнем...» — I, 2, 164.

«Я встретил розу...» — IV, 56.

«Я гадаю и загадываю...» — I, 1, 13.

«Я ко саду, ко саду...» — III, 28.

«Я по горочке спускался...» — III, 20.

«Я пойду, да пойду на чужую сторону...» — I, 1, 107.

«Я полю, полю белый снег...» — I, 1, 24.

«Я полю, полю белый снег...» — I, 1, 27.

«Я пошла, на тебя рассердилась...» — I, 2, 38.

«Я приложила сырой земле...» — I, 2а, 2.

«Я с горюшечки спускался...» — III, 9.

«Я с горюшечки спускался...» — III, 18.

«Я с горюшечки спускался...» — III, 37.

«Я сегодня угорела, не могу...» — III, 21.

«Я у мамоньки малешенок родился...» — III, 61.

«Я чахоткою страдаю...» — IV, 30.

УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ЗАПИСИ И ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

I. ТРАДИЦИОННЫЕ ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

КАЛЕНДАРНЫЕ ОБРЯДЫ

д. Белово

Воронина Мария Ивановна, 1935 г. р.,
Ушакова Валентина Васильевна, 1937 г. р. —
168

Глухарева Нина Федоровна, 90 лет —
30, 36

Сизова Анна Алексеевна, 1914 г. р. —
25, 130, 180, 218

с. Введенское

Федорова Елизавета Павловна, 1919 г. р. —
23, 68, 200

пос. Ворваж

Порядоная Елизавета Михайловна,
1909 г. р. — 6, 17, 49, 77, 127, 158, 159,
172, 179, 205, 228, 242

с. Георгий

Зарубина Полина Ивановна, 1920 г. р. —
135, 192

Зарубина Полина Ивановна, 1920 г. р.,
Казакова Анна Николаевна, 1918 г. р.,
Салий Лидия Павловна, 1941 г. р., Фоми-
нова Екатерина Дмитриевна, 1923 г. р. —
195

Степанова Анна Дмитриевна, 1917 г. р. —
9, 183

Шумова Раиса Ильинична, 1913 г. р. —
106

д. Гришинское

Крюков Александр Николаевич, 63
года — 111

Пономарева Мария Дмитриевна, 84
года — 24, 45, 61, 74, 80, 142, 170, 178

д. Дорофейцево

Бровина Татьяна Дмитриевна,
1912 г. р. — 64, 84

д. Евсяково

Власова Елизавета Николаевна,
1914 г. р. — 14, 56, 70, 72, 73, 88, 105, 113,
138, 139, 185, 215, 229, 235

Затбинова Антонина Александровна,
1916 г. р. — 29, 55, 145, 258

с. Ефимовское

Объедкина Марфа Ефимовна, 1927 г. р. —
65, 85, 186, 216

д. Засухино

Кузьмина Анна Михайловна, 1917 г. р. —
165, 166, 169

д. Зимёнки

Носова Аполлинария Ивановна, 1915 г. р. —
8, 35, 62, 107

д. Климовское

Крутилова Анна Васильевна, 1921 г. р. —
7, 66, 112, 129, 211

с. Коровье

Артемьева Евдокия Николаевна, 64
года, Савиновская Екатерина Михайлов-
на, 65 лет, Смирнова Александра Григо-
рьевна, 1935 г. р., Магазишников Анна
Сергеевна, 1916 г. р., Чистякова Евдокия
Ивановна, 1908 г. р., Седунова Елизавета
Михайловна, 70 лет — 206

Чистякова Евдокия Ивановна,
1908 г. р. — 219

д. Красная Нива

Гусева Любовь Васильевна, 42 года —
116, 120, 182

д. Куливёртово

Уткина Мария Евтихievна, 1910 г. р. —
16, 63, 147, 173

д. Луковцыно

Никитина Ольга Сергеевна, 1917 г. р. —
124, 163

Разгуляева Анна Сергеевна, 1918 г. р. — 137

Яковлева Антонина Викторовна, 1937 г. р. — 123, 175, 193, 202

с. Ножкино

Михайловская Елизавета Сергеевна, 1908 г. р. — 249

Невзорова Прасковья Николаевна, 1907 г. р. — 13

д. Петровское

Кроликова Анна Алексеевна, 1901 г. р. — 198

д. Полтораново

Носова Прасковья Павловна, 1916 г. р. — 236, 237, 243

д. Пóнежское

Александрова Екатерина Александровна, 1910 г. р. — 21, 47, 53, 96, 132, 161, 238, 255

Лебедева Анна Александровна, 1912 г. р. — 121, 162, 171, 191, 227, 251

д. Савватово

Колпаков Александр Тимофеевич, 1913 г. р. — 3, 231

Соловьев Александр Иванович, 1908 г. р. — 232

с. Серапиха

Кудрявцева Евдокия Николаевна, 81 год — 38, 140, 164, 199, 221, 246, 248

д. Слуда

Лалаева Зинаида Ивановна, 1926 г. р. — 197

с. Судай

Александрова Вера Александровна, 1922 г. р. — 115

Бороздина Мария Павловна, 1921 г. р. — 11

Горюнова Анна Сергеевна, 1903 г. р. — 133, 134, 190, 204, 207, 241

Ельцова Ульяна Ивановна, 1908 г. р. — 86, 94, 152, 174, 250

Иличева Юлия Николаевна, 1926 г. р. — 34

Каллистова Вера Николаевна, 62 года — 254

Корнаухов Алексей Константинович, 33 года — 67, 89

Кротов Алексей Иванович, 65 лет — 98, 99, 100, 101, 102

Кудрявцева Александра Александровна, 1902 г. р. — 223

Кулигина Анна Николаевна, 1910 г. р. — 76, 233, 253

Кулижкина Елизавета Николаевна, 1902 г. р. — 4, 19, 27, 110, 117, 177, 187, 240

Лазарева Елена Николаевна, 1931 г. р. — 39, 81, 93, 97, 257

Медведева Варвара Арсентьевна, 1911 г. р. — 48, 58, 126, 146, 151, 154, 214, 225, 234, 239

Меньшакова Зоя Константиновна, 37 лет — 31, 41, 42, 54, 57, 71, 79, 90

Метелькова Валентина Павловна, 1933 г. р. — 148, 196, 217

Мигалинская Анастасия Николаевна, 1913 г. р. — 20, 50, 119, 189

Михайлова Александра Ивановна, 1904 г. р. — 109, 118

Молчанова Анна Ивановна, 1903 г. р. — 22, 28, 44, 46, 78, 87, 114, 141, 149, 153, 156, 160, 184, 208, 244

Никитина Александра Дмитриевна, 64 года — 10, 95, 125, 203, 210

Рыжова Евдокия Ивановна, 83 года — 51

Сергушева Валентина Анатольевна, 1941 г. р. — 181

Скорикова Нина Николаевна, 1933 г. р. — 18

Соколов Андрей Дмитриевич, 1908 г. р. — 252

Успенская Мария Ивановна, 68 лет — 194

Фадеева Мария Ивановна, 1921 г. р. — 155, 209

Филиппова Полина Васильевна, 1930 г. р. — 1, 43, 60, 83, 91, 92, 103, 122, 128, 144, 150, 157, 176, 212, 222, 230, 247, 256

д. Федьково

Тихомирова Мария Федоровна, 76 лет — 136, 245

д. Филимоново

Крылова Александра Александровна, 1920 г. р. — 108

с. Чертово

Меркулова Анна Николаевна,
1936 г. р. — 5, 104

Смирнова Екатерина Александровна,
1913 г. р. — 26, 201, 213

Смирнова Мария Михайловна,
1921 г. р. — 2

Тихомиров Алексей Сергеевич,
1927 г. р. — 40, 224

Травина Екатерина Васильевна,
1904 г. р. — 15, 75, 82, 143, 226

г. Чухлома

Васильева Елизавета Ивановна, 70
лет — 33, 167, 188, 220

Журавлев Николай Павлович, средних
лет, родом из Буйского р-на — 131

Июдина Капитолина Анатольев-
на, 1936 г. р., Силина Зоя Николаевна,
1929 г. р. — 12

Куранова Надежда Зосимовна,
1946 г. р. — 32, 37

Силина Зоя Николаевна, 1929 г. р. —
52

Смирнова Антонина Павловна,
1938 г. р. — 69

Харитоновна Татьяна Николаевна,
1921 г. р. — 59

СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

СВЕДЕНИЯ О РОДИЛЬНОМ И КРЕСТИЛЬНОМ ОБРЯДАХ

д. Евсяково

Власова Елизавета Николаевна,
1914 г. р. — 2

с. Судай

Кулижкина Елизавета Николаевна,
1902 г. р. — 3

Молчанова Анна Ивановна, 1903 г. р. — 1

ЧУХЛОМСКАЯ СВАДЬБА

д. Белово

Сизова Анна Алексеевна, 1914 г. р. —
32

с. Введенское

Антонова Валентина Михайловна,
1936 г. р. — 67

Платонова Наталья Дормидоновна,
1906 г. р. — 74, 79

Фёдорова Елизавета Павловна,
1919 г. р. — 148

пос. Вёрваж

Порядочная Елизавета Михайловна,
1909 г. р. — 6, 11, 15, 28, 30, 33, 43, 65, 81,
99, 133, 136, 157, 160, 175, 180, 182

с. Георгий

Зарубина Полина Ивановна, 1920 г. р. —
9, 13, 29, 54, 70, 77, 91, 98, 105, 142, 176

Зарубина Полина Ивановна, 1920 г. р.,
Казакова Анна Николаевна, 1918 г. р.,
Орлова Екатерина Александровна, 1918 г. р.,
Салий Лидия Павловна, 1941 г. р.,
Фоминова Екатерина Дмитриевна,
1923 г. р. — 108

Казакова Анна Николаевна, 76 лет —
16, 90, 95, 106, 122, 168, 177

Орлова Екатерина Александровна,
1918 г. р. — 135

Салий Лидия Павловна, 1941 г. р. —
174

Шарова Екатерина Михайловна,
1941 г. р. — 111, 124

д. Гришинское

Пономарёва Мария Дмитриевна, 84
года — 158, 170

д. Евсяково

Власова Елизавета Николаевна,
1914 г. р. — 7, 128

д. Заполье

Волкова Екатерина Васильевна,
1898 г. р. — 45, 56, 75, 78, 116, 121, 139,
144, 150, 172

д. Засухино

Кузьмина Анна Михайловна,
1917 г. р. — 100

д. Красная Нива

Гусева Любовь Васильевна, 42 года —
68, 101, 178

Киселёва Наталья Борисовна, 22
года — 102

д. Куливёртово

Уткина Мария Евтихиевна, 1910 г. р. — 88, 113, 127

Чупина Мария Михайловна, 1911 г. р. — 83

д. Луковцыно

Никитина Ольга Сергеевна, 1917 г. р. — 40, 112, 119, 126, 140, 147, 155

с. Ножкино

Крылова Анастасия Павловна, 1911 г. р. — 86, 120, 134, 141, 149, 153, 154

д. Палкино

Метелькова Валентина Павловна, 1933 г. р. — 129, 162, 179

д. Петровское

Колобкова Валентина Михайловна, 1923 г. р. — 69, 110

д. Пóнежское

Лебедева Анна Александровна, 1912 г. р. — 17, 24, 47, 58, 60, 94, 166, 171, 173, 183

д. Савватово

Колпаков Александр Тимофеевич, 1913 г. р. — 57, 71, 97, 104, 131, 167

Степанова Варвара Ивановна, 1928 г. р. — 115, 123

д. Савино́

Прокофьева Аграфена Николаевна, 1903 г. р. — 89, 114, 125

Смирнова Мария Алексеевна, 1919 г. р. — 14, 23, 41, 107

с. Сера́пиха

Смирнова Александра Вячеславовна, 78 лет — 34, 59, 62

с. Судай

Александрова Вера Александровна, 1922 г. р. — 12, 22

Бороздина Мария Павловна, 1921 г. р. — 50, 146

Горюнова Анна Сергеевна, 1903 г. р. — 53, 118

Ельцова Ульяна Ивановна, 1908 г. р. — 10, 18, 26, 37, 42, 80, 92, 117, 137, 145, 159

Медведева Варвара Арсентьевна, 1911 г. р. — 82

Мигалинская Антонина Николаевна, 1913 г. р. — 48, 76

Молчанова Анна Ивановна, 1903 г. р. — 1, 19, 27, 38, 52, 66, 87, 96, 143, 156, 161, 181

Скорикова Нина Николаевна, 1933 г. р. — 164, 169

Фадеева Мария Ивановна, 1921 г. р. — 49, 84, 103

Филиппова Полина Васильевна, 1930 г. р. — 72

с. Федьково

Арстова Мария Александровна, 82 года — 61, 63, 64, 152

Смирнова Зоя Васильевна, 86 лет — 51, 55, 138, 151

д. Филимоново

Крылова Александра Александровна, 1920 г. р. — 8, 20, 21, 36, 85, 93, 163

с. Черто́во

Смирнова Мария Михайловна, 1921 г. р. — 4, 25, 39, 73, 132

Тихомиров Алексей Сергеевич, 1927 г. р. — 5, 130, 165

г. Чухлома

Васильева Елизавета Ивановна, 70 лет — 109

Июдина Капитолина Анатольевна, 58 лет — 46

Ковалёва Зинаида Николаевна, 1915 г. р. — 3

Козлова Мария Михайловна, 1913 г. р. — 31, 35

Силина Зоя Николаевна, 1929 г. р. — 2

Харитоновна Татьяна Николаевна, 1921 г. р. — 44

ПОХОРОННЫЙ ОБРЯД

д. Евсяково

Власова Елизавета Николаевна, 1914 г. р. — 4

с. Коровье

Артемьева Евдокия Николаевна, 64 года, Савиновская Екатерина Михайловна, 65 лет, Смирнова Александра Григорьевна, 1935 г. р., Магазинникова Анна Сергеевна, 1916 г. р., Чистякова Евдокия Ивановна, 1908 г. р., Седунова Елизавета Михайловна, 70 лет — 1

с. Ножкино

Крылова Анастасия Павловна, 1911 г. р. — 5

с. Судай

Молчанова Анна Ивановна, 1903 г. р. — 2

Смирнова Надежда Васильевна, 1928 г. р., Филиппова Полина Васильевна, 1930 г. р. — 3, 6

II. ЗАГОВОРЫ, ОБЕРЕГИ, МОЛИТВЫ И МАГИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ**с. Георгий**

Зарубина Полина Ивановна, 1920 г. р. — 39

д. Евсяково

Власова Елизавета Николаевна, 1914 г. р. — 16, 17, 18

Затбинова Антонина Александровна, 1916 г. р. — 1, 2, 3, 5, 14, 15, 23, 25, 29, 38, 41

д. Пóнежское

Александрова Екатерина Александровна, 1910 г. р. — 30, 34, 37

Лебедева Анна Александровна, 1912 г. р. — 10, 24, 27, 31, 33

с. Судай

Ельцова Ульяна Ивановна, 1908 г. р. — 44

Кулижкина Елизавета Николаевна, 1902 г. р. — 21

Лазарева Елена Николаевна, 1931 г. р. — 6, 7, 8, 12, 13, 22, 28, 32, 35

Михайлова Александра Ивановна, 1904 г. р. — 43

Рыжова Евдокия Ивановна, 83 года — 9, 19, 26

Филиппова Полина Васильевна, 1930 г. р. — 4, 11, 20

д. Федьково

Смирнова Зоя Васильевна, 87 лет — 36

Соловьева Галина Николаевна, 39 лет — 42

с. Черто́во

Анисимов Анатолий Александрович, 1933 г. р. — 40

III. ТРАДИЦИОННЫЕ ПЕСНИ**д. Борисово**

Тихомирова Мария Федоровна, 76 лет — 20, 21, 23

с. Введенское

Платонова Наталья Дормидоновна, 1906 г. р. — 51, 64 (вариант в постраничной сноске), 76 (вариант в постраничной сноске)

с. Георгий

Зарубина Полина Ивановна, 1920 г. р., Казакова Анна Николаевна, 1918 г. р., Салий Лидия Павловна, 1941 г. р., Фомина Екатерина Дмитриевна, 1923 г. р. — 69

д. Григорьевское

Балахонская Анна Сергеевна, 1922 г. р. — 34

д. Гришинское

Пономарева Мария Дмитриевна, 84 года — 41, 55

Шумилова Ольга Дмитриевна, 84 года — 71

д. Заполье

Волкова Екатерина Васильевна, 1898 г. р. — 3, 74

с. Коровье

Артемьева Евдокия Николаевна, 64 года, Савиновская Екатерина Михайловна, 65 лет, Смирнова Александра Григорьевна, 1935 г. р., Магазинникова Анна Сергеевна, 1916 г. р., Чистякова Евдокия Ивановна, 1908 г. р., Боброва Лидия Николаевна, 71 год, Седунова Елизавета Михайловна, 70 лет — 43

д. Куливёртово

Уткина Мария Евтихиевна, 1910 г. р. — 76

с. Ножкино

Галичина Тамара Васильевна, 1930 г. р. — 37

Крылова Анастасия Павловна, 1911 г. р. — 61, 73, 76 (вариант в постраничной сноске)

Соколов Михаил Александрович, 1926 г. р. — 45, 47

Соколова Елизавета Александровна, 1926 г. р. — 59

Сувалова Анна Федоровна, 1914 г. р. — 35, 36

Сучкова Клавдия Михайловна, 1931 г. р. — 32, 33

д. Повалихино

Петушкова Аида Ивановна, 1938 г. р. — 42, 50, 53, 54, 56

д. Полтораново

Носова Прасковья Павловна, 1916 г. р. — 65

с. Серапиха

Дружинин Владимир Николаевич, 36 лет — 44

Разгуляева Вера Николаевна, 84 года — 5

с. Судай

Ельцова Ульяна Ивановна, 1908 г. р. — 72

Медведева Варвара Арсентьевна, 1911 г. р. — 2

Мигалинская Анастасия Николаевна, 1913 г. р. — 1, 67, 75, 78

Молчанова Анна Ивановна, 1903 г. р. — 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 38, 39, 60

Неизвестная исполнительница — 70
Пели в сельском храме Воскресения — 4

Скорикова Нина Николаевна, 1933 г. р. — 22, 24, 49

Соколов Андрей Дмитриевич, 1908 г. р. — 77

Успенская Мария Ивановна, 68 лет — 73 (вариант в постраничной сноске)

Успенская Мария Ивановна, 68 лет, Евстигнеева Антонина Ивановна, 66 лет — 68

Фадеева Мария Ивановна, 1921 г. р. — 48, 57

с. Федьково

Арстова Мария Александровна, 82 года — 75 (вариант в постраничной сноске)

Арстова Мария Александровна, 82 года, Тихомирова Анна Ивановна, 79 лет — 7, 8, 9, 10, 11, 12, 40, 58, 63, 66

Арстова Мария Александровна, 82 года, Тихомирова Анна Ивановна, 79 лет, Андреева Анастасия Михайловна, 77 лет, Ефимова Мария Павловна — 62

Тихомирова Анна Ивановна, 79 лет — 64

г. Чухлома

Бахвалов Валентин Николаевич, 1927 г. р. — 6

Июдина Капитолина Анатольевна, 58 лет — 46

Сафонова Клавдия Александровна (умерла около 1990 г., скопировано с ее самозаписи) — 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 52

IV. ГОРОДСКИЕ ПЕСНИ, НОВЫЕ БАЛЛАДЫ, РОМАНСЫ

д. Белово

Королёва Антонина Ивановна, 66 лет — 39, 50, 55

Сизова Анна Алексеевна, 1914 г. р. — 58

с. Георгий

Зарубина Полина Ивановна, 1920 г. р., Казакова Анна Николаевна, 1918 г. р., Салий Лидия Павловна, 1941 г. р., Фомина Екатерина Дмитриевна, 1923 г. р. — 1, 64, 71

Казакова Анна Николаевна, 1918 г. р. — 34

д. Гришинское

Пономарева Мария Дмитриевна, 84 года, Шумилова Ольга Дмитриевна, 84 года — 3, 25, 36

д. Дубровка

Иванова Павла Ивановна, 80 лет — 63

д. Заполье

Волкова Екатерина Васильевна,
1898 г. р. — 19, 33, 60, 74

д. Климовское

Филиппова Галина Афанасьевна, 70
лет — 35, 45

с. Коровье

Артемьева Евдокия Николаевна, 64
года — 48

Артемьева Евдокия Николаевна, 64
года, Савиновская Екатерина Михайлов-
на, 65 лет, Смирнова Александра Григо-
рьевна, 1935 г. р., Магазинникова Анна
Сергеевна, 1916 г. р. — 49

Чистякова Евдокия Ивановна, 1908 г. р.,
Боброва Лидия Николаевна, 71 год, Седу-
нова Елизавета Михайловна, 70 лет — 40

д. Красная Нива

Королёва Ираида Васильевна, 65 лет —
61, 69

Королёва Ираида Васильевна, 65 лет,
Гусева Любовь Васильевна, 42 года — 76

Кострова Елизавета Алексеевна, 68
лет, Лалаева Зинаида Ивановна, 1926 г. р.
(живет в соседней д. Слуда) — 46

д. Куливёртово

Уткина Мария Евтихьевна, 1910 г. р. —
11, 32

с. Ножкино

Галичина Тамара Васильевна, 1930 г. р. —
75

д. Петровское

Колобкова Валентина Михайловна,
1923 г. р. — 5, 10

д. Повалихино

Петушкова Аида Ивановна, 1938 г. р. —
51, 52

д. Полтораново

Носова Прасковья Павловна,
1916 г. р. — 22, 30

д. Савино

Лифантьева Мария Акимовна, 64
года — 68

Смирнова Мария Алексеевна,
1919 г. р. — 37

д. Село

Ермолина Юлия Арсентьевна, 73
года — 13

Ермолина Юлия Арсентьевна, 73 года,
Ординарцева Прасковья Ивановна — 14

с. Судай

Медведева Варвара Арсентьевна,
1911 г. р. — 8, 9, 29, 41

Мигалинская Анастасия Николаевна,
1913 г. р. — 4, 6, 7, 15, 24, 27, 38

Михайлова Александра Ивановна,
1904 г. р. — 18, 42, 78

Неизвестная исполнительница — 2,
12, 31, 65, 66

Соколов Андрей Дмитриевич,
1908 г. р. — 70

Успенская Мария Ивановна, 68 лет —
44, 72

Успенская Мария Ивановна, 68 лет,
Евстигнеева Антонина Ивановна, 66 лет —
20

с. Федьково

Арстова Мария Александровна, 82
года — 28

Арстова Мария Александровна, 82 года,
Тихомирова Анна Ивановна, 79 лет —
16

Смирнова Анастасия Ивановна, 67 лет —
43

с. Чертово

Привалова Анна Васильевна, 70 лет —
23

Смирнова Мария Михайловна,
1921 г. р. — 21, 62

Тихомиров Алексей Сергеевич,
1927 г. р. — 26, 67

г. Чухлома

Бронислава Артемьевна, 69 лет — 54
Июдина Капитолина Анатольев-
на, 1936 г. р., Силина Зоя Николаевна,
1929 г. р. — 56, 57

Козлова Мария Михайловна, 1913 г. р. — 47, 73, 77

Полысаева Надежда Николаевна, 77 лет, Харитоновна Татьяна Николаевна, 1921 г. р. — 17, 53, 59

Сафонова Клавдия Александровна (умерла около 1990 г., копия с ее самозаписи) — 46 (вариант в постраничных сносках)

V. ЧАСТУШКИ

1—446. Скопировано в г. Чухломе с записной книжки (предоставленной Зинаидой Николаевной Ковалевой), которую с начала первых лет XX века вела Александра Ивановна Харитоновна (первая помета — 1905 г.).

447—553. Скопировано в г. Чухломе с тетради Татьяны Павловны Лебедевой (записи 1935 г.), предоставленной Зинаидой Николаевной Ковалевой.

554—682. Современные частушки, записанные 26 января — 6 февраля 1994 г.

МЕСТА ЗАПИСИ И ИСПОЛНИТЕЛИ СОВРЕМЕННЫХ ЧАСТУШЕК

с. Ножкино

Соколова Елизавета Александровна, 1926 г. р., Яковлева Мелетина Владимировна, 1925 г. р. — 608

д. Повалихино

Петушкова Аида Ивановна, 1938 г. р. — 557, 559—562, 566, 567, 569, 570, 572, 573, 578, 580, 581, 583, 585, 586, 589, 590, 592, 593, 595, 598—603, 607, 610—614, 618, 625—629, 633—640, 642—646, 648, 651—654, 662—666, 668, 669, 671, 673, 674, 676, 679

с. Серапи́ха

Дружинин Владимир Николаевич, 36 лет — 576, 587, 624, 657, 672, 681

с. Судай

Васильева Надежда Ивановна, 43 года — 554, 564, 605, 617, 680, 682

г. Чухлома

Андреева Анастасия Михайловна, 72 года — 558, 563, 574, 577, 588, 591, 609, 632, 647, 649, 650, 655, 667, 670, 677, 678

Артемьева Евдокия Николаевна, 64 года, Савиновская Екатерина Михайловна, 65 лет — 656

Июдина Капитолина Анатольевна, 58 лет — 568

Мартьянова Антонина Васильевна, 55 лет — 584, 641

Молодёнов Дима, 7 лет — 582

Полысаева Надежда Николаевна, 77 лет, Харитоновна Татьяна Николаевна, 1921 г. р. — 594, 615, 616, 619, 623, 630, 631, 659, 661

Смирнова Антонина Павловна, 55 лет — 555, 556, 565, 571, 575, 596, 597, 604, 606, 620—622, 658, 660, 675

Яшкевич Анастасия Павловна, 45 лет — 579

VI. ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Все тексты в разделе скопированы в г. Чухломе с тетради, составленной покойной Клавдией Александровной Сафоновой (умерла около 1990 г.).

VII. НАРОДНАЯ ПРОЗА

д. Гришинское

Пономарева Мария Дмитриевна, 84 года — 8, 35, 50, 51, 52, 53, 54

д. Дорофейцево

Бровина Татьяна Дмитриевна, 1912 г. р. — 9

д. Евсяково

Власова Елизавета Николаевна, 1914 г. р. — 31

Затбинова Антонина Александровна, 1916 г. р. — 1

д. Ефимовское

Объедкина Марфа Ефимовна, 1927 г. р. — 19, 27

д. Заполье

Волкова Екатерина Васильевна, 1898 г. р. — 17, 28, 29, 33, 36, 40, 41, 42

д. Климовское

Крутикова Анна Васильевна, 1921 г. р. — 48

д. Пóнежское

Александрова Екатерина Александровна, 1910 г. р. — 10, 32, 47

д. Савватово

Колпаков Александр Тимофеевич, 1913 г. р. — 16

с. Судай

Богатова Полина Павловна, 76 лет — 11, 43, 44, 49

Горюнова Анна Сергеевна, 1903 г. р. — 56

Климова Августа Алексеевна, 1926 г. р. — 46

Кравченко Владимир Васильевич, 1944 г. р. — 2

Кулигина Анна Николаевна, 1910 г. р. — 45

Кулижкина Елизавета Николаевна, 1902 г. р. — 18, 34, 38

Молчанова Анна Ивановна, 1903 г. р. — 4, 30

Скорикова Нина Николаевна, 1933 г. р. — 14, 15, 20, 23

Успенская Мария Ивановна, 68 лет — 37

Филиппова Полина Васильевна, 63 года — 24, 25, 26

Хуснулина Людмила Дмитриевна, 1951 г. р. — 5

Шульгин Олег Георгиевич, 1940 г. р. — 3

с. Черто́во

Смирнова Мария Михайловна, 1921 г. р. — 13, 21, 39

Тихомиров Алексей Сергеевич, 1927 г. р. — 6, 7, 12, 22, 55

VIII. ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР**д. Бúболино**

Хазов Андрей Измаилович, 34 года, Хиле Татьяна, 11 лет — 99

Хазова Елена Евгеньевна, 29 лет — 3, 20, 24, 33, 37, 39, 40, 70, 72, 82, 133

Хазова Елена Евгеньевна, 29 лет, Хиле Татьяна, 11 лет — 64

Хиле Татьяна, 11 лет — 73, 74, 75, 116

с. Введенское

Платонова Наталья Дормидоновна, 1906 г. р. — 11, 30, 34

с. Георгий

Зарубина Полина Ивановна, 1920 г. р. — 9, 12, 13, 14

Шумова Раиса Ильинична, 1913 г. р. — 6, 112

д. Гришинское

Пономарева Мария Дмитриевна, 84 года — 119

д. Евсяково

Власова Елизавета Николаевна, 1914 г. р. — 124

с. Коровье

Артемьева Евдокия Николаевна, 64 года — 10, 18

Седунова Елизавета Михайловна, 70 лет — 16

д. Луковцыно

Разгуляева Анна Сергеевна, 1918 г. р. — 121, 130

Яковлева Антонина Викторовна, 1937 г. р. — 127

с. Ножкино

Соколова Елизавета Александровна, 1926 г. р. — 110

Яковлева Мелетина Владимировна, 1925 г. р. — 28

д. Повалихино

Петушкова Аида Ивановна, 1938 г. р. — 122, 123, 125, 128, 129

д. Савватово

Соловьев Александр Иванович, 1908 г. р. — 105

с. Судай

Боровкова Елизавета Васильевна, 1907 г. р. — 25, 126, 132

Бубнов Федя, 9 лет — 87, 98, 102

Гельблинг Юра, 13 лет — 54, 55

Горюнова Анна Сергеевна, 1903 г. р. — 106

Кулигина Анна Николаевна, 1910 г. р. — 115

Лазарева Елена Николаевна, 1931 г. р. — 23, 26, 100

Медведева Варвара Арсентьевна, 1911 г. р. — 29, 32

Минаева Светлана, 18 лет — 83
 Молчанова Анна Ивановна, 1903 г. р. —
 19, 46, 48, 49, 51, 52, 53

Никифорова Мария Сергеевна, пенси-
 онерка — 17, 21, 31

Паневкин Саша, 12 лет — 93, 94, 95

Паневкин Саша, 12 лет, Попов Игорь,
 13 лет — 107, 108

Паневкина Лена, 9 лет — 56

Попов Игорь, 13 лет — 91, 101, 103

Соколов Андрей Дмитриевич, 1908 г. р. —
 120

Успенская Мария Ивановна, 68 лет — 7

Фомичева Мария Николаевна,
 1941 г. р. — 27

с. Черто́во

Анисимов Николай Владимирович,
 1918 г. р. — 113

г. Чухлома

Андреева Нина, 9 лет — 45

Ануфриева Татьяна Андреевна, 41 год —
 114

Васильева Елизавета Ивановна, 70
 лет — 4, 15, 35, 36, 57, 58, 59, 60, 61, 62,
 63, 65, 66, 67, 68, 69, 71, 79, 80, 81, 92, 96

Вершинина Наташа, 14 лет — 90

Виноградова Надя, 8 лет — 85

Дулягина Настя, 11 лет — 118

Козлова Юлия, 9 лет — 41

Ксенофонтова Елена Александровна,
 25 лет — 111

Лебедев Женя, 8 лет — 43, 88

Лебедева Лена, 13 лет — 131

Мартынова Антонина Васильевна,
 1938 г. р. — 1, 2, 5, 8, 22, 38, 50

Милованова Надя, 8 лет — 42, 44, 47

Михайлов Алеша, 9 лет — 84

Молоденок Дима, 7 лет — 117

Плюшкин Сережа, 7 лет — 86

Попова Юлия, 13 лет — 77, 78

Самодурова Женя, 7 лет — 97

Смирнова Марина, 13 лет — 76

Страхова Инна, 7 лет — 89

Судьин Саша, 12 лет, Цепенков Тоня,
 11 лет — 109

Федотов Алеша, 7 лет — 104

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ЦЕНТР РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

представляет серию изданий

«ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ РОССИИ»

(автор проекта — А. С. Каргин)

ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Фольклор Судогодского края: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов / сост. В. Е. Добровольская, И. А. Морозов, В. Г. Смолицкий (1999)

Традиционная культура Гороховецкого края. Т. 1: сборник фольклорных текстов с рисунками и фотографиями / сост. В. Е. Добровольская, А. С. Каргин (2004)

Традиционная культура Гороховецкого края. Т. 2: сборник текстов с нотами / сост. А. Н. Иванов, А. С. Каргин (2004)

Традиционная культура Муромского края. Т. 1: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов / сост. А. С. Каргин (2008)

Традиционная культура Муромского края. Т. 2: сборник текстов с нотами и схемами танцев / сост. А. С. Каргин (2008)

Традиционная культура Селивановского района Владимирской области: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов с нотами и фотографиями / сост. В. Е. Добровольская, А. С. Каргин (готовится к изданию)

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Традиционная культура Кемеровской области: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов с нотами, схемами и рисунками / сост. Т. А. Котлярова и др. (готовится к изданию)

КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

Чухломской фольклор. Т. 1: фольклорно-этнографические материалы / сост. В. А. Ковпик, А. В. Кулагина и др. (2012)

Чухломской фольклор. Т. 2: сборник текстов с нотами, описаниями образцов народной хореографии с рисунками и схемами / сост. Т. В. Кирюшина, А. И. Шилин (готовится к изданию)

Традиционная культура Верхнего Поветлужья: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов с нотами, схемами и рисунками / сост. В. А. Ковпик, Т. В. Кирюшина, А. И. Шилин и др. (готовится к изданию)

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Традиционная культура Орловщины. Т. 1: библиографический указатель / сост. Н. З. Шатохина, Л. П. Хоменкова, А. А. Горбачева, М. В. Игнатова и др. (2010)

Традиционная культура Орловщины. Т. 2: сборник текстов с нотами, описаниями образцов народной хореографии с рисунками и схемами / сост. С. Н. Чабан, Н. И. Заикин и др. (2012)

Традиционная культура Орловщины. Т. 3: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов / сост. М. В. Антонова, Н. В. Кургузова, М. В. Костромичёва и др. (готовится к изданию)

РЕСПУБЛИКА КОМИ

Традиционная культура Усть-Цильмы: сборник текстов с нотами и фотографиями / сост. Т. С. Канева, и др. (2008)

ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ

Фольклор Тверской земли: сборник фольклорно-этнографических материалов и текстов / сост. В. Е. Добровольская, М. В. Строганов (готовится к изданию)

Чухломской ФОЛЬКЛОР

том 1

Фольклорно-этнографические
материалы

*Обложка: Ильинская церковь (1815 г.), с. Великая Пустыня Чухломского р-на.
Фото И. Ю. Кондрашова*

Зав. отделом производства и реализации
книжно-журнальной продукции *И. Е. Посоха*
Редактор *Л. П. Платонова*
Дизайн и верстка *И. К. Дергунова, Т. В. Бурцева*
Ответственный за печать и подписку *Э. Р. Жукова*

Подписано в печать 17.12.2012. Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC.
Объем 27,5 печ. л. Тираж 300 экз. Заказ

ФГБУК «Государственный республиканский центр русского фольклора»
119034, Москва, Турчанинов пер., 6

Адрес в Интернете: **www.centrfolk.ru**
E-mail: **crf@inbox.ru**

Отпечатано в типографии ООО «Принт сервис групп»
125438, Москва, 2-й Лихачевский пер., д. 7